

РУССКИЕ СКАЗКИ ПИСАТЕЛЕЙ XIX И XX ВЕКОВ

РУССКИЕ СКАЗКИ
ПИСАТЕЛЕЙ
XIX И XX ВЕКОВ

Круг чтения:

Школьная программа

*Серия рекомендована
Главным управлением развития общего среднего образования
Министерства образования РФ*

*Награждена Золотой медалью Международной
ярмарки-олимпиады детской книги
(Москва 1995)*

А.С.Пушкин
В.А.Жуковский
Антоний Погорельский
Н.М.Языков
М.Ю.Лермонтов
С.Т.Аксаков
В.И.Даль
В.Ф.Одоевский
П.П.Ершов
К.Д.Ушинский
М.Л.Михайлов
И.С.Тургенев
М.Е.Салтыков-Щедрин
Н.С.Лесков
В.М.Гаршин
Н.Г.Гарин-Михайловский
Д.Н.Мамин-Сибиряк
Л.Н.Толстой
К.Д.Бальмонт
А.М.Ремизов
С.Г.Писахов
А.Н.Толстой
Б.Г.Шергин
А.П.Платонов

**РУССКИЕ
СКАЗКИ
ПИСАТЕЛЕЙ
XIX И XX
ВЕКОВ**

Москва
“ШКОЛА-ПРЕСС”
1995

ББК 84.3Р
Р 89

Составитель *Т. П. Казымова*
Иллюстрации *Т. И. Алексеевой*
Оформление *Е. В. Кожуховой*

Статья «Русская литературная сказка» написана кандидатом филологических наук *Е. А. Самоделовой*

Р 89 Русские сказки писателей XIX и XX вв. / Сост., прим. Т. П. Казымовой. Художник Т. И. Алексеева. Статья «Русская литературная сказка» Е. А. Самоделовой. — М.: Школа-Пресс, 1995. — 528 с. (Серия «Круг чтения: школьная программа») ISBN 5-88527-107-0

В книге представлены сказки русских писателей, изучаемых в средней школе: А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, Н. М. Языкова, М. Ю. Лермонтова, С. Т. Аксакова, А. Н. Толстого и других.

Знакомство со сказками В. Ф. Одоевского, М. Л. Михайлова, Н. С. Лескова, А. П. Платонова углубляет восприятие их творчества.

В сборник включены сказки И. С. Тургенева, «Фейные сказки» К. Д. Бальмонта, сказки-притчи о Николе А. М. Ремизова, «Сорочьи сказки», «Русалочьи сказки» А. Н. Толстого и другие, редко издаваемые и малоизвестные в школе.

Книга предназначена и для семейного чтения. Она адресована всем, кто неравнодушен к сказке, занимательному и яркому повествованию о людях и животных.

Р 4702010000 – 103
С79(03) – 93

© Составление Т. П. Казымовой, 1995
© Вступительная статья Е. А. Самоделовой
© Издательство «Школа-Пресс», 1995
© Иллюстрации Т. И. Алексеевой

Русская литературная сказка

В русской словесности литературная сказка возникла на основе народной в XVII веке. Термин «народная сказка» обозначает устное повествование фантастического, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел и с закрепленными стилевыми приемами, типом сюжета и композиции. Первые известные упоминания слова в таком значении содержатся в труде Лаврентия Зизания «Грамматика словенска» 1596 года — как синоним басни и байки, в русско-английском словаре-дневнике Ричарда Джемса за 1618—1619 годы: *skajki skaseka* = скажи сказка = *tell a tale*. В «Памяти» 1649 года Верхотурского воеводы Рафа Всеволожского приказчику Григорию Барыбину в царствование Алексея Михайловича (по другим сведениям — в самом указе царя) сказка поставлена в ряд ритуальных явлений народной жизни: «многие челоуецы неразумьем веруют в сон, и в встречу, и в полаз, и в птичей грай, и загадки загадывают и сказки сказывают небылые, и празднословием и смехотворением и кощунанием души свои губят»¹.

Первоначально сказкой называли достоверное устное или письменное показание либо свидетельство, имеющее юридическую силу. Отсюда пошли словосочетания: «ревизские сказки» — именные списки всего наличного мужского населения, «отобрать сказку» — снять показание. Фольклорный жанр в средневековой Руси определяли как *баснь* и *байка*, а сказочников именовали *бахарями* и *баянами*. Однако уже в печатных изданиях XVIII столетия встречаются веками отшлифованные формулы — «ни в сказке сказать, ни пером написать», «начинается сказка от Сивки от бурки» и др., что позволяет отнести возникновение жанрового обозначения к более раннему периоду².

Рассказывание сказок считалось на Руси проявлением

¹ Новиков Н. В. Русская сказка в ранних записях и публикациях // Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI—XVIII века). Л., 1971. С. 3; Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 34.

² См.: Новиков Н. В. Русская сказка в ранних записях и публикациях. С. 4.

язычества и порицалось церковной моралью. Проповедник XII века Кирилл Туровский упомянул о наказании на том свете грешников, которые «басни бают»¹. Тем не менее народные сказки были известны взрослым и детям. Они звучали в часы отдыха в охотничьей избушке, в домике рыбаков, в шалашах косарей, в очереди на мельницу, в крестьянской хате на полатях и печке-лежанке, у костров в ночном на пастбищах.

От мифа к сказке

По тематике различают три группы сказок: о животных, волшебные и бытовые. Время возникновения сказочного жанра некоторые ученые относят к неолиту² (новокаменному веку — 9-6 тыс. лет до н.э.). В период разложения первобытнородового общества и выделения из него патриархальной семьи разрушалась священная вера в древние мифы. Мифология стала восприниматься как художественный вымысел, а обряды и ритуалы послужили основой сказочных сюжетов и композиций.

Сказки о животных и волшебные выросли из тотемных мифов. *Тотем* — это первопродок племени, обладающий способностью к оборотничеству и выступающий то в человеческом, то в зверином обличье. По завершении сотворения мира тотемное существо (зверь, растение, камень) вступает в брак с человеком, что приводит человека к смерти. Тотема нельзя убивать, но раз в году во время обряда его «умножения» члены племени съедают мясо этого животного, приобщаясь таким способом к его могучей силе. В сказках тотем находит свое воплощение в образах волшебных помощников — «благодарных зверей» — и в образе чудесной жены (позднее — мужа), обучающей супруга разным хитростям или исполняющей поручения вместо него. Отголоски тотемизма сохранились в предметах, помогающих герою: таковы перо жар-птицы, волоски от хвоста коня. Ярким примером переосмысления тотемистических представлений является волшебная сказка «Царевна-лягушка». В ней героиня оборачивается лебедью или утицей и покидает супруга при стечении двух характерных обстоятельств: после акта мироустройства — ритуальной пляски с вос-

¹ См.: Пропп В. Я. Указ. соч. С. 33 — 34.

² См.: Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М., 1958. С.5.

созданием озера из остатков питья и лебедей из косточек и в результате нарушения мужем брачного «табу» — запрета сжигать лягушачью шкуру¹.

Прообразом других сказочных персонажей становится мифологический *культурный герой* — он рожден от брака человека с тотемным животным и потому обычно носит звериное имя и покровительствует людям. Ему приписывалось добывание света и огня, создание промысловых животных и культурных растений, обучение человека охотничьим приемам и земледелию. Он устраивает праздники и устанавливает единобрачие, различные обычаи и нормы поведения. Воплощением культурного героя часто были два брата-близнеца: один все делал умело и на следующем историческом этапе превратился в человеческом сознании в героя-творца, а другой неудачно ему подражал либо назло все портил и враждовал с ним и потому впоследствии стал восприниматься как плут и шут.

Источник сюжета многих волшебных сказок — обряд *инициации* (посвящения). Суть обряда такова: повзрослевшего мальчика мужчины забирали из женского и детского коллектива, поселяли на некоторое время в лесной избушке под руководством опытной женщины, обучали приемам ведения охоты, посвящали в сокровенные тайны племени — знакомили с мифами и ритуальными плясками. Кульминационным моментом было ритуальное «умерщвление» (мальчика поили дурманящим настоем из ядовитых трав и грибов, избивали, наносили раны, отрубали мизинцы и т. п.) и «возрождение» в новом статусе взрослого мужчины, полноправного члена племени.

Такая древняя этнографическая основа вызвала к жизни волшебносказочный сюжет, который в обобщенном виде выглядит как чудесное путешествие героя. На его пути происходят существенные для структуры сказки события: отлучка из дома, запрет и его нарушение, получение невыполнимых задач, обретение чудесных помощников, попадание в иной мир, победа в поединке с противником или в состязании равноправных участников, возвращение неузнанным и узнавание по особому знаку, свадьба и воцарение². Сказочная фантастика раз-

¹ См. Лупанова И. П. «Смеховой мир» русской волшебной сказки // Русский фольклор. Л., 1979. Т. 19. С. 80 — 82.

² См.: Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 18.

вилась на основе мифологического мировоззрения, согласно которому успех человека зависит от точности исполнения магических предписаний и потому герой пассивен, в отличие от активности его волшебных помощников¹.

Сказки о животных возникли на охотничьей стадии истории человечества. Рассказывали о животных сами охотники перед охотой и их домашние во время пребывания хозяина в лесу, чтобы задобрить лесных духов. Повествование могло сопровождаться ритуальным действием, когда ряженные в звериные шкуры и птичьи личины разыгрывали охотничьи сценки, желая обеспечить магическим путем удачную поимку животных и заодно обучить молодежь приемам охоты. Фигурки зверей — будущих сказочных персонажей — изображались на стенах пещер в Европе в период верхнего палеолита² (в конце древнекаменного века — 38 — 8,3 тыс. лет до н.э.).

Прежде почитаемые в культах звери теперь высмеиваются в сказках. Как правило, домашние животные побеждают лесных обитателей, что указывает на пору приручения диких зверей. Только в сказках о животных возможно поражение главного героя — это кара за нарушение норм морали: так, послушавшийся кота петушок съеден лисой; старика со старухой загрызает медведь на липовой ноге за то, что у него отрубили лапу, и т.д. Композиционной рамкой сказки является мотив странствий, сюжетный ход начинается со встречи двух персонажей или двух групп противников, которые вступают в соперничество, разрешаемое хитроумной проделкой. Эта сюжетная основа пришла из мифов о межродовой борьбе³. Сказкам о животных свойственна иносказательность: в повадках зверей угадывается поведение людей.

Бытовая сказка возникла на этапе развитого земледелия и распада родового строя. Идеализируемый мотив воровства восходит к представлениям о культурном герое, укравшем в ином мире первые предметы цивилизации и передавшем их людям. Яркая социальная

¹ Мелетинский Е. М. Указ. соч. С. 9 — 10, 14.

² См.: Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. М., 1987. С. 14.

³ Костюхин Е. А. Указ. соч. С. 44.

направленность бытовых сказок против власть имущих (богатеев и духовенства) обусловлена переходом от первобытного равенства людей при присваивающем хозяйствовании к частнособственническим отношениям, когда, с точки зрения неимущего, с помощью обмана и кражи восстанавливается попорченная справедливость. Положительными героями становятся социальные типы — мужик, солдат, батрак и даже царь. Зло воплощено не в фантастических существах, а в реальных противниках — барине, попе, судье, кулаке. Единственный сверхъестественный персонаж — черт — изображен как реальное лицо.

Вымысел в бытовой сказке основан на нарушении привычной логики: гиперболизация отрицательных качеств характера (например, непроходимая глупость или предельное упрямство) особенно заметна среди бытовых деталей. Сюжет выдержан часто в духе волшебных сказок, но герой активен, действует без волшебных помощников и конфликт разрешается в бытовом плане. События происходят порой самые необыкновенные, невозможные в повседневной жизни, и комический эффект основан на их несоответствии привычному бытовому фону: например, ситуация любовного треугольника разрешается тем, что злая жена ударом палки превращает мужа в черного кобеля, и он сам повествует об этом¹. Немыслимые, невообразимые происшествия, резко контрастирующие с обыденными патриархальными устоями и даже с культово-обрядовой практикой, создают пародию: поп въезжает в церковь на быке, изображая вход Христа в Иерусалим на ослиати; он же вместе с псаломщиком и дьяконом совершает похороны по христианскому обряду козла, якобы оставившего ему наследство.

Поэтика народной сказки

Из потока разговорной речи сказки выделяются особой поэтической стилистикой — витиеватым словесным орнаментом. Талантливый сказочник предваряет сообщение одной или нескольких сказок замысловатой рифмованной *присказкой* (своеобразное введение в

¹ См.: Пропп В. Я. Русская сказка. С. 246 — 251, 263 — 264.

волшебный сказочный мир, с указанием на время исполнения сказки, с легкой насмешкой над чудесным, но не связанное с конкретным сюжетом) — например, такой: «Было это на море, на окяне. На острове Кидане стоит древо — золотые маковки, по этому древу ходит кот Баюн: вверх идет — песню поет, а вниз идет — сказки сказывает. Вот бы было любопытно и занятно посмотреть! Это не сказка, а еще присказка идет, а сказка вся впереди. Будет эта сказка сказываться с утра да после обеда, поевши мягкого хлеба. Тут и сказку поведем...»¹ В этой присказке заметны древнейшие представления о Вселенной: плоская земля покоится на воде и соединена с небом при помощи «мирового древа». Подобный текст послужил источником пушкинских строк из вступления к сказочной поэме «Руслан и Людмила»:

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том... и т. д.

Одна сказка отграничивается от другой или вычленяется из обычной бытовой речи сказочника (при отсутствии присказки) с помощью *зачина*. В нем определяются герои, задается повествованию развлекательный тон: «Ай потешить вас сказочкой? А сказочка чудесная: есть в ней дела дивные, чуда чудные, а батрак Шабарша из плутов плут...»². Здесь же происходит знакомство со сказочной обстановкой: место действия находится за доступными пределами реального пространства, в неопределенном далеке — «За тридевять земель, в тридесятом царстве, не в нашем государстве...», «Бывало-живало — в некотором государстве..», «Не в каком царстве, не в каком государстве был-жил...», «В некотором селе, не далеко, не близко, не высоко, не низко — жил-был...»; время относится к отдаленному и явно вымышленному прошлому — «В стары годы, в старопрежни...», «В то давнее время, когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям

¹ Цит. по: Круглов Ю. Г. Русские народные сказки // Сказки. М., 1988. Кн. 1. (Б-ка русского фольклора). С. 23.

² Здесь и далее поэтические формулы цит. по: Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: В 3 т. М., 1957. №№ 151, 197, 157, 284, 296, 267, 130, 100, 193, 124, 301.

летали жареные куропатки, в то время жил-был царь по имени Горох...»

Концовка возвращает слушателей к действительности, идеализирует дальнейшую жизнь сказочных героев и порой создает видимость их существования в сегодняшние дни: «...стали жить-поживать, добра наживать», «...в добре поживать, лиха не зная», «...и теперь живут да хлеб жуют». Здесь же появляется образ сказочника, показана заведомо ложная его причастность к нереальному волшебному миру и дан намек или открытое требование вознаграждения за труд: «И я там был, мед-вино пил, по усам текло, во рту не было; подали белужины — остался не ужиавши», «Вот вам сказка, а мне бубликов вязка». Исследователь сказки В. Я. Пропп считал, что в древности рассказчику требовались разнообразные, порой шуточные формулы отказа от рассказываемого для того, чтобы обезопасить себя от возможных печальных последствий за сообщение священного и запретного, чем некогда являлось содержание мифа — предтечи сказки¹.

Многие сказочные приемы возникли в незапамятное время. Например, *утроение* эпизодов с нарастанием эмоционального напряжения и тройственность персонажей, царств и тому подобного подчеркивают многоплановость, интенсивность и длительность событий и свидетельствуют о поре создания сказок в период использования троичной системы счисления².

Сказочные формулы сохраняют в себе мировоззренческие элементы, передают устоявшиеся представления о красоте, пейзаже, продолжительности скитаний героя. Часть из них произошла от монологов-обращений, позже ставших заговорами, заклинаниями. Например: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!»³.

Сказочная стилистика на Руси формировалась в XIII веке, когда была еще жива память о возможности воздействия на человека и силы природы с помощью священного слова. Так в Псковской летописи под 1266 г. князь Довмонт обращается к псковичам со сказочной

¹ См.: Пропп В. Я. Русская сказка. С. 198.

² См.: Пропп В. Я. Русская сказка. С. 198 — 199.

³ Афанасьев А. Н. Указ. соч. № 564.

формулой: «Кто стар — той буди отец, а кто молод — той брат»¹.

Народная сказка передается из уст в уста. При знакомстве сказочника с новым произведением он старается запомнить сюжет, а имеющийся у него богатый набор стилистических формул — этих украшений речи — годится для любой сказки. Постоянного текста у сказки нет: каждый раз возникает новый вариант. В средневековой Руси никому и в голову не приходило тратить хрупкую бересту или дорогостоящий пергамен для известных с детства сказок. Закономерно, что первая дошедшая до нас запись русской народной сказки принадлежит итальянскому историку Павлу Иовию Новомоскому (1483 — 1552), осуществившему ее со слов Димитрия Герасимова — одного из участников посольства царя Василия Ивановича в Рим к папе Клименту VII в 1525 — 1526 годах. Балагур и весельчак, московский посол «при громком смехе присутствующих» выдавал за реальный случай сказочное происшествие, как «в недавнее время один поселянин, живший по соседству с ним, прыгнул сверху для отыскания меда в очень большое дуплистое дерево, и глубокая медовая пучина засосала его по грудь; два дня он питался одним только медом... когда он отчаялся в спасении, он по удивительной случайности был извлечен и выбрался оттуда благодеянием огромной медведицы, так как этот зверь случайно, подобно человеку, спустился туда поесть меда»². Это произведение представляет собой сочетание отдельных устойчивых элементов трех сказочных сюжетов и вошло в «Книгу о посольстве Василия Великого, государя Московского». Забавная история о бортничестве славян так понравилась итальянцам, что была использована в поэме Севастиана Фабиана Кленовича «Роксолания» в 1581 году.

---

¹ Баран Л. Г. Сказка волшебная, волшеббно-фантастическая, чудесная // Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993. С. 316 (цитата уточнена нами. — Е. С.).

² Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI — XVIII века) / Вступ. ст., подгот. текста и комментарии Н. В. Новикова. Л., 1971. С. 8.

От народной сказки к литературной

На Руси в XV — XVI веках существовали литературные жанры — «истории» и «повести», основанные на сказочных сюжетах, распространявшиеся в списках и в большинстве своем анонимные. В качестве примера оригинального русского книжного произведения на сказочный лад в XV веке можно привести «Повесть о Дмитриии Басарге и о сыне его Борзосмысле» (предшественниками будущих литературных сказок являлись и переводные повести, проникшие на Русь также в основном в XV в.). Краткое содержание произведения таково: буря занесла корабль с купцом вместо Царьграда в город «неверных» латинян Антиохию, где царь Несмеян требует отгадать три загадки, иначе купцу грозит смерть или переход в иную веру. Как и положено в сказках, царские загадки отгадывает не тот человек, которому они заданы, а заменяющий его «простак» — не по возрасту умный семилетний сын¹.

Более сложным образом применения сказочного материала как главного компонента литературного произведения оказывается «Повесть о муромском князе Петре и супруге его Февронии», изложенная в XVI веке протопопом московского дворцового собора Ермолаем. Она содержит элементы трех фольклорных жанров — сказки, предания и былички. Фабула произведения основана на двух сказочных сюжетах — о герое-змееборце и мудрой деве, разрешающей трудные задачи. К преданию легендарного характера восходит отнесенность событий к городу Мурому и к рязанской деревне Ласково, откуда родом Феврония и где исстари и по сей день можно услышать в устной передаче об этих волшебных происшествиях. Быличку представляет собой начальный эпизод: к жене князя Муромо-Рязанской земли Павла повадился летать змей, принимающий облик мужа (обычно этот мотив относится к горюющим вдовам). В 1547 году церковь причислила неизвестных по другим историческим документам князя с супругой к лику святых, и повесть была приспособлена к житиям: появились дополнительные эпизоды с церковной службой и христианскими чудесами.

¹ См.: Повесть о Дмитриии Басарге и о сыне его Борзосмысле/Исследование и подгот. текстов М. О. С к р и п е л я. Л., 1969.

В произведении много сказочных мотивов. Это пред-
решенность гибели змея — «Смерть моя есть от Петрова
плеча, от Агрикова меча». Это и иносказательная речь
крестьянки Февронии с тремя загадками: 1) о неразум-
ности «быти дому безо ушью и храму безо очию» (то
есть без лающей на чужих собаки и без предупреждаю-
щего о приходе посторонних отроке-слуге); 2) о родите-
лях, удалившихся «взаем плакати» (то есть причитать по
покойнику, как другие люди будут оплакивать их
смерть); 3) о брате, ушедшем «чрез ноги в нави зрети»
(то есть смотрящем вниз при залезании на дерево за
медом, чтобы не упасть и не стать мертвецом). Это и
требование Февронии взять ее в жены за излечение у
князя Петра язв, полученных от крови побежденного им
змея. Это и ответ мудрой девы загадкой-нелепицей на
нелепость: пусть князь из щепки от полена сделает ткац-
кий стан, тогда она выполнит его повеление — соткет
сорочку, портки и убрусец из одной пасмы льна. Это и
склонность Февронии к преобразованию одних предме-
тов в другие: оставшиеся от обеда крошки она превра-
щает в благовонный ладан и фимиам. Это и ее
дальновидная находчивость: в ответ на предложение бояр
взять любое богатство и покинуть город она выбирает
мужа. Это и принятие супругами смерти в один день —
25 июня по старому стилю. Число это отмечено в цер-
ковном календаре как день Петра и Февронии, но про-
низанная сказочными мотивами повесть оказалась
неподходящей канонам житийной литературы XVI века
и не была включена митрополитом Макарием в «Великие
Минеи Чети» — христианские чтения на каждый день
месяца¹.

Появление жанра литературной сказки связано с ос-
лаблением клерикального (церковного) характера рус-
ской культуры в XVII столетии и с петровскими
реформами, вызвавшими распространение грамотности
и развитие печатного дела. Русские переделки заимство-
ванных авантюрных романов и самобытные галантные
«гистории» порождали сказки, которые строились по
принципу нанизывания эпизодов, порой без причинно-
следственной связи, и потому не поддавались запоми-
нанию со слуха. На помощь пришел печатный станок.

¹ См.: Повесть о Петре и Февронии/Подгот. текстов и исследование
Р.П.Дмигрияевой. Л., 1979. С. 6 — 30.

В XVIII веке существовало уже три вида публикации сказок: 1) лубочная картинка — отдельный лист с выполненными в технике гравюры на дереве, камне или меди и раскрашенными от руки акварелью рисунками и подписями к ним; 2) «лицевой лубок» — многостраничные книжки с картинками; 3) «серые издания» — напечатанные на плохой бумаге целые книги без картинок. Значение слова «лубок» могло образоваться от просторечного названия гравировальных липовых досок («луб»), или от лубяных коробов для разноски товаров бродячими торговцами — офенями, или даже от росписи этих коробов, по яркости красок и манере исполнения узоров напоминавшей лубочные картинки¹.

Колоритное изображение захватывающей сценки из лубочной книги и ее выразительное заглавие вроде «Сказки о славном и сильном богатыре Бове-королевиче и о прекрасной супруге его Дружневне» служили ориентиром для малограмотного крестьянского читателя, который не владел навыком беглого чтения и не мог с первого взгляда оценить достоинство текста. Упомянутая сказка являлась переложением старофранцузского стихотворного рыцарского романа XIII века о Бово д'Антоне, распространившегося по всей Европе и не позднее середины XVI века попавшего на Русь². Сказка о Бове пользовалась такой огромной популярностью, что помимо печатного тиражирования переписывалась вручную. Об одном переписчике «Бовы» и подобных сказок сообщалось в журнале М. Чулкова «И то и се» за 1769 год: «По прекращении приказной службы кормит он голову свою переписыванием разных историй, которые продаются на рынке, как-то, например: Бову-королевича, Петра — золотых ключей, Еруслана Лазаревича... и сказывал он мне, что уже сорок раз переписал историю Бовы-королевича, ибо на оную бывает больше походу, чем на другие такие драматические сочинения»³.

По поводу лубочной литературы часто звучала ирония аристократов. В дневнике А. В. Храповицкого содер-

¹ Новиков Н. В. Русская сказка в ранних записях и публикациях. С. 21; Рейнблат А. И. Глуп ли «глупый милорд»? // Лубочная книга. М., 1990. С. 8 — 9.

² Рейнблат А. И. Указ. соч. С. 9.

³ Новиков Н. В. Русская сказка в ранних записях и публикациях. С. 18. Прим. 64.

жится запись за 1782 год о Екатерине II: «27 февраля. Взяли Бову-королевича. 28 февраля. Возвратили Бову-королевича за нелепость»¹, однако невнимание императрицы к этому произведению не мешало ей сочинять подобные же сказки. И уже у А. С. Пушкина в лицейский период, в 1814 году, созревает замысел создать богатырскую поэму «Бова» (предшественником его в этом деле был А. Н. Радищев); в 1816 году он запечатлел в стихотворении «Сон», как слышал от «мамушки» в детстве «о подвигах Бовы»; в 1822 году набросал план и в 1834 г. написал начало произведения, к которому больше не возвращался².

Во второй половине XVIII века возникло совершенно новое явление в книгопечатании для народа — сборники сказок. Их заглавия весьма причудливы и подчеркивают развлекательное предназначение книги: «Дедушкины прогулки» (СПб., 1786), «Лекарство от задумчивости и бессонницы, или настоящие русские сказки» (СПб., 1786), «Веселая старушка, забавница детей, рассказывающая старинные были и небылицы» (М., 1790 — перепечатка сборника 1787 г. с другим названием), «Старая погудка на новый лад, или полное собрание древних простонародных сказок» (М., 1795) и др. В сборники входили как самостоятельные авторские сказки (анонимные или принадлежащие перу составителя), так и литературные обработки фольклорных сказок и их пересказы. Заглавия произведениям давались в духе модных галантных вкусов городского населения, были длинны и громоздки и сильно отличались от крестьянских названий из двух-трех слов. Например, «Сказка о храбром и сильном кавалере Иване-царевиче и о прекрасной супругнице его Царь-девице» вместо краткого и емкого народного названия «Царь-девица». Для повествовательной манеры печатных сказок характерно тесное переплетение книжного стиля с народно-поэтическим, особенно в диалогах персонажей — вот образец: «Тогда девицы с великим удивлением его спросили: «Добрый кавалер! Как ты сюда зашел?» — «Я пришел сюда чрез калиновый мост, — отвечал им Иван-царевич, — и по ту сторону моста убил

¹ Там же. С. 21.

² См.: Зуева Т. В. Сказки А. С. Пушкина. М., 1989. С. 28 — 29.

змея о двенадцати головах» (сборник «Лекарство от задумчивости...»)¹.

Дословная запись от народных исполнителей в XVIII веке считалась недостойным и даже вредным занятием. Так, безымянный рецензент сборника В. Левшина «Русские сказки» в апрельском номере журнала «Санкт-Петербургский вестник» за 1781 год выдвигал требование публиковать только литературные сказки: «Из прибавленных писателем новых сказок некоторые, как-то: «О воре Тимохе», «Цыгане» и пр., с большею для себя книги выгодой могли бы быть оставлены для самых простых харчевень и питейных домов, ибо всякий замысловатый мужик без труда подобных десятков выдумать может, которые ежели все печати предавать, жаль будет бумаги, перьев, чернил и типографских литер, не упоминая о труде господ писателей»².

За литературной сказкой не стояло тысячелетней народной традиции, в ней почти не проглядывались древние мифологические истоки и обрядовые корни, отголоски смены различных исторических эпох, она не несла в себе вечные идеалы прекрасного, добра и справедливости, ограничиваясь господствующей в конкретный период моралью. Еще не было известно, выдержит ли она проверку временем и не окажется ли поделкой-однодневкой, забытой уже следующим поколением.

Если вдруг народную сказку рассказывал бездарный исполнитель, не владеющий поэтическим каноном жанра и мастерством импровизации, он все-таки верно передавал веками отшлифованный сюжет, занимательный своими перипетиями. Талантливый же сказочник чутко улавливал настроение слушателей и вовлекал их в таинственный мир необычайных происшествий. Выражением лица — лукавым или простоудшным, легкой усмешкой, отчаянной или плавной жестикуляцией подчеркивал он поведение героев в разных сказочных обстоятельствах. Размеренной или убыстренной речью, а то и скороговоркой оттенял важные события, отграничивая их от второстепенных. Громким голосом или шепотом, подделываясь под воображаемые голоса сказочных персонажей, передавал их диалоги. Делая ос-

¹ Русские сказки в ранних записях... С. 87.

² Новиков Н. В. Русская сказка в ранних записях и публикациях. С. 18.

тановки в повествовании, заставлял публику сосредоточить внимание и затаить дух в ожидании чудесного. У создателя же литературных сказок не имелось таких вспомогательных средств. В процессе творчества он оставался наедине с собой, и под рукой лежал только чистый лист белой бумаги. Писатель-сказочник мог рассчитывать лишь на собственную богатую фантазию и виртуозный слог. Правда, перед его мысленным взором часто маячил фольклорный образец.

Авторская сказка, в отличие от народной, всегда остается в русле литературного направления и несет на себе отсветы его идейно-эстетических установок, отражает особенности творческой манеры писателя и живет во взаимодействии с другими литературными жанрами. Вся художественная система литературной сказки как жанра претерпевает сильные изменения во времени. В период борьбы за национальное обновление светской культуры литературная сказка воплощает дух русской старины, в эпоху обращения передовой общественной мысли к судьбе современного крестьянства сказка осознается как отражение обычаев и нравов сельских жителей. Сентиментализм выдвигает на первый план чувствительный психологизм характеров и развлекательность литературной сказки, романтизм — ее героику, реализм — нравственные и социальные коллизии.

Когда писатель ставил свою фамилию под сочиненной им сказкой, она в дальнейшем перепечатывалась слово в слово, без изменений. И только в народной среде прочитанная сказка обретала новую жизнь в устной передаче: обрастала подробностями или сокращалась, срасталась с другими сюжетами, дополнялась традиционными поэтическими формулами и т. д. — словом, начинала существовать в вариантах. Но так происходило только с теми литературными сказками, которые отвечали народному представлению о сказке.

Для литературной сказки не подходит тематическая классификация, применимая к народной сказке. Зато интересно проследить пути создания произведений этого жанра на основе главного критерия — степени сохранности народносказочной основы.

Пересказ — наиболее близкая к народно-поэтической манере передача сюжета фольклорной сказки с отдельными авторскими привнесениями чужеродных стилистических элементов и с незначительным смеще-

нием акцентов в идейном звучании произведения (например, усиление назидательности).

Литературная обработка — преобладание авторской книжной речи над фольклорно-сказочной стилистикой с сохранением исконного сюжета, но с введением литературных приемов (психологизации героев, дифференциации их речи и др.).

Оба эти способа создания литературной сказки широко представлены уже в сборниках XVIII века.

Писательская сказка в духе народной появляется в первой половине XIX столетия. Это оригинальное творение в прозе или стихах либо в виде драмы, построенное в соответствии с законами фольклорно-сказочной поэтики. Сюжет может быть заимствован из народной русской или иностранной сказки либо из зарубежного литературного произведения, а также составлен из взятых отсюда отдельных мотивов.

Русские писатели-сказочники

А. С. Пушкин стремился извлечь народную сказку из курной крестьянской избы и людской в помещичьем доме и сделать ее достоянием образованной публики. Он намеревался приблизить сказку к «высокому жанру» поэмы, придав ей стихотворный склад. В ноябре 1824 года поэт писал брату Льву из села Михайловского Псковской губ. о восполнении с помощью народной сказки пробелов в лицейском образовании европейского уровня: «...вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!» Еще в детстве А. С. Пушкин слышал народные сказки от бабушки Марии Алексеевны Ганнибал, от дворового Никиты Козлова — своего будущего дядьки. Настоящей сказочницей оказалась няня — Арина Родионовна Матвеева (в девичестве Яковлева, 1758 — 1828), уроженка с. Суйды Петербургской губ., из семьи крепостных крестьян прадеда Пушкина Абрама Петровича Ганнибала. В дом родителей Пушкина она была взята в 1797 году в качестве няньки их первого ребенка Ольги. Получив через два года вольную, она осталась в семье до конца дней. По словам сестры поэта Ольги Сергеевны Павлицевой, Арина Родионовна «мастерски говорила сказки, знала народные поверья и сы-

пала пословицами, поговорками»¹. Сам А.С.Пушкин, находившийся под домашним арестом в Михайловском, в письме к Княжевичу в 1824 году с восторгом отзывался о талантливой сказочнице: «...вечером слушаю сказки моей няни... она — единственная моя подруга, и с нею только мне не скучно» Семь сказок записал поэт от Арины Родионовны, подчеркивая специфические детали и поэтические формулы, конспективно набрасывая знакомые сюжеты и обрывая их сокращением «и проч.».

Основываясь на распространенном на Псковщине сказочном сюжете о столкновении храброй девушки с разбойниками, А.С.Пушкин написал в 1825 году балладу «Жених», опубликованную в 1827 году с подзаголовком *простонародная сказка*. В ее основу положен фольклорный сюжет: к девушке сватаются разбойники, выдающие себя за порядочных людей; героиня одна отправляется в разбойничий дом в лесу узнать правду, прячется там под кроватью и подбирает отрубленный у невинной жертвы палец с кольцом, а по возвращении домой предъявляет его в качестве улики, рассказывая злодеям под видом сна об их собственных похождениях. Сюжет этот международный: в Германии братьями-филологами Якобом и Вильгельмом Гриммами была записана и в 1812 году опубликована народная сказка «Разбойник-жених».

В 1833 году Пушкин создал свою «Сказку о рыбаке и рыбке». Пушкинская сказка-поэма отличается в некоторых деталях от фольклорного источника (известна немецкая народная сказка на тот же сюжет): вместо камбалы (оказывающейся к тому же заколдованным принцем) исполнительницей желаний выступает золотая рыбка; старуха прежде всего требует корыто и уже потом — новый дом; наказана она возвращением к исходному положению за прихоть стать «владычицей морской» и иметь у себя «на посылках» золотую рыбку, в немецкой же сказке старуха притязает на звание Бога. Русская народная сказка не удовлетворяется подобным милосердным концом. В 1830-х годах В.И.Даль, друг и последний врач Пушкина, записал и подарил составителю сказочного собрания А.Н.Афанасьеву сказку «Жадная старуха». В ней повествуется о том, как бедный старик нашел в лесу волшебное дерево, которое сначала

¹ Цит. по: Зуева Т.В. Указ. соч. С. 13 — 14.

исполняет все возрастающие желания жены — сделаться супругой бурмистра, барина, полковника, генерала, царя, бога, но в конце концов разгневалось и превратило зарвавшуюся чету в медведей¹. Из бытовой сказки Пушкин заимствовал представление о неизбежности социального конфликта между представителями разных классов общества: старуха начинает обращаться с мужем как со своим подданным едва лишь оказывается на более высокой ступеньке иерархической лестницы.

Писатели-романтики видели в устном народном творчестве проявление национального характера русского народа и черпали оттуда вдохновение для своей возвышенной поэзии. Впервые в России мысль о необходимости записывать сказки из народных уст высказал в 1816 году **Василий Андреевич Жуковский** в письме к родным в г. Белев: «Не можете ли вы собирать для меня русские сказки и русские предания: это значит, заставлять себе рассказывать деревенских наших рассказчиков и записывать их рассказы. Не смейтесь. Это национальная поэзия, которая у нас пропадает, потому что никто не обращает на нее внимания: в сказках заключается народное мнение...»²

Осенью 1831 года А. С. Пушкин трудился над «Сказкой о царе Салтане» и подарил Жуковскому собственноручно записанный в Михайловском сюжет, который послужил основой для «Сказки о царе Берендее». Жуковский изложил сюжет народной волшебной сказки так называемым «русским гекзаметром», дополнил его различными описаниями и подробностями. Романтический пейзаж, отвечающий душевному настрою героя, увиденный его глазами, весьма пространен: вместо емкого фольклорного обозначения «синего моря» дана картина озерных вод, в которых «отразился зеленый/Берег и частый тростник».

В 1826 году Жуковский опубликовал шесть переводов сказок братьев Гримм в журнале «Детский собеседник». Писатель считал, что сказки прежде всего необходимо адресовать детям, и советовал переводчице А. П. Зонтаг: «Переводите не рабски, но как будто сами рассказываете

¹ См.: Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX в. Петрозаводск, 1959. С. 168.

² Цит. по: Н о в и к о в Н. В. Русская сказка в записи первой половины XIX века. С. 32.

чужое своей дочери»¹. В соответствии с этой мыслью Жуковский, переводя «Милого Роланда» и включая эпизод из него в «Сказку о царе Берендее», дважды изменял характерную деталь: в немецкой сказке героиня превращалась в «придорожный столб из красного камня», в переводе — в «каменный полевой столб», а в русской авторской сказке — в типично русский «белый камень».

В портрете Марьи-царевны Жуковский использовал как фольклорные изобразительные средства — для создания обобщенного образа идеальной красоты («ни в сказке сказать, ни пером описать»), — так и авторскую палитру романтических красок — для индивидуализации проявления чувств героини — «с жалобным криком», «стыдливые речи» и др. Если сказочник из народа обычно просто излагает невероятные события, не выражая собственных эмоций, то писатель сочувствует героине: «Бедная Марья-царевна! Он не исполнил ее наставленья...» Экспрессивный стиль повествования, избыточная эмоциональность, ощущение таинственности и даже ужаса, нагнетание необъяснимого страха сближают сказку с балладой — любимым жанром поэта-романтика.

В этом же году, чуть ранее, Жуковский написал другую сказку — «Спящая царевна». Как всегда, писатель использовал поэтику русской народной сказки вместо точного следования иноземному образцу (известна немецкая сказка «Колючая роза» на тот же сюжет): так, у светлого ручейка плачущая царица слушает предсказание рака об исполнении заветного желания иметь ребенка, хотя в немецком оригинале сидящая в купальне королева беседовала с лягушкой; царь имеет имя Матвей, а тринадцать гриммовских ведуний заменены на двенадцать колдуний. Образы спящей царевны и сонного царства находят параллели в русских сказках, но изображение царевича более далеко от традиций народной поэтики: герой не совершает подвига храбрости и любви, он не преодолевает никаких препятствий, не подвергается опасным испытаниям, а просто появляется в момент окончания срока злого волшебства² (хотя это тоже очень важно и не каждому дано — успеть вовремя!)...

Жуковский заботился о правильном воздействии сказки на ум ребенка: «Надобно, чтобы в детской сказке...

¹ Цит. по: Лупанова И. П. Русская народная сказка... С. 299.

² См.: Лупанова И. П. Русская народная сказка... С. 298 — 309.

все было нравственно чисто; чтобы она своими сценами представляла воображению одни светлые образы...»¹.

Весной 1834 года близкий друг Пушкина и профессор русской словесности Петербургского университета Петр Александрович Плетнев прочитал на лекции первую часть стихотворной сказки «Конек-горбунок». К изумлению слушателей, ее автором оказался находившийся тут же 19-летний студент **Петр Павлович Ершов**. Уже с детства попал он в сказочную обстановку: был «продан» за медный грош нищему, чтобы тот «унес» хворь новорожденного; затем постоянно переезжал с семьей из одного сибирского города в другой, слушая на постоялых дворах и в людской купеческого дома сказки бывалых людей. Жизненными впечатлениями тех лет навеяна картина конного рынка, в центре которого находятся волшебные кони, — так чудесное приобретает видимость достоверного. И для самого главного героя в волшебном мире нет ничего невероятного, неподвластного человеческому разумению: мерилom красоты для невиданных жар-птиц он избирает кур и свет батушкиной печи (в начале повествования сказочник поясняет: «все пустяк для дурака»). Интерпретация образа «дурака» в народных бытовых и отчасти в волшебных сказках находится в некоторой связи с философией средневекового юродства. Сказочная балагурная манера основывается не только на обилии острословия и прибауток, но и на ироническом контексте самых разных оттенков: например, царь кричит на весь базар «Ахти, батушки, пожар!» при разлившемся от жар-птицы свете.

Образ «дурака» привнесен П. П. Ершовым в данный народный сюжет из других сказок, в которых он является центральным. В народных сказках героем, выполняющим благодаря волшебному помощнику трудные задания, обычно оказывается сильный богатырь, с самого начала вызывающий у всех уважение. Ершов же использовал характерный прием бытовой народной сказки — нарочитое умаление достоинств главного персонажа в начале произведения (неряшливость, неповоротливость, придурковатость) ради создания эффекта неожиданности при выявлении его истинного лица. Параллелью к герою — «дураку» выступает его чудесный помощник, именем которого названо произведение. В отличие от

¹ Цит. по: Лупанова И. П. Русская народная сказка... С. 335.

«шелудивого жеребенка» народных сказок ершовский уродливый игрушка-конек снабжен характером и оказывается не только советчиком, но и другом героя.

Использованный П. П. Ершовым сюжет встречается в записях народных сказок в двух версиях, причем один текст озаглавлен «О Петре-королевиче» и напечатан в первой части сборника XVIII века «Старая погудка на новый лад». Современники же писателя долгое время вели спор: положил ли автор в основу своего произведения целый народносказочный сюжет или соединил эпизоды и детали разных сказок. Сам Ершов предполагал воплотить грандиозный замысел: «Иван-царевич — сказка сказок в десяти книгах и ста песнях», однако так и остался автором одной (но какой!) сказки¹.

Вскоре в изобилии посыпались подражания «Коньку-горбунку». Они были двух родов. К первому относится политическая сатира «Конек-скакунок» С. А. Басова-Верхоянцева, в которой Иван сделался революционным борцом за народные права. Ко второму — угодные официальной власти и цензуре разнообразные подделки, вытравливающие из образа Ивана-дурака непокорство и независимость его натуры. У Ершова герой чувствовал себя на равных с царем и дерзко отвечал ему на неразумное приказание привезти царь-девицу:

Чай спросонок, я толкую,
Штуку выкинул такую?
Да хитри себе, как хошь,
А меня не проведешь.

В анонимных переделках издателей Ступина, Губанова, Манухина, Коноваловой и других постоянно подчеркиваются врожденная глупость героя и его подобиострашие даже перед министром:

Иван чувством умилился,
Слыша милость, прослезился,
Сто поклонов насчитал, —
Благодарность изъявлял².

Большинство рассмотренных нами сказок оказалось стихотворными. Это не только связано с неразличением

¹ См.: Лупанова И. П. П. П. Ершов // Ершов П. П. Конек-горбунок. Стихотворения. Л., 1976 (Б-ка поэта). С. 7 — 26.

² Цит. по: Лупанова И. П. Русская народная сказка... С. 228.

в начале XIX века былинного и сказочного жанров и со стремлением писателей облагородить простоватую деревенскую сказку, но и обусловлено самой природой фольклорных текстов. Среди них попадаются такие, которые включают в себя песенные вставки; другие же, в сущности, сами являются целиком песнями или произошли от них. Таковы «Курочка ряба», «Нет козы с орехами», «Мизгирь», «Война грибов». Есть мнение, что песенные сказки являются древнейшими в эпическом роде.

Балагурная, сказовая манера рассказывания сказок считается промежуточной между песенно-стихотворной и прозаической. Ею воспользовался **Владимир Иванович Даль**. В сказках Даля появляется образ рассказчика, в соответствии со средневековым книжным этикетом относящего себя к «людям темным» и именующегося «сказочником в лаптях». Краснбайство, витиеватость и изысканная рифмованность речи создаются введением в литературную сказку народных изречений, пословиц и поговорок целыми гнездами. Утрачивается простота повествования, к содержанию сказки приходится с трудом пробиваться сквозь причудливые стилистические украшения. В авторе сказок сразу же чувствуется будущий составитель четырехтомного «Толкового словаря живого великорусского языка» и «Пословиц русского народа».

Кажется невероятным, что этот сказочник, великолепный знаток народной речи, был хирургом по профессии, да еще ботаником и зоологом, мореплавателем, строителем и чиновником особых поручений, а происходил из семьи датчанина и обрусевшей немки. В период службы в армии Даль продолжает записывать фольклор от солдат, как раньше фиксировал диалектные слова и произведения устного народного творчества от ямщиков, крестьян, моряков и т. п. Со временем ему придется использовать верблюда для перевозки собранных материалов!

Выбрав по месту рождения псевдоним — *Казак Луганский*, в 1832 году Даль опубликовал «Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому прино ровленные и поговорками ходячими разукрашенные казаком Владимиром Луганским. Пяток первый». Это издание было запрещено цензурой как «насмешка над правительством» и изъято из продажи, автора освободил из-под ареста

сам царь Николай I, припомнив его заслуги в Польской кампании. Сказки послужили поводом для знакомства с Пушкиным, подарившим Далю рукопись «Сказки о рыбаке и рыбке» с надписью: «Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому — сказочник Александр Пушкин»¹. Впоследствии новые сказки В. И. Даля появлялись в четырех томах «Былей и небылиц Казака Луганского» (1833 — 1839) и в Полном собрании сочинений (1846).

Если у Даля народно-поэтическая стихия захлестывает порой содержание, то у его современника **Антония Погорельского** сказка «Черная курица, или Подземные жители» (1828) не имеет вообще никакого отношения к фольклору. Это типичная сказка с авторским сюжетом. Писатель даже дал ей вполне литературный подзаголовок *Волшебная повесть для детей*. Фантастика в ней определяется влиянием романтизма. Мир раздваивается на реальный, в котором живет Алеша, и сказочный, полный видений и снов мальчик и не зависящий от него².

Сам писатель был очень образованным человеком — доктором философских и словесных наук, имел задорный и смешливый нрав и по-настоящему звался Алексеем Алексеевичем Перовским. Псевдоним же он взял по унаследованному имени Погорельцы в Черниговской губернии, причем имя Антоний напоминало о св. Антонии Печерском, переселившемся в Чернигов из Киева из-за княжеских усобиц.

Владимир Федорович Одоевский писал сказки для детей от имени «дедушки Ириней». Ко взрослым же он обращался в своих фантастических повестях-сказках от лица Ириней Модестовича Гомозейко — ученого и философа. Сборник 1833 года писатель назвал «Пестрыми сказками», и в них действительно намешано все: романтический гротеск уживается с социальной сатирой, в повседневной действительности происходят волшебные события.

В. Ф. Одоевский думал об интересе детей к технике и создал «Городок в табакерке» — одну из первых (если это не первенец) так называемых научных сказок. В таких сказках показывается целесообразность мироуст-

¹ Цит. по: Ильинская В. Н. Даль//Русские писатели: Библиографический словарь: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 242.

² См.: Леонова Т. Г. Указ. соч. С. 141 — 142.

ройства в целом и в отдельных его частях с опорой на научное осмысление излагаемых реальных фактов. Научная сказка пробуждает интерес у читателя-ребенка к какой-либо отрасли знания. Кульминация сказки Одоевского (описание работы машины) основана на принципе *кумуляции*, возникшем в первобытную эпоху: это многократное, нарастающее повторение однообразных действий, пока их цепочка не оборвется или не расплетется в обратном убывающем порядке.

Русские писатели иногда обращались к сказкам разных народов, стремясь передать в своих пересказах их национальный колорит.

В 1837 году Михаил Юрьевич Лермонтов служил в Закавказье и записал там азербайджанское поэтическое сказание об Ашыг-Гарибе. Поэт пометил свое прозаическое произведение как *турецкая сказка*, потому что у закавказских народов азербайджанский язык назывался в то время турецким. Однако версия сюжета широко распространена почти по всей Средней Азии и Закавказью, а сам сюжетный тип «муж на свадьбе своей жены» является международным: у древних греков он запечатлен в «Одиссее», у русских — в былине о Добрыне и неудавшейся женитьбе Алеши Поповича.

Сказки Льва Николаевича Толстого печатались в его «Азбуке» и «Русских книгах для чтения», предназначенных для преподавания в начальной школе. Из собственного детства будущий писатель вынес убеждение, что сказки закладывают в человеке нравственный идеал. Таинственным ароматом сказочности веет от придуманной в Ясной Поляне старшим братом Николенькой игры, о которой Толстой писал в своих «Воспоминаниях»: «В особенности же оставило во мне сильное впечатление муравейное братство и таинственная зеленая палочка, связывавшаяся с ним и долженствующая осчастливить всех людей». Свои сказки Л. Н. Толстой писал чистым литературным языком, без обычных для этого жанра стилистических украшений, так как стремился в первую очередь к глубине мысли и выражению народного духа.¹

Замечательным сказочником оказывался Л. Н. Толстой, когда начинал рассказывать сказки детям. Особенно он любил исполнять «Сказку про одного мальчика и

---

¹ См.: Пропп В. Я. Русская сказка. С. 297.

семь огурцов». Придуманый Л. Н. Толстым сюжет относится к «докучным сказкам» — своеобразным, коротким, рифмованным пародиям, состоящим лишь из зачина и концовки, которые многократно рассказываются в шутку сказочником после бесконечных просьб надоедливых слушателей рассказать еще одну сказочку. Толстой понимал, что комический эффект зависит от мастерства исполнения — мимики, жестикуляции, интонации, соблюдения пауз и т. д. В записанном виде сказка об огурцах потеряла бы всю свою прелесть.

Сюжет ее чрезвычайно прост: мальчик в огороде срывает семь огурцов, каждый из которых больше предыдущего, и съедает их. Тем не менее соблюдены все основные законы сказочного жанра: имеются стилистические формулы начала и конца — «Жил-был на свете один мальчик» и «Вся сказка, все огурцы, больше в огороде не осталось»; отражена динамика событий и неожиданность происходящего — «Пошел мальчик дальше, видит — лежит второй огурец»; впечатляет мнимая достоверность ситуаций и повторяемость эпизодов — «Седьмой... такой большой, что, если бы показать какой, надо бы руки откидывать назад, назад...» и т. д.

Появление сказок **Михаила Евграфовича Салтыкова** (псевдоним — **Н. Щедрин**) исподволь подготавливалось его сатирой. В 1869 году были опубликованы первые его сказки-сатиры. Художественные приемы писателя — сильное преувеличение, фантастика, иносказание, уподобление обличаемых социальных типов животным — родственны поэтике народных сказок.

В «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил» от народной сказки взяты зачин, троекратные повторы, мысль о превосходстве мужика над барами и т. д., однако в предощущаемый читателем традиционный фольклорный мир вторгается современность — с названиями города, улицы и газеты, с канцелярской атрибутикой. Приоритет литературной основы заметен и в названии произведения — «*Повесть о том...*»; первоначально имелся подзаголовок: «Писано со слов коллежского советника Рудомазина». Речь генералов отражает их принадлежность к чиновничье-бюрократической среде, поведение и разговоры выдают пародию на «культурных людей». Салтыкову-Щедрину был хорошо знаком такой тип людей: именно с ним он боролся, служа в

Петербурге в Министерстве внутренних дел и будучи вице-губернатором в Рязани и Твери.

В сатирических сказках 1880-х годов писатель вывел четыре типа персонажей: животные, куклы, люди, персонафицированные образы. Впервые он применил средства психологического анализа к сатирическому герою-животному. Салтыков-Щедрин увлекался зоологией, изучал труды Брема — и создал сказочные образы с учетом природных свойств и повадок животных (см.: «Премудрый пискарь», «Медведь на воеводстве», «Карась-идеалист», «Самоотверженный заяц» и др.)¹.

Склонность к естественным наукам всю жизнь питал и Всеволод Михайлович Гаршин. Еще будучи подростком, он проводил наблюдения над растительным и животным миром и мечтал поступить в Медицинскую академию. Его любовь к природе отразилась и в созданных им сказках. В 1879 году В. М. Гаршин написал аллегорическое произведение «Attalea princeps» (с подзаголовком *сказка*). В основу сказки лег сюжет его стихотворения 1876 года «Пленница». Финал трагичен и одновременно светел: в нем видны понимание автором обреченности борьбы одиночек и восхищение их мужеством. Сам Гаршин еще во время учебы в гимназии задумывался о способах искоренения «мирового зла». Товарищ будущего писателя вспоминал, как он вдруг «смолкнет, будто недоволен собой и окружающим, будто горько ему, что кругом недостаточно умного и хорошего. Иногда при этом с уст его срывались замечания о том, что необходимо бороться со злом, и высказывались подчас очень странные взгляды, как устроить счастье всего человечества»². Сказка пользовалась успехом в среде революционной молодежи. Одна из политических заключенных просила матушку в письме: «...не жалейте прекрасную пальму... пожалейте эту маленькую бедную травку, у нее не было силы выбраться из тюрьмы хотя бы перед смертью»³.

Последним произведением Гаршина стала сказка «Лягушка-путешественница» (1887). Ее сюжет восходит к назидательной сказке из старинного индийского сбор-

¹ См.: Леонова Т. Г. Указ. соч. С. 146 — 192.

² Цит. по: Бялый Г. А. В. М. Гаршин // Гаршин В. М. Сочинения. М., 1955. С. VII.

³ Цит. по: Бялый Г. А. Примечания // Там же. С. 423.

ника «Панчатантра» (в переводе с санскрита — «Пятикнижие»), составленного примерно в III — IV веках. В России этот сюжет известен с XV столетия. Гаршин в своей сказке снял жестокий конец: лягушка раскрывала рот для хвастливой речи, отцеплялась от пружика и разбивалась насмерть¹. Произведение писателя пронизано ощущением полноты и радости жизни в любых условиях.

Архангелогородец Степан Григорьевич Писахов — художник и сказочник — рассуждал о своем творчестве: «Сказки пишу часто с натуры, почти с натуры. Многие помнятся и многие просится в сказку» (предисловие «От автора» к книге 1938 года). И тут же привел случай, как удовлетворил небрежно-снисходительное любопытство заезжего гостя, которому Архангельск казался «диким севером». Талантливый рассказчик сходу придумал, как будто бы висела на столбе доска с названием города, вокруг ютился народ, а «домов не было, о них и не знали. Одни хвойными ветками прикрывались, другие в снег зарывались, зимой в звериные шкуры завертывались. У меня был медведь. Утром я вытряхивал медведя из шкуры, сам залезал в шкуру. Тепло ходить в медвежьей шкуре, и мороз — дело постороннее. На ночь шкуру медведю отдавал...» Так творилась сказка...

Получалась народно-литературная сказка — ярчайший в языковом плане художественный образец, который создается талантливым и образованным выходцем из народа, знатоком традиционной духовной культуры. Свое родословие сказочника Писахов вел от деда Леонтия, которого хоть и не застал в живых, зато от людей много хорошего слышал о его краснобайстве и балагурстве: «Говорили о нем: большой выдумщик был, рассказывал все к слову, все к месту». И вот в непогоду в промысловой избушке на реке Пинеге в вечерней тьме долго плетет он замысловатую сказку, спрашивая время от времени: «Други-товарищи, спите ли?» И только когда никто из уставших за день промысловиков голоса не подаст, сказочник мог спать. Но и получал за свой труд дед Леонтий два пая — один за промысел, второй за сказки.

Людям, заинтересованным в постижении смысла

¹ См.: Бялы й Г. А. Гаршин В. М. //Гаршин В. М. Избранное. М., 1985. С. 18.

жизни и стремящимся приукрасить близким, соседям и товарищам их тяжелые будни хотя бы чудесными сказками о невероятных приключениях, судьба дарит встречи с талантливыми земляками. В 1928 году, уже в пожилом возрасте Писахов познакомился с удивительным сказочником Сеней Малиной (С. М. Кривоноговым), доживавшим последний год жизни в родной деревне Уйма неподалеку от Архангельска. Во время единственной беседы с ним писатель услышал, как он с дедом «на корабле через Карпаты ездил» и «как собака Розка волков ловила». И с тех пор в память о безвестных северных сказочниках Писахов присвоил главному герою своих сказок имя Сени Малины¹. Сюжеты писатель сочинял сам, но обязательно на темы северной жизни, и излагал свои выдумки выразительным архангельским говором, который непременно вызовет восхищение, если внимательно вслушаться в каждое слово.

Борис Викторович Шергин происходил из семьи потомственного северного морехода и корабеля, но судьба уготовила ему иное — узорами поморской вязи запечатлеть традиционный быт северян, со сказками и преданиями смешанный. Сызмальства Шергин расписывал домашнюю утварь, создавал орнамент, творил иконы — словом, был богомазом и живописцем по призванию и отчасти по примеру отца, а позже и по образованию (окончил Строгановское художественное училище в Москве). Однако тяга к родному слову не покидала Шергина: он выступает как исполнитель баллад и старин, по заданию Академии наук записывает архангельские диалектные выражения и произведения устного народного творчества, по собственному почину разыскивает книги «старинного письма» и древние лоции. И первая опубликованная им книга «У Архангельского города, у корабельного пристанища» (1924) была оформлена в знаменитом поморском стиле самим автором-составителем и содержала подлинные архангельские старины из репертуара матушки, причем снабженные нотацией напевов. Но уже вторая книга — «Шиш Московский» (1930) оказалась вполне художественно-литературной, хотя от ее остроумных сюжетов и колоритнейшего языка веяло скоморошьей культурой далекой допетровской эпохи. И не угасло древнее исполнительское мастерство, а вот —

¹ Писахов С. Г. Сказки. М., 1984. С. 7 — 8.

звучит живое выразительное слово писателя-сказочника по радио, словно сам Шиш рассказывает о своих похождениях. А в семьях архангелогородцев исстари велась неписаная традиция: богатейший севернорусской речью родители сказывали детям на сон грядущий сказки своего и чужедальних народов, и книжные повести Московского государства, и даже классические романы нового времени¹. Вот поэтому-то и угадываются в «Дивном гудочке» Шергина сюжет русской народной сказки «Чудесная дудка», в «Судном деле Ерша с Лещом» — из XVII века дошедшая древнерусская «Повесть о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове», а в «Польге и Лисе» — известный «Кот в сапогах» француза Шарля Перро.

Алексей Николаевич Толстой с детства был зачарован мелодичным складом народной речи и извечно манящей мудростью устной поэзии. В 1910 году появился его сборник «Сорочьи сказки». Название вызывает у читателя представление, будто все эти рассказы «сорока на хвосте принесла». Заглавие первого раздела — «Русалочьи сказки» — объясняет наличие в них мифологических персонажей — русалок, мавок (украинское название русалок), лешего, кикиморы, огненного змея, овинника и др. Согласно народному воззрению, русалки в посвященную им русальскую неделю переходят из полей ржи в леса, качаются на ветках берез и поют таким чарующим голосом, что случайный путник может заслушаться их песен, не замечая времени и не сходя с места в течение нескольких лет. О подобных встречах человека с духами природы повествуют былички, которые Толстой облек в сказочную форму, а страшную их сущность смягчил легкой иронией и добродушной насмешкой. Его сказки кажутся настолько простыми и естественными, будто сами собой только что пришли с вечерних зимних посиделок в крестьянских избах. В действительности же Толстому пришлось изучить множество книг по этнографии, в числе которых известный трехтомник «Поэтические воззрения славян на природу» (1865 — 1869) А.Н.Афанасьева и «Нечистая, неведомая и крестная сила» (1903) С.В.Максимова. С помощью увлекательной сказочной манеры повествования писатель как бы делает содержа-

¹ См.: Налепин А.Л. Наставленья к добру//Шергин Б.В. Древние памяти: Поморские быльи и сказания. М., 1989. С. 3 — 14.

ние серьезных научных трудов доступным каждому читателю.

Так возникло переложение в сказку других фольклорных жанров — сознательное авторское подчинение содержания родственных эпических и повествовательных произведений (былин, быличек, преданий, поверий, легенд) народно-сказочному канону. Происхождение эта литературная жанровая разновидность ведет еще от фольклорной традиции — от богатырской сказки, являющейся по сути прозаическим пересказом былины. В художественной литературе встречается довольно редко, преимущественно в начале XX века — особенно у символистов в связи с их обращением к мифологии. У Толстого существуют и другие сказки, героями которых оказываются грибы и звери, построены они по аналогии с народными сказками о животных, но почти все их сюжеты придуманы самим наблюдательным писателем.

Иначе подошел Толстой к публикации сказок спустя почти тридцать лет. Он знал, как трудно обычному читателю найти фольклорные сказки, печатавшиеся с XVIII века в сборниках и периодических изданиях и хранящиеся в архивных рукописях и новейших записях собирателей. Толстой посчитал своим долгом опубликовать народные сказки в составе многотомного «Свода русского фольклора». Для этого из десятков вариантов, различающихся по степени сохранности сюжета и особенностям стиля, необходимо было составить один «реставрированный» текст. Подбирать варианты Толстой попросил профессиональных фольклористов, сотрудников Академии наук Александра Николаевича Нечаева и Нину Владимировну Рыбакову. Смертельная болезнь помешала писателю осуществить грандиозный замысел полностью, однако он успел выпустить два сборника сказок для детей. О принципах своей работы Толстой рассказал в «Предисловии» к первой книге в 1940 году.

В XIX веке задавались той же целью донести до читателя подлинную народную сказку два писателя — Сергей Тимофеевич Аксаков и Константин Дмитриевич Ушинский.

С. Т. Аксаков в письме к сыну признавался, что сказку «Аленький цветочек» в 1856 году «реставрировал» из «обломков», сохранившихся в памяти как отголоски далекого детства.

К. Д. Ушинский напечатал множество сказок в книгах для начального обучения — в «Детском мире и хрестоматии» (1861) и «Родном слове» (1864). Писатель-педагог также с детства усвоил большое количество сказок и считал своим долгом устранить нелепицу и исправить ошибку, опираясь на собственный опыт, хотя «везде, где можно, держался воззрений и выражений народа». Выбор сюжетов и характер правки сказочного стиля были обусловлены предназначением сказок для детей.

Реконструированная сказка — это в основе своей фольклорное произведение, составленное писателем из одного варианта или соединения нескольких и подправленное в соответствии с народнопоэтическим каноном данного жанра. Берясь за такую работу, литератор сознательно отказывается от индивидуального авторского «я» и встает на позиции народного сказочника — носителя традиции, в совершенстве знающего все подробности и перипетии сюжета и владеющего сказочной стилистикой.

Удачная литературная сказка со временем раздвигает страницы книги и становится фактом реальной жизни. Вот один из таких удивительных случаев.

В с. Щельково Костромской области сотрудники музея-усадьбы Александра Николаевича Островского показывают родник «Голубой ключик» и сообщают, будто бьется здесь сердце растаявшей Снегурочки из одноименной стихотворной пьесы — «весенней сказки» (1873 г.). Старожилы же хранят древнее предание, будто родник образовался на том месте, где ушла под землю часовенка во время золотоордынского ига, и по прошествии многих лет еще можно было видеть ее крест внутри деревянного сруба.

Литературную сказку творят писатели — даровитые мастера слова, а превращают ее в привычную и неотъемлемую частичку общего земного бытия обыкновенные люди — читатели, мы с вами.

Е. А. Самоделова

СКАЗКИ ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА

Александр Сергеевич Пушкин

1799 — 1837

Интерес Пушкина к народному творчеству возник в 20-е годы XIX века. В Михайловском он слушал и записывал сказки, которые ему рассказывала няня. О своем впечатлении от сказок он писал брату: «Знаешь мои занятия? До обеда пишу записки, обедаю поздно, после обеда езджу верхом, вечером слушаю сказки... Что за прелесть эти сказки. Каждая есть поэма!»

Первой сказкой, написанной поэтом в Михайловском, была сказка «Жених» (опубликована в 1827 году). О ней Белинский писал: «Есть у Пушкина русская баллада и со стороны формы и со стороны содержания насквозь проникнута русским духом, и о ней в тысячу раз больше, чем о «Руслане и Людмиле», можно сказать: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

Позднее, в 30-е годы, поэтом написаны «Сказка о царе Салтане», «Сказка о попе и о работнике его Балде», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказка о золотом петушке», «Сказка о рыбаке и рыбке».

М. Горький вспоминал: «Великолепные сказки Пушкина были всего ближе и понятнее мне. Прочитав их несколько раз, я уже знал их наизусть: лягу спать и шепчу стихи, закрыв глаза, пока не усну. Нередко я пересказывал эти сказки денщикам. Они, слушая, ласково ругаются...»

ЖЕНИХ

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на двор на третью ночь
Без памяти вбежала.
С вопросами отец и мать
К Наташе стали приступать.
Наташа их не слышит,
Дрожит и еле дышит.

Тужила мать, тужил отец,
И долго приступали,
И отступились наконец,
А тайны не узнали.
Наташа стала, как была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла с сестрами
Сидеть за воротами.

Раз у тесовых у ворот,
С подружками своими,
Сидела девица — и вот
Промчалась перед ними
Лихая тройка с молодцом.
Конями, крытыми ковром,
В санях он стоя правит,
И гонит всех, и давит.

Он, поравнявшись, поглядел,
Наташа поглядела,
Он вихрем мимо пролетел,
Наташа помертвела.
Стремглав домой она бежит.
«Он! он! узнала! — говорит, —
Он, точно он, держите,
Друзья мои, спасите!»

Печально слушает семья,
Качая головою;
Отец ей: «Милая моя,
Откройся предо мною.
Обидел кто тебя, скажи,
Хоть только след нам укажи».
Наташа плачет снова.
И более ни слова.

Наутро сваха к ним на двор
Нежданная приходит.
Наташу хвалит, разговор
С отцом ее заводит:
«У вас товар, у нас купец;
Собою парень молодец,
И статный, и проворный,
Не вздорный, не зазорный.

Богат, умен, ни перед кем
Не кланяется в пояс,
А как боярин между тем
Живет, не беспокоясь;
А подарит невесте вдруг
И лисью шубу, и жемчуг,
И перстни золотые,
И платья парчевые.

Катаясь, видел он вчера
Ее за воротами;
Не по рукам ли, да с двора,
Да в церковь с образами?"
Она сидит за пирогом,
Да речь ведет обиняком,
А бедная невеста
Себе не видит места.

«Согласен, — говорит отец, —
Ступай благополучно,
Моя Наташа, под венец:
Одной в светелке скучно.
Не век девицей вековать,
Не все касатке распевать,
Пора гнездо устроить,
Чтоб детушек покоить».

Наташа к стенке уперлась
И слово молвить хочет —
Вдруг зарыдала, затряслась,
И плачет и хохочет.
В смятенье сваха к ней бежит,
Водой студеною поит
И льет остаток чаши
На голову Наташи.

Крушится, охает семья.
Опомнилась Наташа
И говорит: «Послушна я,
Святая воля ваша.
Зовите жениха на пир,
Пеките хлебы на весь мир,
На славу мед варите,
Да суд на пир зовите».

«Изволь, Наташа, ангел мой!
Готов тебе в забаву
Я жизнь отдать!» — И пир горой;
Пекут, варят на славу.
Вот гости честные нашли,
За стол невесту повели;
Поют подружки, плачут,
А вот и сани скачут.

Вот и жених — и все за стол.
Звенят, гремят стаканы,
Заздравный ковш кругом пошел;
Все шумно, гости пьяны.

Ж е н и х

«А что же, милые друзья,
Невеста красная моя
Не пьет, не ест, не служит:
О чем невеста тужит?»

Невеста жениху в ответ:
«Откроюсь наудачу.
Душе моей покоя нет,
И день и ночь я плачу:
Недобрый сон меня крушит».
Отец ей: «Что ж твой сон гласит?
Скажи нам, что такое,
Дитя мое родное?»

«Мне снилось, — говорит она, —
Зашла я в лес дремучий,
И было поздно; чужь луна
Светила из-за тучи;
С тропинки сбилась я: в глуши
Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели
Вершинами шумели.

И вдруг, как будто наяву,
Изба передо мною.
Я к ней, стучу — молчат. Зову —
Ответа нет; с мольбою
Дверь отворила я. Вхожу —
В избе свеча горит; гляжу —

Везде серебро и золото,
Все светло и богато».

Ж е н и х

«А чем же худ, скажи, твой сон?
Знать, жить тебе богато».

Н е в е с т а

«Постой, сударь, не кончен он.
На серебро, на золото,
На сукна, коврики, парчу,
На новгородскую камчу¹
Я молча любовалась
И диву дивовалась.

Вдруг слышу крик и конский топ...
Подъехали к крылечку.
Я поскорее дверью хлоп
И спряталась за печку.
Вот слышу много голосов...
Вошли двенадцать молодцов,
И с ними голубица
Красавица девица.

Взошли толпой, не поклонясь,
Икон не замечая;
За стол садятся, не молясь
И шапок не снимая.
На первом месте брат большой,
По праву руку брат меньшей,
По леву голубица
Красавица девица.

Крик, хохот, песни, шум и звон,
Разгульное похмелье...»

Ж е н и х

«А чем же худ, скажи, твой сон?
Вещает он веселье».

---

¹ Камча́ — льняное полотно, вытканное узорами.

Невеста

«Постой, сударь, не кончен он.
Идет похмелье, гром и звон,
Пир весело бушует,
Лишь девица горюет.

Сидит, молчит, ни ест, ни пьет
И током слезы точит,
А старший брат свой нож берет,
Присвистывая точит;
Глядит на девицу-красу,
И вдруг хватает за косу,
Злодей девицу губит,
Ей праву руку рубит».

«Ну это, — говорит жених, —
Прямая небьлица!
Но не тужи, твой сон не лих,
Поверь, душа-девица».
Она глядит ему в лицо.
«А это с чьей руки кольцо?»
Вдруг молвила невеста,
И все привстали с места.

Кольцо катится и звенит,
Жених дрожит бледнея;
Смутились гости. — Суд гласит:
«Держи, вязать злодея!»
Злодей окован, обличен,
И скоро смертью казнен.
Прославилась Наташа!
И вся тут песня наша.

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод, —

Пришел невод с одною тиной.
Он в другой раз закинул невод, —
Пришел невод с травой морскою.
В третий раз закинул он невод, —
Пришел невод с одною рыбкой,
С непростой рыбкой, — золотою.
Как взмолятся золотая рыбка!
Голосом молвит человечьим:
«Отпусти ты, старче, меня в море,
Дрогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь».
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе».

Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо.
«Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.
Не посмел я взять с нее выкуп;
Так пустил ее в синее море».
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с нее корыто,
Наше-то совсем расколосось».

Вот пошел он к синему морю;
Видит, — море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка и спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка,

Разбранила меня моя старуха,
Не дает старику мне покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем раскололось».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Будет вам новое корыто».
Воротился старик ко старухе,
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, корыто!
В корыте много ль корысти?
Воротись, дурачина, ты к рыбке,
Поклонись ей, выпроси уж избу».

Вот пошел он к синему морю;
(Помутилося синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не дает старику мне покою:
Избу просит сварливая баба».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Так и быть: изба вам уж будет».
Пошел он ко своей землянке,
А землянки нет уж и следа;
Перед ним изба со светелкой,
С кирпичною, беленою трубою,
С дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидит под окошком,
На чем свет стоит мужа ругает:
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросил, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой».

Пошел старик к синему морю;
(Неспокойно синее море.)

Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не дает старику мне покою:
Уж не хочет быть она крестьянкой,
Хочет быть столбовою дворянкой».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом».

Воротился старик ко старухе.
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке,
Парчовая на маковке кичка,
Жемчуги огрузили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;
Она бьет их, за чупрун таскает.
Говорит старик своей старухе:
«Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна».
На него прикрикнула старуха,
На конюшню послужить его послала.

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась:
Опять к рыбке старика посылает.
«Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей».
Испугался старик, взмолился:
«Что ты, баба, белены объелась?
Ни ступить, ни молвить не умеешь,
Насмешишь ты целое царство».
Осердилась пуще старуха,
По щеке ударила мужа.
«Как ты смеешь, мужик, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою? —
Ступай к морю, говорят тебе честью,
Не пойдешь, поведут поневоле».

Старичок отправился к морю;
(Почернело синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтует:
Уж не хочет быть она дворянкой,
Хочет быть вольною царицей».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом!
Добро! будет старуха царицей!»

Старичок к старухе воротился.
Что ж? пред ним царские палаты.
В палатах видит свою старуху,
За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вины;
Заедает она пряником печатным;
Вкруг ее стоит грозная стража,
На плечах топорики держат.
Как увидел старик, — испугался!
В ноги он старухе поклонился,
Молвил: «Здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна».
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать его велела.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика взашей затолкали.
А в дверях-то стража набежала,
Топорами чуть не изрубила.
А народ-то над ним насмеялся:
«Поделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани!»

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцев за мужем посылает,
Отыскиали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбке.

Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне-море,
Чтоб служила мне рыбка золотая
И была у меня на посылках».

Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперек слова молвить.
Вот идет он к синему морю,
Видит, на море черная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей морскою;
Чтобы жить ей в Окияне-море,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылках».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился, —
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А перед нею разбитое корыто.

Василий Андреевич Жуковский

1783 — 1852

Летом 1831 года Жуковский частенько навещал в Царском Селе Пушкина, который вдохновенно работал над «Сказкой о царе Салтане». между поэтами началось своеобразное состязание в сочинении сказок. Н.В.Гоголь вспоминал: «Почти каждый вечер собирались мы — Жуковский, Пушкин и я. О, если бы ты знал, сколько прелестей вышло из-под пера сих мужей. У Пушкина ...сказки русские народные — не то что «Руслан и Людмила», но совершенно русские... . У Жуковского тоже русские народные сказки, одни гекзаметрами, другие просто четырехстопными стихами, и, чудное дело! Жуковского узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэт, и уже чисто русский».

Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитрости Кощея Бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери

Жил-был царь Берендей *до колен борода*.

Уж три года

Был он женат и жил в согласьи с женою; но все им Бог детей не давал, и было царю то прискорбно.

Нужда случилась царю осмотреть свою государство;
Он простился с царицей и восемь месяцев ровно
Пробыл в отлучке. Девятый был месяц в исходе,

когда он,

К царской столице своей подъезжая, на поле чистом
В знойный день отдохнуть рассудил; разбили

палатку;

Душно стало царю под палаткой, и смерть

захотелось

Выпить студеной воды. Но поле было безводно...

Как быть, что делать? А плохо приходит; вот он
решился

Сам объехать все поле: авось попадетя на счастье

Где-нибудь ключ. Поехал и видит колодезь.

Поспешно

Спрянув с коня, заглянул он в него: он полон водою

Вплоть до самых краев; золотой на поверхности

КОВШИК

Также зелеными. «Здравствуй, Иван-царевич, —
сказал он. —
Долго тебя дожидались мы; пора бы нас
вспомнить». —
«Кто ты?» — царевич спросил. «Об этом после;
теперь же
Вот что ты сделай: отцу своему, царю Берендею,
Мой поклон отнеси да скажи от меня: не пора ли,
Царь Берендей, должок заплатить? Уж давно
миновалось
Время. Он сам остальное поймет. До свиданья». —
И с этим
Словом исчез бородатый старик. Иван же царевич
В крепкой думе поехал обратно из темного леса.
Вот он к отцу своему, царю Берендею, приходит.
«Батюшка царь-государь, — говорит он, — со мною
случилось
Чудо». И он рассказал о том, что видел и слышал.
Царь Берендей побледнел, как мертвец. «Беда, мой
сердечный
Друг, Иван-царевич! — воскликнул он, горько
заплакав. —
Видно, пришло нам расстаться!..» И страшную тайну
о данной
Клятве сыну открыл он. «Не плачь, не крушися,
родитель, —
Так отвечал Иван-царевич, — беда невелика.
Дай мне коня; я поеду; а ты меня дожидайся;
Тайну держи про себя, чтоб о ней здесь никто не
проведал,
Даже сама государыня-матушка. Если ж назад я
К вам по прошествии целого года не буду, тогда уж
Знайте, что нет на свете меня». Снарядили как
должно
В путь Ивана-царевича. Дал ему царь золотые
Латы, меч и коня вороного; царица с мощами
Крест на шею надела ему; отпели молебен;
Нежно потом обнялись, поплакали... с Богом! Поехал
В путь Иван-царевич. Что-то с ним будет? Уж едет
День он, другой и третий; в исходе
четвертого — солнце
Только успело зайти — подъезжает он к озеру;
гладко
Озеро то, как стекло; вода наровне с берегами;

Все в окрестности пусто; румяным вечерним сияньем
Воды покрытые гаснут; и в них отразился зеленый
Берег и частый тростник — и все как будто бы
дремлет;
Воздух не веет; тростинка не тронется; шороха
в струйках
Светлых не слышно. Иван-царевич смотрит, и что же
Видит он? Тридцать хохлатых сереньких уточек
подле
Берега плавают; рядом тридцать белых сорочек
Подле воды на травке лежат. Осторожно поодаль
Слез Иван-царевич с коня; высокой травкою
Скрытый, подполз и одну из белых сорочек
тихонько
Взял; потом угнезвился в кусте дожидаться, что
будет.
Уточки плавают, плещутся в струйках, играют,
ныряют...
Вот наконец, поиграв, поныряв, поплескавшись,
подплыли
К берегу; двадцать девять из них, побежав
с перевалкой
К белым сорочкам, оземь ударились, все обратились
В красных девиц, нарядились, порхнули и разом
исчезли.
Только тридцатая уточка, на берег выйти не смея,
Взад и вперед одна-одинешенька с жалобным
криком
Около берега бьется; с робостью вытянув шейку,
Смотрит туда и сюда, то вспорхнет, то снова
присядет...
Жалко стало Ивану-царевичу. Вот он выходит
К ней из-за кустика; глядь, а она ему человеческим
Голосом вслух говорит: «Иван-царевич, отдай мне
Платье мое, я сама тебе пригожуся». Он с нею
Спорить не стал, положил на траву сорочку
и, скромно
Прочь отошедши, стал за кустом. Вспорхнула на
травку
Уточка. Что же вдруг видит Иван-царевич? Девица
В белой одежде стоит перед ним, молода и
прекрасна
Так, что ни в сказке сказать, ни пером описать,
и, краснея,

Руку ему подает и, потупив стыдливые очи,
Голосом звонким, как струны, ему говорит:

«Благодарствуй,
Добрый Иван-царевич, за то, что меня ты послушал;
Тем ты себе самому услужил, но и мною доволен
Будешь; я дочь Кощея бессмертного, Марья-царевна;
Тридцать нас у него, дочерей молодых.

Подземельным
Царством владеет Кощей. Он давно уж тебя

поджидает
В гости и очень сердит; но ты не пекись, не заботься,
Сделай лишь то, что я тебе присоветую. Слушай:
Только завидишь Кощея-царя, упади на колена,
Прямо к нему поползи; затопают он — не пугайся;
Станет ругаться — не слушай; ползи да и только; что
после

Будет, увидишь; теперь пора нам». И Марья-царевна
В землю ударила маленькой ножкой своей;

расступилась
Тотчас земля, и они вместе в подземное царство
спустились.

Видят дворец Кощея бессмертного;
высечен был он

Весь из карбункула камня¹ и ярче небесного солнца
Все под землей освещал. Иван-царевич отважно
Входит: Кощей сидит на престоле в светлой короне;
Блещут глаза, как два изумруда; руки с клешнями.
Только завидел его вдалеке, тотчас на колени
Стал Иван-царевич. Кощей же затопал, сверкнуло
Страшно в зеленых глазах, и так закричал, что

своды
Царства подземного дрогнули. Слово

Марьи-царевны
Вспомня, пополз на карачках Иван-царевич
к престолу;
Царь шумит, а царевич ползет да ползет.

Напоследок
Стало царю и смешно. «Добро ты, проказник, —
сказал он, —
Если тебе удалось меня рассмешить, то с тобою
Ссоры теперь заводить я не стану. Милости просим

¹ Карбункул-камень — старинное название драгоценного камня рубина.

К нам в подземельное царство; но знай, за твоё
ослушанье
Должен ты нам отслужить три службы; сочтемся мы
завтра;
Ныне уж поздно, поди». Тут два придворных
проворно
Под руки взяли Ивана-царевича очень учтиво,
С ним пошли в покой, отведенный ему, отворили
Дверь, поклонились царевичу в пояс, ушли,
и остался
Там он один. Беззаботно он лег на постелю и скоро
Сном глубоким заснул. На другой день рано поутру
Царь Кощей к себе Ивана-царевича кликнул:
«Ну, Иван-царевич, — сказал он, — теперь мы
посмотрим,
Что-то искусен ты делать? Изволь, например, нам
построить
Нынешней ночью дворец: чтоб кровля была золотая,
Стены из мрамора, окна хрустальные, вкруг
регулярный
Сад, и в саду пруды с карасями; если построишь
Этот дворец, то нашу царскую милость заслужишь;
Если же нет, то прошу не пенять... головы не
удержишь!» —
«Ах ты, Кощей окаянный, — Иван-царевич подумал, —
Вот что затеял, смотри пожалуй!» С тяжелой
кручиной
Он возвратился к себе и сидит пригорюнясь; уж
вечер;
Вот блестящая пчелка к его подлетела окошку,
Бьется об стекла — и слышит он голос: «Впусти!»
Отворил он
Дверку окошка, пчелка влетела и вдруг обернулась
Марьей-царевной. «Здравствуй, Иван-царевич,
о чем ты
Так призадумался?» — «Нехотя будешь задумчив», —
сказал он. —
Батюшка твой до моей головы добирается». —
«Что же
Сделать решился ты?» — «Что? Ничего. Пускай его
снимет
Голову; двух смертей не видать, одной не
минуешь». —
«Нет, мой милый Иван-царевич, не должно терять
нам

Бодрости. То ли беда? Беда впереди; не печалься;
Утро вечера, знаешь ты сам, мудренее: ложися
Спать, а завтра поране встань; уж дворец твой
построен
Будет; ты ж только ходи с молотком да постукивай
в стену».
Так все и сделалось. Утром, ни свет ни заря, из
каморки
Вышел Иван-царевич... глядит, а дворец уж построен,
Чудный такой, что сказать невозможно. Кощей
изумился;
Верить не хочет глазам. «Да ты хитрец не на
шутку, —
Так он сказал Ивану-царевичу; вижу, ты ловок
На руку; вот мы посмотрим, так же ли будешь
догадлив.
Тридцать есть у меня дочерей, прекрасных царевен.
Завтра я всех их рядом поставлю, и должен ты
будешь
Три раза мимо пройти и в третий мне раз без
ошибки
Младшую дочь мою, Марью-царевну, узнать; не
узнаешь —
С плеч голова. Поди». — «Уж выдумал, чучела,
мудрость, —
Думал Иван-царевич, сидя под окном. — Не узнать
мне Марью-царевну... какая ж тут трудность?» —
«А трудность такая, —
Молвила Марья-царевна, пчелкой влетевши, — что
если
Я не вступлюся, то быть беде неминуемой. Всех нас
Тридцать сестер, и все на одно мы лицо; и такое
Сходство меж нами, что сам отец наш только по
платью
Может нас различать». — «Ну что же мне делать?» —
«А вот что:
Буду я та, у которой на правой щеке ты заметишь
Мошку. Смотри же, будь осторожен, взглядишь
хорошенько,
Сделать ошибку легко. До свиданья». И пчелка
исчезла.
Вот на другой день опять Ивана-царевича кличет
Царь Кощей. Царевны уж тут, и все в одиночном
Платье рядом стоят, потупив глаза. «Ну, искусник, —
Молвил Кощей, — изволь-ка пройтись три раза
мимо

Этих красавиц, да в третий раз потрудись указать
 нам
 Марью-царевну». Пошел Иван-царевич; глядит он
 В оба глаза: уж подлинно сходство! И вот он
 проходит
 В первый раз — мошки нет; проходит в другой
 раз — все мошки
 Нет; проходит в третий и видит — крадется мошка,
 Чуть заметно, по свежей щеке, а щека-то под нею
 Так и горит; загорелось и в нем, и с трепещущим
 сердцем:
 «Вот она, Марья-царевна!» — сказал он Кощею,
 подавши
 Руку красавице с мошкой. «Э! э! да тут, примечаю,
 Что-то нечисто, — Кощей проворчал, на царевича
 с сердцем
 Выпучив оба зеленые глаза. — Правда, узнал ты
 Марью-царевну, но как узнал? Вот тут-то и хитрость;
 Верно, с грехом пополам. Погоди же, теперь
 доберуся
 Я до тебя. Часа через три ты опять к нам пожалуй;
 Рады мы гостю, а ты нам свою премудрость на деле
 Здесь покажи: зажгу я соломинку; ты же, покуда
 Будет гореть та соломинка, здесь, не трогаясь
 с места,
 Сшей мне пару сапог с оторочкой; не диво; да
 только
 Знай наперед: не сошьешь — долой голова; до
 свиданья».

Зол возвратился к себе Иван-царевич, а пчелка
 Марья-царевна уж там. «Отчего опять так задумчив,
 Милый Иван-царевич?» — спросила она. «Поневоле
 Будешь задумчив, — он ей отвечал. — Отец твой
 затеял
 Новую шутку: шей я ему сапоги с оторочкой;
 Разве какой я сапожник? Я царский сын; я не хуже
 Родом его. Кощей он бессмертный! видали мы много
 Этих бессмертных». — «Иван-царевич, да что же ты
 будешь
 Делать?» — «Что мне тут делать? Шить сапогов я не
 стану.
 Снимет он голову — черт с ним, с собакой! какая мне
 нужда!» —
 «Нет, мой милый, ведь мы теперь жених и невеста;

Я постараюсь избавить тебя; мы вместе спасемся
Или вместе погибнем. Нам должно бежать; уж

Способа нет». Так сказав, на окошко Марья-царевна
Плюнула; слюнки в минуту примерзли к стеклу; из
каморки

Вышла она потом с Иваном-царевичем вместе.
Двери ключом заперла и ключ далеко зашвырнула.
За руки взявшись потом, они поднялись и мигом
Там очутились, откуда сошли в подземельное

царство:
То же озеро, низкий берег, муравчатый, свежий
Луг, и, видят, по лугу свежему бодро гуляет
Конь Ивана-царевича. Только почувал могучий
Конь седока своего, как заржал, заплясал

и помчался
Прямо к нему и, примчавшись, как вкопанный
в землю

Стал перед ним. Иван-царевич, не думая долго,
Сел на коня, царевна за ним, и пустились стрелою.
Царь Кощей в назначенный час посылает

придворных
Слуг доложить Ивану-царевичу: что-де так долго
Мешкать изволите? Царь дожидается. Слуги
приходят;

Заперты двери. Стук! стук! и вот из-за двери им
слюнки,
Словно как сам Иван-царевич, ответствуют: *буду*.
Этот ответ придворные слуги относят к Кощею;
Ждать-подождать — царевич нейдет; посылает

в другой раз
Тех же послов рассерженный Кощей, и та же все
песня:

Буду; а нет никого. Взбесился Кощей. «Насмехаться,
Что ли, он вздумал? Бегите же; дверь разломать
и в минуту

За ворот к нам притащить неучтивца!» Бросились
слуги...

Двери разломаны... вот тебе раз; никого там,
а слюнки

Так и хохочут. Кощей едва от злости не лопнул.
«Ах! он вор окаянный! люди! люди! скорее
Все в погоню за ним!.. я всех перевешаю, если

Он убежит!..» Помчалась погоня... «Мне слышится
 топот», —
 Шепчет Ивану-царевичу Марья-царевна,
 прижавшись
 Жаркою грудью к нему. Он слезает с коня
 и, припавши
 Ухом к земле, говорит ей: «Скачут, и близко». — «Так
 медлить
 Нечего», — Марья-царевна сказала и в ту же минуту
 Сделалась речкой сама, Иван-царевич железным
 Мостиком, черным вороном конь, а большая дорога
 На три дороги разбилась за мостиком. Быстро
 погоня
 Скачет по свежему следу; но, к речке примчавшись,
 стали
 В пень Кощеевы слуги: след до мостика виден;
 Дале ж и след пропадает и делится на три дорога.
 Нечего делать — назад! Воротились разумники.
 Страшно
 Царь Кощей разозлился, о их неудаче услышав.
 «Черти! ведь мостик и речка были они! догадаться
 Можно бы вам, дуралеям! Назад! чтоб был
 непременно
 Здесь он!..» Опять помчалась погоня... «Мне
 слышится топот», —
 Шепчет опять Ивану-царевичу Марья-царевна.
 Слез он с седла и, припавши ухом к земле,
 говорит ей:
 «Скачут, и близко». И в ту же минуту Марья-царевна
 Вместе с Иваном-царевичем, с ними и конь их,
 дремучим
 Сделались лесом; в лесу том дорожек, тропинок
 числа нет;
 По лесу ж, кажется, конь с двумя седоками несется.
 Вот по свежему следу гонцы примчались к лесу;
 Видят в лесу скакунов и пустились в догонку за ними.
 Лес же раскинулся вплоть до входа в Кощеево
 царство.
 Мчатся гонцы, а конь перед ними скачет да скачет;
 Кажется, близко; ну только б схватить; ан нет, не
 дается.
 Глядь! очутились они у входа в Кощеево царство,

В самом том месте, откуда пустились в погоню;
и скрылось
Все: ни коня, ни дремучего лесу. С пустыми руками
Снова явились к Кощею они. Как цепная собака,
Начал метаться Кощей. «Вот я ж его, плута! Коня
мне!
Сам поеду, увидим мы, как от меня отвертится!»
Снова Ивану-царевичу Марья-царевна тихонько
Шепчет: «Мне слышится топот»; и снова он ей
отвечает:
«Скажут, и близко». — «Беда нам! Ведь это Кощей,
мой родитель
Сам; но у первой церкви граница его государства;
Далее ж церкви скакать он никак не посмеет. Поддай
мне
Крест твой с мощами». Послушавшись Марьи-царевны,
снимает
С шеи свой крест золотой Иван-царевич и в руки
Ей подает, и в минуту она обратилась в церковь,
Он в монаха, а конь в колокольню — и в ту же
минуту
С свитою к церкви Кощей прискакал. «Не видал ли
прохожих,
Старец честной?» — он спросил у монаха. «Сейчас
проезжали
Здесь Иван-царевич с Марьей-царевной; входили
В церковь они — святым помолились да мне
приказали
Свечку поставить за здоровье твое и тебе
поклониться,
Если ко мне ты заедешь». — «Чтоб шею сломить им,
проклятым!» —
Крикнул Кощей и, коня повернув, как безумный,
помчался
С свитой назад, а примчавшись домой, пересек
беспощадно
Всех до единого слуг. Иван же царевич с своею
Марьей-царевной поехали дале, уже не бояся
Боле погони. Вот они едут шажком; уж склонялось
Солнце к закату, и вдруг в вечерних лучах перед
ними
Город прекрасный. Ивану-царевичу смерть
захотелось
В этот город захватить. «Иван-царевич, — сказала

Марья-царевна, — не езд; недаром вешее сердце
 Ноет во мне: беда приключится». — «Чего ты
 боишься,
 Марья-царевна? Заедем туда на минуту; посмотрим
 Город, потом и назад» — «Заехать нетрудно, да
 трудно
 Выехать будет. Но быть так! ступай, а я здесь
 останусь
 Белым камнем лежать у дороги; смотри же, мой
 милый,
 Будь осторожен: царь и царица, и дочь их царевна
 Выдут навстречу тебе, и с ними прекрасный
 младенец
 Будет; младенца того не целуй: поцелуешь —
 забудешь
 Тотчас меня; тогда и я не останусь на свете,
 С горя умру, и умру от тебя. Вот здесь, у дороги,
 Буду тебя дожидаться я три дня; когда же на третий
 День не придешь... но прости, поезжай». И в город
 поехал,
 С нею простясь, Иван-царевич один. У дороги
 Белым камнем осталася Марья-царевна. Проходит
 День, проходит другой, напоследок проходит
 и третий —
 Нет Ивана-царевича. Бедная Марья-царевна!
 Он не исполнил ее наставленья: в городе вышли
 Встретить его и царь, и царица, и дочь их царевна;
 Выбежал с ними прекрасный младенец, мальчик-
 кудряшка,
 Живчик, глазенки как ясные звезды; и бросился
 прямо
 В руки Ивану-царевичу; он же его красотою
 Так был пленен, что, ум потерявши, в горячие щеки
 Начал его целовать; и в эту минуту затмилась
 Память его, и он позабыл о Марье-царевне.
 Горе взяло ее. «Ты покинул меня, так и жить мне
 Незачем боле». И в то же мгновенье из белого камня
 Марья-царевна в лазоревый цвет полевой превратилась.
 «Здесь, у дороги, останусь, авось мимоходом
 затопчет
 Кто-нибудь в землю меня», — сказала она, и росинки
 Слез на листках голубых заблестали. Дорогой в то
 время
 Шел старик; он цветок голубой у дороги увидел;

Нежной его красотой пленясь, осторожно он вырыл
С корнем его, и в избушку свою перенес, и в корытце
Там посадил, и полил водой, и за милым цветочком
Начал ухаживать. Что же случилось? С той самой

минуты

Все не по-старому стало в избушке; чудесное что-то
Начало деяться в ней: проснется старик —

а в избушке

Все уж как надобно прибрано; нет нигде ни пылинки.

В полдень придет он домой — а обед уж состряпан,

и чистой

Скатертью стол уж накрыт: садися и ешь на

здоровье.

Он дивился, не знал, что подумать; ему напоследок

Стало и страшно, и он у одной ворожейки-старушки

Начал совета просить, что делать. «А вот что ты

сделай, —

Так отвечала ему ворожейка, — встань ты до первой

Ранней зари, пока петухи не пропели, и в оба

Глаза гляди: что начнет в избушке твоей

шевелиться,

То ты вот этим платком и накрой. Что будет,

увидишь».

Целую ночь напролет старик пролежал на постеле,

Глаз не смыкая. Заря занялася, и стало в избушке

Видно, и видит он вдруг, что цветок голубой

встрепенулся,

С тонкого стебля спорхнул и начал летать по

избушке;

Все между тем по местам становилось, повсюду

сметалась

Пыль, и огонь разгорался в печурке. Проворно

с постели

Прянул старик и накрыл цветочек платком,

и явилась

Вдруг пред глазами его красавица Марья-царевна.

«Что ты сделал? — сказала она. — Зачем возвратил ты

Жизнь мне мою? Жених мой, Иван-царевич

прекрасный,

Бросил меня, и я им забыта». — «Иван твой царевич

Женится нынче. Уж свадебный пир приготовлен,

и гости

Съехались все». Заплакала горько Марья-царевна;

Слезы потом отерла; потом, в сарафан нарядившись,

В город крестьянкой пошла. Приходит на царскую
кухню;
Бегают там повара в колпаках и фартуках белых;
Шум, возня, стукотня. Вот Марья-царевна,
приближась
К старшему повару, с видом умильным и сладким,
как флейта,
Голосом молвила: «Повар, голубчик, послушай,
позволь мне
Свадебный спечь пирог для Ивана-царевича». Повар,
Занятый делом, с досады хотел огрызнуться; но
слово
Замерло вдруг у него на губах, когда он увидел
Марью-царевну; и ей отвечал он с приветливым
взглядом:
«В добрый час, девица-красавица; все, что угодно
Делай; Ивану-царевичу сам поднесу я пирог твой».
Вот пирог испечен; а званые гости, как должно,
Все уж сидят за столом и пируют. Услужливый
повар
Важно огромный пирог на узорном серебряном
блюде
Ставит на стол перед самым Иваном-царевичем;
гости
Все удивились, увидя пирог. Но лишь только
верхушку
Срезал с него Иван-царевич — новое чудо!
Сизый голубь с белой голубкой порхнули оттуда.
Голубь по столу ходит; голубка за ним и воркует:
«Голубь, мой голубь, постой, не беги; обо мне ты
забудешь
Так, как Иван-царевич забыл о Марье-царевне!»
Ахнул Иван-царевич, то слово голубки услышав;
Он вскочил как безумный и кинулся в дверь, а за
дверью
Марья-царевна стоит уж и ждет. У крыльца же
Конь вороной с нетерпеньем, оседланный,
взнузданный, пляшет.
Нечего медлить; поехал Иван-царевич с своею
Марьей-царевной; едут да едут, и вот приезжают
В царство царя Берендея они. И царь и царица
Приняли их с весельем таким, что такого веселья

Видом не видано, слыхом не слыхано. Долго не
Думать, честным пирком да за свадебку; съехались
Свадьбу сыграли; я там был, там мед я и пиво
Пит; по усам текло, да в рот не попало; и все тут.

СПЯЩАЯ ЦАРЕВНА

Жил-был добрый царь Матвей;
Жил с царицею своею
Он в согласье много лет;
А детей все нет как нет.
Раз царица на лугу,
На зеленом берегу
Ручейка была одна;
Горько плакала она.
Вдруг, глядит, ползет к ней рак;
Он сказал царице так:
«Мне тебя, царица, жаль;
Но забудь свою печаль;
Понесешь ты в эту ночь:
У тебя родится дочь». —
«Благодарствуй, добрый рак;
Не ждала тебя никак...»
Но уж рак уполз в ручей,
Не слыхав ее речей.
Он, конечно, был пророк;
Что сказал-сбылося в срок:
Дочь царица родила.
Дочь прекрасна так была,
Что ни в сказке рассказать,
Ни пером не описать.
Вот царем Матвеем пир
Знатный дан на целый мир;
И на пир веселый тот
Царь одиннадцать зовет
Чародеек молодых;
Было ж всех двенадцать их;
Но двенадцатой одной,
Хромоногой, старой, злой,

Царь на праздник не позвал.
Отчего ж так оплошал
Наш разумный царь Матвей?
Было то обидно ей.
Так, но есть причина тут:
У царя двенадцать блюд
Драгоценных, золотых,
Было в царских кладовых;
Приготовили обед;
А двенадцатого нет
(Кем украдено оно,
Знать об этом не дано).
«Что ж тут делать? — царь сказал. —
Так и быть!» И не послал
Он на пир старухи звать.
Собрались пировать
Гости, званные царем;
Пили, ели, а потом,
Хлебосольного царя
За прием благодаря,
Стали дочь его дарить:
«Будешь в золоте ходить;
Будешь чудо красоты;
Будешь всем на радость ты
Благонравна и тиха;
Дам красавца жениха
Я тебе, мое дитя;
Жизнь твоя пройдет шутя
Меж знакомых и родных...»
Словом, десять молодых
Чародеек, одарив
Так дитя наперерыв,
Удалились; в свой черед
И последняя идет;
Но еще она сказать
Не успела слова — глядь!
А незваная стоит
Над царевной и ворчит:
«На пиру я не была,
Но подарок принесла:
На шестнадцатом году
Повстречаешь ты беду;
В этом возрасте своем
Руку ты веретенном

Оцарапаешь, мой свет,
И умрешь во цвете лет!»
Проворчавши так, тотчас
Ведьма скрылася из глаз;
Но оставшаяся там
Речь домолвила: «Не дам
Без пути ругаться ей
Над царевною моею;
Будет то не смерть, а сон;
Триста лет продлится он;
Срок назначенный пройдет,
И царевна оживет;
Будет долго в свете жить;
Будут внуки веселить
Вместе с нею мать, отца
До земного их конца.
Скрылася гостыя. Царь грустит;
Он не ест, не пьет, не спит:
Как от смерти дочь спасти?
И, беду чтоб отвести,
Он дает такой указ:
«Запрещается от нас
В нашем царстве сеять лен,
Прясть, сучить, чтоб веретен
Духу не было в домах;
Чтоб скорей как можно прях
Всех из царства выслать вон».
Царь, издав такой закон,
Начал пить, и есть, и спать,
Начал жить да поживать,
Как дотоле, без забот.
Дни проходят, дочь растет;
Расцвела, как майский цвет;
Вот уж ей пятнадцать лет...
Что-то, что-то будет с ней!
Раз с царицею своею
Царь отправился гулять;
Но с собой царевну взять
Не случилось им; она
Вдруг соскучилась одна
В душной горнице сидеть
И на свет в окно глядеть.
«Дай, — сказала наконец, —
Осмотрю я наш дворец».

По дворцу она пошла:
Пышных комнат нет числа;
Всем любитесь она;
Вот, глядит, отворена
Дверь в покой; в покое том
Вьется лестница винтом
Вкруг столба; по ступеням
Всходит вверх и видит — там
Старушоночка сидит;
Гребень под носом торчит;
Старушоночка прядет
И за пряжею поет:
«Веретенце, не ленись;
Пряжа тонкая, не рвись;
Скоро будет в добрый час
Гостья жданная у нас».
Гостья жданная вошла;
Пряха молча подала
В руки ей веретено;
Та взяла, и вмиг оно
Укололо руку ей...
Все исчезло из очей;
На нее находит сон;
Вместе с ней объемлет он
Весь огромный царский дом;
Все утихнуло крутом;
Возвращаясь во дворец,
На крыльце ее отец
Пошатнулся и зевнул
И с царицею заснул;
Свита вся за ними спит;
Стража царская стоит
Под ружьем в глубоком сне,
И на спящем спит коне
Перед ней хорунжий¹ сам;
Неподвижно по стенам
Мухи сонные сидят;
У ворот собаки спят;
В стойлах, головы склонив,
Пышны гривы опустив,
Кони корму не едят,
Кони сном глубоким спят;

---

¹ *Хорунжий* — воин, который носил знамя полка — *хоругвь*.

Повар спит перед огнем;
И огонь, объятый сном,
Не пылает, не горит,
Сонным пламенем стоит;
И не тронется над ним,
Свившись клубом, сонный дым;
И окрестность со дворцом
Вся объята мертвым сном;
И покрыл окрестность бор;
Из терновника забор
Дикий бор тот окружил;
Он навек загородил
К дому царскому пути:
Долго, долго не найти
Никому туда следа —
И приблизится беда!
Птица там не пролетит.
Близко зверь не пробежит.
Даже облака небес
На дремучий, темный лес
Не навеет ветерок.
Вот уж полный век протек;
Словно не жил царь Матвей —
Так из памяти людей
Он изгладился давно.
Знали только то одно,
Что средь бора дом стоит,
Что царевна в доме спит,
Что проспать ей триста лет,
Что теперь к ней следу нет.
Много было смельчаков
(По сказанью стариков),
В лес брались они сходить,
Чтоб царевну разбудить;
Даже бились об заклад
И ходили — но назад
Не пришел никто. С тех пор
В неприступный, страшный бор
Ни старик, ни молодой
За царевной ни ногой.
Время ж все текло, текло;
Вот и триста лет прошло.
Что ж случилось? В один
День весенний царский сын,

Забавляясь ловлей, там
По долинам, по полям
С свитой ловчих разъезжал.
Вот от свиты он отстал;
И у бора вдруг один
Очутился царский сын.
Бор, он видит, темен, дик.
С ним встречается старик.
С стариком он в разговор:
«Расскажи про этот бор
Мне, стариனுшка честной!»
Покачавши головой,
Все старик тут рассказал,
Что от дедов он слышал
О чудесном боре том:
Как богатый царский дом
В нем давным-давно стоит,
Как царевна в доме спит,
Как ее чудесен сон,
Как три века длится он,
Как во сне царевна ждет,
Что спаситель к ней придет;
Как опасны в лес пути,
Как пыталася дойти
До царевны молодежь,
Как со всяким то ж да то ж
Приключалось: попадал
В лес, да там и погибал.
Был детина удалой
Царский сын; от сказки той
Вспыхнул он, как от огня;
Шпоры втиснул он в коня;
Прянул конь от острых шпор
И стрелой помчался в бор,
И в одно мгновенье там.
Что ж явилось очам
Сына царского? Забор,
Ограждавший темный бор,
Не терновник уж густой,
Но кустарник молодой;
Блещут розы по кустам;
Перед витязем он сам
Расступился, как живой;
В лес въезжает витязь мой:

Все свежо, красно пред ним;
По цветочкам молодым
Пляшут, блещут мотыльки;
Светлой змейкой ручейки
Вьются, пенятся, журчат;
Птицы прыгают, шумят
В густоте ветвей живых;
Лес душист, прохладен, тих,
И ничто не страшно в нем.
Едет гладким он путем
Час, другой; вот наконец
Перед ним стоит дворец,
Зданье — чудо старины;
Воротá отворены;
В воротá въезжает он;
На дворе встречает он
Тьму людей, и каждый спит:
Тот как вкопанный сидит;
Тот не двигаясь идет;
Тот стоит, раскрывши рот:
Сном пресекая разговор,
И в устах молчит с тех пор
Недоконченная речь;
Тот, вздремав, когда-то лечь
Собрался, но не успел:
Сон *волшебный* овладел
Прежде сна *простого* им;
И, три века недвижим,
Не стоит он, не лежит
И, упасть готовый, спит.
Изумлен и поражен
Царский сын. Проходит он
Между сонными к дворцу;
Приближается к крыльцу;
По широким ступеням
Хочет вверх идти; но там
На ступенях царь лежит
И с царицей вместе спит.
Путь наверх загорожен.
«Как же быть? — подумал он. —
Где пробраться во дворец?»
Но решился наконец,
И, молитву сотворя,
Он шагнул через царя.

Весь дворец обходит он;
Пышно все, но всюду сон,
Гробовая тишина.
Вдруг глядит: отворена
Дверь в покой; в покое том
Вьется лестница винтом
Вкруг столба; по ступеням
Он взошел. И что же там?
Вся душа его кипит,
Перед ним царевна спит.
Как дитя, лежит она,
Распылалась от сна;
Молод цвет ее ланит;¹
Меж ресницами блестит
Пламя сонное очей;
Ночи темная темней,
Заплетенные косой,
Кудри черной полосой,²
Обвились вокруг чела;²
Грудь, как свежий снег, бела;
На воздушный, тонкий стан
Брошен легкий сарафан;
Губки алые горят;
Руки белые лежат
На трепещущих грудях;
Сжаты в легких сапожках
Ножки — чудо красотой.
Видом прелести такой
Отуманен, распален,
Неподвижно смотрит он;
Неподвижно спит она.
Что ж разрушит силу сна?
Вот, чтоб душу насладить,
Чтоб хоть мало утолить
Жадность пламенных очей,
На колени ставши, к ней
Он приблизился лицом:
Распалительным огнем
Жарко рдеющих ланит
И дыханьем уст облит,
Он души не удержал

---

¹ Ланиты — щеки.

² Челó — лоб.

И ее поцеловал.
Вмиг проснулася она;
И за нею вмиг от сна
Поднялося все кругом:
Царь, царица, царский дом;
Снова говор, крик, возня;
Все, как было; словно дня
Не прошло с тех пор, как в сон
Весь тот край был погружен.
Царь на лестницу идет;
Нагулявшись, ведет
Он царицу в их покой;
Сзади свита вся толпой;
Стражи ружьями стучат;
Мухи стаями летят;
Приворотный лает пес;
На конюшне свой овес
Доедает добрый конь;
Повар дует на огонь,
И, треща, огонь горит.
И струею дым бежит.
Все бывалое — один
Небывалый царский сын.
Он с царевной наконец
Сходит сверху; мать, отец
Принялись их обнимать.
Что ж осталось досказать?
Свадьба, пир, и я там был
И вино на свадьбе пил;
По усам вино бежало,
В рот же капли не попало.

КОТ В САПОГАХ

Жил мельник. Жил он, жил и умер,
Оставивши своим трем сыновьям
В наследство мельницу, осла, кота
И... только. Мельницу взял старший сын,
Осла взял средний; а меньшому дали
Кота. И был он крепко недоволен
Своим участком. «Братья, — рассуждал он, —
Сложившись, будут без нужды; а я,

Изжаривши kota и съев и сделав
Из шкурки муфту, чем потом начну
Хлеб добывать насущный?» Так он вслух,
С самим собою рассуждая, думал;
А Кот, тогда лежавший на печурке,
Разумное подслушав рассужденье,
Сказал ему: «Хозяин, не печалься;
Дай мне мешок да сапоги, чтоб мог я
Ходить за дичью по болоту, — сам
Тогда увидишь, что не так-то беден
Участок твой». Хотя и не совсем
Был убежден Котом своим хозяин,
Но уж не раз случалось замечать
Ему, как этот Кот искусно вел
Войну против мышей и крыс, какие
Выдумывал он хитрости и как,
То, мертвым притворясь, висел на лапах
Вниз головой, то пудрил мукой,
То прятался в трубу, то под кадушкой
Лежал, свернувшись в ком; а потому
И слов Кота не пропустил он мимо
Ушей. И подлинно, когда он дал
Коту мешок и нарядил его
В большие сапоги, на шею Кот
Мешок надел и вышел на охоту
В такое место, где, он ведал, много
Водилось кроликов. В мешок насыпав
Трухи, его на землю положил он;
А сам вблизи, как мертвый, растянулся
И терпеливо ждал, чтобы какой невинный,
Неопытный в науке жизни кролик
Пожаловал к мешку покушать сладкой
Трухи. И он недолго ждал. Как раз
Перед мешком его явился глупый,
Вертлявый, долгоухий кролик; он
Мешок понюхал, поморгал ноздрями,
Потом и влез в мешок; а Кот проворно
Мешок стянул снурком и без дальнейших
Приветствий гостя угостил по-свойски.
Победою довольный, во дворец
Пошел он к королю и приказал,
Чтобы об нем немедля доложили.
Велел ввести Кота в свой кабинет
Король. Вошел, он поклонился в пояс;

Потом сказал, потупив морду в землю:
«Я кролика, великий государь,
От моего принес вам господина,
Маркиза Карабаса (так он вздумал
Назвать хозяина); имеет честь
Он вашему величеству свое
Глубокое почтенье изъяснить
И просит вас принять его гостинец». —
«Скажи маркизу, — отвечал король, —
Что я его благодарю и что
Я очень им доволен». Королю
Откланявшись, Кот пошел домой.
Когда ж он шел через дворец, то все
Вставали перед ним и жали лапу
Ему с улыбкой, потому что он
Был в кабинете принят королем
И с ним наедине (и, уж конечно,
О государственных делах) так долго
Беседовал. А Кот был так учтив,
Так обходителен, что все дивились
И думали, что жизнь свою провел
Он в лучшем обществе. Спустя немного,
Отправился опять на ловлю Кот,
В густую рожь засел с своим мешком
И там поймал двух жирных перепелок.
И их немедленно он к королю,
Как прежде кролика, отнес в гостинец
От своего маркиза Карабаса.
Охотник был король до перепелок;
Опять позвать велел он в кабинет
Кота и, перепелок сам принявши,
Благодарить маркиза Карабаса
Велел особенно. И так наш Кот
Недели три-четыре к королю
От имени маркиза Карабаса
Носил и кроликов и перепелок.
Вот он однажды сведал, что король
Сбирается прогуливаться в поле
С своею дочерью (а дочь была
Красавица, какой другой на свете
Никто не видывал) и что они
Поедут берегом реки. И он,
К хозяину поспешно прибежав,
Ему сказал: «Когда теперь меня

Послушаешься ты, то будешь разом
И счастлив, и богат; вся хитрость в том,
Чтоб ты сейчас пошел купаться в реку;
Что будет после, знаю я; а ты
Сиди себе в воде да полоскайся,
Да ни о чем не хлопочи». Такой
Совет принять маркизу Карабасу
Не трудно было; день был жаркий; он
С охотою отправился к реке,
Влез в воду и сидел в воде по горло,
А в это время был король уж близко.
Вдруг начал Кот кричать: «Разбой! разбой!
Сюда, народ!» — «Что сделалось?» — подъехав,
Спросил король. «Маркиза Карабаса
Ограбили и бросили в реку;
Он тонет». Тут, по слову короля,
С ним бывшие придворные чины
Все кинулись ловить в воде маркиза.
А королю Кот на ухо шепнул:
«Я должен вашему величеству донести,
Что бедный мой маркиз совсем раздет;
Разбойники все платье унесли»
(А платье сам, мошенник, спрятал в куст).
Король велел, чтобы один из бывших
С ним государственных министров снял
С себя мундир и дал его маркизу.
Министр тотчас разделся за кустом;
Маркиза же в его мундир одели,
И Кот его представил королю;
И королем был ласково он принят.
А так как он красавец был собою,
То и совсем не мудрено, что скоро
И дочери прекрасной королевской
Понравился. Богатый же мундир
(Хотя на нем и не совсем в обтяжку
Сидел он, потому что брюхо было
У королевского министра) вид
Ему отличный придавал. Короче,
Маркиз понравился; и сесть с собой
В коляску пригласил его король;
А сметливый наш Кот во все лопатки
Вперед бежать пустился. Вот увидел
Он на лугу широком косарей,
Сбивавших сено. Кот им закричал:

«Король проедет здесь; и если вы
Ему не скажете, что этот луг
Принадлежит маркизу Карабасу,
То он вас всех прикажет изрубить
На мелкие куски». Король, проехав,
Спросил: «Кому такой прекрасный луг
Принадлежит?» — «Маркизу Карабасу», —
Все закричали разом косари
(В такой их страх привел проворный Кот).
«Богатые луга у вас, маркиз», —
Король заметил. А маркиз, смиренный
Принявши вид, отвечивал: «Луга
Изрядные». Тем временем поспешно
Вперед ушедший Кот увидел в поле
Жнецов: они в снопы вязали рожь.
«Жнецы, — сказал он, — едет близко наш
Король. Он спросит вас: чья рожь? И если
Не скажете ему вы, что она
Принадлежит маркизу Карабасу,
То он вас всех прикажет изрубить
На мелкие куски». Король проехал.
«Кому принадлежит здесь поле?» — он
Спросил жнецов. «Маркизу Карабасу», —
Жнецы ему с поклоном отвечали.
Король опять сказал: «Маркиз, у вас
Богатые поля». Маркиз на то
По-прежнему отвечивал смиренно:
«Изрядные». А Кот бежал вперед
И встречных всех учил, как королю
Им отвечать. Король был поражен
Богатствами маркиза Карабаса.
Вот наконец в великолепный замок
Кот прибежал. В том замке людоед
Волшебник жил; и Кот о нем уж знал
Всю подноготную; в минуту он
Смекнул, что делать: в замок смело
Вошел, он попросил у людоеда
Аудиенции; и людоед,
Приняв его, спросил: «Какую нужду
Вы, Кот, во мне имеете?» На это
Кот отвечал: «Почтенный людоед,
Давно слух носится, что будто вы
Умеете во всякий превращаться,
Какой задумаете, вид; хотел бы

Узнать я, подлинно ль такая мудрость
Дана вам?» — «Это правда; сами, Кот,
Увидите». И мигом он явился
Ужасным львом с густой, косматой гривой
И острыми зубами. Кот при этом
Так струсил, что (хоть был и в сапогах)
В один прыжок под кровлей очутился.
А людоед, захохотавши, принял
Свой прежний вид и попросил Кота
К нему сойти. Спустившись с кровли, Кот
Сказал: «Хотелось бы, однако, знать мне,
Вы можете ль и в маленького зверя,
Вот, например, в мышонка, превратиться?» —
«Могу, — сказал с усмешкой людоед, —
Что ж тут мудреного!» И он явился
Вдруг маленьким мышонком. Кот того
И ждал; он разом: цап! — и съел мышонка.
Король тем временем подъехал к замку,
Остановился и хотел узнать,
Чей был он. Кот же, рассчитавшись
С его владельцем, ждал уж у ворот,
И в пояс кланялся, и говорил:
«Не будет ли угодно, государь,
Пожаловать на перепутье в замок
К маркизу Карабасу?» — «Как, маркиз, —
Спросил король, — и этот замок вам же
Принадлежит? Признаться, удивляюсь;
И будет мне приятно побывать в нем».
И приказал король своей коляске
К крыльцу подъехать; вышел из коляски;
Принцессе ж руку предложил маркиз;
И все пошли по лестнице высокой
В покои. Там в просторной галерее
Был стол накрыт и полдник приготовлен
(На этот полдник людоед позвал
Приятелей, но те, узнав, что в замке
Король был, не вошли, и все домой
Отправились). И, сев за стол роскошный,
Король велел маркизу сесть меж ним
И дочерью; и стали пировать.
Когда же в голове у короля
Вино позашумело, он маркизу
Сказал: «Хотите ли, маркиз, чтоб дочь
Мою за вас я выдал?» Честь такую

С неимоверной радостью принял
Маркиз. И свадьбу вмиг сыграли. Кот
Остался при дворе, и был в чины
Произведен, и в бархатных являлся
В дни табельные¹ сапогах. Он бросил
Ловить мышей, а если и ловил,
То это для того, чтобы немного
Себя развлечь и сплин, который нажил
Под старость при дворе, воспоминаньем
О светлых днях минувшего рассеять.

МАЛЬЧИК-С-ПАЛЬЧИК

Жил маленький мальчик:
Был ростом он с пальчик,
Лицом был красавчик,
Как искры глазенки,
Как пух волосенки.
Он жил меж цветочков;
В тени их листочков
В жары отдыхал он;
И ночью там спал он;
С зарей просыпался,
Живой умывался
Росой, наряжался
В листочек атласный
Лилеи прекрасной;
Проворную пчелку
В свою одноколку²
Из легкой скорлупки
Потом запрягал он,
И с пчелкой летал он,
И жадные губки
С ней вместе впивал он
В цветы луговые.
К нему золотые
Цикады³ слетались

1 *Табельные* — праздничные.

2 *Одноко́лка* — двухколесный легкий экипаж.

3 *Цика́ды* — вид насекомых.

И с ним забавлялись,
Кружась с мотыльками,
Жужжа, и порхая,
И ярко сверкая
На солнце крылами;
Ночною ж порою,
Земля покрывалась
И в небе с луною
Одна за другою
Звезда зажигалась,
На луг благовонный
С лампадой зажженной
Лазурно-блестящий
К малютке являлся
Светляк, и сбирался
К нему вкруговую
На пляску ночную
Рой эльфов¹ летучий;
Они — как бегучий
Источник волнами —
Шумели крылами,
Свивались, сплетались,
Проворно качались
На тонких бьлинках,
В перловых² купались
На травке росинках,
Как искры сверкали
И шумно плясали
Пред ним до полночи.
Когда же на очи
Ему усыпление,
Под пляску, под пенье
Сходило — смолкали
И вмиг исчезали
Плясуньи ночные;
Тогда под живые
Цветы угнездившись
И в сон погрузившись,
Он спал под защитой

---

¹ *Эльфы* — добрые сказочные воздушные существа.

² *Перловый* — прозрачный, чистый, как жемчуг.

Их кровли, омытой
Росой, до восхода
Зари лучезарной
С границы янтарной
Небесного свода.
Так милый красавчик
Жил мальчик наш с пальчик...

Антоний Погорельский

1787 — 1836

Алексей Алексеевич Перовский, писавший под псевдонимом *Антоний Погорельский*, — прозаик, поэт, переводчик. Один из образованнейших людей своего времени. В 1811 году по его инициативе образовано Общество любителей российской словесности, которое занималось изучением и пропагандой русской литературы и фольклора.

А. А. Перовский — участник Отечественной войны 1812 года.

Он интересовался вопросами педагогики, занимался воспитанием сына своей сестры Алеши — будущего писателя Алексея Константиновича Толстого. Написал для десятилетнего племянника сказку «Черная курица» (опубликована в 1829 году).

ЧЕРНАЯ КУРИЦА, ИЛИ ПОДЗЕМНЫЕ ЖИТЕЛИ

Лет сорок тому назад в С.-Петербурге, на Васильевском острове, в Первой линии, жил-был содержатель мужского пансиона, который еще и до сих пор, вероятно, у многих остался в свежей памяти, хотя дом, где пансион тот помещался, давно уже уступил место другому, несколько не похожему на прежний. В то время Петербург наш уже славился в целой Европе своею красотой, хотя и далеко еще не был таким, каков теперь. Тогда на проспектах Васильевского острова не было веселых тенистых аллей: деревянные подмости, часто из гнилых досок сколоченные, заступали место нынешних прекрасных тротуаров. Исаакиевский мост, узкий в то время и неровный, совсем иной представлял вид, нежели как теперь; да и самая площадь Исаакиевская вовсе не такова была. Тогда монумент Петра Великого от Исаакиевской церкви отделен был канавою; Адмиралтейство не было обсажено деревьями; манеж Конногвардейский не украшал площади прекрасным нынешним фасадом — одним словом, Петербург тогдашний не то был, что теперешний. Города перед людьми имеют, между прочим, то преимущество, что они иногда с летами становятся кра-

сивее... Впрочем, не о том теперь идет дело. В другой раз и при другом случае я, может быть, поговорю с вами пространнее о переменах, происшедших в Петербурге в течение моего века, — теперь же обратимся опять к пансиону, который лет сорок тому назад находился на Васильевском острове, в Первой линии.

Дом, которого теперь — как уже я вам сказывал — вы не найдете, был о двух этажах, крытый голландскими черепицами. Крыльцо, по которому в него входили, было деревянное и выдавалось на улицу... Из сеней довольно кругая лестница вела в верхнее жилье, состоявшее из восьми или девяти комнат, в которых с одной стороны жил содержатель пансиона, а с другой были классы. Дортуары, или спальные комнаты детей, находились в нижнем этаже, по правую сторону сеней, а по левую жили две старушки, голландки, из которой каждой было более ста лет и которые собственными глазами видали Петра Великого и даже с ним говаривали...

В числе тридцати или сорока детей, обучавшихся в том пансионе, находился один мальчик, по имени Алеша, которому тогда было не более девяти или десяти лет. Родители его, жившие далеко-далеко от Петербурга, года за два перед тем привезли его в столицу, отдали в пансион и возвратились домой, заплатив учителю условленную плату за несколько лет вперед. Алеша был мальчик умный, миленький, учился хорошо, и все его любили и ласкали. Однако, несмотря на то, ему часто скучно бывало в пансионе, а иногда даже и грустно. Особенно сначала он никак не мог приучиться к мысли, что он разлучен с родными своими. Но потом мало-помалу он стал привыкать к своему положению, и бывали даже минуты, когда, играя с товарищами, он думал, что в пансионе гораздо веселее, нежели в родительском доме.

Вообще дни учения для него проходили скоро и приятно; но когда наставала суббота и все товарищи его спешили домой к родным, тогда Алеша горько чувствовал свое одиночество. По воскресеньям и праздникам он весь день оставался один, и тогда единственным утешением его было чтение книг, которые учитель позволял ему брать из небольшой своей библиотеки. Учитель был родом немец, а в то время в немецкой литературе господствовала мода на рыцарские романы и волшебные повести, — и библиотека, которою пользовался наш Алеша, большею частью состояла из книг сего рода.

Итак, Алеша, будучи еще в десятилетнем возрасте, знал уже наизусть деяния славнейших рыцарей, по крайней мере так, как они описаны были в романах. Любимым его занятием в длинные зимние вечера, по воскресеньям и другим праздничным дням, было мысленно переноситься в старинные, давно прошедшие века... Особливо в вакантное время, когда он бывал разлучен надолго со своими товарищами, когда часто целые дни просиживал в уединении, юное воображение его бродило по рыцарским замкам, по страшным развалинам или по темным, дремучим лесам.

Я забыл сказать вам, что к дому этому принадлежал довольно пространный двор, отделенный от переулка деревянным забором из барочных досок¹. Ворота и калитка, кои вели в переулок, всегда были заперты, и потому Алеше никогда не удавалось побывать в этом переулке, который сильно возбуждал его любопытство. Всякий раз, когда позволяли ему в часы отдыха играть на дворе, первое движение его было — подбегать к забору. Тут он становился на цыпочки и пристально смотрел в круглые дырочки, которыми усеян был забор. Алеша не знал, что дырочки эти происходили от деревянных гвоздей, которыми прежде сколочены были барки, и ему казалось, что какая-нибудь добрая волшебница нарочно для него провертела эти дырочки. Он все ожидал, что когда-нибудь эта волшебница явится в переулке и сквозь дырочку подаст ему игрушку, или талисман, или письмецо от папеньки или маменьки, от которых не получал он давно уже никакого известия. Но, к крайнему его сожалению, не являлся никто даже похожий на волшебницу.

Другое занятие Алеши состояло в том, чтобы кормить курочек, которые жили около забора в нарочно для них выстроенном домике и целый день играли и бегали на дворе. Алеша очень коротко с ними познакомился, всех знал по имени, разнимал их драки, а забияк наказывал тем, что иногда несколько дней сряду не давал им ничего от крошек, которые всегда после обеда и ужина он собирал со скатерти. Между курами он особенно любил одну черную хохлатую, названную Чернушкою. Чернушка была к нему ласковее других; она даже иногда позволяла себя гладить, и потому Алеша лучшие кусочки приносил ей. Она была нрава тихого; редко прохажива-

¹ *Барочные доски* — доски, из которых делались речные суда — барки.

лась с другими и, казалось, любила Алешу более, нежели подруг своих.

Однажды (это было во время зимних вакаций — день был прекрасный и необыкновенно теплый, не более трех или четырех градусов мороза) Алеше позволили поиграть во дворе. В тот день учитель и жена его в больших были хлопотах. Они давали обед директору училищ, и еще накануне, с утра до позднего вечера, везде в доме мыли полы, вытирали пыль и вощили¹ красного дерева столы и комоды. Сам учитель ездил закупать провизию для стола: белую архангельскую телятину, огромный окорок и киевское варенье. Алеша тоже по мере сил способствовал приготовлениям: его заставили из белой бумаги вырезывать красивую сетку на окорок и украшать бумажною резьбою нарочно купленные шесть восковых свечей. В назначенный день рано поутру явился парикмахер и показал свое искусство над буклями², тупеём³ и длинной косой учителя. Потом принялся за супругу его, наpomадил и напудрил у ней локоны и шиньон и взгромоздил на ее голове целую оранжерею разных цветов, между которыми блистали искусным образом помещенные два бриллиантовые перстня, когда-то подаренные ее мужу родителями учеников. По окончании головного убора накинула она на себя старый, изношенный салоп и отправилась хлопотать по хозяйству, наблюдая притом строго, чтоб как-нибудь не испортилась прическа; и для того сама она не входила в кухню, а давала приказания своей кухарке, стоя в дверях. В необходимых же случаях посылала туда мужа своего, у которого прическа не так была высока.

В продолжении всех этих забот Алешу нашего совсем забыли, и он тем воспользовался, чтоб на просторе играть на дворе. По обыкновению своему, он подошел сначала к дощатому забору и долго смотрел в дырочку; но и в этот день никто почти не проходил по переулку, и он со вздохом обратился к любезным своим курочкам. Не успел он присесть на бревно и только что начал манить их к себе, как вдруг увидел подле себя кухарку с большим ножом. Алеше никогда не нравилась эта кухарка — сердитая и бранчливая. Но с тех пор, как он

¹ *Вощítь* — натирать воском.

² *Букли* — завитки волос.

³ *Тупе́й* — взбитый хохол.

заметил, что она-то и была причиною, что от времени до времени уменьшалось число его курочек, он еще менее стал ее любить. Когда же однажды нечаянно увидел он в кухне одного хорошенького, очень любимого им петушка, повешенного за ноги с перерезанным горлом, то возымел он к ней ужас и отвращение. Увидев ее теперь с ножом, он тотчас догадался, что это значит, и, чувствуя с горестию, что он не в силах помочь своим друзьям, вскочил и побежал далеко прочь.

— Алеша, Алеша, помоги мне поймать курицу! — кричала кухарка.

Но Алеша принялся бежать еще пуще, спрятался у забора за курятником и сам не замечал, как слезки одна за другою выкатывались из его глаз и упали на землю.

Довольно долго стоял он у курятника, и сердце в нем сильно билось, между тем как кухарка бегала по двору — то манила курочек: «Цып, цып, цып!», то бранила их.

Вдруг сердце у Алеши еще сильнее забилось: ему слышался голос любимой его Чернушки! Она кудахтала самым отчаянным образом, и ему показалось, что она кричит:

Куда́х, куда́х, куду́ху!
Алеша, спаси Чернуху!
Кудуху, кудуху,
Чернуху, Чернуху!

Алеша никак не мог более оставаться на своем месте. Он, громко всхлипывая, побежал к кухарке и бросился к ней на шею в ту самую минуту, как она поймала уже Чернушку за крыло.

— Любезная, милая Тринушка! — вскричал он, обливаясь слезами, — пожалуйста, не тронь мою Чернуху!

Алеша так неожиданно бросился на шею к кухарке, что она упустила из рук Чернушку, которая, воспользовавшись этим, от страха взлетела на кровлю сарая и там продолжала кудахтать.

Но Алеше теперь слышалось, будто она дразнит кухарку и кричит:

Куда́х, куда́х, куду́ху!
Не поймала ты Чернуху!
Кудуху, кудуху,
Чернуху, Чернуху!

Между тем кухарка вне себя была от досады и хотела бежать к учителю, но Алеша не допустил ее. Он прице-

пился к полам ее платья и так умильно стал просить, что она остановилась.

— Душенька, Тринушка! — говорил он, — ты такая хорошенькая, чистенькая, добренькая... Пожалуйста, оставь мою Чернушку! Вот посмотри, что я тебе подарю, если ты будешь добра.

Алеша вынул из кармана империял¹, составлявший все его имение², который берег он пуще глаза своего, потому что это был подарок его доброй бабушки... Кухарка взглянула на золотую монету, окинула взором окошки дома, чтоб удостовериться, что никто их не видит, и протянула руку за империялом. Алеше очень, очень жаль было империяла, но он вспомнил о Чернушке и с твердостью отдал драгоценный подарок.

Таким образом Чернушка спасена была от жестокой и неминуемой смерти.

Лишь только кухарка удалилась в дом, Чернушка слетела с кровли и подбежала к Алеше. Она как будто знала, что он ее избавитель: кружилась около него, хлопала крыльями и кудахтала веселым голосом. Все утро она ходила за ним по двору, как собачка, и казалось, будто хочет что-то сказать ему, да не может. По крайней мере, он никак не мог разобрать ее кудахтанья.

Часа за два перед обедом начали собираться гости. Алешу позвали наверх, надели на него рубашку с круглым воротником и батистовыми манжетами с мелкими складками, белые шароварцы и широкий шелковый голубой кушак. Длинные русые волосы, висевшие у него почти до пояса, хорошенько расчесали: разделили на две ровные части и переложили наперед по обе стороны груди.

Так наряжали тогда детей. Потом научили, каким образом он должен шаркнуть ногой, когда войдет в комнату директор, и что должен отвечать, если будут сделаны ему какие-нибудь вопросы.

В другое время Алеша был бы очень рад приезду директора, которого давно хотелось ему видеть, потому что, судя по почтению, с каким отзывались о нем учитель и учительша, он воображал, что это должен быть какой-нибудь знаменитый рыцарь в блестящих латах и в шлеме с большими перьями. Но на этот раз любопыт-

¹ *Империял* — золотая монета.

² *Имение* — здесь: богатство.

ство это уступило место мысли, исключительно тогда его занимавшей: о черной курице. Ему все представлялось, как кухарка за нею бегала с ножом и как Чернушка кудахтала разными голосами. Притом ему очень досадно было, что не мог он разобрать, что она ему сказать хотела, и его так и тянуло к курятнику... Но делать было нечего: надлежало дожидаться, пока кончится обед!

Наконец приехал директор. Приезд его возвестила учительша, давно уже сидевшая у окна, пристально смотря в ту сторону, откуда его ждали.

Все пришло в движение: учитель стремглав бросился из дверей, чтоб встретить его внизу, у крыльца; гости встали с мест своих, и даже Алеша на минуту забыл о своей курочке и подошел к окну, чтобы посмотреть, как рыцарь будет слезать с ретивого коня. Но ему не удалось увидеть его, ибо он успел уже войти в дом. У крыльца же вместо ретивого коня стояли обыкновенные извозчичьи сани. Алеша очень этому удивился! «Если бы я был рыцарь, — подумал он, — то никогда бы не ездил на извозчике, а всегда верхом!»

Между тем отворили настежь все двери, и учительша начала приседать в ожидании столь почтенного гостя, который вскоре потом показался. Сперва нельзя было видеть его за толстою учительшею, стоявшею в самых дверях; но, когда она, окончив длинное приветствие свое, присела ниже обыкновенного, Алеша, к крайнему удивлению, из-за нее увидел... не шлем пернатый, но просто маленькую лысую головку, набело распудренную, единственным украшением которой, как после заметил Алеша, был маленький пучок! Когда вошел он в гостиную, Алеша еще более удивился, увидев, что, несмотря на простой серый фрак, бывший на директоре вместо блестящих лат, все обращались с ним необыкновенно почтительно.

Сколь, однако ж, ни казалось все это странным Алеше, сколь в другое время он бы ни был обрадован необыкновенным убранством стола, но в этот день он не обращал большого на то внимания. У него в головке все бродило утреннее происшествие с Чернушкою. Подали десерт: разного рода варенья, яблоки, бергамоты¹, финики, винные ягоды² и грецкие орехи; но и тут он ни

¹ *Бергамоты* — сорт груши.

² *Винные ягоды* — инжир.

на одно мгновение не переставал помышлять о своей курочке. И только что встали из-за стола, как он с трепещущим от страха и надежды сердцем подошел к учителю и спросил, можно ли идти поиграть на дворе.

— Подите, — отвечал учитель, — только не долго там будьте: уж скоро делается темно.

Алеша поспешно надел свою красную бекешу¹ на белычем меху и зеленую бархатную шапочку с собольим околышком и побежал к забору. Когда он туда прибыл, курочки начали уже собираться на ночлег и, сонные, не очень обрадовались принесенным крошкам. Одна Чернушка, казалось, не чувствовала охоты ко сну: она весело к нему подбежала, хлопала крыльями и опять начала кудахтать. Алеша долго с ней играл; наконец, когда сделалось темно и настала пора идти домой, он сам затворил курятник, удостоверившись наперед, что любезная его курочка уселась на шесте. Когда он выходил из курятника, ему показалось, что глаза у Чернушки светятся в темноте, как звездочки, и что она тихонько ему говорит:

— Алеша, Алеша! Останься со мною!

Алеша возвратился в дом и весь вечер просидел один в классных комнатах, между тем как на другой половине часу до одиннадцатого пробыли гости. Прежде, нежели они разъехались, Алеша пошел в нижний этаж, в спальню, разделся, лег в постель и потушил огонь. Долго не мог он заснуть. Наконец сон его преодолел, и он только что успел во сне разговориться с Чернушкой, как, к сожалению, пробужден был шумом разъезжающихся гостей.

Немного погодя учитель, провожавший директора со свечою, вошел к нему в комнату, посмотрел, все ли в порядке, и вышел вон, замкнув дверь ключом.

Ночь была месячная, и сквозь ставни, неплотно затворявшиеся, упал в комнату бледный луч луны. Алеша лежал с открытыми глазами и долго слушал, как в верхнем жилье, над его головою, ходили по комнатам и приводили в порядок стулья и столы.

Наконец все утихло... Он взглянул на стоявшую подле него кровать, немного освещенную месячным сиянием, и заметил, что белая простыня, висящая почти до полу, легко шевелилась. Он пристальнее стал всматриваться..

---

¹ *Бекёша* — теплая пальто со сборками, в талию.

ему послышалось, как будто что-то под кроватью царапается, — и немного погодя показалось, что кто-то тихим голосом зовет его:

— Алеша, Алеша!

Алеша испугался... Он один был в комнате, и ему тотчас пришло на мысль, что под кроватью должен быть вор. Но потом, рассудив, что вор не называл бы его по имени, он несколько ободрился, хотя сердце в нем дрожало.

Он немного приподнялся в постели и еще яснее увидел, что простыня шевелится... еще внятнее услышал, что кто-то говорит:

— Алеша, Алеша!

Вдруг белая простыня приподнялась, и из-под нее вышла... черная курица!

— Ах! это ты, Чернушка! — невольно вскричал Алеша. — Как ты зашла сюда?

Чернушка захлопала крыльями, взлетела к нему на кровать и сказала человеческим голосом:

— Это я, Алеша! Ты не боишься меня, не правда ли?

— Зачем я тебя буду бояться? — отвечал он. — Я тебя люблю; только для меня странно, что ты так хорошо говоришь: я совсем не знал, что ты говорить умеешь!

— Если ты меня не боишься, — продолжала курица, — так поди за мною. Одевайся скорее!

— Какая ты, Чернушка, смешная! — сказал Алеша. — Как мне можно одеться в темноте? Я платья своего теперь не сыщу, я и тебя насилу вижу!

— Постараюсь этому помочь, — сказала курочка.

Тут она закудаhtала странным голосом, и вдруг откуда ни взялись маленькие свечки в серебряных шандалах¹, не больше как с Алешин маленький пальчик. Шандалы эти очутились на полу, на стульях, на окнах, даже на рукомоynике, и в комнатах сделалось так светло, так светло, как будто днем. Алеша начал одеваться, а курочка подавала ему платье, и таким образом он вскоре совсем был одет.

Когда Алеша был готов, Чернушка опять закудаhtала, и все свечки исчезли.

— Иди за мною! — сказала она ему.

И он смело последовал за нею. Из глаз ее выходили как будто лучи, которые освещали все вокруг них, хотя

¹ Шандал — подсвечник.

не так ярко, как маленькие свечки. Они прошли через переднюю.

— Дверь заперта ключом, — сказал Алеша.

Но курочка ему не отвечала: она хлопнула крыльями, и дверь сама собою отворилась. Потом, пройдя через сени, обратились они к комнатам, где жили столетние старушки голландки. Алеша никогда у них не бывал, но слышал, что комнаты у них убраны по-старинному, что у одной из них большой серый попугай, а у другой серая кошка, очень умная, которая умеет прыгать через обруч и подавать лапку. Ему давно хотелось все это видеть, потому он очень обрадовался, когда курочка опять хлопнула крыльями и дверь в покои старушек отворилась.

Алеша в первой комнате увидел всякого рода старинную мебель: резные стулья, кресла, столы и комоды. Большая лежанка была из голландских изразцов, на которых нарисованы были синей муравой¹ люди и звери. Алеша хотел было остановиться, чтоб рассмотреть мебель, а особенно фигуры на лежанке, но Чернушка ему не позволила.

Они вошли во вторую комнату, и тут-то Алеша обрадовался! В прекрасной золотой клетке сидел большой серый попугай с красным хвостом. Алеша тотчас хотел подбежать к нему. Чернушка опять его не допустила.

— Не трогай здесь ничего, — сказала она. — Берегись разбудить старушек!

Тут только Алеша заметил, что подле попугая стояла кровать с белыми кисейными занавесками, сквозь которые он мог различить старушку, лежащую с закрытыми глазами: она показалась ему как будто восковая. В другом углу стояла такая же точно кровать, где спала другая старушка, а подле нее сидела серая кошка и умывалась передними лапами. Проходя мимо нее, Алеша не мог утерпеть, чтобы не попросить у ней лапки... Вдруг она громко замыкала, попугай нахохлился и начал громко кричать: «Дуррак! дуррак!» В то самое время видно было сквозь кисейные занавески, что старушки приподнялись в постели. Чернушка поспешно удалилась. Алеша побежал за нею, дверь вслед за ними сильно захлопнулась... и еще долго слышно было, как попугай кричал: «Дуррак! дуррак!»

— Как тебе не стыдно! — сказала Чернушка, когда они

---

¹ *Муравá* — глазурь (жидкое стекло), которой покрывали изразцы.

удалились от комнат старушек. — Ты, верно, разбудил рыцарей...

— Каких рыцарей? — спросил Алеша.

— Ты увидишь, — отвечала курочка. — Не бойся, однако ж, ничего, иди за мною смело.

Они спустились вниз по лестнице, как будто в погреб, и долго-долго шли по разным переходам и коридорам, которых прежде Алеша никогда не видывал. Иногда коридоры эти так были низки и узки, что Алеша принужден был нагибаться. Вдруг вошли они в залу, освещенную тремя большими хрустальными люстрами. Зала была без окошек, и по обеим сторонам висели на стенах рыцари в блестящих латах, с большими перьями на шлемах, с копьями и щитами в железных руках.

Чернушка шла вперед на цыпочках и Алеше велела следовать за собой тихонько-тихонько.

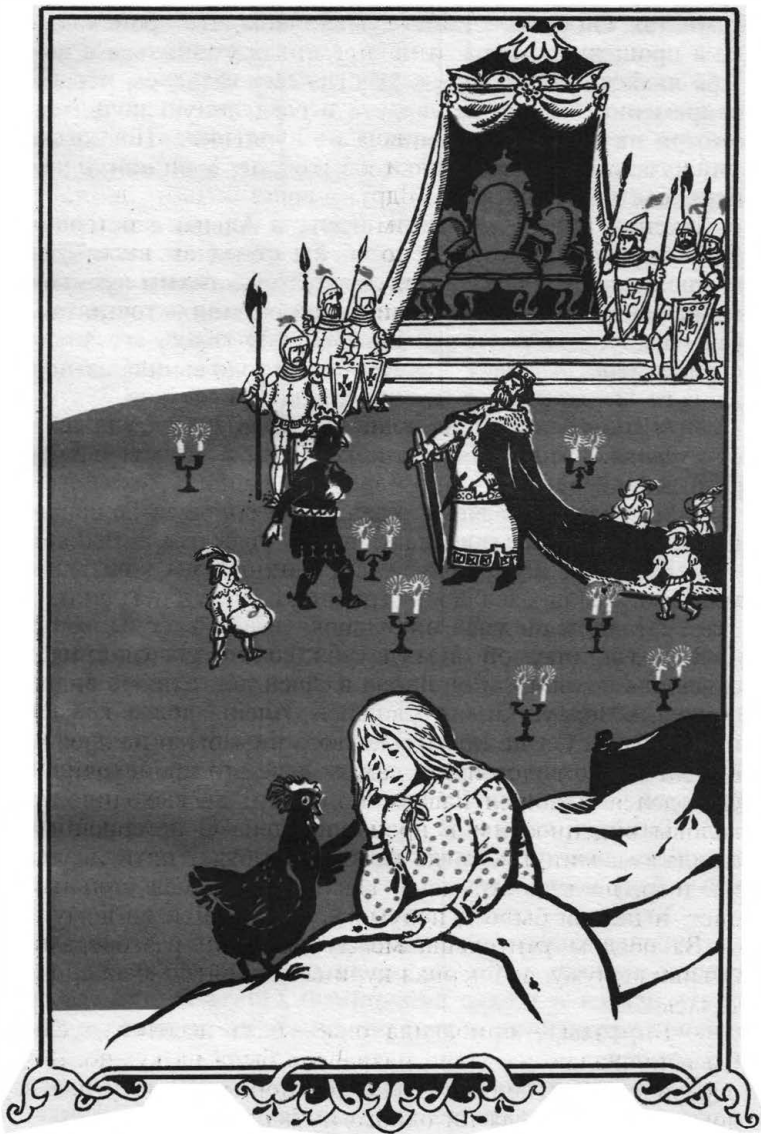
В конце залы была большая дверь из светлой желтой меди. Лишь только они подошли к ней, как соскочили со стен два рыцаря, ударили копьями об щиты и бросились на черную курицу. Чернушка подняла хохол, распустила крылья... вдруг сделалась большая-большая, выше рыцарей, и начала с ними сражаться! Рыцари сильно на нее наступали, а она защищалась крыльями и носом. Алеше сделалось страшно, сердце в нем сильно затрепетало, и он упал в обморок.

Когда пришел он опять в себя, солнце сквозь ставни освещало комнату, и он лежал в своей постели. Не видно было ни Чернушки, ни рыцарей, Алеша долго не мог опомниться. Он не понимал, что с ним было ночью: во сне ли все то видел или в самом деле это происходило? Он оделся и пошел наверх, но у него не выходило из головы виденное им в прошлую ночь. С нетерпением ожидал он минуты, когда можно ему будет идти играть на двор, но весь тот день, как нарочно, шел сильный снег, и нельзя было и подумать, чтоб выйти из дому.

За обедом учительша между прочими разговорами объявила мужу, что черная курица непонятно куда спряталась.

— Впрочем, — прибавила она, — беда невелика, если бы и пропала: она давно назначена была на кухню. Вообрази себе, душенька, что с тех пор, как она у нас в доме, она не снесла ни одного яичка.

Алеша чуть-чуть не заплакал, хотя и пришло ему на

мысль, что лучше, чтоб ее нигде не находили, нежели чтоб попала она на кухню.

После обеда Алеша остался опять один в классных комнатах. Он беспрестанно думал о том, что происходило в прошедшую ночь, и не мог никак утешиться в потере любезной Чернушки. Иногда ему казалось, что он непременно должен ее увидеть в следующую ночь, несмотря на то что она пропала из курятника. Но потом ему казалось, что это дело несбыточное, и он опять погружался в печаль.

Настало время ложиться спать, и Алеша с нетерпением разделся и лег в постель. Не успел он взглянуть на соседнюю кровать, опять освещенную тихим лунным сиянием, как зашевелилась белая простыня — точно так, как накануне... Опять послышался ему голос, его зовущий: «Алеша, Алеша!» — и немного погодя вышла из-под кровати Чернушка и взлетела к нему на постель.

— Ах! здравствуй, Чернушка! — вскричал он вне себя от радости. — Я боялся, что никогда тебя не увижу. Здорова ли ты?

— Здорова, — отвечала курочка, — но чуть было не занемогла по твоей милости.

— Как это, Чернушка? — спросил Алеша, испугавшись.

— Ты добрый мальчик, — продолжала курочка, — но притом ты ветрен и никогда не слушаешься с первого слова, а это нехорошо! Вчера я говорила тебе, чтоб ты ничего не трогал в комнатах старушек, — несмотря на то, ты не мог утерпеть, чтоб не попросить у кошки лапку. Кошка разбудила попугая, попугай старушек, старушки рыцарей — и я насилу с ними сладила!

— Виноват, любезная Чернушка, вперед не буду! Пожалуйста, поведи меня сегодня опять туда. Ты увидишь, что я буду послушен.

— Хорошо, — сказала курочка, — увидим!

Курочка закудаhtала, как накануне, и те же маленькие свечки явились в тех же серебряных шандалах. Алеша опять оделся и пошел за курицею. Опять вошли они в покои старушек, но в этот раз он уж ни до чего не додрагивался.

Когда они проходили через первую комнату, то ему показалось, что люди и звери, нарисованные на лежанке, делают разные смешные гримасы и манят его к себе, но он нарочно от них отвернулся. Во второй комнате ста-

рушки голландки, так же как накануне, лежали в постелях, будто восковые. Попугай смотрел на Алешу и хлопал глазами, серая кошка опять умывалась лапками. На убранном столе перед зеркалом Алеша увидел две фарфоровые китайские куклы, которых вчера он не заметил. Они кивали ему головою; но он помнил приказание Чернушки и прошел, не останавливаясь, однако не мог утерпеть, чтоб мимоходом им не поклониться. Куколки тотчас соскочили со стола и побежали за ним, все кивая головою. Чуть-чуть он не остановился — такими они показались ему забавными, но Чернушка оглянулась на него с сердитым видом, и он опомнился. Куколки проводили их до дверей и, видя, что Алеша на них не смотрит, возвратились на свои места.

Опять спустились они с лестницы, ходили по переходам и коридорам и пришли в ту же залу, освещенную тремя хрустальными люстрами. Те же рыцари висели на стенах, и опять, когда приблизились они к двери из желтой меди, два рыцаря сошли со стены и заступили им дорогу. Казалось, однако, что они не так сердиты были, как накануне; они едва тащили ноги, как осенние мухи, и видно было, что они через силу держат свои копья...

Чернушка сделалась большая и нахохлилась. Но только что ударила их крыльями, как они рассыпались на части, и Алеша увидел, что то были пустые латы! Медная дверь сама собою отворилась, и они пошли далее.

Немного погодя вошли они в другую залу, просторную, но невысокую, так что Алеша мог достать рукою до потолка. Зала эта освещена была такими же маленькими свечками, какие он видел в своей комнате, но шандалы были не серебряные, а золотые.

Тут Чернушка оставила Алешу.

— Побудь здесь немного, — сказала она ему, — я скоро приду назад. Сегодня был ты умен, хотя неосторожно поступил, поклонясь фарфоровым куклам. Если б ты им не поклонился, то рыцари остались бы на стене. Впрочем, ты сегодня не разбудил старушек, и оттого рыцари не имели никакой силы. — После сего Чернушка вышла из залы.

Оставшись один, Алеша со вниманием стал рассматривать залу, которая очень богато была убрана. Ему показалось, что стены сделаны из мрамора, какой он видел в минеральном кабинете, имеющемся в пансионе. Па-

нели и двери были из чистого золота. В конце залы, под зеленым балдахином, на возвышенном месте, стояли кресла из золота. Алеша очень любовался этим убранством, но странным показалось ему, что все было в самом маленьком виде, как будто для небольших кукол.

Между тем как он с любопытством все рассматривал, отворилась боковая дверь, прежде им не замеченная, и вошло множество маленьких людей, ростом не более как с пол-аршина, в нарядных разноцветных платьях. Вид их был важен: иные по одеянию казались военными, другие — гражданскими чиновниками. На всех были круглые с перьями шляпы наподобие испанских. Они не замечали Алеши, прохаживались чинно по комнатам и громко между собою говорили, но он не мог понять, что они говорили.

Долго смотрел он на них молча и только что хотел подойти к одному из них с вопросом, как отворилась большая дверь в конце залы... Все замолкли, стали к стенам в два ряда и сняли шляпы.

В одно мгновение комната сделалась еще светлее, все маленькие свечки еще ярче загорели, и Алеша увидел двадцать маленьких рыцарей в золотых латах, с пунцовыми на шлемах перьями, которые попарно входили тихим маршем. Потом в глубоком молчании стали они по обеим сторонам кресел. Немного погодя вошел в залу человек с величественной осанкой, на голове с венцом, блестящими драгоценными камнями. На нем была светло-зеленая мантия, подбитая мышьям мехом, с длинным шлейфом, который несли двадцать маленьких пажей в пунцовых платьях.

Алеша тотчас догадался, что это должен быть король. Он низко ему поклонился. Король отвечал на поклон его весьма ласково и сел в золотые кресла. Потом что-то приказал одному из стоявших подле него рыцарей, который, подойдя к Алеше, объявил ему, чтоб он приблизился к креслам. Алеша повиновался.

— Мне давно было известно, — сказал король, — что ты добрый мальчик; но третьего дня ты оказал великую услугу моему народу и за то заслуживаешь награду. Мой главный министр донес мне, что ты спас его от неизбежной и жестокой смерти.

— Когда? — спросил Алеша с удивлением.

— Третьего дня на дворе, — отвечал король. — Вот тот, который обязан тебе жизнью.

Алеша взглянул на того, на которого указывал король, и тут только заметил, что между придворными стоял маленький человек, одетый весь в черное. На голове у него была особенного рода шапка малинового цвета, наверху с зубчиками, надетая немного набок, а на шее белый платок, очень накрахмаленный, отчего казался немного синеватым. Он умильно улыбался, глядя на Алешу, которому лицо его показалось знакомым, хотя не мог он вспомнить, где его видал.

Сколь для Алеши ни было лестно, что приписывали ему такой благородный поступок, но он любил правду и потому, сделав низкий поклон, сказал:

— Господин король! Я не могу принять на свой счет того, чего никогда не делал. Третьего дня я имел счастье избавить от смерти не министра вашего, а черную нашу курицу, которую не любила кухарка за то, что не снесла она ни одного яйца...

— Что ты говоришь! — прервал его с гневом король. — Мой министр — не курица, а заслуженный чиновник!

Тут подошел министр ближе, и Алеша увидел, что в самом деле это была его любезная Чернушка. Он очень обрадовался и попросил у короля извинения, хотя никак не мог понять, что это значит.

— Скажи мне, чего ты желаешь? — продолжал король. — Если я в силах, то непременно исполню твое требование.

— Говори смело, Алеша! — шепнул ему на ухо министр.

Алеша задумался и не знал, чего пожелать. Если б дали ему более времени, то он, может быть, и придумал бы что-нибудь хорошенькое; но так как ему казалось неучтивым заставить дожидаться короля, то он поспешил ответом.

— Я бы желал, — сказал он, — чтобы, не учившись, я всегда знал урок свой, какой мне ни задали.

— Не думал я, что ты такой ленивец, — отвечал король, покачав головою. — Но делать нечего, я должен исполнить свое обещание.

Он махнул рукою, и паж поднес золотое блюдо, на котором лежало одно конопляное семечко.

— Возьми это семечко, — сказал король. — Пока оно будет у тебя, ты всегда знать будешь урок свой, какой бы тебе ни задали, с тем, однако, условием, чтоб ты ни под каким предлогом никому не сказывал ни одного

слова о том, что ты здесь видел или впредь увидишь. Малейшая нескромность лишит тебя навсегда наших милостей, а нам наделает множество хлопот и неприятностей.

Алеша взял конопляное зерно, завернул в бумажку и положил в карман, обещаясь быть молчаливым и скромным. Король после того встал с кресел и тем же порядком вышел из залы, приказав прежде министру угостить Алешу как можно лучше.

Лишь только король удалился, как окружили Алешу все придворные и начали его всячески ласкать, изъявляя признательность свою за то, что он избавил министра. Они все предлагали ему свои услуги: одни спрашивали, не хочет ли он погулять в саду или посмотреть королевский зверинец; другие приглашали на охоту. Алеша не знал, на что решиться. Наконец, министр объявил, что сам будет показывать подземные редкости дорогому гостю.

Сначала повел он его в сад. Дорожки усеяны были крупными разноцветными камешками, отражавшими свет от бесчисленных маленьких ламп, которыми увешаны были деревья. Этот блеск чрезвычайно понравился Алеше.

— Камни эти, — сказал министр, — у вас называются драгоценными. Это все бриллианты, яхонты, изумруды и аметисты.

— Ах, когда бы у нас этими камнями усыпаны были дорожки! — вскричал Алеша.

— Тогда и у вас бы они так же были малоценны, как здесь, — отвечал министр.

Деревья также показались Алеше отменно красивыми, хотя притом очень странными. Они были разного цвета: красные, зеленые, коричневые, белые, голубые и лиловые. Когда посмотрел он на них со вниманием, то увидел, что это не что иное, как разного рода мох, только выше и толще обыкновенного. Министр рассказал ему, что мох этот выписан королем за большие деньги из дальних стран и из самой глубины земного шара.

Из сада пошли они в зверинец. Там показали Алеше диких зверей, которые привязаны были на золотых цепях. Всмотревшись внимательнее, он, к удивлению своему, увидел, что дикие эти звери были не что иное, как большие крысы, кроты, хорьки и подобные им звери,

живущие в земле и под полами. Ему это очень показалось смешно, но он из учтивости не сказал ни слова.

Возвратившись в комнаты после прогулки, Алеша в большой зале нашел накрытый стол, на котором расставлены были разного рода конфеты, пироги, паштеты и фрукты. Блюда все были из чистого золота, а бутылки и стаканы выточены из цельных бриллиантов, яхонтов и изумрудов.

— Кушай что угодно, — сказал министр, — с собою же брать ничего не позволено.

Алеша в тот день очень хорошо поужинал, и потому ему вовсе не хотелось кушать.

— Вы обещались взять меня с собою на охоту, — сказал он.

— Очень хорошо, — отвечал министр. — Я думаю, что лошади уже оседланы.

Тут он свистнул, и вошли конюхи. ведущие в поводах палочки, у которых набалдашники были резной работы и представляли лошадиные головы. Министр с большой ловкостью вскочил на свою лошадь. Алеше подвели палку гораздо более других.

— Берегись, — сказал министр, — чтоб лошадь тебя не сбросила: она не из самых смиренных.

Алеша внутренне смеялся этому, но когда он взял палку между ног, то увидел, что совет министра был бесполезен. Палка начала под ним увертываться, как настоящая лошадь, и он насилу мог усидеть.

Между тем затрубили в рога, и охотники пустились скакать во всю прыть по разным переходам и коридорам. Долго они так скакали, и Алеша от них не отставал, хотя с трудом мог сдерживать бешеную палку свою...

Вдруг из одного бокового коридора выскочило несколько крыс, таких больших, каких Алеша никогда не видывал. Они хотели пробежать мимо, но когда министр приказал их окружить, то они остановились и начали защищаться храбро. Несмотря, однако, на то, они были побеждены мужеством и искусством охотников. Восемь крыс легли на месте, три обратились в бегство, а одну, довольно тяжело раненную, министр велел вылечить и отвести в зверинец.

По окончании охоты Алеша так устал, что глазки его невольно закрывались... при всем том ему хотелось обо многом поговорить с Чернушкой, и он попросил позво-

ления возвратиться в залу, из которой они выехали на охоту. Министр на то согласился.

Большою рысью поехали они назад и по прибытии в залу отдали лошадей конюхам, раскланялись с придворными и охотниками и сели друг подле друга на принесенные им стулья.

— Скажи, пожалуйста, — начал Алеша, — зачем вы убили бедных крыс, которые вас не беспокоят и живут так далеко от вашего жилища?

— Если бы мы их не истребляли, — сказал министр, — то они вскоре бы нас выгнали из комнат наших и истребили бы все наши съестные припасы. К тому же мышь и крысы меха у нас в высокой цене по причине их легкости и мягкости. Одним знатным особам дозволено их у нас употреблять.

— Да расскажи мне, пожалуйста, кто вы таковы? — продолжал Алеша.

— Неужели ты никогда не слышал, что под землею живет народ наш? — отвечал министр. — Правда, не многим удастся нас видеть, однако бывали примеры, особливо в старину, что мы выходили на свет и показывались людям. Теперь это редко случается, потому что люди сделались очень нескромны. А у нас существует закон, что если тот, кому мы показались, не сохранит этого в тайне, то мы принуждены бываем немедленно оставить местопребывание наше и идти далеко-далеко, в другие страны. Ты легко себе можешь представить, что королю нашему невесело было бы оставить все здешние заведения и с целым народом переселиться в неизвестные земли. И потому убедительно тебя прошу быть как можно скромнее. В противном случае ты нас всех сделаешь несчастными, а особливо меня. Из благодарности я упрямил короля призвать тебя сюда; но он никогда мне не простит, если по твоей нескромности мы принуждены будем оставить этот край...

— Я даю тебе честное слово, что никогда не буду ни с кем об вас говорить, — прервал его Алеша. — Я теперь вспомнил, что читал в одной книжке о гномах, которые живут под землею. Пишут, что в некотором городе очень разбогател один сапожник в самое короткое время, так что никто не понимал, откуда взялось его богатство. Наконец как-то узнали, что он шил сапоги и башмаки на гномов, плативших ему за то очень дорого.

— Быть может, что это правда, — отвечал министр.

— Но, — сказал ему Алеша, — объясни мне, любезная Чернушка, отчего ты, будучи министром, являешься в свет в виде курицы и какую связь имеете вы со старушками голландками?

Чернушка, желая удовлетворить его любопытство, начала было рассказывать ему подробно о многом, но при самом начале его рассказа глаза Алешины закрылись, и он крепко заснул. Проснувшись на другое утро, он лежал в своей постели.

Долго не мог он опомниться и не знал, что ему думать. Чернушка и министр, король и рыцари, голландки и крысы — все это смешалось в его голове, и он насилу мысленно привел в порядок все, виденное им в прошлую ночь. Вспомнив, что король ему подарил конопляное зерно, он поспешно бросился к своему платью и действительно нашел в кармане бумажку, в которой завернуто было конопляное семечко. «Увидим, — подумал он, — сдержит ли слово свое король! Завтра начнутся классы, а я еще не успел выучить всех своих уроков».

Исторический урок особенно его беспокоил: ему задано было выучить наизусть несколько страниц из всемирной истории, а он не знал еще ни одного слова!

Настал понедельник, съехались пансионеры, и начались уроки. От десяти часов до двенадцати преподавал историю сам содержатель пансиона.

У Алеши сильно билось сердце. Пока дошла до него очередь, он несколько раз ощупывал лежащую в кармане бумажку с конопляным семечком... Наконец его вызвали. С трепетом подошел он к учителю, открыл рот, сам еще не зная, что сказать, и безошибочно, не останавливаясь, проговорил заданное. Учитель очень его хвалил; однако Алеша не принимал его хвалу с тем удовольствием, которое прежде чувствовал он в подобных случаях. Внутренний голос ему говорил, что он не заслуживает этой похвалы, потому что урок этот не стоил ему никакого труда.

В продолжение нескольких недель учителя не могли нахвалиться Алешкою. Все уроки без исключения знал он совершенно, все переводы с одного языка на другой были без ошибок, так что не могли надивиться чрезвычайным его успехам. Алеша внутренне стыдился этих похвал: ему совестно было, что ставили его в пример товарищам, тогда как он вовсе того не заслуживал.

В течение этого времени Чернушка к нему не явля-

лась, несмотря на то что Алеша, особенно в первые недели после получения конопляного зернышка, не пропускал почти ни одного дня без того, чтобы ее не звать, когда ложился спать. Сначала он очень о том горевал, но потом успокоился мыслию, что она, вероятно, занята важными делами по своему званию. Впоследствии же похвалы, которыми все его осыпали, так его заняли, что он довольно редко о ней вспоминал.

Между тем слух о необыкновенных его способностях разнесся вскоре по целому Петербургу. Сам директор училищ приезжал несколько раз в пансион и любовался Алешею. Учитель носил его на руках, ибо чрез него пансион вошел в славу. Со всех концов города съезжались родители и приставали к нему, чтоб он детей их принял к себе, в надежде, что и они такие же будут ученые, как Алеша.

Вскоре пансион так наполнился, что не было уже места для новых пансионеров, и учитель с учительшею начали помышлять о том, чтоб нанять дом гораздо просторнее того, в котором они жили.

Алеша, как сказал я уже выше, сначала стыдился похвал, чувствуя, что вовсе их не заслуживает, но мало-помалу он стал к ним привыкать, и наконец самолюбие его дошло до того, что он принимал, не краснея, похвалы, которыми его осыпали. Он много стал о себе думать, важничал перед другими мальчиками и вообразил себе, что он гораздо лучше и умнее всех их. Нрав Алешин от этого совсем испортился: из доброго, милого и скромного мальчика он сделался гордым и непослушным. Совесть часто его в том упрекала, и внутренний голос ему говорил: «Алеша, не гордись! Не приписывай самому себе того, что не тебе принадлежит; благодари судьбу за то, что она тебе доставила выгоды против других детей, но не думай, что ты лучше их. Если ты не исправишься, то никто тебя любить не будет, и тогда ты, при всей своей учености, будешь самое несчастное дитя!»

Иногда он и принимал намерение исправиться; но, к несчастью, самолюбие так в нем было сильно, что заглушало голос совести, и он день ото дня становился хуже и день ото дня товарищи менее его любили.

Притом Алеша сделался страшным шалуном. Не имея нужды твердить уроки, которые ему задавали, он в то время, когда другие дети готовились к классам,

занимался шалостями, и эта праздность еще больше портила его нрав.

Наконец он так надоел всем дурным своим нравом, что учитель серьезно начал думать о средствах к исправлению такого дурного мальчика и для того задавал ему уроки вдвое и втрое большие, нежели другим; но и это нисколько не помогало. Алеша вовсе не учился, а все-таки знал урок с начала до конца, без малейшей ошибки.

Однажды учитель, не зная, что с ним делать, задал ему выучить наизусть страниц двадцать к другому утру и надеялся, что он, по крайней мере, в этот день будет смиреннее.

Куда! Наш Алеша и не думал об уроке! В этот день он нарочно шалил более обыкновенного, и учитель тщетно грозил ему наказанием, если на другое утро не будет он знать урока. Алеша внутренне смеялся этим угрозам, будучи уверен, что конопляное семечко поможет ему непременно.

На следующий день, в назначенный час, учитель взял в руки книжку, из которой задан был урок Алеше, позвал его к себе и велел проговорить заданное. Все дети с любопытством обратили на Алешу внимание, и сам учитель не знал, что подумать, когда Алеша, несмотря на то что вовсе накануне не твердил урока, смело встал со скамейки и подошел к нему. Алеша нимало не сомневался в том, что и этот раз ему удастся показать свою необыкновенную способность; он раскрыл рот... и не мог выговорить ни слова!

— Что вы молчите? — сказал ему учитель. — Говорите урок.

Алеша покраснел, потом побледнел, опять покраснел, начал мять свои руки, слезы у него от страха навернулись на глазах... все тщетно! Он не мог выговорить ни одного слова, потому что, надеясь на конопляное зерно, он даже и не заглядывал в книгу.

— Что это значит, Алеша? — закричал учитель. — Почему вы не хотите говорить?

Алеша сам не знал, чему приписать такую странность, всунул руку в карман, чтобы ощупать семечко... Но как описать его отчаяние, когда он его не нашел! Слезы градом полились из глаз его... он горько плакал и все-таки не мог сказать ни слова.

Между тем учитель терял терпение. Привыкнув к тому, что Алеша всегда отвечал безошибочно и не запи-

наясь, ему казалось невозможным, чтоб он не знал по крайней мере начала урока, и потому приписывал молчание его упрямству.

— Подите в спальню, — сказал он, — и оставайтесь там, пока совершенно будете знать урок.

Алешу отвели в нижний этаж, дали ему книгу и заперли дверь ключом.

Лишь только он остался один, как начал везде искать конопляное зернышко. Он долго шарил у себя в карманах, ползал по полу, смотрел под кроватью, перебирал одеяло, подушки, простыню — все напрасно! Нигде не было и следов любезного зернышка! Он старался вспомнить, где он мог его потерять, и наконец уверился, что выронил его как-нибудь накануне, играя во дворе.

Но каким образом найти его? Он заперт был в комнате, а если б и позволили выйти на двор, так и это, вероятно, ни к чему бы не послужило, ибо он знал, что курочки лакомы на коноплю, и зернышко его, верно, которая-нибудь из них успела склевать! Отчаявшись отыскать его, он вздумал призвать к себе на помощь Чернушку.

— Милая Чернушка! — говорил он, — любезный министр! пожалуйста, явись мне и дай другое зернышко! Я, право, вперед буду осторожнее...

Но никто не отвечал на его просьбы, и он наконец сел на стул и опять принялся горько плакать.

Между тем настала пора обедать; дверь открылась, и вошел учитель.

— Знаете ли вы теперь урок? — спросил он у Алеши.

Алеша, громко всхлипывая, принужден был сказать, что не знает.

— Ну так оставайтесь здесь, пока выучите! — сказал учитель, велел подать ему стакан воды и кусок ржаного хлеба и оставил его опять одного.

Алеша стал твердить наизусть, но ничего не входило ему в голову. Он давно отвык от занятий, да и как вытвердить двадцать печатных страниц! Сколько он ни трудился, сколько ни напрягал свою память, но, когда настал вечер, он не знал более двух или трех страниц, да и то плохо.

Когда пришло время другим детям ложиться спать, все товарищи его разом нагрянули в комнату, и с ними пришел опять учитель.

— Алеша! Знаете ли вы урок? — спросил он.

И бедный Алеша сквозь слезы отвечал:

— Знаю только две страницы.

— Так, видно, и завтра придется вам просидеть здесь на хлебе и на воде, — сказал учитель, пожелал другим детям покойного сна и удалился.

Алеша остался с товарищами. Тогда, когда он был добрым и скромным, все его любили, и если, бывало, подвергался он наказанию, то все о нем жалели, и это ему служило утешением. Но теперь никто не обращал на него внимания: все с презрением на него смотрели и не говорили с ним ни слова.

Он решился сам начать разговор с одним мальчиком, с которым в прежнее время был очень дружен, но тот от него отворотился, не отвечая. Алеша обратился к другому, но и тот говорить с ним не хотел и даже оттолкнул его от себя, когда он опять с ним заговорил. Тут несчастный Алеша почувствовал, что он заслуживает такое с ним обхождение товарищей. Обливаясь слезами, лег он в свою постель, но никак не мог заснуть. Долго лежал он таким образом и с горестью вспоминал о минувших счастливых днях. Все дети уже наслаждались сладким сном, один только он заснуть не мог. «И Чернушка меня оставила», — подумал Алеша, и слезы вновь полились у него из глаз.

Вдруг... простыня у соседней кровати зашевелилась, подобно как в первый тот день, когда к нему явилась черная курица.

Сердце в нем стало биться сильнее... он желал, чтоб Чернушка вышла опять из-под кровати, но не смел надеяться, что желание его исполнится.

— Чернушка, Чернушка! — сказал он наконец вполголоса.

Простыня приподнялась, и к нему на постель взлетела черная курица.

— Ах, Чернушка! — сказал Алеша вне себя от радости. — Я не смел надеяться, что с тобою увижусь! Ты меня не забыла?

— Нет, — отвечала она, — я не могу забыть оказанной тобою услуги, хотя тот Алеша, который спас меня от смерти, вовсе не похож на того, которого теперь перед собою вижу. Ты тогда был добрый мальчик, скромный и учтивый, и все тебя любили, а теперь я не узнаю тебя!

Алеша горько заплакал, а Чернушка продолжала давать ему наставления. Долго она с ним разговаривала и

со слезами упрашивала его исправиться. Наконец, когда уже начинал показываться дневной свет, курочка ему сказала:

— Теперь я должна тебя оставить, Алеша! Вот конопляное зерно, которое выронил ты на дворе. Напрасно ты думал, что потерял его невозвратно. Король наш слишком великодушен, чтобы лишить тебя этого дара за твою неосторожность. Помни, однако, что ты дал честное слово сохранять в тайне все, что тебе о нас известно... Алеша, к теперешним худым свойствам твоим не прибавь еще худшего — неблагодарности!

Алеша с восхищением взял любезное свое семечко из лапок курицы и обещал употребить все силы свои, чтоб исправиться.

— Ты увидишь, милая Чернушка, — сказал он, — что я сегодня же совсем другой буду.

— Не полагай, — отвечала Чернушка, — что так легко исправиться от пороков, когда они уже взяли над нами верх. Пороки обыкновенно входят в дверь, а выходят в щелочку, и потому если хочешь исправиться, то должен беспрестанно и строго смотреть за собою. Но прощай, пора нам расстаться!

Алеша, оставшись один, начал рассматривать свое зернышко и не мог им налюбоваться. Теперь-то он совершенно спокоен был насчет урока, и вчерашнее горе не оставило в нем никаких следов. Он с радостью думал о том, как будут все удивляться, когда он безошибочно проговорит двадцать страниц, и мысль, что он опять возьмет верх над товарищами, которые не хотели с ним говорить, ласкала его самолюбие. Об исправлении самого себя он хотя и не забыл, но думал, что это не может быть так трудно, как говорила Чернушка. «Будто не от меня зависит исправиться! — мыслил он. — Стоит только захотеть, и все опять меня любить будут». Увы, бедный Алеша не знал, что для исправления самого себя необходимо начать тем, чтоб откинуть самолюбие и излишнюю самонадеянность.

Когда поутру собрались дети в классы, Алешу позвали наверх. Он вошел с веселым и торжествующим видом.

— Знаете ли вы урок ваш? — спросил учитель, взглянув на него строго.

— Знаю, — отвечал Алеша смело.

Он начал говорить и проговорил все двадцать страниц без малейшей ошибки и остановки. Учитель был вне

себя от удивления, а Алеша гордо поглядывал на своих товарищей.

От глаз учителя не скрылся гордый вид Алешин.

— Вы знаете урок свой, — сказал он ему, — это правда, но зачем вы вчера не хотели его сказать?

— Вчера я не знал его, — отвечал Алеша.

— Быть не может! — прервал его учитель. — Вчера вечером вы мне сказали, что знаете только две страницы, да и то плохо, а теперь без ошибки проговорили все двадцать! Когда же вы его выучили?

Алеша замолчал. Наконец дрожащим голосом сказал он:

— Я выучил его сегодня поутру!

Но тут вдруг все дети, огорченные его надменностью, закричали в один голос:

— Он неправду говорит, он и книги в руки не брал сегодня поутру!

Алеша вздрогнул, потупил глаза в землю и не сказал ни слова.

— Отвечайте же! — продолжал учитель. — Когда выучили вы урок?

Но Алеша не прерывал молчания: он так поражен был этим неожиданным вопросом и недоброежелательством, которое оказывали ему все его товарищи, что не мог опомниться.

Между тем учитель, полагая, что он накануне не хотел отвечать урока из упрямства, счел за нужное строго наказать его.

— Чем более вы от природы имеете способностей и дарований, — сказал он Алеше, — тем скромнее и послушнее вы должны быть. Не для того дан вам ум, чтоб вы во зло его употребляли. Вы заслуживаете наказания за вчерашнее упрямство, а сегодня вы еще увеличили вину вашу тем, что солгали. Господа! — продолжал учитель, обратясь к пансионерам. — Запрещаю вам говорить с Алешей до тех пор, пока он совершенно исправится. А так как, вероятно, для него это небольшое наказание, то велите подать розги.

Принесли розги... Алеша был в отчаянии! В первый еще раз с тех пор, как существовал пансион, наказывали розгами, и кого же — Алешу, который так много о себе думал, который считал себя лучше и умнее всех! Какой стыд!..

Он, рыдая, бросился к учителю и обещался совершенно исправиться.

— Надобно было думать об этом прежде, — был ему ответ.

Слезы и раскаяние Алеши тронули товарищей, и они начали просить за него. А Алеша, чувствуя, что не заслужил их сострадания, еще горше стал плакать.

Наконец учитель сжалился.

— Хорошо! — сказал он, — я прощу вас ради просьбы товарищей ваших, но с тем, чтобы вы пред всеми признались в вашей вине и объявили, когда вы выучили заданный урок.

Алеша совершенно потерял голову... он забыл обещание, данное подземному королю и его министру, и начал рассказывать о черной курице, о рыцарях, о маленьких людях...

Учитель не дал ему договорить.

— Как! — вскричал он с гневом. — Вместо того, чтобы раскаяться в дурном поведении вашем, вы меня еще вздумали дурачить, рассказывая сказку о черной курице?... Этого слишком уж много. Нет, дети, вы видите сами, что его нельзя не наказать!

И бедного Алешу высекли.

С поникшею головою, с растерзанным сердцем Алеша пошел в нижний этаж, в спальные комнаты. Он был как убитый... Стыд и раскаяние наполняли его душу. Когда чрез несколько часов он немного успокоился и положил руку в карман... конопляного зернышка в нем не было. Алеша горько заплакал, чувствуя, что потерял его навсегда.

Вечеру, когда другие дети пришли спать, он тоже лег в постель, но заснуть никак не мог. Как раскаивался он в дурном поведении своем! Он решительно принял намерение исправиться, хотя чувствовал, что конопляное зернышко возвратить невозможно.

Около полуночи пошевелилась опять простыня у соседней кровати... Алеша, который накануне этому радовался, теперь закрыл глаза: он боялся увидеть Чернушку! Совесть его мучила. Он вспомнил, что еще вчера он так уверительно говорил Чернушке, что непременно исправится, — и вместо того... Что он ей теперь скажет?

Несколько времени лежал он с закрытыми глазами. Ему слышался шорох от поднимавшейся простыни...

Кто-то подошел к его кровати, и голос, знакомый голос, назвал его по имени:

— Алеша, Алеша!

Но он стыдился открыть глаза, а между тем слезы из них катились и текли по его щекам...

Вдруг кто-то дернул за одеяло. Алеша невольно взглянул: перед ним стояла Чернушка — не в виде курицы, а в черном платье, в малиновой шапочке с зубчиками и в белом накрахмаленном шейном платке, точно, как он видел ее в подземной зале.

— Алеша! — сказал министр, — я вижу, что ты не спишь... Прощай! Я пришел с тобой проститься, более мы не увидимся!

Алеша громко зарыдал.

— Прощай! — воскликнул он. — Прощай! И, если можешь, прости меня! Я знаю, что виноват перед тобою, но я жестоко за то наказан!

— Алеша! — сказал сквозь слезы министр. — Я тебя прощаю; не могу забыть, что ты спас жизнь мою, и все тебя люблю, хотя ты сделал меня несчастным, может быть, навеки!.. Прощай! Мне позволено видеться с тобой на самое короткое время. Еще в течение нынешней ночи король с целым народом своим должен переселиться далеко-далеко от здешних мест! Все в отчаянии, все проливают слезы. Мы несколько столетий жили здесь так счастливо. так покойно!..

Алеша бросился целовать маленькие ручки министра. Схватив его за руку, он увидел на ней что-то блестящее, и в то же самое время какой-то необыкновенный звук поразил его слух.

— Что это такое? — спросил он с изумлением.

Министр поднял обе руки вверх, и Алеша увидел, что они были скованы золотой цепью. Он ужаснулся.

— Твоя нескромность причиною, что я осужден носить эти цепи, — сказал министр с глубоким вздохом, — но не плачь, Алеша! Твои слезы помочь мне не могут. Одним только ты можешь меня утешить в моем несчастье: старайся исправиться и будь опять таким же добрым мальчиком, как был прежде. Прощай в последний раз!

Министр пожал Алеше руку и скрылся под соседнюю кровать.

— Чернушка, Чернушка! — кричал ему вслед Алеша, но Чернушка не отвечала.

Во всю ночь не мог он сомкнуть глаз ни на минуту. За час перед рассветом послышалось ему, что под полом что-то шумит. Он встал с постели, приложил к полу ухо и долго слышал стук маленьких колес и шум, как будто множество маленьких людей проходило. Между шумом этим слышен был также плач женщин и детей и голос министра-Чернушки, который кричал ему:

— Прощай, Алеша! Прощай навеки!..

На другой день поутру дети, проснувшись, увидели Алешу, лежащего на полу без памяти. Его подняли, положили в постель и послали за доктором, который объявил, что у него сильная горячка.

Недель через шесть Алеша выздоровел, и все происходившее с ним перед болезнью казалось ему тяжелым сном. Ни учитель, ни товарищи не напоминали ему ни слова ни о черной курице, ни о наказании, которому он подвергся. Алеша же сам стыдился об этом говорить и старался быть послушным, добрым, скромным и прилежным. все его снова полюбили и стали ласкать, и он сделался примером для своих товарищей, хотя уже и не мог выучить наизусть двадцать печатных страниц вдруг, которых, впрочем, ему и не задавали.

Николай Михайлович Языков

1803 — 1847

Н. М. Языков — поэт-лирик. Общался с поэтами А. Ф. Воейковым, В. А. Жуковским, А. А. Дельвигом, К. Ф. Рылеевым, А. С. Пушкиным. Создал поэмы («Сержант Сурмин», «Липы»), студенческие песни, элегии, послания, сказки («Сказка о пастухе и диком вепре»), драматические произведения («Жар-птица. Драматическая сказка». «Встреча Нового года», «Странный случай»).

В 1826 году по приглашению Пушкина приезжает в Михайловское, где встречает радушный прием. Впоследствии эта встреча была воспета Языковым в стихотворениях «Тригорское», «Вечер», в посланиях к П. А. Осиповой.

СКАЗКА О ПАСТУХЕ И ДИКОМ ВЕПРЕ

Дм. Ник. Свербееву¹

Дай напишу я сказку! Нынче мода
На этот род поэзии у нас.
И грех ли взять у своего народа
Полузабытый небольшой рассказ?
Нельзя ль его немного поисправить
И сделать ловким, милым; как-нибудь
Обстричь, переодеть, переобуть
И на Парнас торжественно поставить?
Грех не велик, да не велик и труд!
Но ведь поэт быть должен человеком
Несвоенравным, чтоб не рознить с веком:
Он так же пой, как прочие поют!
Не то его накажут справедливо:
Подобно сфинксу, век пожрет его;
Зачем, дескать, беспутник горделивый,
Не разгадал он духа моего! —
И вечное, тяжелое забвенье...
Уф! не хочу! Скорее соглашусь
Не пить вина, в котором вдохновенье,

---

¹ *Свербеев Дмитрий Николаевич (1799 — 1874) — родственник и друг Языковых.*

И не влюбляться. — Я хочу, чтоб Русь,
Святая Русь мои стихи читала
И себерегла на много, много лет;
Чтобы сама история сказала,
Что я пресламенитейший поэт.
Какую ж сказку? Выберу смиренно
Не из таких, где грозная вражда
Царей и царств, и гром, и крик военный,
И рушатся престолы, города;
Возьму попроще, где б я беззаботно
Предаться мог фантазии моей,
И было б нам спокойно и вольготно,
Как соловью в тени густых ветвей.
Ну, милая! гуляй же, будь как дома,
Свободна будь, не бойся никого;
От критики не будет нам погрома:
Народность ей приятнее всего!
Когда-то мы недурно воспевали
Прелестниц, дружбу, молодость; давно
Те дни прошли; но в этом нет печали,
И это нас тревожить не должно!
Где жизнь, там и поэзия! Не так ли?
Таков закон природы. Мы найдем
Что петь нам: силы наши не иссякли,
И, право, мы едва ли упадем,
Какую бы ни выбрали дорогу;
Робеть не надо — главное же в том,
Чтоб знать себя — и бодро понемногу
Вперед, вперед! — Теперь же и начнем.
Жил-был король; предание забыло
Об имени и прозвище его;
Имел он дочь. Владение же было
Лесистое у короля того.
Король был человек миролюбивый,
И долго жил в своей глуши лесной
И весело, и тихо, и счастливо,
И был доволен этаким судьбой;
Но вот беда: неведомо откуда
Вдруг появился дикий вепрь, и стал
Шалить в лесах, и много делал худа;
Проезжих и прохожих пожирал,
Безлюдели торговые дороги,
Все вздорожало; противу него
Король тогда же принял меры строги,

Но не было в них пользы ничего:
Вотще в лесах зык рога раздавался,
И лаял пес, и бухало ружье;
Свирепый зверь, казалось, посмеялся
Придворным ловчим, продолжал свое,
И наконец встревожил он ужасно
Все королевство; даже в городах,
На площадях, на улицах опасно;
Повсюду плач, уныние и страх.
Вот, чтоб окончить вепревы проказы
И чтоб людей осмелить на него,
Король послал окружные указы
Во все места владенья своего
И объявил: что, кто вепря́ погубит,
Тому счастливцу даст он дочь свою
В замужство — королевну Илию,
Кто б ни был он, а зятя сам полюбит,
Как сына. Королевна же была,
Как говорят поэты, диво мира:
Кровь с молоком, румяна и бела,
У ней глаза — два светлые сапфира,
Улыбка слаще меда и вина,
Чело как радость, груди молодые
И полные, и кудри золотые,
И сверх того красавица умна.
В нее влюблялись юноши душевно;
Ее прозвали кто своей звездой,
Кто идеалом, девой неземной,
Все вообще — прекрасной королевной.
Отец ее лелеял и хранил
И жениха ей выжидал такого
Царевича, красавца молодого,
Чтоб он ее вполне достоин был.
Но королевству гибелью грозил
Ужасный вепрь, и мы уже читали
Указ, каким в своей большой печали
Король судьбу дочернину решил.
Указ его усердно принят был:
Со всех сторон стрелки и собачей
Пустились на дикого вепря́:
Яснеет ли, темнеет ли заря,
И днем и ночью хлопают фузеи¹,

¹ Фузёя — старинное кремневое ружье.

Собаки лают и рога ревут;
Ловцы кричат, и свищут, и храбрятся,
Крутят усы, атукают, бранятся,
И хвастают, и ерофеич¹ пьют;
А нет им счастья. — Месяц гарцевали
В отъезде поле, здесь и тут и там,
Лугов и нив довольно потоптали
И разоплись угрюмо по домам —
Опохмеляться. Вепрь не унимался.
Но вот судьба: шел по лесу пастух,
И невзначай с тем вепрем повстречался;
Сначала он весьма перепугался
И побежал от зверя во весь дух;
«Но ведь мой бег не то, что бег звериный!» —
Подумал он и поскорее взлез
На дерево, которое вершиной
Кудрявою касалось небес
И виноград пурпурными кистями
Зелены ветви пышно обвивал.
Озлился вепрь — и дерево клыками
Ну подрывать, и крепкий ствол дрожал.
Пастух смутился: «Ежели подроет
Он дерево, что делать мне тогда?»
И пастуха мысль эта беспокоит:
С ним лишь топор, а с топором куда
Против вепря! Пстой же. Ухитрился
Пастух, и начал спелы ветви рвать,
И с дерева на зверя их бросать,
И ждал, что́ будет? Что же? Соблазнился
Свирепый зверь — стал кушать виноград,
И столько он покушал винограду,
Что с ног свалился, пьяный до упаду,
Да и заснул. — Пастух сердечно рад,
И мигом он оправился от страха
И с дерева на землю соскочил,
Занес топор и с одного размаха
Он шеищу вепрю перерубил.
И в тот же день он во дворец явился
И притащил убитого вепря
С собой. Король победе удивился
И пастуха ласкал, благодаря
За подвиг. С ним разделался правдиво,

---

¹ *Ерофеич* — водка, настоянная на травах.

Не отперся от слова своего,
И дочь свою он выдал за него,
И молодые зажили счастливо.
Старик был нежен к зятю своему
И королевство отказал ему.
Готова сказка! Весел я, спокоен.
Иди же в свет, любезная моя!
Я чувствую, что я теперь достоин
Его похвал и что бессмертен я.
Я совершил нешуточное дело,
Покуда и довольно. Я могу
Поотдохнуть и поленился смело,
И на Парнасе долго ни гу-гу!

Михаил Юрьевич Лермонтов

1814 — 1841

В 1837 году Лермонтов за стихотворение «Смерть Поэта», посвященное гибели Пушкина, был сослан на Кавказ. Здесь он изучает фольклор кавказских народов. Народную сказку «Ашик-Кериб» Лермонтов записал в Тифлисе со слов азербайджанского писателя и просветителя Мирзы Фатали Ахундова. *Ашик* (или *ашуг*) — так на Востоке называют народных певцов и сказителей. *Кериб* — странник, бедняк.

АШИК-КЕРИБ

(*Турецкая сказка*)

Давно тому назад, в городе Тифлисе, жил один богатый турок; много аллах дал ему золота, но дороже золота была ему единственная дочь Магуль-Мегери. Хороши звезды на небеси, но за звездами живут ангелы, и они еще лучше, так и Магуль-Мегери была лучше всех девушек Тифлиза. Был также в Тифлисе бедный Ашик-Кериб. Пророк не дал ему ничего, кроме высокого сердца и дара песен; играя на саазе (балалайка турецкая) и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых. На одной свадьбе он увидел Магуль-Мегери, и они полюбили друг друга. Мало было надежды у бедного Ашик-Кериба получить ее руку — и он стал грустен, как зимнее небо.

Вот раз он лежал в саду под виноградником и наконец заснул. В это время шла мимо Магуль-Мегери с своим подругами; и одна из них, увидав спящего ашика (балалаечника), отстала и подошла к нему: «Что ты спишь под виноградником, — запела она, — вставай, безумный, твоя газель идет мимо»; он проснулся — девушка порхнула прочь, как птичка; Магуль-Мегери слышала ее песню и стала ее бранить. «Если б ты знала, — отвечала та, — кому я пела эту песню, ты бы меня поблагодарила: это твой Ашик-Кериб». — «Веди меня к нему», — сказала Магуль-Мегери; и они пошли. Увидав его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утешать. «Как мне не грустить, — отвечал Ашик-Кериб, — я тебя люб-

лю, — и ты никогда не будешь моею». — «Проси руку у отца моего, — говорила она, — и отец мой сыграет нашу свадьбу на свои деньги и наградит меня столько, что нам вдвоем достанет». — «Хорошо, — отвечал он, — положим, Аяк-Ага ничего не пожалеет для своей дочери; но кто знает, что после ты не будешь упрекать меня в том, что я ничего не имел и тебе всем обязан. Нет, милая Магуль-Мегери, я положил зарок на свою душу: обещаюсь семь лет странствовать по свету и нажить себе богатство либо погибнуть в дальних пустынях; если ты согласишься на это, то по истечении срока будешь моею». Она согласилась, но прибавила, что если в назначенный день он не вернется, то она делается женою Куршуд-бека, который давно уже за нее сватается.

Пришел Ашик-Кериб к своей матери, взял на дорогу ее благословение, поцеловал маленькую сестру, повесил через плечо сумку, оперся на посох странничий и вышел из города Тифлиза. И вот догоняет его всадник, — он смотрит — это Куршуд-бек. «Добрый путь, — кричал ему бек. — Куда бы ты ни шел, странник, я твой товарищ»; не рад был Ашик своему товарищу, но нечего делать; долго они шли вместе, наконец завидели перед собою реку. Ни моста, ни броду. «Плыви вперед, — сказал Куршуд-бек, — я за тобою последую». Ашик сбросил верхнее платье и поплыл. Переправившись, глядь назад — о горе! о всемогущий аллах! — Куршуд-бек, взяв его одежды, ускакал обратно в Тифлиз, только пыль вилась за ним змеєю по гладкому полю. Прискакав в Тифлиз, несет бек платье Ашик-Кериба к его старой матери: «Твой сын утонул в глубокой реке, — говорит он, — вот его одежда». В невыразимой тоске упала мать на одежды любимого сына и стала обливать их жаркими слезами; потом взяла их и понесла к нареченной невестке своей, Магуль-Мегери. «Мой сын утонул, — сказала она ей, — Куршуд-бек привез его одежды; ты свободна». Магуль-Мегери улыбнулась и отвечала: «Не верь, это все выдумки Куршуд-бека; прежде истечения семи лет никто не будет моим мужем», — она взяла со стены свою сааз и спокойно начала петь любимую песню бедного Ашик-Кериба.

Между тем странник пришел бос и наг в одну деревню; добрые люди одели его и накормили; он за то пел им чудные песни; таким образом переходил он из деревни в деревню, из города в город: и слава его разнеслась повсюду. Прибыл он наконец в Халаф. По

обыкновенно, взошел в кофейный дом, спросил сааз и стал петь. В это время жил в Халафе паша, большой охотник до песельников. Многих к нему приводили — ни один ему не понравился; его чауши¹ измучились, бегая по городу; вдруг, проходя мимо кофейного дома, слышат удивительный голос; они туда. «Иди с нами к великому паше, — закричали они, — или ты отвечаешь нам головою». — «Я человек вольный, странник из города Тифлиза, — говорит Ашик-Кериб, — хочу пойду, хочу нет; пою, когда придется, и ваш паша мне не начальник». Однако, несмотря на то, его схватили и привели к паше. «Пой», — сказал паша, он запел. И в этой песне он славил свою дорогую Магуль-Мегери; и эта песня так понравилась гордому паше, что он оставил у себя бедного Ашик-Кериба. Посыпалось к нему серебро и золото, заблистали на нем богатые одежды; счастливо и весело стал жить Ашик-Кериб и сделался очень богат; забыл он свою Магуль-Мегери или нет, не знаю, только срок истекал. Последний год скоро должен был кончиться, а он и не готовился к отъезду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться; в это время отправляется один купец с караваном из Тифлиза с сорока верблюдами и восемьюдесятью невольниками; призывает она купца к себе и дает ему золотое блюдо. «Возьми ты это блюдо, — говорит она, — и в какой бы ты город ни приехал, выставь это блюдо в своей лавке и объяви везде, что тот, кто признается моему блюду хозяином и докажет это, получит его и вдобавок вес его золотом». Отправился купец, везде исполнял поручение Магуль-Мегери, но никто не признался хозяином золотому блюду. Уж он продал почти все свои товары и приехал с остальными в Халаф. Объявил он везде поручение Магуль-Мегери. Услыхав это, Ашик Кериб прибегает в караван-сарай — и видит золотое блюдо в лавке тифлизского купца. «Это мое», — сказал он, схватив его рукою. «Точно твое, — сказал купец, — я узнал тебя, Ашик-Кериб; ступай же скорее в Тифлиз, твоя Магуль-Мегери велела тебе сказать, что срок истекает, и если ты не будешь в назначенный день, то она выйдет за другого». В отчаянии Ашик-Кериб схватил себя за голову: оставалось только три дня до рокового часа. Однако он сел на коня, взял с собою суму с золотыми монетами и поскакал, не жалея коня; наконец из-

¹ Чауш — слуга.

мученный бегун упал бездыханный на Арзинган-горе, что между Арзиньяном и Арзерумом. Что ему было делать: от Арзиньяна до Тифлиза два месяца езды, а оставалось только два дня. «Аллах всемогущий, — воскликнул он, — если ты уж мне не помогаешь, то мне нечего на земле делать!» — и хочет он броситься с высокого утеса; вдруг видит внизу человека на белом коне и слышит громкий голос: «Оглан (юноша), что ты хочешь делать?» — «Хочу умереть», — отвечал Ашик. «Слезай же сюда, если так, я тебя убью». Ашик спустился кое-как с утеса. «Ступай за мною», — сказал грозно всадник. «Как я могу за тобою следовать, — отвечал Ашик, — твой конь летит, как ветер, а я отягощен сумою». — «Правда; повесь же суму свою на седло мое и следуй». Отстал Ашик-Кериб, как ни старался бежать. «Что ж ты отстаешь?» — спросил всадник. «Как же я могу следовать за тобою, твой конь быстрее мысли, а я уж измучен». — «Правда, садись же сзади на коня моего и говори всю правду, куда тебе нужно ехать». — «Хоть бы в Арзрум поспеть нынче», — отвечал Ашик. «Закрой же глаза»; он закрыл. «Теперь открой». Смотрит Ашик: перед ним белеют стены и блещут минареты Арзрума. «Виноват, Ага, — сказал Ашик, — я ошибся, я хотел сказать, что мне надо в Карс». — «То-то же, — отвечал всадник, — я предупредил тебя, чтоб ты говорил мне сушую правду. Закрой же опять глаза. Теперь открой». Ашик себе не верит — то, что это Карс. Он упал на колени и сказал: «Виноват, Ага, трижды виноват твой слуга Ашик-Кериб, но ты сам знаешь, что если человек решился лгать с утра, то должен лгать до конца дня; мне по-настоящему надо в Тифлиз». — «Экой ты, неверный, — сказал сердито всадник, — но, нечего делать, прощаю тебе: закрой же глаза. Теперь открой», — прибавил он по прошествии минуты. Ашик вскрикнул от радости: они были у ворот Тифлиза. Принеся искреннюю свою благодарность и взяв свою суму с седла, Ашик-Кериб сказал всаднику: «Ага, конечно, благодеяние твое велико, но сделай еще большее; если я теперь буду рассказывать, что в один день поспел из Арзиньяна в Тифлиз, мне никто не поверит; дай мне какое-нибудь доказательство». — «Наклонись, — сказал тот, улыбнувшись, — и возьми из-под копыта коня комок земли и положи себе за пазуху; и тогда если не станут верить истине слов твоих, то вели к себе привести слепую, которая семь лет уж в этом положении, помажь

ей глаза — и она увидит». Ашик взял кусок земли из-под копыта белого коня, но только он поднял голову, всадник и конь исчезли; тогда он убедился в душе, что его покровитель был не кто иной, как Хадерилиаз (св. Георгий).

Только поздно вечером Ашик-Кериб отыскал дом свой; стучит он в двери дрожащею рукою, говоря: «Ана, ана (мать), отвори: я божий гость, я холоден и голоден; прошу, ради странствующего твоего сына,пусти меня». Слабый голос старухи отвечал ему: «Для ночлега путников есть дома богатых и сильных, есть теперь в городе свадьбы — ступай туда; там можешь провести ночь в удовольствии». — «Ана, — отвечал он, — я здесь никого знакомых не имею и потому повторяю мою просьбу: ради странствующего твоего сынапусти меня». Тогда сестра его говорит матери: «Мать, я встану и отворю ему двери». — «Негодная, — отвечала старуха, — ты рада принимать молодых людей и угощать их, потому что вот уж семь лет, как я от слез потеряла зрение». Но дочь, не внимая ее упрекам, встала, отперла двери ипустила Ашик-Кериба; сказав обычное приветствие, он сел и с тайным волнением стал осматриваться: и видит он — на стене висит в пыльном чехле его сладкозвучный сааз. И стал он спрашивать у матери: «Что висит у тебя на стене?» — «Любопытный ты гость, — отвечала она, — будет и того, что тебе дадут кусок хлеба и завтра отпустят тебя с богом». — «Я уж сказал тебе, — возразил он, — что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мне, что это на стене?» — «Это сааз, сааз», — отвечала старуха сердито, не веря ему. «А что значит сааз?» — «Сааз то значит, что на ней играют и поют песни». И просит Ашик-Кериб, чтоб она позволила сестре снять сааз и показать ему. «Нельзя, — отвечала старуха, — это сааз моего несчастного сына, вот уже семь лет он висит на стене и ничья живая рука до него не дотрагивалась». Но сестра его встала, сняла со стены сааз и отдала ему; тогда он поднял глаза к небу и сотворил такую молитву: «О! всемогущий аллах! если я должен достигнуть до желаемой цели, то моя семиструнная сааз будет так же стройна, как в тот день, когда я в последний раз играл на ней». И он ударил по медным струнам, и струны согласны заговорили; и он начал петь: «Я бедный Кериб (нищий) — и слова мои бедны; но великий Хадерилиаз помог мне спуститься с крутого утеса, хотя я

беден и бедны слова мои. Узнай меня, мать, своего странника». После этого мать его зарыдала и спрашивает его: «Как тебя зовут?» — «Рашид (храбрый)», — отвечал он. «Раз говори, другой раз слушай, Рашид, — сказала она, — своими речами ты изрезал сердце мое в куски. Нынешнюю ночь я во сне видела, что на голове моей волосы побелели, а вот уж семь лет я ослепла от слез, скажи мне ты, который имеешь его голос, когда мой сын придет?» И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно он называл себя ее сыном, но она не верила, и спустя несколько времени просит он: «Позволь мне, матушка, взять сааз и идги, я слышал, здесь близко есть свадьба: сестра меня проводит; я буду петь и играть, и все, что получу, принесу сюда и разделю с вами». — «Не позволю, — отвечала старуха, — с тех пор, как нет моего сына, его сааз не выходил из дому». Но он стал клясться, что не повредит ни одной струны, — «а если хоть одна струна порвется, — продолжал Ашик, — то отвечаю моим имуществом». Старуха оцупала его суммы и, узнав, что они наполнены монетами, отпустила его; проводив его до богатого дома, где шумел свадебный пир, сестра осталась у дверей слушать, что будет.

В этом доме жила Магуль-Мегери, и в эту ночь она должна была сделаться женою Куршуд-бека. Куршуд-бек пировал с родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатой чапрой (занавес) с своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой острый кинжал: она поклялась умереть прежде, чем опустит голову на ложе Куршуд-бека. И слышит она из-за чапры, что пришел незнакомец, который говорил: «Селям алейкюм!¹ вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами, и за то я спою вам песню». — «Почему же нет, — сказал Куршуд-бек. — Сюда должны быть впускаемы песельники и плясуны, потому что здесь свадьба; спой же что-нибудь, ашик (певец), и я отпущу тебя с полной горстью золота».

Тогда Куршуд-бек спросил его: «А как тебя зовут, путник?» — «Шинды-Герурсез (скоро узнаете)». — «Что это за имя, — воскликнул тот со смехом. — Я первый раз такое слышу!» — «Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многие соседи приходили к дверям спрашивать, сына или дочь бог ей дал; им отвеча-

¹ Селям алейкюм! — Мир вам (приветствие).

ли — шинды-герусез (скоро узнаете). И вот поэтому, когда я родился, мне дали это имя». После этого он взял сааз и начал петь:

«В городе Халафе я пил мисирское вино, но бог мне дал крылья, и я прилетел сюда в три дни».

Брат Куршуд-бека, человек малоумный, выхватил кинжал, воскликнул: «Ты лжешь; как можно из Халафа приехать сюда в три дни?»

«За что ж ты меня хочешь убить? — сказал Ашик, — певцов обыкновенно со всех четырех сторон собирают в одно место; а я с вас ничего не беру, верьте мне или не верьте».

«Пускай продолжает», — сказал жених, и Ашик-Кериб запел снова:

«Утренний намаз¹ творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзруме; пред заходом солнца творил намаз в городе Карсе, а вечерний намаз в Тифлизе. Аллах дал мне крылья, и я прилетел сюда; дай бог, чтоб я стал жертвою белого коня, он скакал так быстро, как плясун по канату, с горы в ущелья, из ущелья на гору: Маулям (создатель) дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магуль-Мегери».

Тогда Магуль-Мегери, узнав его голос, бросила яд в одну сторону, а кинжал в другую. «Так-то ты сдержала свою клятву, — сказали ее подруги, — стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршуд-бека». — «Вы не узнали, а я узнала милый мне голос», — отвечала Маргуль-Мегери; и, взяв ножницы, она прорезала чапру. Когда же посмотрела и точно узнала своего Ашик-Кериба, то вскрикнула, бросилась к нему на шею, и оба упали без чувств. Брат Куршуд-бека бросился на них с кинжалом, намереваясь заколоть обоих, но Куршуд-бек остановил его, промолвив: «Успокойся и знай: что написано у человека на лбу при его рождении, того он не минует».

Придя в чувство, Магуль-Мегери покраснела от стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чапру.

«Теперь точно видно, что ты Ашик-Кериб, — сказал жених, — но поведай, как же ты мог в такое короткое время проехать такое великое пространство?» — «В доказательство истины, — отвечал Ашик, — сабля моя перерубит камень, если же я лгу, то да будет шея моя тоньше волоска; но лучше всего приведите мне слепую, которая

¹ *Намаз* — молитва.

бы семь лет уж не видала свету божьего, и я возвращу ей зрение». Сестра Ашик-Кериба, стоявшая у двери и услышав такую речь, побежала к матери. «Магушка! — закричала она, — это точно брат и точно твой сын Ашик-Кериб», — и, взяв ее под руку, привела старуху на пир свадебный. Тогда Ашик взял комок земли из-за пазухи, развел его водою и намазал матери глаза, промолвя: «Знайте все люди, как могущ и велик Хадерилиаз», — и мать его прозрела. После этого никто не смел сомневаться в истине слов его, и Куршуд-бек уступил ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда в радости Ашик-Кериб сказал ему: «Послушай, Куршуд-бек, я тебя утешу: сестра моя не хуже твоей прежней невесты, я богат: у ней будет не менее серебра и золота; итак, возьми ее за себя — и будьте так же счастливы, как я с моей дорогою Магуль-Мегери».

Сергей Тимофеевич Аксаков

1791 — 1859

В автобиографической повести «Детские годы Багрова внука» С. Т. Аксаков пишет о том, как он впервые услышал сказку «Аленький цветочек». «Скорому выздоровлению моему мешала бессонница... По совету тетушки, позвали один раз ключницу Пелагею, которая была великая мастерица сказывать сказки и которую даже покойный дедушка любил слушать... Пришла Пелагея, не молодая, но еще белая, румяная... села у печки и начала говорить, немного нараспев. «В некиим царстве, в некиим государстве...»

Нужно ли говорить, что я не заснул до окончания сказки, что, напротив, я не спал долее обыкновенного? На другой же день выслушал я другой раз повесть об «Аленьком цветочке». С этих пор, до самого моего выздоровления Пелагея ежедневно рассказывала мне какую-нибудь из своих многочисленных сказок».

Во время работы над сказкой Аксаков писал своему сыну: «Я тепер занят эпизодом в мою книгу: я пишу сказку, которую в детстве я знал наизусть и рассказывал на потеху всем со всеми прибаутками сказочницы Пелагеи...»

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

Сказка ключницы Пелагеи

В некиим царстве, в некиим государстве жил-был богатый купец, именитый человек.

Много у него было всякого богатства, дорогих товаров заморских, жемчугу, драгоценных камениев, золотой и серебряной казны; и было у того купца три дочери; все три красавицы писанные, а меньшая лучше всех; и любил он дочерей своих больше всего своего богатства, жемчугов, драгоценных камениев, золотой и серебряной казны — по той причине, что он был вдовец и любить ему было некого; любил он старших дочерей, а меньшую дочь любил больше, потому что она была собой лучше всех и к нему ласковее.

Вот и собирается тот купец по своим торговым делам за море, за тридевять земель, в тридевятое царство, в

тридесатое государство, и говорит он своим любезным дочерям:

«Дочери мои милые, дочери мои хорошие, дочери мои пригожие, еду я по своим купецким делам за тридевять земель, в тридевятое царство, тридесатое государство, и мало ли, много ли времени проезжу — не ведаю, и наказываю я вам жить без меня честно и смирно, и коли вы будете жить без меня честно и смирно, то привезу вам такие гостинцы, каких вы сами захотите, и даю я вам сроку думать на три дня, и тогда вы мне скажете, каких гостинцев вам хочется».

Думали они три дня и три ночи и пришли к своему родителю, и стал он их спрашивать, каких гостинцев желают. Старшая дочь поклонилась отцу в ноги да и говорит ему первая:

«Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи, ни мехов черного соболя, ни жемчуга бурмицкого¹, а привези ты мне золотой венец из камениев самоцветных, и чтоб был от них такой свет, как от месяца полного, как от солнца красного, и чтоб было от него светло в темную ночь, как среди дня белого».

Честной купец призадумался и сказал потом:

«Хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая, привезу я тебе такой венец; знаю я за морем такого человека, который достанет мне таковой венец; а и есть он у одной королевичны заморской, а и спрятан он в кладовой каменной, а и стоит та кладовая в каменной горе, глубиной на три сажени, за тремя дверьми железными, за тремя замками немецкими. Работа будет немалая; да для моей казны супротивного нет».

Поклонилась ему в ноги дочь середняя и говорит:

«Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи, ни черных мехов соболя сибирского, ни ожерелья жемчуга бурмицкого, ни золотá венца самоцветного, а привези ты мне тувалет² из хрусталу восточного, цельного, беспорочного, чтобы, глядя в него, видела я всю красоту поднебесную и чтоб, смотря в него, я не старилась и красота б моя девичья прибавлялася».

¹ Бурмицкий жемчуг — крупный жемчуг

² Тувалет — туалетный столик с принадлежностями.

Призадумался честной купец и, подумав мало ли, много ли времени, говорит ей таковые слова:

«Хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая, достану я тебе таковой хрустальный тувалет; а и есть он у дочери короля персидского, молодой королевешны, красоты несказанной, неописанной и негаданной; и скоро-нен тот тувалет в терему каменном, высоком, и стоит он на горе каменной, высота той горы в триста сажень, за семью дверьми железными, за семью замками немецкими, и ведут к тому терему ступеней три тысячи, и на каждой ступени стоит по воину персидскому и день и ночь с саблею наголо булатною, и ключи от тех дверей железных носит королевешна на поясе. Знаю я за морем такого человека, и достанет он мне таковой тувалет. Потяжеле твоя работа сестриной, да для моей казны супротивного нет».

Поклонилась в ноги отцу меньшая дочь и говорит таково слово:

«Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи, ни черных соболей сибирских, ни ожерелья бурмицкого, ни венца самоцветного, ни тувалета хрустального, а привези ты мне *аленький цветочек*, которого бы не было краше на белом свете».

Призадумался честной купец крепче прежнего. Мало ли, много ли времени он думал, доподлинно сказать не могу; надумавшись, он целует, ласкает, приголубливает свою меньшую дочь, любимую, и говорит таковы слова:

«Ну, задала ты мне работу потяжеле сестриных: коли знаешь, что искать, то как не сыскать, а как найти то, чего сам не знаешь? *Аленький цветочек* не хитро найти, да как же узнать мне, что краше его нет на белом свете? Буду стараться, а на гостинце не взъпци».

И отпустил он дочерей своих, хороших, пригожих, в ихние терема девичьи. Стал он собираться в путь, во дороженьку, в дальние края заморские. Долго ли, много ли он собирался, я не знаю и не ведаю: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Поехал он в путь, во дороженьку.

Вот ездит честной купец по чужим сторонам заморским, по королевствам невиданным; продает он свои товары втридорога, покупает чужие втридешева, он меняет товар на товар и того сходней, со придачею серебра да золота; золотой казной корабли нагружает да домой посылает. Отыскал он заветный гостинец для своей стар-

шей дочери: венец с камнями самоцветными, а от них светло в темную ночь, как бы в белый день. Отыскал заветный гостинец и для своей средней дочери: тувалет хрустальный, а в нем видна вся красота поднебесная, и, смотрясь в него, девичья красота не стареется, а прибавляется. Не может он только найти заветного гостинца для меньшей, любимой дочери — аленького цветочка, краше которого не было бы на белом свете.

Находил он во садах царских, королевских и султановых много аленьких цветочков такой красоты, что ни в сказке сказать, ни пером написать; да никто ему поруки не дает, что краше того цветка нет на белом свете; да и сам он того не думает. Вот едет он путем-дорогою со своими слугами верными по пескам сыпучим, по лесам дремучим, и, откуда ни возьмись, налетели на него разбойники, бусурманские, турецкие да индейские, и, увидя беду неминуемую, бросает честной купец свои караваны богатые со прислугою своей верною и бежит в темные леса. «Пусть-де меня растерзают звери лютые, чем попасться мне в руки разбойничьи, поганые и доживать свой век в плену во неволе».

Бродит он по тому лесу дремучему, непроездному, непроходному, и что дальше идет, то дорога лучше становится, словно деревья перед ним расступаются, а часты кусты раздвигаются. Смотрит назад — руки не просунуть, смотрит направо — пни да колоды¹, зайцу косому не проскочить, смотрит налево — а и хуже того. Дивуется честной купец, думает не придумает, что с ним за чудо совершается, а сам все идет да идет: у него под ногами дорога торная. Идет он день от утра до вечера, не слышит он реву звериного, ни шипения змеиного, ни крику совиного, ни голоса птичьего: ровно около него все повымерло. Вот пришла и темная ночь; кругом его хоть глаз выколи, а у него под ногами светлехонько. Вот идет он, почитай, до полуночи, и стал видеть впереди будто зарево, и подумал он: «Видно, лес горит, так зачем же мне туда идти на верную смерть, неминуемую?»

Поворотил он назад — нельзя идти, направо, налево — нельзя идти; сунулся вперед — дорога торная. «Дай постою на одном месте, — может, зарево пойдет в другую сторону, аль прочь от меня, аль потухнет совсем».

Вот и стал он, дожидается; да не тут-то было: зарево

---

¹ *Колоды* — короткое толстое бревно.

точно к нему навстречу идет, и как будто около него светлее становится; думал он, думал и порешил идти вперед. Двух смертей не бывать, а одной не миновать. Перекрестился купец и пошел вперед. Чем дальше идет, тем светлее становится, и стало, почитай, как белый день, а не слышно шуму и треску пожарного. Выходит он под конец на поляну широкую, и посереде той поляны широкий стоит дом не дом, чертог не чертог, а дворец королевский или царский, весь в огне, в серебре и золоте и в камнях самоцветных, весь горит и светит, а огня не видать; ровно солнышко красное, инда тяжело на него глазам смотреть. Все окошки во дворце растворены, и играет в нем музыка согласная, какой никогда он не слыживал.

Входит он на широкий двор, в ворота широкие, растрворенные; дорога пошла из белого мрамора, а по сторонам бьют фонтаны воды, высокие, большие и малые. Входит он во дворец по лестнице, устланной кармазинным¹ сукном, со перилами позолоченными; вошел в горницу — нет никого; в другую, в третью — нет никого; в пятую, десятую — нет никого; а убранство везде царское, неслыханное и невиданное: золото, серебро, хрустали восточные, кость слоновая и мамонтовая.

Дивится честной купец такому богатству несказанному, а вдвое тому, что хозяина нет; не только хозяина, и прислуги нет; а музыка играет не смолкаючи; и подумал он в те поры про себя: «Все хорошо, да есть нечего» — и вырос перед ним стол, убранный-разубранный; в посуде золотой да серебряной яства стоят сахарные, и вина заморские, и питья медвяные. Сел он за стол без сумления, напился, наелся досыта, потому что не ел сутки целые; кушанье такое, что и сказать нельзя, — того и гляди, что язык проглотишь, а он, по лесам и пескам ходючи, крепко проголодался; встал он из-за стола, а поклониться некому и сказать спасибо за хлеб за соль некому. Не успел он встать да оглянуться, а стола с кушаньем как не бывало, а музыка играет не умолкаючи.

Дивуется честной купец такому чуду чудному и такому диву дивному, и ходит он по палатам изукрашенным да любитися, а сам думает: «Хорошо бы теперь соснуть да всхрапнуть» — и видит, стоит перед ним кровать резная, из чистого золота, на ножках хрустальных,

¹ *Кармази́нное сукно* — тонкое сукно красного цвета.

с пологом серебряным, с бахромою и кистями жемчужными; пуховик на ней как гора лежит, пуху мягкого, лебяжьего.

Дивится купец такому чуду новому, новому и чудному; ложится он на высокую кровать, задергивает полог серебряный и видит, что он тонок и мягок, будто шелковый. Стало в палате темно, ровно в сумерки, и музыка играет будто издали, и подумал он: «Ах, кабы мне дочерей хоть во сне увидеть!» — и заснул в ту же минуточку.

Просыпается купец, а солнце уже взошло выше дерева стоячего. Проснулся купец, а вдруг опомниться не может: всю ночь видел он во сне дочерей своих любезных, хороших и пригожих, и видел он дочерей своих старших: старшую и среднюю, что они веселым-веселёхоньки, а печальна одна дочь меньшая, любимая; что у старшей и средней дочери есть женихи богатые и что собираются они выйти замуж, не дождавшись его благословения отцовского; меньшая же дочь любимая, красавица писаная, о женихах и слышать не хочет, покуда не воротится ее родимый батюшка. И стало у него на душе и радостно и не радостно.

Встал он со кровати высокой, платье ему все приготовлено, и фонтан воды бьет в чашу хрустальную; он одевается, умывается и уж новому чуду не дивуется: чай и кофей на столе стоят, и при них закуска сахарная. Помолившись богу, он накушался, и стал он опять по палатам ходить, чтоб опять на них полюбоваться при свете солнышка красного. Все показалось ему лучше вчерашнего. Вот видит он в окна растворенные, что кругом дворца разведены сады диковинные, плодовые и цветы цветут красоты неописанной. Захотелось ему по тем садам прогуляться.

Сходит он по другой лестнице из мрамора зеленого, из малахита медного, с перилами позолоченными, сходит прямо в зеленые сады. Гуляет он и любит: на деревьях висят плоды спелые, румяные, сами в рот так и просятся, инда, глядя на них, слюнки текут; цветы цветут распрекрасные; птицы летают невиданные: словно по бархату зеленому и пунцовому золотом и серебром выложенные, песни поют райские; фонтаны воды бьют высокие, инда глядеть на их вышину — голова запрокидывается; и бегут и шумят ключи родниковые по колодам хрустальным.

Ходит честной купец, дивуется; на все такие дико-

винки глаза у него разбежались, и не знает он, на что смотреть и кого слушать. Ходил он так много ли, мало ли времени — неведомо: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. И вдруг видит он, на пригорочке зеленом цветет цветок цвету алого, красоты невиданной и неслыханной, что ни в сказке сказать, ни пером написать. У честного купца дух занимается; подходит он к тому цветку; запах от цветка по всему саду ровно струя бежит; затряслись и руки и ноги у купца, и возговорил он голосом радостным:

«Вот аленький цветочек, какого нет краше на белом свете, о каком просила меня дочь меньшая, любимая».

И, проговорив таковы слова, он подошел и сорвал аленький цветочек. В ту же минуту, безо всяких туч, блеснула молния и ударил гром, инда земля зашаталась под ногами, — и вырос, как будто из земли, перед купцом зверь не зверь, человек не человек, а так какое-то чудище, страшное и мохнатое, и заревел он голосом диким:

«Что ты сделал? Как ты посмел сорвать в моем саду мой заповедный, любимый цветок? Я хранил его паче зеницы ока моего и всякий день утешался, на него глядячи, а ты лишил меня всей утехи в моей жизни. Я хозяин дворца и сада, я принял тебя, как дорогого гостя и званого, накормил, напоил и спать уложил, а ты эдак-то заплатил за мое добро? Знай же свою участь горькую: умереть тебе за свою вину смертью безвременною!..»

И несчетное число голосов диких со всех сторон завопило:

«Умереть тебе смертью безвременною!»

У честного купца от страха зуб на зуб не приходил, он оглянулся кругом и видит, что со всех сторон, из-под каждого дерева и кустика, из воды, из земли лезет к нему сила нечистая и несметная, все страшилища безобразные. Он упал на колени перед на́большим хозяином, чудищем мохматым, и возговорил голосом жалобным:

«Ох ты гой еси, господин честной, зверь лесной, чудо морское: как взвеличать тебя — не знаю, не ведаю! Не погуби ты души моей христианской за мою продерзость безвинную, не прикажи меня рубить и казнить, прикажи слово вымолвить. А есть у меня три дочери, три дочери красавицы, хорошие и пригожие; обещал я им по гостинцу привезть: старшей дочери — самоцветный венец, средней дочери — тувалет хрустальный, а меньшей дочери — аленький цветочек, какого бы не было краше на

белом свете. Старшим дочерям гостинцы я сыскал, а меньшей дочери гостинца отыскать не мог; увидел я такой гостинец у тебя в саду — аленький цветочек, какого краше нет на белом свете, и подумал я, что такому хозяину, богатому-богатому, славному и могучему, не будет жалко цветочка аленького, о каком просила моя меньшая дочь, любимая. Каюсь я в своей вине перед твоим величеством. Ты прости мне, неразумному и глупому, отпусти меня к моим дочерям родимым и подари мне цветочек аленький для гостинца моей меньшей, любимой дочери. Заплачу я тебе казны золотой, что потребуешь».

Раздался по лесу хохот, словно гром загремел, и возговорит купцу зверь лесной, чудо морское:

«Не надо мне твоей золотой казны: мне своей девать некуда. Нет тебе от меня никакой милости, и разорвут тебя мои слуги верные на куски, на части мелкие. Есть одно для тебя спасенье. Я отпущу тебя домой невредимого, награжу казной несчетною, подарю цветочек аленький, коли дашь ты мне слово честное купецкое и запись своей руки, что пришлешь заместо себя одну из дочерей своих, хороших, пригожих; я обиды ей никакой не сделаю, а и будет она жить у меня в чести и приволье, как сам ты жил во дворце моем. Стало скучно мне жить одному, и хочу я залучить себе товарища».

Так и пал купец на сыру землю, горючими слезами обливается; а и взглянет он на зверя лесного, на чудо морское, а и вспомнит он своих дочерей, хороших пригожих, а и пуще того завопит истошным голосом: больно страшен был лесной зверь, чудо морское. Много времени честной купец убивается и слезами обливается, и возговорит он голосом жалобным:

«Господин честной, зверь лесной, чудо морское! А и как мне быть, коли дочери мои, хорошие и пригожие, по своей воле не захотят ехать к тебе? Не связать же мне им руки и ноги да насильно прислать? Да и каким путем до тебя доехать? Я ехал к тебе ровно два года, а по каким местам, по каким путям, я не ведаю».

Возговорит купцу зверь лесной, чудо морское:

«Не хочу я невольницы: пусть придет твоя дочь сюда по любви к тебе, своей волею и хотением; а коли дочери твои не поедут по своей воле и хотению, то сам приезжай, и велю я казнить тебя смертью лютою. А как приехать ко мне — не твоя беда; дам я тебе перстень с руки моей:

кто наденет его на правый мизинец, тот очутится там, где пожелает, во единое ока мгновение. Сроку тебе даю дома пробыть три дня и три ночи».

Думал, думал купец думу крепкую и придумал так: «Лучше мне с дочерьми повидаться, дать им свое родительское благословение, и коли они избавить меня от смерти не захотят, то приготовиться к смерти по долгу христианскому и воротиться к лесному зверю, чуду морскому». Фальши у него на уме не было, а потому он рассказал, что у него было на мыслях. Зверь лесной, чудо морское, и без того их знал; видя его правду, он и записи с него заручной не взял, а снял с своей руки золотой перстень и подал его честному купцу.

И только честной купец успел надеть его на правый мизинец, как очутился он в воротах своего широкого двора; в ту пору в те же ворота въезжали его караваны богатые с прислугою верною, и привезли они казны и товаров втрое противу прежнего. Поднялся в доме шум и гвалт, повскакали дочери из-за пялец своих, а вышивали они серебром и золотом ширинки¹ шелковые; почали они отца целовать, миловать и разными ласковыми именами называть, и две старшие сестры лебезят пуще меньшей сестры. Видят они, что отец как-то нерадостен и что есть у него на сердце печаль потаенная. Стали старшие дочери его допрашивать, не потерял ли он своего богатства великого; меньшая же дочь о богатстве не думает, и говорит она своему родителю:

«Мне богатства твои ненадобны; богатство дело наживное, а открой ты мне свое горюшко сердешное».

И возговорит тогда честной купец своим дочерям родимым, хорошим и пригожим:

«Не потерял я своего богатства великого, а нажил казны втрое-вчетверо; а есть у меня другая печаль, и скажу об ней завтрашний день, а сегодня будем веселиться».

Приказал он принести сундуки дорожные, железом окованные; доставал он старшей дочери золотой венец, золота аравийского, на огне не горит, в воде не ржавеет, со камнями самоцветными; достает гостинец средней дочери, тувалет хрустально восточного; достает гостинец меньшей дочери, золотой кувшин с цветочком аленьким. Старшие дочери от радости рехнулись, унесли свои го-

¹ Ширинка — полотенце.

стинцы в терема высокие и там на просторе ими досыта потешались. Только дочь меньшая, любимая, увидав цветочек аленький, затряслась вся и заплакала, точно в сердце ее что ужалило. Как возговорит к ней отец таковы речи:

«Что же, дочь моя милая, любимая, не берешь ты своего цветка желанного? Краше его нет на белом свете».

Взяла дочь меньшая цветочек аленький ровно нехотя, целует руки отцовы, а сама плачет горючими слезами. Скоро прибежали дочери старшие, попытали они гостинцы отцовские и не могут опомниться от радости. Тогда сели все они за столы дубовые, за скатерти браные, за яства сахарные, за пития медвяные; стали есть, пить, прохлаждаться, ласковыми речами утешаться.

Вечеру гости понаехали, и стал дом у купца полнехонек дорогих гостей, сродников, угодников, прихлебателей. До полуночи беседа продолжалась, и таков был вечерний пир, какого честной купец у себя в дому не видывал, и откуда что бралось, не мог догадаться он, да и все тому дивовались: и посуды золотой-серебряной, и кушаний диковинных, каких никогда в дому не видывали.

Заутра позвал к себе купец старшую дочь, рассказал ей все, что с ним приключилось, все от слова до слова, и спросил: хочет ли она избавить его от смерти лютой и поехать жить к зверю лесному, чуду морскому? Старшая дочь наотрез отказалась и говорит:

«Пусть та дочь и выручает отца, для кого он доставал аленький цветочек».

Позвал честной купец к себе другую дочь, среднюю, рассказал ей все, что с ним приключилось, все от слова до слова, и спросил, хочет ли она избавить его от смерти лютой и поехать жить к зверю лесному, чуду морскому? Средняя дочь наотрез отказалась и говорит:

«Пусть та дочь и выручает отца, для кого он доставал аленький цветочек».

Позвал честной купец меньшую дочь и стал ей все рассказывать, все от слова до слова, и не успел кончить речи своей, как стала перед ним на колени дочь меньшая, любимая, и сказала:

«Благослови меня, государь мой батюшка родимый: я поеду к зверю лесному, чуду морскому, и стану жить у него. Для меня достал ты аленький цветочек, и мне надо выручить тебя».

Залился слезами честной купец, обнял он свою меньшую дочь, любимую, и говорит ей таковые слова:

«Дочь моя милая, хорошая, пригожая, меньшая и любимая, да будет над тобою мое благословение родительское, что выручаешь ты своего отца от смерти лютой и по доброй воле своей и хотению идешь на житье противное к страшному зверю лесному, чуду морскому. Будешь жить ты у него во дворце, в богатстве и приволье великом; да где тот дворец — никто не знает, не ведает, и нет к нему дороги ни конному, ни пешему, ни зверю прыскучему, ни птице перелетной. Не будет нам от тебя ни слуха, ни весточки, а тебе от нас и подавно. И как мне доживать мой горький век, лица твоего не выдаючи, ласковых речей твоих не слышаючи? Расстаюсь я с тобою на веки вечные, ровно тебя живую в землю хороню».

И возговорит отцу дочь меньшая, любимая:

«Не плачь, не тоскуй, государь мой батюшка родимый; житье мое будет богатое, привольное: зверя лесного, чуда морского я не испугаюсь, буду служить ему верою и правдою, исполнять его волю господскую, а может, он надо мной и сжалится. Не оплакивай ты меня живую, словно мертвую: может, бог даст, я и вернусь к тебе».

Плачет, рыдает честной купец, таковыми речами не утешается.

Прибегают сестры старшие, большая и середняя, подняли плач по всему дому: вишь, больно им жалко меньшей сестры, любимой; а меньшая сестра и виду печального не кажет, не плачет, не охает и в дальний путь неведомый собирается. И берет с собою цветочек аленький во кувшине позолоченном.

Прошел третий день и третья ночь, пришла пора расставаться честному купцу, расставаться с дочерью меньшей, любимой; он целует ее, горячими слезами обливает и кладет на нее крестное благословение свое родительское. Вынимает он перстень зверя лесного, чуда морского, из ларца кованого, надевает перстень на правый мизинец меньшей, любимой дочери — и не стало ее в ту же минуточку со всеми ее пожитками.

Очутилась она во дворце зверя лесного, чуда морского, во палатах высоких, каменных, на кровати из резного золота со ножками хрустальными, на пуховике пуха ле-

бязьего, покрытом золотой камкой¹; ровно она и с места не сходила, ровно она целый век тут жила, ровно легла почивать да проснулась. Заиграла музыка согласная, какой отродясь она не слыхивала.

Встала она со постели пуховой и видит, что все ее пожитки и цветочек аленький в кувшине позолоченном тут же стоят, раскладены и расставлены на столах зеленых малахита медного, и что в той палате много добра и скарба всякого, есть на чем посидеть-полежать, есть во что приодеться, есть во что посмотреться. И была одна стена вся зеркальная, а другая стена золоченая, а третья стена вся серебряная, а четвертая стена из кости слоновой и мамонтовой, самоцветными яхонтами вся разубранная; и подумала она: «Должно быть, это моя опочивальня».

Захотелось ей осмотреть весь дворец, и пошла она осматривать все его палаты высокие, и ходила она немало времени, на все диковинки любующись; одна палата была краше другой, и все краше того, как рассказывал честной купец, государь ее батюшка родимый. Взяла она из кувшина золоченого любимый цветочек аленький, сошла она в зеленые сады, и запели ей птицы свои песни райские, а деревья, кусты и цветы замахали своими верхушками и ровно перед ней преклонились; выше забили фонтаны воды и громче зашумели ключи родниковые; и нашла она то место высокое, пригорок муравчатый, на котором сорвал честной купец цветочек аленький, краше которого нет на белом свете. И вынула она тот аленький цветочек из кувшина золоченого и хотела посадить на место прежнее; но сам он вылетел из рук ее и прирос к стеблю прежнему и расцвел краше прежнего.

Подивилась она такому чуду чудному, диву дивному, порадовалась своему цветочку аленькому, заветному и пошла назад в палаты свои дворцовые; и в одной из них стоит стол накрыт, и только она подумала: «Видно, зверь лесной, чудо морское, на меня не гневается, и будет он ко мне господин милостивый», — как на белой мраморной стене появились словеса огненные:

«Не господин я твой, а послушный раб. Ты моя госпожа, и все, что тебе пожелается, все, что тебе на ум придет, исполнять я буду с охотою».

Прочитала она словеса огненные, и пропали они со

---

¹ Камка́ — шелковая узорчатая ткань.

стены белой мраморной, как будто их никогда не бывало там. И вспало ей на мысль написать письмо к своему родителю и дать ему о себе весточку. Не успела она о том подумати, как видит она, перед нею бумага лежит, золотое перо со чернильницей. Пишет она письмо к своему батюшке родимому и сестрицам своим любезным:

«Не плачьте обо мне, не горюйте, я живу во дворце у зверя лесного, чуда морского, как королевишна; самого его не вижу и не слышу, а пишет он ко мне на стене беломраморной словесами огненными, и знает он все, что у меня на мысли, и в ту же минуту все исполняет, и не хочет он называться господином моим, а меня называет госпожей своей».

Не успела она письмо написать и печатью припечатать, как пропало письмо из рук и из глаз ее, словно его тут и не было. Заиграла музыка пуще прежнего, на столе явились яства сахарные, питья медвяные, вся посуда золота червонного. села она за стол веселехонька, хотя сроду не обедала одна-одинешенька; ела она, пила, прохлаждалася, музыкою забавлялася. После обеда, накушавшись, она опочивать легла; заиграла музыка потише и подальше — по той причине, чтоб ей спать не мешать.

После сна встала она веселешенька и пошла опять гулять по садам зеленым, потому что не успела она до обеда обходить и половины их, наглядеться на все их диковинки. Все деревья, кусты и цветы перед ней преклонялися, а спелые плоды — груши, персики и наливные яблочки — сами в рот лезли. Походив время немалое, почитай вплоть до вечера, воротилась она во свои палаты высокие, и видит она: стол накрыт, и на столе яства стоят сахарные и питья медвяные, и все отменные.

После ужина вошла она в ту палату беломраморную, где читала она на стене словеса огненные, и видит она на той же стене опять такие же словеса огненные:

«Довольна ли госпожа моя своими садами и палатами, угощением и прислугою?»

И возговорила голосом радостным молодая дочь купецкая, красавица писаная:

«Не зови ты меня госпожей своей, а будь ты всегда мой добрый господин, ласковый и милостивый. Я из воли твоей никогда не выступлю. Благодарствую тебе за все твое угощение. Лучше твоих палат высоких и твоих

зеленых садов не найти на белом свете: то и как же мне довольною не быть? Я отродясь таких чудес не видывала. Я от такого дива еще в себя не приду, только боюсь я почивать одна; во всех твоих палатах высоких нет ни души человеческой».

Появились на стене словеса огненные:

«Не бойся, моя госпожа прекрасная: не будешь ты почивать одна, дожидается тебя твоя девушка сенная, верная и любимая; и много в палатах душ человеческих, а только ты их не видишь и не слышишь, и все они вместе со мною берегут тебя и день и ночь: не дадим мы на тебя ветру венути¹, не дадим и пылинке сесть».

И пошла почивать в опочивальню свою молодая дочь купецкая, красавица писаная, и видит: стоит у кровати ее девушка сенная, верная и любимая, и стоит она чуть от страха жива; и обрадовалась она госпоже своей, и целует ее руки белые, обнимает ее ноги резвые. Госпожа была ей также рада, принялась ее расспрашивать про батюшку родимого, про сестриц своих старших и про всю свою прислугу девичью; после того принялась сама рассказывать, что с нею в это время приключилось; так и не спали они до белой зари.

Так и стала жить да поживать молодая дочь купецкая, красавица писаная. Всякий день ей готовы наряды новые, богатые, и убранства такие, что цены им нет, ни в сказке сказать, ни пером написать; всякий день угощенья и веселья новые, отменные: катанье, гулянье с музыкою на колесницах без коней и упряжи по темным лесам; а те леса перед ней расступались и дорогу давали ей широкую, широкую и гладкую. И стала она рукодельями заниматься, рукодельями девичьими, вышивать ширинки серебром и золотом и низать бахромы частым жемчугом; стала посылать подарки батюшке родимому, а и самую богатую ширинку подарила своему хозяину ласковому, а и тому лесному зверю, чуду морскому; а и стала она день ото дня чаще ходить в залу беломраморную, говорить речи ласковые своему хозяину милостивому и читать на стене его ответы и приветы словесами огненными.

Мало ли, много ли тому времени прошло: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, — стала привыкать к своему житью-бытью молодая дочь купецкая,

¹ *Венути* — повеять, подуть.

красавица писаная; ничему она уже не дивуется, ничего не пугается; служат ей слуги невидимые, подают, принимают, на колесницах без коней катают, в музыку играют и все повеления исполняют. И возлюбила она своего господина милостивого день ото дня, и видела она, что недаром он зовет ее госпожей своей и что любит он ее пуще самого себя; и захотелось ей его голоса послушать, захотелось с ним разговор повести, не ходя в палату беломраморную, не читая словесов огненных.

Стала она его о том молить и просить; да зверь лесной, чудо морское, не скоро на ее просьбу соглашается, испугать ее своим голосом опасается; упростила, умолила она своего хозяина ласкового, и не мог он ей супротивным быть, и написал он ей в последний раз на стене беломраморной словесами огненными:

«Приходи сегодня во зеленый сад, сядь во свою беседку любимую, листьями, ветками, цветами заплетенную, и скажи так: «Говори со мной, мой верный раб».

И мало спустя времечка побежала молодая дочь купецкая, красавица писаная, во сады зеленые, входила во беседку свою любимую, листьями, ветками, цветами заплетенную, и садилась на скамью парчовую; и говорит она задыхаячись, бьется сердечко у ней, как у птички пойманной, говорит таковые слова:

«Не бойся ты, господин мой, добрый, ласковый, испугать меня своим голосом: после всех твоих милостей не убоюсь я и рева звериного; говори со мной не опасаячись».

И услышала она, ровно кто вздохнул за беседкою, и раздался голос страшный, дикий и зычный, хриплый и сиплый, да и то говорил он еще вполголоса. Вздогнула сначала молодая дочь купецкая, красавица писаная, услыхав голос зверя лесного, чуда морского, только со страхом своим совладала и виду, что испугалася, не показала, и скоро слова его ласковые и приветливые, речи умные и разумные стала слушать она и заслушалась, и стало у ней на сердце радостно.

С той поры, с того времечка пошли у них разговоры, почитай, целый день — во зеленом саду на гуляньях, во темных лесах на катаньях и во всех палатах высоких. Только спросит молодая дочь купецкая, красавица писаная:

«Здесь ли ты, мой добрый, любимый господин?»

Отвечает лесной зверь, чудо морское:

«Здесь, госпожа моя прекрасная, твой верный раб, неизменный друг».

И не пугается она его голоса дикого и страшного, и пойдут у них речи ласковые, что конца им нет.

Прошло мало ли, много ли времени: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, — захотелось молодой дочери купечкой, красавице писаной, увидеть своими глазами зверя лесного, чуда морского, и стала она его о том просить и молить. Долго он на то не соглашается, испугать ее опасается, да и был он такое страшилище, что ни в сказке сказать, ни пером написать; не только люди, звери дикие его всегда устрашались и в свои берлоги разбежались. И говорит зверь лесной, чудо морское, таковые слова:

«Не проси, не моли ты меня, госпожа моя прекрасная, красавица ненаглядная, чтобы показал я тебе свое лицо противное, свое тело безобразное. К голосу моему попривыкла ты; мы живем с тобой в дружбе, согласии друг с другом, почитай, не разлучаемся, и любишь ты меня за мою любовь к тебе несказанную, а увидя меня, страшного и противного, возненавидишь ты меня, несчастного, прогонишь ты меня с глаз долой, а в разлуке с тобой я умру с тоски».

Не слушала таких речей молодая купечская дочь, красавица писаная, и стала молить пуще прежнего, клясться, что никакого на свете страшилища не испугается и что не разлюбит она своего господина милостивого, и говорит ему таковые слова:

«Если ты стар человек — будь мне дедушка, если Середович¹ — будь мне дядюшка, если же молод ты — будь мне названный брат, и поколь я жива — будь мне сердечный друг».

Долго, долго лесной зверь, чудо морское, не поддавался на такие слова, да не мог просьбам и слезам своей красавицы супротивным быть, и говорит ей таково слово:

«Не могу я тебе супротивным быть по той причине, что люблю тебя пуще самого себя; исполню я твое желание, хотя знаю, что погублю мое счастье и умру смертию безвременной. Приходи во зеленый сад в сумерки серые, когда сядет за лес солнышко красное, и скажи:

---

¹ Середович — человек средних лет.

«Покажись мне, верный друг!» — и покажу я тебе свое лицо противное, свое тело безобразное. А коли станет невоготу тебе больше у меня оставатися, не хочу я твоей неволи и муки вечной: ты найдешь в опочивальне своей, у себя под подушкою, мой золот перстень. Надень его на правый мизинец — и очутишься ты у батюшки родимого и ничего обо мне николи не услышишь».

Не убоаялась, не утрашилаась, крепко на себя понадеялась молодая дочь купецкая, красавица писаная. В те поры, не мешкая ни минуточки, пошла она во зеленый сад дожидатися часу урочного и, когда пришли сумерки серые, опустилося за лес солнышко красное, проговорила она: «Покажись мне, мой верный друг!» — и показался ей издали зверь лесной, чудо морское: он прошел только поперек дороги и пропал в частых кустах; и невзвидела света молодая дочь купецкая, красавица писаная, всплеснула руками белыми, закричала истошным голосом и упала на дорогу без памяти. Да и страшен был зверь лесной, чудо морское: руки кривые, на руках когти звериные, ноги лошадиные, спереди-сзади горбы великие верблужие, весь мохнатый от верху донизу, изо рта торчали кабаньи клыки, нос крючком, как у беркута, а глаза были совиные.

Полежавши долго ли, мало ли времени, опамятовалась молодая дочь купецкая, красавица писаная, и слышит: плачет кто-то возле нее, горючьими слезами обливается и говорит голосом жалостным:

«Погубила ты меня, моя красавица возлюбленная, не видать мне больше твоего лица распрекрасного, не захочешь ты меня даже слышати, и пришло мне умереть смертью безвременною».

И стало ей жалко и совестно, и совладала она со своим страхом великим и с своим сердцем робким девичьим, и заговорила она голосом твердым:

«Нет, не бойся ничего, мой господин добрый и ласковый, не испугаюсь я больше твоего вида страшного, не разлучусь я с тобой, не забуду твоих милостей; покажись мне теперь же в своем виде давешнем; я только впервые испугалась».

Показался ей лесной зверь, чудо морское, в своем виде страшном, противном, безобразном, только близко подойти к ней не осмелился, сколько она ни звала его; гуляли они до ночи темной и вели беседы прежние, ласковые и разумные, и не чуяла никакого страха молодая

дочь купецка, красавица писаная. На другой день увидела она зверя лесного, чудо морское, при свете солнышка красного, и хотя сначала, разглядя его, испугалась, а виду не показала, и скоро страх ее совсем прошел. Тут пошли у них беседы пуще прежнего: день-деньской, почитай, не разлучались, за обедом и ужином яствами сахарными насыщались, питьями медвяными прохлаждались, гуляли по зеленым садам, без коней катались по темным лесам.

И прошло тому немало времени: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Вот однажды и привиделось во сне молодой купецкой дочери, красавице писаной, что батюшка ее нездоров лежит; и напала на нее тоска неусыпная, и увидал ее в той тоске и слезах зверь лесной, чудо морское, и сильно закручинился и стал спрашивать: отчего она во тоске, во слезах? Рассказала она ему свой недобрый сон и стала просить у него позволения повидать своего батюшку родимого и сестриц своих любезных. И возговорит к ней зверь лесной, чудо морское:

«И зачем тебе мое позволенье? Золот перстень мой у тебя лежит, надень его на правый мизинец и очутишься в дому у батюшки родимого. Оставайся у него, пока не соскучишься, а и только я скажу тебе: коли ты ровно через три дня и три ночи не воротишься, то не будет меня на белом свете, и умру я тою же минутою, по той причине, что люблю тебя больше, чем самого себя, и жить без тебя не могу».

Стала она заверять словами заветными и клятвами, что ровно за час до трех дней и трех ночей воротится во палаты его высокие. Простилась она с хозяином своим ласковым и милостивым, надела на правый мизинец золот перстень и очутилась на широком дворе честного купца, своего батюшки родимого. Идет она на высокое крыльцо его палат каменных; набежала к ней прислуга и челядь дворовая, подняли шум и крик; прибежали сестрицы любезные и, увидевши ее, диву дались красоте ее девичьей и ее наряду царскому, королевскому; подхватили ее под руки белые и повели к батюшке родимому; а батюшка нездоров лежал, нездоров и нерадостен, день и ночь ее вспоминаячи, горячими слезами обливаясь; и не вспомнился он от радости, увидавши свою дочь милую, хорошую, пригожую, меньшую, любимую,

и дивился он красоте ее девичьей, ее наряду царскому, королевскому.

Долго они целовались, миловались, ласковыми речами утешались. Рассказала она своему батюшке и своим сестрам старшим, любезным, про свое житье-бытье у зверя лесного, чуда морского, все от слова до́ слова, никакой крохи не скрываючи. И возвеселился честной купец ее житью богатому, царскому, королевскому, и дивился, как она привыкла смотреть на своего хозяина страшного и не боится зверя лесного, чуда морского; сам он, об нем вспоминаючи, дрожкой дрожал. Сестрам же старшим, слушая про богатства несметные меньшей сестры и про власть ее царскую над своим господином, словно над рабом своим, инда завистно стало.

День проходит, как единый час: другой день проходит, как минуточка, а на третий день стали уговаривать меньшую сестру сестры старшие, чтоб не ворочалась она к зверю лесному, чуду морскому. «Пусть-де околеет, туда и дорога ему...» И прогневалась на сестер старших дорогая гостья, меньшая сестра, и сказала им таковы слова:

«Если я моему господину доброму и ласковому за все его милости и любовь горячую, несказанную заплачу его смертью лютою, то не буду я стоять того, чтобы мне на белом свете жить, и стоит меня тогда отдать диким зверям на растерзание».

И отец ее, честной купец, похвалил ее за такие речи хорошие, и было положено, чтобы до срока ровно за час воротилась к зверю лесному, чуду морскому, дочь хорошая, пригожая, меньшая, любимая. А сестрам то в досаду было, и задумали они дело хитрое, дело хитрое и недоброе; взяли они да все часы в доме целым часом назад поставили, и не ведал того честной купец и вся его прислуга верная, челядь дворовая.

И когда пришел настоящий час, стало у молодой купечкой дочери, красавицы писаной, сердце болеть и щемить, ровно стало что-нибудь подмывать ее, и смотрит она то и дело на часы отцовские, англиские, немецкие, — а все рано ей пускаться в дальний путь. А сестры с ней разговаривают, о том, о сем спрашивают, позадерживают. Однако сердце ее не вытерпело; простилась дочь меньшая, любимая, красавица писаная, со честным купцом, батюшкой родимым, приняла от него благословение родительское, простилась с сестрами старшими, любезными, со прислугою верною, челядью дворовою,

и, не дождавшись единой минуточки до часа урочного, надела золот перстень на правый мизинец и очутилась во дворце белокаменном, во палатах высоких зверя лесного, чуда морского, и, дивуючись, что он ее не встречает, закричала она громким голосом:

«Где же ты, мой добрый господин, мой верный друг? Что же ты меня не встречаешь? Я воротилась раньше срока назначенного целым часом со минуточкой».

Ни ответа, ни привета не было, тишина стояла мертвая; в зеленых садах птицы не пели песни райские, не били фонтаны воды и не шумели ключи родниковые, не играла музыка во палатах высоких. Дрогнуло сердечко у купецкой дочери, красавицы писаной, почувяла она нешто недоброе; обежала она палаты высокие и сады зеленые, звала зычным голосом своего хозяина доброго — нет нигде ни ответа, ни привета и никакого гласа послушания. Побежала она на пригорок муравчатый, где рос, красовался ее любимый цветочек аленький, и видит она, что лесной зверь, чудо морское, лежит на пригорке, обхватив аленький цветочек своими лапами безобразными. И показалось ей, что заснул он, ее дожидаячись, и спит теперь крепким сном. Начала его будить потихоньку дочь купецкая, красавица писаная, — он не слышит; принялась будить покрепче, схватила его за лапу мохнатую — и видит, что зверь лесной, чудо морское, бездыханен, мертв лежит...

Помутились ее очи ясные, подкосились ноги резвые, пала она на колени, обняла руками белыми голову своего господина доброго, голову безобразную и противную, и завопила истошным голосом:

«Ты встань, пробудись, мой сердечный друг, я люблю тебя как жениха желанного!..»

И только таковы слова она вымолвила, как заблестели молнии со всех сторон, затряслась земля от грома великого, ударила громава стрела каменная в пригорок муравчатый, и упала без памяти молодая дочь купецкая, красавица писаная. Много ли, мало ли времени она лежала без памяти — не ведаю; только, очнувшись, видит она себя во палате высокой, беломраморной, сидит она на золотом престоле со камнями драгоценными, и обнимает ее принц молодой, красавец писанный, на голове со короною царскою, в одежде златокованой; перед ним стоит отец с сестрами, а кругом на коленях стоит свита великая, все одеты в парчах золотых, серебряных. И воз-

говорит к ней молодой принц, красавец писанный, на голове со короною царскою:

«Полюбила ты меня, красавица ненаглядная, в образе чудища безобразного, за мою добрую душу и любовь к тебе; полюби же меня теперь в образе человеческом, будь моей невестою желанною. Злая волшебница прогневалась на моего родителя покойного, короля славного и могучего, украла меня, еще малолетнего, сатанинским колдовством своим, силой нечистою, оборотила меня в чудище страшное и наложила таковое заклятие, чтобы жить мне в таковом виде безобразном, противном и страшном для всякого человека, для всякой твари божией, пока найдется красная девица, какого бы роду и званья ни была она, и полюбит меня в образе страшилища и пожелает быть моей женою законною, — и тогда колдовство все покончится, и стану я опять по-прежнему человеком молодым и пригожим. И жил я таковым страшилищем и пугалом ровно тридцать лет, и залучал я в мой дворец заколдованный одиннадцать девиц красных, ты была двенадцатая. Ни одна не полюбила меня за мои ласки и угождения, за мою душу добрую. Ты одна полюбила меня, чудище противное и безобразное, за мои ласки и угождения, за мою душу добрую, за любовь мою к тебе несказанную, и будешь ты за то женою короля славного, королевою в царстве могучем».

Тогда все тому подивились, свита до земли преклонилась. Честной купец дал свое благословение дочери меньшей, любимой, и молодому принцу-королевичу. И поздравили жениха с невестою сестры старшие, завистные, и все слуги верные, бояре великие и кавалеры ратные, и нимало не медля принялись веселым пирком да за свадебку, и стали жить да поживать, добра наживать. Я сама там была, пиво-мед пила, по усам текло, да в рот не попало.

Владимир Иванович Даль

1801 — 1872

В. И. Даль — псевдоним *Казак Луганский* — писатель, собиратель произведений народного творчества (поговорок, пословиц, поговорок, песен, сказок), автор знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка», а также сборника «Русские сказки». По профессии — врач. Был дружен с В. А. Жуковским, И. А. Крыловым, А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем. Как врач и друг находился у постели умирающего Пушкина...

«Не сказки сами по себе были важны, а русское слово», — писал В. И. Даль. Во вступлении к «Сказке об Иване Молодом Сержанте» сказочник советовал читателю: «Кто сказку мою слушать собирается, тот пусть на русские поговорки не прогневется, языка доморощенного не пугается».

ДЕВОЧКА СНЕГУРОЧКА

Жили-были старик со старухой, у них не было ни детей, ни внучат. Вот выпли они за ворота в праздник, посмотреть на чужих ребят, как они из снега комочки катают, в снежки играют. Старик поднял комочек да и говорит:

— А что, старуха, кабы у нас с тобой была дочка, да такая беленькая, да такая кругленькая!

Старуха на комочек посмотрела, головой покачала да и говорит:

— Что ж будешь делать, — нет, так и взять негде.

Однако старик принес комочек снегу в избу, положил в горшочек, накрыл ветошкой¹ и поставил на окошко. Взопло солнышко, пригрело горшочек, и снег стал таять. Вот и слышат старики — пищит что-то в горшочке под ветошкой; они к окну — глядь, а в горшочке лежит девочка, беленькая, как снежок, и кругленькая, как комок, и говорит им:

— Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком пригрета и нарумянена.

Вот старики обрадовались, вынули ее, да ну старуха

¹ Ветошка — старая тряпка.

скорее шить да кроить, а старик, завернув Снегурочку в полотенецко, стал ее нянчить и пестовать:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,¹
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!

Вот и растет Снегурочка на радость старикам, да такая-то умная, такая-то разумная, что такие только в сказках живут, а взаправду не бывают.

Все шло у стариков как по маслу: и в избе хорошо, и на дворе неплохо, скотинка зиму перезимовала, птицу выпустили на двор. Вот как перевели птицу из избы в хлев, тут и случилась беда: пришла к стариковой Жучке лиса, прикинулась больной и ну Жучку умаливать, тоненьким голосом упрашивать:

— Жученька, Жучок, беленькие ножки, шелковый хвостик, пусти в хлевушок погреться!

Жучка, весь день за стариком в лесу пробегавши, не знала, что старуха птицу в хлев загнала, сжалилась над больной лисой и пустила ее туда. А лиска двух кур задушила да домой утащила. Как узнал про это старик, так Жучку прибил и со двора согнал.

— Иди, — говорит, — куда хочешь, а мне ты в сторожа не годишься!

Вот и пошла Жучка, плача, со старикова двора, а пожалели о Жучке только старушка да девочка Снегурочка.

Пришло лето, стали ягоды поспевать, вот и зовут подружки Снегурочку в лес по ягоды. Старики и слышать не хотят, не пускают. Стали девочки обещать, что Снегурочку они из рук не выпустят, да и Снегурочка сама просится ягодок побрать да на лес посмотреть. Отпустили ее старики, дали кузовок да пирожка кусок. Вот и побежали девчонки со Снегурочкой под ручки, а как в лес пришли да увидали ягоды, так все про все позабыли, разбежались по сторонам, ягоды берут да аукаются, в лесу друг дружке голос подают.

Ягод набрали, а Снегурочку в лесу потеряли.

¹ Кокурочка — булочка.

Стала Снегурочка голос подавать — никто ей не откликается. Заплакала бедняжка, пошла дорогу искать, хуже того заплуталась; вот и влезла на дерево и кричит: «Ау! Ау!»

Идет медведь, хворост трещит, кусты гнутся:

— О чем, девица, о чем, красная?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнцем подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки, в лес завели и покинули!

— Слезай, — сказал медведь, — я тебя домой отведу!

— Нет, медведь, — отвечала девочка Снегурочка, — я не пойду с тобой, я боюсь тебя — ты съешь меня!

Медведь ушел.

Бежит серый волк.

— Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, в лес завели да и покинули!

— Слезай, — сказал волк, — я доведу тебя до дому!

— Нет, волк, я не пойду с тобой, я боюсь тебя — ты съешь меня!

Волк ушел. Идет Лиса Патрикеевна:

— Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

— Ах, красавица! Ах, умница! Ах, горемычная моя! Слезай скорехонько, я тебя до дому доведу!

— Нет, лиса, льстивы слова, я боюсь тебя — ты меня к волку заведешь, ты медведю отдашь... Не пойду я с тобой!

Стала лиса вокруг дерева обхаживать, на девочку Снегурочку поглядывать, с дерева ее сманивать, а девочка не идет.

— Гам, гам, гам! — залаяла собака в лесу.

А девочка Снегурочка закричала:

— Ау-ау, Жученька! Ау-ау, милая! Я здесь — девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подруженьки у дедушки, у бабушки в лес по ягодки, в лес завели да и покинули. Хотел меня медведь унести, я не пошла с ним;

хотел волк увести, я отказала ему; хотела лиса сманить, я в обман не далась; я с тобой, Жучка, пойду!

Вот как услышала лиса собачий лай, так махнула пушняка¹ своим и была такова!

Снегурочка с дерева слезла, Жучка подбежала, ее лобызала, все личико облизала и повела домой.

Стоит медведь за пнем, волк на прогалине, лиса по кустам шныряет.

Жучка лает, заливаётся, все ее боятся, никто не приступается.

Пришли они домой; старики с радости заплакали. Снегурочку напоили, накормили, спать уложили, одеяльцем накрыли:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!

Жучку простили, молоком напоили, приняли в милость, на старое место приставили, стеречь двор заставили.

У ТЕБЯ У САМОГО СВОЙ УМ

Козел повадился в огород: бывало, как только пастухи выгонят гурт свой, то Васька мой сперва, как добрый, идет, головой помахивает, бородой потряхивает; а как только ребятишки засядут в овражке где-нибудь в камешки играть, то Васька и отправляется прямо в капусту.

Раз и пошел он тем же знакомым путем, идет себе да пофыркивает. В это время отбилась от гурта глупая овца, зашла в чащу, в крапиву да в лопушник; стоит, сердечная, да кричит, да оглядывается — не найдется ли кто добрый человек, чтобы вывел из этой беды. Увидавши козла, обрадовалась она, как родному брату: пойду, дескать, хоть за ним. «Этот выведет: мне не первина за

¹ Пушняк — хвост.

ним идти; у нас и впереди гурта тот козел-вожак идет, за ним ступай смело!»

Пошла овца наша, увязавшись за козлом. Он через овраг — она через овраг; он через тын — она через тын, и попала с ним же в огород.

На этот раз огородник заглянул как-то пораньше в капусту свою да и увидел гостей. Схватил он хворостину предолгую да кинулся на незваных. Козел, как попроворнее, успел перескочить опять через тын, мемекнул да и пошел себе в чистое поле, а бедная овца замоталась, стала кидаться, оробев, во все стороны да и попалась. Не пожалел огородник хворостины своей: всю измочалил о бедную овцу, так, что уже она кричит не своим голосом, да помощи нет ни от кого. Наконец, огородник, подумавши про себя: чего доброго, еще убьешь дуру эту, да после хозяин привяжется, выгнал ее в калитку и еще-таки на дорогу вытянул во всю длину хворостиной.

Пришла овца домой, в гурт, да и плачется на козла; а козел говорит:

— А кто велел тебе за мною хвостом бегать? Я пошел в свою голову, так мой и ответ; коли мужик мне отомнет бока, так я ни на кого плакаться не стану, ни на хозяина, зачем дома не кормит, ни на пастуха, зачем-де не приглядел за мною, а уж буду молчать да терпеть. А тебя зачем нелегкая понесла за мною? Я тебя не звал.

И козел, хоть и плут, вор, а прав в этом деле. Смотри всяк своими глазами, раскидывай своим умом да и ступай туда, где лучше. И у нас то же бывает: один пустится на какой ни есть грех, а другой, на него глядя, за ним же, да после, как попадется, и плачется на учителя. А разве у тебя у самого своего ума нет?

ПРО МЫШЬ ЗУБАСТУЮ ДА ПРО ВОРОБЬЯ БОГАТОГО

Пришла старуха и стала сказывать про деревенское раздолье: про ключи студеные, про луга зеленые, про леса дремучие, про хлебы хлебистые да про ярицу¹ яристую. Это не сказка, а присказка, сказка будет впереди.

¹ Ярица — яровой хлеб.

Жил-был в селе мужичок, крестьянин исправный, и работы не боялся, и о людях печаловался: коли кто был в горе да в нужде, всяк к нему за советом шел, а коли у кого было хлеба в недостатке, шли к его закрому, как к своему. У кого хлеб родился сам-четверт, сам-пят, а у него нередко и сам-десять! Сожнет мужичок хлеб, свезет в овин, перечтет снопы и каждый десятый снопок к стороне отложит, примолвя: «Это на долю бедной братьи».

Услышав такие речи, воробей зачирикал во весь рот:

— Чив, чив, чив! Мужичок полон овин хлеба навалил, да и 'на нашу братью видимо-невидимо отложил!

— Ш-ш-ш, не кричи во весь рот! — пропищала мышь пiskuнья. — Не то все услышат: налетит ваша братья, крылатая стая, все по зернушку разнесет, весь закрома склюет, и нам ничего не достанется!

Трудновато было воробью молчать, да делать нечего: мышка больно строго ему пригрозила. Вот слетел воробей со стрехи на пол да, подсев к мышке, стал тихонько чирикать:

— Давай-де, мышка-норышка, соъем себе по гнездышку — я под стрехой, ты в подполье — и станем жить да быть да хозяйской подачкой питаться, и будет у нас все вместе, все пополам.

Мышка согласилась. Вот и зажили они вдвоем; живут год, живут другой, а на третий стал амбар ветшать; про новый хлеб хозяин выстроил другой амбар, а в старом зерна оставалось немало. Мышка-норышка это дело смекнула, раскинула умом и порешила, что коли ей одной забрать все зерно, то более достанется, чем с воробьем пополам. Вот прогрызла она в половице в закроме дыру, зерно высыпалось в подполье, а воробей и не видал того, как весь хлеб ушел к мышке в нору. Стал воробей поглядывать: где зерно? Зерна не видать; он туда, сюда — нет нигде ни зернышка; стал воробей к мышке в нору стучаться.

— Тук, тук, чив, чив, чив, дома ли, сударушка мышка?

А мышка в ответ:

— Чего ты тут расчирикался? Убирайся, и без тебя голова болит!

Заглянул воробей в подполье да как увидал там хлеба ворох; так пуще прежнего зачирикал:

— Ах ты, мышь подпольная, вишь что затеяла! Да где ж твоя правда? Уговор был: все поровну, все пополам, а ты это что делаешь? Взяла да и обобрала товарища!

— И-и! — пропищала мышка-норышка. — Вольно тебе старое помнить. Я так ничего знать не знаю и помнить не помню!

Нечего делать, стал воробей мышке кланяться, упрашивать, а она как выскочит, как начнет его щипать, только перья полетели!

Рассердился и воробей, взлетел на крышу и зачирикал так, что со всего округа воробьи слетелись, видимо-невидимо. Всю крышу обсели и ну товарищево дело разбирать; все по ниточке разобрали и на том порешили, чтобы к звериному царю всем миром с челобитьем лететь. Снялись, полетели, только небо запестрело. Вот прилетели они к звериному царю, зачирикали, защебетали, так что у царя Льва в ушах зазвенело, а он в ту пору прилег было отдохнуть. Зевнул Лев, потянулся, да и говорит:

— Коли попусту слетелись, так убирайтесь восвояси, — спать хочу; а коли дело есть до меня, то говори один. Это петь хорошо вместе, а говорить порознь!

Вот и выскочил воробышек, что побойчее других, и стал так сказывать дело:

— Лев-государь, вот так и так: наш брат воробей положил уговор с твоей холопкой, мышью зубастой, жить в одном амбаре, есть из одного закрома до последнего зерна; прожили они так без мала три года, а как стал хлеб к концу подходить, мышь подпольная и слукавила — прогрызла в закроме дыру и выпустила зерно к себе в подполье; брат воробей стал ее унимать, усовещивать, а она, злодейка, так его ощипала кругом, что стыдно в люди показаться. Повели, царь, мышь ту казнить, а все зерно истцу-воробью отдать; коли же ты, государь, нас с мышью не рассудишь, так мы полетим к своему царю с челобитной!

— И давно бы так, идите к своему Орлу! — сказал Лев, потянулся и опять заснул.

Туча тучей поднялась стая воробьиная с челобитьем к Орлу на звериного царя да на его холопку-мышь. Выслушал царь Орел да как гаркнет орлиным клетком:

— Позвать сюда трубача!

А грач-трубач уж тут как тут, стоит перед орлом тише воды, ниже травы.

— Труби, трубач, великий сбор моим богатырям: беркутам, соколам, коршунам, ястребам, лебедям, гусям и всему птичьему роду, чтобы клювы точили, когти вост-

рили; будет-де вам пир на весь мир. А тому ли звериному царю разлетную грамоту носи: за то-де, что ты царь-потатчик, присяги не памятуешь, своих зверишек в страхе не держишь, наших пернатых жалоб не разбираешь, вот за то-де и подымается на тебя тьма-тьмущая, сила великая; и чтобы тебе, царю, выходить со своими зверишками на поле Алекское, к дубу Веретенскому.

Тем временем, выпавшись, проснулся Лев и, выслушав трубача-бирюча, зарычал на все свое царство звериное. Сбежались барсы, волки, медведи, весь крупный и мелкий зверь, и становились они у того дуба заветного.

И налетела на них туча грозная, непросветная, с вожаком своим, с царем Орлом, и билися обе рати не отдыхая три часа и три минугы, друг друга одолевая; а как нагрянула запасная сила, ночью птица, пугач да сова, тут зубастый зверь-мышь первый наутек пошел. Доложили о том докладчики звериному царю. Рассердился Лев-государь на зубастую мышь.

— Ах ты, мышь, мелюзга подпольная, из-за тебя, мелкой сошки, бился я, не жалеючи себя, а ты же первая тыл показала!

Тут велел Лев отбой бить, замиренья просить; а весь награбленный хлеб присудил воробью отдать, а мышь подпольную, буде найдется, ему же, воробью, головою выдать. Мышь не напли, сказывают: «Сбежала-де со страху за тридевять земель, в тридесятое царство, не в наше государство».

Воробышек разжился, и стал у него что ни день, то праздник, гостей видимо-невидимо, вся крыша вплотную засажена воробьями, и чирикают они на все село былинку про мышь подпольную, про воробья богатого да про свою удаль молодецкую.

СКАЗКА О ИВАНЕ МОЛОДОМ СЕРЖАНТЕ,
УДАЛОЙ ГОЛОВЕ,
БЕЗ РОДУ, БЕЗ ПЛЕМЕНИ,
СПРОСТА БЕЗ ПРОЗВИЩА

*Милым сестрам моим
Павле и Александре*

Сказка из походов слагается, присказками красуется, небылицами минувшими отзывается, за былями будничными не гоняется; а кто сказку мою слушать собирается, тот пусть на русские поговорки не прогневается, языка доморощенного не пугается; у меня сказочник в лаптях; по паркетам не шатывался, своды расписные, речи затейливые только по сказкам одним и знает. А кому сказка моя про царя Дадона Золотого Кошеля, про двенадцать князей его, про конюших, стольников, блюдолизов придворных, про Ивана Молодого Сержанта, Удалую Голову, спроста без прозвища, без роду, без племени, и прекрасную супругу его, девицу Катерину, не по нутру, не по нраву — тот садись за грамоты французские, переплеты сафьяновые, листы золотообрезные, читай бредни высокоумные! Счастливый путь ему на ахинеи¹, на баклуши заморские²; не видать ему стороны затейливой, как ушей своих; не видать и гуслей-самогудов: сами заводятся, сами пляшут, сами играют, сами песни поют; не видать и Дадона Золотого Кошеля, ни чудес невероятных, Иваном Молодым Сержантом созидаемых! А мы, люди темные, не за большим гоняемся, сказками потешаемся, с ведьмами, с чародеями якшаемся. В нашей сказке на всякого плясуна по погудке, про куму Соломониду страсти-напасти, про нас со сватом смехи-потехи!

В некотором самодержавном царстве, что за тридевять земель, за тридесатым государством, жил-был царь Дадон Золотой Кошель. У этого царя было великое множество подвластных князей: князь Панкратий, князь Клим, князь Кондратий, князь Трофим, князь Игнатий, князь Евдоким, много других таких же и, сверх того,

¹ *Ахинея* — вздор, бессмыслица.

² *Баклуши заморские* — безделицы заморские.

правдолюбивые, сердобольные министры, фельдмаршал Кашин, генерал Дюжин, губернатор граф Чихирь Пяташная Голова да строевого боевого войска Иван Молодой Сержант, Удалая Голова, без роду, без племени, спроста без прозвища. Его-то царь Дадон любил за верную службу, его и жаловал неоднократно большими чинами, деньгами, лентами первоклассными, золоточеканными кавалериями, крестами, медалями и орденами. Таковая милость царская подвела его под зависть вельмож и бояр придворных, и пришли они в полном облачении своем к царю и, приняв слово, стали такую речь говорить: «За что, государь, изволишь жаловать Ивана Молодого Сержанта милостями-почестями своими царскими, осыпать благоволениями многократными наравне с твоими полководцами? Мы, не в похвальбу сказано, не в урок помянуто, мы, кажется, для тебя бóльшого стоим; собираем с крестьян подати-оброки хорошие, живем не по-холопы, хлебом-солью, пивом-медом угощаем и чествуем всякого, носим на себе чины и звания генеральские, которые на свете ценятся выше чина капральского».

Царь этот царствовал, как медведь в лесу дуги гнет: гнет — не парит, переломит — не тужит! Он, послушав правдолюбивых и сердобольных советников своих, приказал немедленно отобрать от Ивана Молодого Сержанта, Удалой Головы, без роду, без племени, спроста без прозвища, все документы царские, чины, ордена, золоточеканные медали, и пошло ему опять жалованье солдатское, простое, житье плохое, и стали со дня на день налегать на него более вельможи, бояре царские, стали клеветать, обносить, оговаривать. Подстреленного сокола и ворона носом долбит, свались только с ног, а за тычками дело не станет! Бился, бился наш Иван — какого добра еще дожидаться? Надувшись на пиво, его не выпьешь; глядя на лес, не вырастешь, а смотря на людей, богат не будешь. Задумал он наконец худое дело сделать, бежать из службы царской — земля государева не клином сошлась; беглому одна дорога, а погонщикам — сто; а поймают — воля божья, суд царев: хуже худова не бывает, а здесь несдобровать. Выждал он ночь потемнее, собрался и пошел куда глаза глядят, куда стопы понесут молодецкие!

Приятель наш нехорошо сделал, что сбежал, о том

ни слова, но и то сказать, человек не скотина; терпит напраслину до поры до времени, а пошла брага через край, так и не сговоришь! Исполдволь и ольху согнешь, а вкруте и вяз переломишь!

Не успел выйти Иван наш на первый перекресток, видит-встречает, глазам своим молодецким не доверяет, видит прекрасную девицу, стоит девица Катерина, что твоя красная малина! Разодетая, разубранная, как ряженая-суженая! Она поклонилась обязательно, приветствовала милостиво и спросила с ласкою: кто он таков, куда и зачем идет или послан, по своему ли желанью или по чьему-приказанью? «Не торопись к худу Иван Молодой Сержант, Удалая ты Голова, без роду, без племени, проста без прозвища, — продолжала она, — а держись блага — послушай ты моего девичьего разума глупого, будешь умнее умного; задумал ты худое дело делать: бежать из службы царской, не схоронишь ты концов в воду, выйдет через год со днем наружу грех твой, пропадет за побег вся служба твоя; подумай-ка ты лучше думу да воротись; не всем в изобилии, в раздолье жить припеваючи, белорыбицей по Волге-реке разгуливать; кто служит, тот и тужит, ложку меду, бочку дегтю — не съешь горького, не поешь и сладкого, не смазав дегтем, не поедешь и по брагу. Мало славы служить из одной корысти; нет, Иван, Послужи-ка ты своему царю заморскому, под оговором, под клеветою, верою и правдою, как служат на Руси, из одной ревности да чести! Воротись, Иван Молодой Сержант, да женись ты на мне, так мы бы с тобою и стали жить да поживать; любишь — так скажи, а не любишь — откажи! Запрос в карман не лезет».

Есть притча короче носа птичья: жениться — не лапоть надеть, а одни лапти плетутся без меры, да на всякую ногу приходится! И истинно; жена не гусли: поигравши, на стенку не повесишь, а с кем под венец, с тем и в могилу, — приглядись, приноровись, а потом женись; примерь десять раз, а отрежь один раз; на горячей кляче жениться не ездят! — Все это и справедливо и хорошо, но иногда дело как будто бы наперед уже слажено, а суженого и на кривых оглоблях не объедешь! Так и тут случилось; капрал, наш солдат, человек сговорчивый, подал руку девице Катерине — вот то-то свахи наши ахнут: что за некрещеная земля, где сговор мог состояться без них!!! — подал руку ей, она ему надела на

перст колечко обручальное даровое-заветное, дарующее силу и крепость и неиссякаемое терпение, вымолвила пригодное слово, и чета наша идет — не идет, летит — не летит, а до заутрени очутились они в первопрестольном граде своем, снарядились и обвенчались, а с рассветом встали молодыми супругами.

И вдруг, отколе что взялось, пошла Ивану опять прежняя милость царская, чины, и деньги, и лестные награды, и зажил он припеваючи домовитым хозяином, как ярославский мужик. И снова стал лукавый мучить завистью правдолюбивых, сердобольных министров царских, фельдмаршала Кашина, генерала Дюжина, губернатора графа Чихиря Пяташную Голову, и предложили они единодушно царю, чтобы Иван Молодой Сержант по крайней мере заслужил службою милость царскую, показал бы на деле рысь свою утиную лапчатую. Вследствие сего Иван Молодой Сержант наутро вычистился, белье натер человечесим мясом¹, брюки велел жене вымыть и выкатать, на себе высушил — словом, снарядился, как на ординарцы, и явился ко двору. Царь Дадон, трепнув его по плечу, вызывал службу служить. «Рад стараться», — отвечал Иван. «Чтобы ты мне, — продолжал царь, — за один день, за одну ночь, и всего за одни сутки, сосчитал, сколько сот, тысяч или миллионов зерен пшеницы в трех больших амбарах моих, и с рассветом доложил мне об этом. Если сочтешь верно, пойдет снова милость царская пуще прежнего; а нет, так казнить, повинную голову рубить!»

Взяла кручинушка Ивана Молодого Сержанта, Удалую Голову, без рода, без племени, спроста без прозвища, повесил он головушку на правую сторонушку, пришел, горемычный, домой. «О чем тужишь-горюешь, очи солдатские потупляешь или горе старое мыкаешь-понимаешь?» — так спросила его благоверная супруга девица Катерина. «Всевозлюбленная и распрекрасная дражайшая сожительница моя, — держал ответ Иван Молодой Сержант, — не бесчести в загонях добра молодца, загоняешь и волка, так будет овца! Как мне не тужить, не горевать, когда царь Дадон, слушая царедворцев своих, велит мне службу служить непомерную, велит мне за

¹ Белье у солдата — что белится, белая кожаная амуниция. Белят ее составом из белой глины, а натирается она и вылащивается голою рукою. (Прим. автора.)

один день, за одну ночь, и всего-то русским счетом за одни сутки, счесть, сколько в трех больших амбарах его царских сот, тысяч или миллионов зерен пшеницы; сочту, так пойдет милость царская, а нет, так казнить, повинную голову рубить!» — «Эх, Иван Молодой Сержант, Удалая Голова, дражайший сожитель и супруг мой! Это не служба, а службишка, а служба будет впереди! Ложись-ка ты спать, утро вечера мудренее, — завтра встанешь да, умывшись и помолвившись, подумаем», — так рекла прекрасная Катерина; напоила, накормила его, и спать положила, и прибаюкивала песенкою:

За лесами, за горами горы да леса,
А за теми за лесами лес да гора —
А за тою за горою горы да леса,
А за теми за лесами трын да трава;
Там луга заповедным диким лесом поросли,
И древа в том лесу стоеросовые,
На них шишки простые, не кокосовые!

Сожитель лег, зевнул, заснул — а Катерина вышла за ворота тесовые на крыльечко белокаменное, махнула платочком итальянским и молвила: «Ах вы, любезные мои повытчики, батюшкины посольщики, нашему делу помощники, пожалуйста сюда!» И тотчас, отколе ни возмись, старик идет, клюкою подпирается, на нем шапка мотается, головой кивает, бородой след замечает; стал и послушно от повелительницы приказания ожидает. «Сослужи-ка ты мне, вещун-чародей, службу, сосчитай до утра: сколько в трех больших амбарах государевых счетом зерен?» — «Ах, любезная наша повелительница, дочь родная-кровная нашего отца-командира, это не служба, а службишка, а служба будет впереди»; сам как свистнет да гаркнет на своих на приказчиков, так со всех сторон налетели, тьма-тьмуца — что твоя туча громовая, черная! Как принялись за работу, за расчет, не довольно по горсти — по зерну на каждого не досталось!

Еще черти на кулачках не бились, наш Иван просыпается, глаза протирает, сон тяжкий отряхает, беду неминуемую, смерть верную ожидает. Вдруг подходит к нему супруга его благоверная, сожительница Катерина, грамоту харатейную, расчет верный зернам пшеничным подносит. А века тогда были темные, грамоте скорописной мало кто знал, печатной и в заводе не было, — церковными буквами под титлами и ключами числа несметные нагоржены: азы прописные — красные, узор-

чатые, строчные — черные, буднишные, — кто им даст толку? Да и не поверять же стать! Ни свет ни заря явился капрал наш на войсковой двор и подал грамоту по начальству. А придворные правдолюбивые фельдмаршал Кашин, генерал Дюжин, губернатор граф Чихирь Пятаяшная Голова мысленно капрала давно уже казнили, четверили, повесили, тело его всесожжению предали и прах от востока до заката развеяли. царь предал грамоту и дело Ивана на суд царедворцам своим. А царедворцы его — кто взят из грязи да посажен в князи, кто и велик телом, да мал делом, иной с высокоу, да без намеку; тот с виду орел, да умом тетерев, личиком беленок, да умом простенок, хоть и не книжен, да хорошо острижен; а которые посмышленнее, так все плуты наголо, кто кого сможет, тот того и гложет, ну, словом, живут — только хлеб жуют, едят — небо копят! Они повелели именем Дадона собрать всех счетчиков, арифметчиков со всего царства, составить заседание и проверить огромные итоги. Арифметчики бились, перебрали жалованья, каждый тысяч по несколько, получили по чину сенаторскому, по две ленты на крест, по плюмажу¹ на шляпу и решили наконец единогласно и единодушно, чтобы грамоту нерукотворную харатейную отдать на сохранение в приличное книгохранилище и передавать из рода в род позднешему потомству яко достопамятность просвещенного века великоименитого, великодаровитого, великодержавного и великомудрого царя Дадона Золотого Кошеля; что же именно касается выкладки счета сего, то оно действительно может быть так, а может быть и не так; а потому не благоугодно ли будет вышепоименованному Ивану Молодому Сержанту повелеть, яко остающемуся и пребывающему под сомнением, повелеть службу служить ему иную и исполнить оную с большим тщанием и рачением? Царь Дадон пожаловал им теперь по кресту на петлицу, по звезде на пуговицу, по банту на спину.

А службу опять загадали Ивану безделицу: в один день, в одну ночь, всего-то русским счетом в одни сутки, выкопать вокруг города-столицы канаву, сто сажень глубины, сто сажень ширины, воды напустить, чтобы корабли ходили, рыба гуляла, пушки по берегам на валу стояли и до рассвету производилась бы пальба, ибо царь

¹ *Плюмаж* — украшение из перьев на головном уборе.

Дадон Золотой Кошель намеревался потешаться и праздновать именины свои. Если сослужит Иван службу эту — любить и золотом дарить; если нет — так казнить, голову рубить!

Вот когда нашему Ивану пришлось хоть волком взвыть! Разорвись наш брат надвое, скажут: две ноги, две руки, почему не начетверо? Подгорюнился, пришел домой, судьбу свою проклинает, смерть верную ожидает; попало зернышко под жернов, быть ему смолоту, с ветром божьим, с волею мастера не поспоришь. Но прекрасная Катерина, спросив и узнав кручину супруга-сожителя, снова намекнула ему: это не служба, а службишка, а служба будет впереди; положила спать, убаюкала тою же песнью, вышла и накликала вещуну-чародея. Идет, головой кивает, бородой след замечает; как свистнет да топнет на своих на приказчиков — ночи тьму затмили; а за работу принялись, так не только по горсти земли — по зерну, по одной песчинке на брата не досталось!

С рассветом дня царь, министры его, вельможи, царедворцы, думные и конюшие и вся столица просыпаются от гула пушек, и губернатор граф Чихирь Пяташная Голова, в легком ночном уборе, в *валентиновом* халате, с *парламентером* на шее, походя с ног на горного шатландца, выскочил из терема своего в *три авантюжа* на балахон и старался усмотреть в *подозрительную* трубу подступающего неприятеля. Когда же дело все обнаружилось, то Иван за страх, причиненный царю Дадону, царедворцам его и всем честным согражданам, был схвачен и посажен до времени под стражу; губернатора графа Чихиря сделали комендантом новой крепости; фельдмаршалу Кашину за деятельные меры для отражения мнимого неприятеля сшили в знак отличия кафтан из одних разноцветных выпушек; у прежнего же высокого совета арифметчиков, блажные памяти, отобраны все знаки отличия, ордена, ленты и звезды; за нехитро придуманную, площадную, Иваном нашим легко исполненную службу признаны все учреждения и постановления их, да и сами они, несостоятельными, и сосланы они на теплые воды полечиться. А когда при вечернем осмотре царь Дадон Золотой Кошель нашел все новые укрепления со всеми угожьями в отличной исправности, то и отдал коменданту Чихирю все знаки

отличий, коими пользовался, блажные памяти, верховный совет его.

Между тем у новых советников царских мало-помалу умишко поразгулялся, и они придумали-пригадали Ивану такую добрую службу сослужить, что от радости приказали поднести себе по кружке меду¹, закусили муромским калачом, ростовским каплуном¹ и нежинским свежепросольным огурчиком, и понесли, убоясь грамоты, речи свои царю на доклад. Да и хитро же придумали! Дурак камень в воду закинет, дурак узел завяжет, семеро умных камня не вытащат из воды, узла не развяжут! Ивану нашему велели службу служить, а сами за сказки да за пляски, за обеды да за беседы — народ деловой; два брата на медведя, два свата на кисель; из лука не мы, из пищали не мы, а поесть, поплясать — против нас не сыскать!

«Ох ты гой еси, добрый молодец, Иван Молодой Сержант, без роду, без племени, спроста без прозвища, витязь безродный и бесконный! Собирайся служить ты службу тяжкую; иди ты туда, неведомо куда, ищи того, неведомо чего; разойдись один по семи перекресткам, с семи перекрестков по семи дорогам столбовым; за горою лес, а за лесом гора, а за тою горою лес, а за тем лесом опять гора, — вспомнил теперь Иван наш колыбельную песенку супруги своей! — Придешь ты в тридешатое государство, что за тридевять земель, в заповедную рощу; в роще заповедной стоит терем золоченый, в тереме золоченом живет Котыш Нахал, невидимка искони века; у него-то есть гусли — самогуды, сами заводятся, сами играют, сами пляшут, сами песни поют; гусли эти принеси царю, царевичам, и царедворцам, и наперсникам их играть, потешаться, музыкою заморскою забавляться; и чтобы все это было сделано в одни сутки! Исполнишь — хорошо; а нет, так третий и последний тебе срок — шапки с головы схватить не успеешь, как она тебе, и с головою, в ноги покатится!»

Уповая на благоверную сожительницу свою, прекрасную Катерину, и на помощь вещуна-чародея, Иван наш не унывал, но когда он пересказал сожительнице загаданную ему службу, тогда получил в ответ: «Вселюбезнейший и дражайший супруг мой и сожитель Иван Молодой Сержант, без роду, без племени, спроста без

¹ *Каплун* — откормленный петух.

прозвища, Удалая ты Голова! Ныне пришла пора, пришла и служба твоя, и должно тебе служить ее самому; не в моих силах высвободить тебя, ниже подать тебе, бедствующему, руку помощи»; а за сим она его снарядила и в поход отпустила, как с судьбою, с случаями путем-дорогою ведаться научила, платочком итальянским своим подарила и примолвила: «Паси денежку про черный день, платком этим не иначе как в самой сущей крайности и в самом бедственном положении можешь ты утереть с лица своего молодецкую слезу горести и скорби! Не пренебрегай бездельным подарком моим: не велика мышка, да зубок остер, не велик сверчок, да звонко поет, — часом и лычко послужит ремешком!» Сели, подали хлеб-соль на прощанье, помолились Богу — и пошел наш Иван, куда кривая не вынесет!

И кто бы благодерзновенный покусился сподвизаться на такие чудные и неслыханные похождения! Но плетью обуха не перешибешь — когда посылают, так идти; не положить же им, здорово живешь, голову на плаху; смерть не твой брат, хоть жить и тошно, а умирать тошнее; ретивый парень лучше пойдет проведать счастья молодецкого на чужбине, чем ему умирать бесславно на родине!

Иван наш уже в пути. Терпит он холод и голод и много бедствий различных переносит; Бог вымочит, Бог и высушит; потерял он счет дням и ночам. «Светишь, да не греешь, — подумал он, поглядев на казацкое солнышко, на луну, — только напрасно у Бога хлеб ешь». И видит он вдруг, что зашел в бор дремучий и непроходимый, такой, что света Божьего невзвидел; пень на пне, то лбом, то затылком притыкается — устал, хоть на убой! Подкосились колени его молодецкие, сапоги в сугробах снежных глубоких вязнут. Поднял он лычко подвязать голенище — горе лыком подпоясано! Вынул платочек даровой заветной супруги-сожительницы — вдруг его как на ходули подняло! Отозвалось лычко ремешком! На нем сапоги-самоходы да и такие они скороходы, что и на одном месте стоят, так конному не нагнать; не успел шагнуть, полюбоваться рысью своею, и уже все вокруг него зазеленелось: зашел он из белой матушки зимы в цветущую благоуханную весну; и полетел наш Иван, оглянуться не успел, выходит из лесу соснового дремучего на лужайку вечнозеленую, травка-муравка вечно свежа-зелена, как бархатец опушкой шелковой ложится, ковром

узорчатым под ноги расстиляется. И стоит на лужайке той здание чудное, вызолоченное от земли до кровли, от угла до угла; столпы беломраморные кровлю черепично-серебряную подпирают, на ней маковки горят золотые, узоры прихотливые, живописные и лепные под карнизами резными разгуливают, окна цветные хрустальные, как щиты огненные, злато отливают — ни ворот, ни дверей, ни кола, ни двора; без забора, без запора говорится, не уйдешь от вора, а тут все цело, исправно, видно некому и воровать! Обошел капрал наш здание это раз-другой кругом, оглядел со всех сторон — всюду то же, и входа нет! Смелость города берет, а за смелого бог; без отваги нет и браги; не быв звонарем, не быть и пономарем! Стук, бряк в окно хрустальное, зазвенело-полетело, только осколки брызнули! Забрался наш Иван безродный, удалой, в терем золоченый, да и ахнул! Хороша куропатка перьями, а лучше мясом; здание внутри блистало такую красотой, что ни придумать, ни сгадать, ниже в сказке сказать! А палаты огромные пусты, никто на зов Ивана Молодого Сержанта не откликается, нет ответа, нет приветов. Ходил, ходил Иван наш, выходил по всем покоям и видит, вдруг встречает, глазам молодецким не доверяет, стоит в углу чан дубовый, висит через край ковшик луженый. Выпил он на усталость крючок, за здравие благоверной сожительницы своей другой, за упокой клеветников и доносчиков своих третий — разобрало его, зашумело в голове, ходит по покоям золоченым один как перст, похаживает, завалил руку левую за ухо на самый затылок и песенку русскую: «Растоскуйся ты, моя голубушка, моя дорогая» — во весь дух покрикивает. Вдруг незримая рука его останавливает, голос безвестный вопрошает: «Ох ты гой еси, добрый молодец, мало доблести, много дерзости! Зачем и откуда пожаловал, по своему ли желанью или по чьему приказанью?» — «Я Иван Молодой Сержант, спроста без прозвища, без роду, без племени, я Иван безродный, Удаляя Голова, витязь бездомный и бесконный; служил я верно Богу и некрещеному царю своему в земле, что за триста конных миль; сбили меня царедворцы завистливые с чести, с хорошего места, лишили милостей царских, службы непосильные служить посылали, золотые горы сулили-обещали; сослужил я службу, сослужил другую, душу познал их кривую — не дали, чего посулили, на произвол судьбы за третьей службой отпустили: «Иди туда, неведомо куда,

ищи того, неведомо чего; разойдись один по семи перекресткам, с семи перекрестков по семи дорогам столбовым; за горою лес, а за лесом гора, а за тою горою лес, а за тем лесом опять гора; придешь в тридесятое государство, что за тридевять земель, в рощу заповедную; стоит там терем золотой, в тереме том живет Котыш Нахал, невидимка искони века; у него возьми гусли-самогуды, сами заводятся, сами играют, сами пляшут, сами песни поют; их-то принеси царю, царевичам, царедворцам и наперсникам их потешаться, музыкою заморскою забавляться!»

Отозвался невидимка снова: «Кого ищешь, Иван Молодой Сержант, того нашел. Зовут меня Котышом Нахалом, вековечный я невидимка, живу в заповедной роще, в тереме золоченом. Знаю я художества разные и многие; умею я строить-набирать гусли-самогуды, да с уговором: грех пополам; я буду работать, а ты будешь светить мне лучиной три дня и три ночи без смены, без засыпу; просветишь — гусли-самогуды возьмешь; а заснешь, не то вздремнешь, так голову, как с воробья, сорву! До слова крепись, а за слово держись; попятышься — раком назовут!»

«Полез по горло, — подумал Иван, — лезть и по уши; уже теперь не воротиться же стать». Надрал он лучин хвойных, зажег, светит день, светит ночь, светит и еще день, сон клонит неодолимый: кивнул Иван головой, задремал. А Котыш Нахал толк его под бок: «Ты спишь, Иван?» — «Ох, спать я не сплю и дремать не дремлю, а думаю я думаю». — «А какую же ты думаешь думу?» — «А думаю я, глядя в окно, множество несметное растет по свету белому лесу разнокалиберного — а какого более растет, кривого или прямого? Чай, кривого больше». Котыш Нахал призадумался. «Погоди, — говорит, — постереги ты на досуге гусли, я пойду посчитаю». Пошел, а капрал наш тем часом залег да давай на скорую руку спать. Долго ли, нет ли ходил Котыш — не долог час на аршин, да дорог улочкою, — а Иван поспал изрядно; он солдат, спит скоро; бывало, под туркою, походя наестся, стоя выспится. «Вставай, Иван, — закричал Котыш, — твоя правда, кривого лесу больше; и больше так, что на числа положить, так русским счетом и не выговоришь. Зажигай-ка лучину да садись за работу, свети трое суток сряду!»

Светит капрал наш день, светит и ночь, добился до

другой — опять песня та же; крепился, крепился — задремал! А Котыш его толк под ребро: «Спишь?» — говорит. — «Ох, спать я не сплю и дремать не дремлю, а думаю я думаю!» — «А какую же ты думаешь думу?» — «А думаю я: несметное множество людей на свете у бога да земных царей, а мало ли было, да перемерло? Каких же больше людей на свете, живых или мертвых? Чай, мертвых больше!»

Покинул Котыш опять Ивана на стороже, сам пошел считать. Ходил он сутки с неделей без семи дней, поихнему без году год со днем, выходил всю поднебесную; а Иван на брюхо лег, спиной укрывся, зевнуть не успел, заснул. «Вставай, капрал! Пора за работу, а правда твоя, мертвых людей больше; живых без четверти с седьмойкой три осьмины, а остальные все мертвые!»

Светит Иван опять ночь со днем, перемогся и другую, а до третьей стало доходить — вздремнул, да так, что всхрапнул да присвистнул! Толкнул его Котыш в ребро: «Спишь, Иван?» А он очнулся, да не нашелся, а вымолвил с перепугу словцо русское: *виноват!* К пиву едется, к слову молвится: *авось, небось да как-нибудь*, а если на беду концы с концами не сойдутся: *виноват!* Вот что нашего брата на русской земле и губит; вот за что нашего брата и бьют, да, видно, все еще мало; нейметя! «Из твоей вины, — молвил Котыш Нахал, — не рукавицы шить, не сапоги тачать, а если так, то делать нечего, смерть твоя припла неминуемая. Поди-ка выдь на лужайку муравчатую, на мою заповедную мелкотравчатую, погляди еще раз на белый свет, простися, покайся, умирать собирайся, а я голову с тебя, как с воробья, сорву! Охота хуже неволи; ты же сам обрекся не животу, а смерти; слово сказано языком да губами, а держись за него зубами!»

Вышел Иван Молодой Сержант на лужайку заповедную вечнозеленую, вспомнил родину свою, супругу молодую, прекрасную Катерину, и залился слезами горькими. Что рыбе погибать на суше и безводье, то добру молодцу умирать вчуже на безродье! Вынул Иван платочек заветный итальянский утереть в последний раз слезу молодецкую — а уж Котыш Нахал зовет его на расправу, под окном косятчатый сидя, в растворчатое глядя. Пришел к нему капрал наш, заживо мертвым себя почитает, молитвами грешными сам себя поминает. «Отколе ты взял платок этот?» — спросил у него Котыш

Нахал, невидимка искони века. Иван рассказал, от кого и каким случаем платок ему достался. «Ладно, кума, лишь бы правда была, — отозвался Котыш. — Правду ли ты говоришь?» — «Божиться у нас не велят, да и лгать заказывают, — отвечал служивый, — что сказано, то и свято; на солдатском слове хоть твердыни клади» — «Не долго думано, да хорошо сказано, — молвил Котыш. — Если так, то ты бы мне давно это сказал — стало быть, ты женат на дочери моей прекрасной девице Катерине, и ты по завету, которому столько же лет, как ей самой, не только пребудешь жив, здоров и невредим и свободен от всякой пени, но и должен получить в приданое собственные мои гусли-самогуды, искони готовые, заветные, на которые и было положено завету заслужить любовь и руку дочери моей прекрасной девицы Катерины. Для милого дружка и сережку из ушка!» Snарядил его, в поход отпустил, гусли-самогуды в мошне кожаной на плечи повесил — заиграли, заплясали, песни чудные запели, — а Иван лыжи наострил да направил восвосяси; шагает, как жар-птица летает, домой торопится-поспешает. Шел он оттуда високосный год без недели со днем, не то поменьше, не то побольше, не поспеть ему назад в сутки! Стоит над путем-дорогой избушка-домоседка, распустила крылья, как курочка-наседка, а в ней стукотня; лукошко, кузовок, корзина да коробок вместо цыплят вокруг похаживают, а две ведьмы, сестры, одна буланая¹, одна соловая², вокруг избы дозором объезжают, никого к ней не попускают. Повесил Иван гусли-самогуды на дерево, заслушались ведьмы игры чудесной, а он тем часом обошел кругом, да и в избу. Старик седой молотом полновесным перед жерлом огненным на наковальне булатной кует булавы стальные, запускает их в набалдашники золотые, а готовые на полати за печь кидает. Это был вещун-чародей, служивший на Ивана по повелению сожительницы его Катерины службы царские, но они друг друга не знавали в глаза. Старик принял радушно пришельца усталого. «Ляг, говорит, да отдохни; а старуха моя, коли похлебать чего хочешь, сварит тебе щец — за вкус не берусь, а горяченько да мокренько будет!» Словом, напоил, накормил и спать положил, а с рассветом выпроводил, да услышал, на беду, игру чудесную гуслей-

¹ Буланый — светло-рыжий.

² Соловый — желтоватый.

самогудов, и стал он их у Ивана просить-выпрашивать. Не захотел отдать ему Иван сокровища своего заветного, плодов поисков, трудов и походов неимоверных, — а вот не взял добром, так взял всемером, помощники, которым, как мы уже видели, числа нет, явились по мановению повелителя своего, воздух и небо затмили множеством своим. «Хочешь ли бороться с каждым и со всеми? — спросил вещун-чародей. — Или добровольно за булаву любую отдашь мне гусли твои?» Иван подумал, да и отдал гусли; коротки ноги у миноги на небо лезть! Выбрал он булаву поувесистее и пошел, проклиная белый свет! Куда деваться ему теперь? Что делать? Как дома, как в люди показаться и принести повинную голову свою на плаху? А был уже так близок великой цели своей! В раздумье играя булавой, стал он набалдашник золотой отвертывать. Отвернул — из палицы кованой несметное и бесчисленное множество войска боевого, конного и пешего, вылетает, в строй парадный перед ним на лугу собирается, генералы с адъютантами своими во всю прыть на Ивана, витязя бездомного и бесконного, на-скакивают, отдают честь должную полководцу, музыка полный поход играет, подвиги Ивана Молодого Сержанта выхваляет, армия вся в три темпа ружья на караул осаживает, правую ногою отступает. Это несметные полчища бесов вещуна-чародея, обмундированные, вооруженные. Надел Иван набалдашник золотой — исчезло все, как не бывало; снял — опять здесь, и бой, и музыка, и армия, и генералы с рапортами; а гусли-самогуды в котомке за плечами. Смекнул делом капрал наш; набалдашник надел, палицу в руку, котомку за плечи, самоходы на ноги, и марш на один шабаш в родимую свою сторонушку. Пospел до рассвета; стал на луга заповедные царские, которые человек ни один не смел святотатственными стопами своими попирать, но на кои и птица мимолетная не садилась; снял голову с булавы и построил армию несметную прямо против дворца царского, а гусли-самогуды заставил играть: «За горами, за долами!» Царь, проснувшись, разгневался на дерзностного пришельца необычайно, струсил без меры и послал губернатора графа Чихиря Пяташную Голову осведомиться немедленно: что, и как, и кто, и почему? Идет Чихирь, узнал Ивана Молодого сержанта издали, подходит дерзостно, шляпы плюмажной не сымает, речи строптивые-ругательные произносит: «Не удивишь ты нас, Иван

окаянный, что скоро воротился, и врасплох нас не застанешь! На тебя виселица готова давным-давно!»

Притравил словом одним Иван бесов своих на старого недруга закоснелого: схватили — не довольно по ключку, по волоску на каждого не досталось! Ждал, ждал царь ответа с нетерпением великим. «Нет, говорит, видно этой музыки заслушался; поди-ка ты, фельдмаршал мой Кашин!» «Не ломайся, овсяник, не быть калачом», — сказал ему Иван; и этому была участь не завиднее первого, и третьему генералу Дюжину тоже.

Но теперь вызвался и пошел сослуживец и поборник Ивана Молодого Сержанта, поступивший ныне на место убылого, сосланного за тридевять земель по гусли-самогуды. Зная службу и дисциплину, стал он подходить к новому полководцу почтительно, держал мерный шаг, руки по шву, фуражку снял на приличном расстоянии, одним словом: шел — не спотыкался, стал — не шатался, заговорил — не заикался, и осведомился от имени царского о происходящем. Иван Молодой Сержант, спроста без прозвища, без роду, без племени, а теперь фельдмаршал, полуторный генерал и сам себе кавалер, обнял его, приласкал, сказался именем своим, приказал царю бить челом и доложить, что Иван воротился из похода своего, сослужил службу царскую, принес гусли-самогуды из рощи заповедной вечнозеленой от Котыша Нахала, вековечного невидимки, царю, царевичам и наперсникам их потешаться, музыкою забавляться. Сам надел набалдашник на булаву, снял войско с заповедных лугов и в послушании остался ожидать решения царского.

Царь Дадон Золотой Кошель выслал звать его ко двору на чай и ужин, произвел в военачальники свои, губернаторы, сенаторы, генералы и кавалеры, — но только что Иван дался в обман и пошел без подозрения на зов царский, как два наемных резника с кистенями¹, с ножами бросились с остервенением ему навстречу: они имели повеление обезоружить его, отняв палицу, и бросить его в темницу. Велика Федора, да дура, а Иван мал, да удал, им было бы выждать, покуда он взойдет в тесные ворота дворцовые, и захватить его сзади, а они, не поглядев в святцы да бух в колокол, поспешили, людей насмешили, вышли рано, да сделали мало. Теперь Иван

¹ *Кистень* — старинное оружие в виде короткой палки, с металлическим шаром на ремне или цепи.

в последний раз испытал коварство царя Дадона Золотого Кошеля и советников его правдолюбивых; он выпустил войско свое, конное и пешее, навстречу убийцам, обложил дворец и весь город столичный, так что лишь только нашедшая туча дождевая пронеслась в недоумении, ибо некуда было и капле дождя капнуть, — и истребил до последнего лоскутка, ноготка и волоска Дадона Золотого Кошеля и всех его сыщиков, блюдолиззев и потакал его. «Человеку нельзя же быть ангелом», — говорили они в оправдание свое. «Но не должно ему быть и дьяволом, — отвечал он им. — И Соломон и Давид согрешали — давидски согрешаете, да не давидски каетесь! Нет вам пардону!» И поделом: они все, по владыке своему, на один лад, на тот же покрой — все наголо бездельники; каков поп, таков и приход; куда дворяне, туда и миряне; куда иголка, туда и нитка.

Иван был провозглашен от народа царем земли той, а супруга его, благоверная Катерина, — царевною; он был еще в цветущей молодости своей, да и она в отсутствие его не состарилась, ибо все невероятные похождения его с Котышем Нахалом и гусями-самогудами действительно произошли в продолжение одних только суток. Царь Иван много лет здравствовал и царствовал, кротко и смиренно, милостиво и справедливо; пользовался мудрыми советами супруги своей, благоверной Катерины, ратью своею несметною держал в страхе и повиновении врагов своих и был благословляем народом. Праздную же восшествие свое и супруги своей на престол, заставил на пиршестве обильном ликовать народ три дня и три ночи без отдыха; вина заморские лились через край; яств, каких только прихотливая душа твоя пожелает, вдоволь; скоморохи, выписные и доморощенные, игрища многоразличные, горы, пляски, салазки и сказки, кулачные бои увеселяли народ, со всех концов царства обширного собравшийся.

И я и сват Демьян там были, куму Соломону дома забыли, мед и пиво пили, по усам текло, в рот не попало, — кто сказку мою дослушал, с тем поделюсь, кто нет — тому ни капли!

Владимир Федорович Одоевский

1804 — 1869

В. Ф. Одоевский — писатель, литературный и музыкальный критик, ученый, педагог, музыкант, автор фантастических произведений для взрослых и сказок для детей. Глава философско-литературного «Общества любомудрия» (1820 — 1825). Членами общества были известные писатели — Д. В. Веневитинов, И. В. Киреевский, к нему были близки Ф. И. Тютчев, А. С. Хомяков, М. П. Погодин. Вместе с В. К. Кюхельбекером Одоевский издавал альманах «Мнемозина», где печатались А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, П. А. Вяземский, А. С. Грибоедов, Д. В. Давыдов, Н. М. Языков. Квартира Одоевского в Петербурге стала литературным салоном. Здесь бывали Жуковский, Пушкин, Гоголь, композиторы Глинка, Даргомыжский. Среди музыкальных произведений Одоевского — романсы на стихи Пушкина. Как педагог он проявлял интерес к сказке для детей.

МОРОЗ ИВАНОВИЧ

В одном доме жили две девочки — Рукодельница да Ленивица, а при них нянюшка. Рукодельница была умная девочка: рано вставала, сама, без нянюшки, одевалась, а вставши с постели, за дело принималась: печку топила, хлебы месила, избу мела, петуха кормила, а потом на колодец за водой ходила. А Ленивица меж тем в постельке лежала, потягивалась, с боку на бок переваливалась; уж разве наскутит лежать, так скажет спросонья: «Нянюшка, надень мне чулочки, нянюшка, завяжи башмачки», а потом заговорит: «Нянюшка, нет ли булочки?» Встанет, попрыгает, да и сядет к окошку мух считать: сколько прилетело да сколько улетело. Как всех пересчитает Ленивица, так уж и не знает, за что приняться и чем бы заняться: ей бы в постельку — да спать не хочется; ей бы покушать — да есть не хочется; ей бы к окошку мух считать — да и то надоело. Сидит, горемычная, и плачет да жалуется на всех, что ей скучно, как будто в том другие виноваты.

Между тем Рукодельница воротится, воду процедит, в кувшины нальет; да еще какая затейница: коли вода нечиста, так свернет лист бумаги, наложит в нее угольков

да песку крупного насыплет, вставит ту бумагу в кувшин да нальет в нее воды, а вода-то знай проходит сквозь песок да сквозь уголья и каплет в кувшин чистая, словно хрустальная; а потом Рукодельница примется чулки вязать или платки рубить, а не то рубашки шить да кроить да еще рукодельную песенку затынет; не было никогда ей скучно, потому что и скучать-то было ей некогда: то за тем, то за другим делом, а тут, смотришь, и вечер — день прошел.

Однажды с Рукодельницей беда приключилась: попла она на колодец за водой, опустила ведро на веревке, а веревка-то и оборвись; упало ведро в колодец. Как тут быть? Расплакалась бедная Рукодельница, да и попла к нянюшке рассказывать про свою беду и несчастье; а нянюшка Прасковья была такая строгая и сердитая, и говорит:

— Сама беду сделала, сама и поправляй; сама ведерко утопила, сама и доставай.

Нечего было делать: попла бедная Рукодельница опять к колодцу, ухватила за веревку и спустилась по ней к самому дну. Только тут с ней чудо случилось. Едва спустилась, смотрит: перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

— Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня из печки возьмет, тот со мной и пойдет!

Рукодельница, нимало не мешкая, схватила лопатку, вынула пирожок и положила его за пазуху.

Идет она дальше. Перед ней сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки висят и промеж себя говорят:

— Мы яблочки наливные, созрелые: корнем дерева питались, студеной росой обмывались: кто нас с дерева стрясет, тот нас себе и возьмет.

Рукодельница подошла к дереву, потрясла его за сучок, и золотые яблочки так и посыпались к ней в передник.

Рукодельница идет дальше. Смотрит: перед ней сидит старик Мороз Иванович, седой-седой; сидит он на ледяной лавочке да снежные комочки ест; тряхнет головой — от волос иней сыплется, духом дохнет — валит густой пар.

— А! — сказал он. — Здорово, Рукодельница! Спасибо,

что ты мне пирожок принесла; давным-давно уж я ничего горяченького не ел.

Тут он посадил Рукодельницу возле себя, и они вместе пирожком позавтракали, а золотыми яблочками закусили.

— Знаю я, зачем ты пришла, — говорит Мороз Иванович, — ты ведро в мой студенец опустила; отдать тебе ведро отдам, только ты мне за то три дня прослужи; будешь умна, тебе ж лучше; будешь ленива, тебе ж хуже. А теперь, — прибавил Мороз Иванович, — мне, старику, и отдохнуть пора; поди-ка приготовь мне постель, да смотри взбей хорошенько перину.

Рукодельница послушалась. Пошли они в дом. Дом у Мороза Ивановича сделан был весь изо льда: и двери, и окошки, и пол ледяные, а по стенам убрано снежными звездочками; солнышко на них сияло, и все в доме блестело, как бриллианты. На постели у Мороза Ивановича вместо перины лежал снег пушистый; холодно, а делать было нечего. Рукодельница принялась взбивать снег, чтоб старику было мягче спать, а меж тем у ней, бедной, руки окостенели и пальчики побелели, как у бедных людей, что зимой в проруби белье полощут: и холодно, и ветер в лицо, и белье замерзает, колом стоит, а делать нечего — работают бедные люди.

— Ничего, — сказал Мороз Иванович, — только снегом пальцы потри, так и отойдут, не ознобишь. Я ведь старик добрый; посмотри-ка, что у меня за диковинки.

Тут он приподнял свою снежную перину с одеялом, и Рукодельница увидела, что под периною пробивается зеленая травка. Рукодельнице стало жаль бедной травки.

— Вот ты говоришь, — сказала она, — что ты старик добрый, а зачем ты зеленую травку под снежной периной держишь, на свет не выпускаешь?

— Не выпускаю потому, что еще не время; еще трава в силу не вошла. Добрый мужичок ее осенью посеял, она и взошла, и кабы вытянулась она, то зима бы ее захватила и к лету травка бы не вызрела. Вот я и прикрыл молодую зелень моею снежной периной, да еще сам прилег на нее, чтобы снег ветром не разнесло; а вот придет весна, снежная перина растает, травка заколосится, а там, смотришь, выглянет и зерно, а зерно мужичок соберет да на мельницу отвезет: мельник зерно смелет, и будет мука, а из муки ты, Рукодельница, хлеб испечешь.

— Ну, а скажи мне, Мороз Иванович, — сказала Рукодельница, — зачем ты в колодце-то сидишь?

— Я затем в колодце сижу, что весна подходит, — сказал Мороз Иванович, — мне жарко становится; а ты знаешь, что и летом в колодце холодно бывает, оттого и вода в колодце студеная, хоть посреди самого жаркого лета.

— А зачем ты, Мороз Иванович, — спросила Рукодельница, — зимою по улицам ходишь да в окошки стучишься?

— А я затем в окошки стучусь, — отвечал Мороз Иванович, — чтоб не забывали печей топить да трубы вовремя закрывать; а не то ведь, я знаю, есть такие неряхи, что печку истопить истопят, а трубу закрыть не закроют, или и закрыть закроют, да не вовремя, когда еще не все угольки прогорели, а оттого в горнице угарно бывает, голова у людей болит, в глазах зелено; даже и совсем умереть от угара можно. А затем еще я в окошко стучусь, чтоб никто не забывал, что есть на свете люди, которым зимой холодно, у которых нет шубки, да и дров купить не на что; вот я затем в окошко стучусь, чтобы им помогать не забывали.

Тут добрый Мороз Иванович погладил Рукодельницу по головке, да и лег почивать на свою снежную постельку.

Рукодельница меж тем все в доме прибрала, пошла на кухню, кушанье изготовила, платье у старика починила и белье выштопала.

Старичок проснулся, был всем очень доволен и поблагодарил Рукодельницу. Потом сели они обедать; стол был прекрасный, и особенно хорошо было мороженое, которое старик сам изготовил.

Так прожила Рукодельница у Мороза Ивановича целых три дня. На третий день Мороз Иванович сказал Рукодельнице:

— Спасибо тебе, умная ты девочка, хорошо ты меня, старика, утешила, и я у тебя в долгу не останусь. Ты знаешь: люди за рукоделье деньги получают, так вот тебе твое ведерко, а в ведерко я всыпал целую горсть серебряных пяточков; да сверх того, вот тебе на память бриллиантик — косыночку закалывать.

Рукодельница поблагодарила, приколола бриллиантик, взяла ведерко, пошла опять к колодцу, ухватила за веревку и вышла на свет.

Только что она стала подходить к дому, как петух,

которого она всегда кормила, увидев ее, обрадовался, взлетел на забор и закричал:

Кукуреку, кукуреки!
У Рукодельницы в ведерке пятаки!

Когда Рукодельница пришла домой и рассказала все, что с ней было, нянюшка очень дивовалась, а потом примолвила:

— Вот видишь ты, Ленивица, что люди за рукоделье получают! Поди-ка к старичку да послужи ему, поработай; в комнате у него прибирай, на кухне готовь, платье чини да белье штопай, так и ты горсть пятачков заработаешь, а оно будет кстати: у нас к празднику денег мало.

Ленивице очень не по вкусу было идти к старичку работать. Но пятачки ей получить хотелось и бриллиантовую булавочку тоже.

Вот, по примеру Рукодельницы, Ленивица пошла к колодцу, схватилась за веревку, да и бух прямо ко дну. Смотрит — перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

— Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня возьмет, тот со мной и пойдет.

А Ленивица ему в ответ:

— Да, как бы не так! Мне себя утомлять, лопатку поднимать да в печку тянуться; захочешь, сам выскочишь.

Идет она далее, перед нею сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки висят да промеж себя говорят:

— Мы яблочки наливные, созрелые; корнем дерева питались, студеной росой обмывались, кто нас с дерева стрясет, тот нас себе и возьмет.

— Да, как бы не так! — отвечала Ленивица. — Мне себя утомлять, ручки поднимать, за сучья тянуть; успею набрать, как сами нападают!

И пропла Ленивица мимо них. Вот допла она и до Мороза Ивановича. Старик по-прежнему сидел на ледяной скамеечке да снежные комочки прикусывал.

— Что тебе надобно, девочка? — спросил он.

— Пришла я к тебе, — отвечала Ленивица, — послужить да за работу получить.

— Дельно ты сказала, девочка, — отвечал старик, —

только посмотрим, какова еще твоя работа будет. Подика взбей мою перину, а потом кушанье изготвь, да платье мое повычини, да белье повыштопай.

Пошла Ленивица, а дорогой думает:

«Стану я себя утомлять да пальцы знобить! Авось старик не заметит и на невзбитой перине уснет».

Старик в самом деле не заметил или прикинулся, что не заметил, лег в постель и заснул, а Ленивица пошла на кухню. Пришла на кухню, да и не знает, что делать. Кушать-то она любила, а подумать, как готовилось кушанье, это ей в голову не приходило; да и лень ей было посмотреть. Вот она огляделась: лежит перед ней и зелень, и мясо, и рыба, и уксус, и горчица, и квас — все по порядку. Вот она думала, думала, кое-как зелень обчистила, мясо и рыбу разрежала да, чтоб большого труда себе не давать, как все было, мытое-немытое, так и положила в кастрюлю: и зелень, и мясо, и рыбу, и горчицу, и уксус, да еще квасу подлила, а сама думает:

«Зачем себя трудить, каждую вещь особо варить? Ведь в желудке все вместе будет».

Вот старик проснулся, просит обедать. Ленивица притащила ему кастрюлю, как есть, даже скатертцы не подослала. Мороз Иванович попробовал, поморщился, а песок так и захрустел у него на зубах.

— Хорошо ты готовишь, — заметил он улыбаясь. — Посмотрим, какова твоя другая работа будет.

Ленивица отведала, да тотчас и выплюнула, а старик покряхтел, покряхтел, да и принялся сам готовить кушанье и сделал обед на славу, так что Ленивица пальчики облизала, кушая чужую стряпню.

После обеда старик опять лег отдохнуть да припомнил Ленивице, что у него платье не починено, да и белье не выштопано.

Ленивица понадулась, а делать было нечего: принялась платье и белье разбирать; да и тут беда: платье и белье Ленивица нашивала, а как его шьют, о том и не спрашивала; взяла было иголку, да с непривычки укололась; так ее и бросила. А старик опять будто бы ничего не заметил, ужинать Ленивицу позвал да еще спать ее уложил.

А Ленивице то и любо; думает себе:

«Авось и так пройдет. Вольно было сестрице на себя труд принимать; старик добрый, он мне и так, задаром, пяточков подарит».

На третий день приходит Ленивица и просит Мороза Ивановича ее домой отпустить да за работу наградить.

— Да какая же была твоя работа? — спросил старичок. — Уж коли на правду дело пошло, так ты мне должна заплатить, потому что не ты для меня работала, а я тебе служил.

— Да, как же! — отвечала Ленивица. — Я ведь у тебя целые три дня жила.

— Знаешь, голубушка, — отвечал старичок, — что я тебе скажу: жить и служить — разница, да и работа работе рознь; заметь это: вперед пригодится. Но, впрочем, если тебя совесть не зазрит, я тебя награжу, и какова твоя работа, такова будет тебе и награда.

С этими словами Мороз Иванович дал Ленивице пре-большой серебряный слиток, а в другую руку — пре-большой бриллиант.

Ленивица так этому обрадовалась, что схватила то и другое и, даже не поблагодарив старика, домой побежала.

Пришла домой и хвастается.

— Вот, — говорит, — что я заработала; не сестре чета, не горсточку пяточков да не маленький бриллиантик, а целый слиток серебряный, вишь, какой тяжелый, да и бриллиант-то чуть не с кулак... Уж на это можно к празднику обнову купить...

Не успела она договорить, как серебряный слиток растаял и полился на пол: он был не что иное, как ртуть, которая застыла от сильного холода; в то же время начал таять и бриллиант. А петух вскочил на забор и громко закричал:

Кукуреку, кукурекулька!

У Ленивицы в руках ледяная сосулька!

А вы, детушки, думайте, гадайте, что здесь правда, что неправда; что сказано впрямь, что стороною; что шутки ради, что в наставленья.

ГОРОДОК В ТАБАКЕРКЕ

Папенька поставил на стол табакерку. «Поди-ка сюда, Миша, посмотри-ка», — сказал он. Миша был послушный мальчик; тотчас оставил игрушки и подошел к папеньке. Да уж и было чего посмотреть! Какая прекрасная табакерка! Пестренькая, из черепахи. А что на крышке-то! Ворота, башенки, домик, другой, третий, четвертый, — и счесть нельзя, и все мал мала меньше, и все золотые; а деревья-то также золотые, а листики на них серебряные; а за деревьями встает солнышко, и от него розовые лучи расходятся по всему небу.

— Что это за городок? — спросил Миша.

— Это городок Динь-Динь, — отвечал папенька и тронул пружинку...

И что же? Вдруг, невидимо где, заиграла музыка. Откуда слышна эта музыка, Миша не мог понять: он ходил и к дверям — не из другой ли комнаты? и к часам — не в часах ли? и к бюро, и к горке¹; прислушиваясь то в том, то в другом месте; смотрел и под стол... Наконец Миша уверился, что музыка точно играла в табакерке. Он подошел к ней, смотрит, а из-за деревьев солнышко выходит, крадется тихонько по небу, а небо и городок все светлее и светлее; окошки горят ярким огнем, и от башенок будто сияние. Вот солнышко перешло через небо на другую сторону, все ниже да ниже, и наконец за пригорком совсем скрылось; и городок потемнел, ставни закрылись, и башенки померкли, только ненадолго. Вот затеплилась звездочка, вот другая, вот и месяц рогатый выглянул из-за деревьев, и в городке стало опять светлее, окошки засеребрились, и от башенок протянулись синеватые лучи.

— Папенька! папенька! нельзя ли войти в этот городок? Как бы мне хотелось!

— Мудрено, мой друг: этот городок тебе не по росту.

— Ничего, папенька, я такой маленький; только пустите меня туда; мне так бы хотелось узнать, что там делается...

— Право, мой друг, там и без тебя тесно.

— Да кто же там живет?

— Кто там живет? Там живут колокольчики.

---

¹ Горка — стеклянный шкаф для посуды.

С этими словами папенька поднял крышку на табакерке, и что же увидел Миша? И колокольчики, и молоточки, и валик, и колеса... Миша удивился. «Зачем эти колокольчики? зачем молоточки? зачем валик с крючками?» — спрашивал Миша у папеньки. ^

А папенька отвечал: «Не скажу тебе, Миша; сам посмотри попристальнее да подумай: авось-либо отгадаешь. Только вот этой пружинки не трогай, а иначе все изломается».

Папенька вышел, а Миша остался над табакеркой. Вот он сидел-сидел над нею, смотрел-смотрел, думал-думал, отчего звенят колокольчики?

Между тем музыка играет да играет; вот все тише да тише, как будто что-то цепляется за каждую нотку, как будто что-то отталкивает один звук от другого. Вот Миша смотрит: внизу табакерки отворяется дверца, и из дверцы выбегает мальчик с золотой головкою и в стальной юбочке, останавливается на пороге и манит к себе Мишу.

«Да отчего же, — подумал Миша, — папенька сказал, что в этом городке и без меня тесно? Нет, видно, в нем живут добрые люди, видите, зовут меня в гости».

— Извольте, с величайшею радостью!

С сими словами Миша побежал к дверце и с удивлением заметил, что дверца ему пришлась точь-в-точь по росту... Как хорошо воспитанный мальчик, он почел долгом прежде всего обратиться к своему провожатому.

— Позвольте узнать, — сказал Миша, — с кем я имею честь говорить?

— Динь-динь-динь, — отвечал незнакомец, — я мальчик-колокольчик, житель этого городка. Мы слышали, что вам очень хочется побывать у нас в гостях, и потому решили просить вас сделать нам честь к нам пожаловать. Динь-динь-динь, динь-динь-динь.

Миша учтиво поклонился: мальчик-колокольчик взял его за руку, и они пошли. Тут Миша заметил, что над ними был свод, сделанный из пестрой тисненой бумажки с золотыми краями. Перед ними был другой свод, только поменьше; потом третий, еще меньше; четвертый, еще меньше, и так все другие своды — чем дальше, тем меньше, так что в последний, казалось, едва могла пройти головка его провожатого.

— Я вам очень благодарен за ваше приглашение, — сказал ему Миша, — но не знаю, можно ли будет мне им воспользоваться. Правда, здесь я свободно прохожу, но

там, дальше, посмотрите, какие у вас низенькие своды, — там я, позвольте сказать откровенно, там я и ползком не пройду. Я удивляюсь, как и вы под ними проходите.

— Динь-динь-динь! — отвечал мальчик. — Пройдем, не беспокойтесь, ступайте только за мной.

Миша послушался. В самом деле, с каждым их шагом, казалось, своды подымались, и наши мальчики всюду свободно проходили; когда же они дошли до последнего свода, тогда мальчик-колокольчик попросил Мишу оглянуться назад. Миша оглянулся, и что же он увидел? Теперь тот первый свод, под который он подошел, входя в дверцы, показался ему маленьким, как будто, пока они шли, свод опустился, Миша был очень удивлен.

— Отчего это? — спросил он своего проводника.

— Динь-динь-динь! — отвечал проводник смеясь. — Издали всегда так кажется. Видно, вы ни на что вдаль со вниманием не смотрели; вдали все кажется маленьким, а подойдешь — большое.

— Да, это правда, — отвечал Миша, — я до сих пор не думал об этом, и оттого вот что со мною случилось: третьего дня я хотел нарисовать, как маменька возле меня играет на фортепьяно, а папенька на другом конце комнаты читает книжку. Только этого мне никак не удавалось сделать: тружусь, тружусь, рисую как можно вернее, а все на бумаге у меня выйдет, что папенька возле маменьки сидит и кресло его возле фортепьяно стоит, а между тем я очень хорошо вижу, что фортепьяно стоит возле меня, у окошка, а папенька сидит на другом конце, у камина. Маменька мне говорила, что папеньку надобно нарисовать маленьким, но я думал, что маменька шутит, потому что папенька гораздо больше ее ростом; но теперь вижу, что она правду говорила: папеньку надобно было нарисовать маленьким, потому что он сидел вдалеке. Очень вам благодарен за объяснение, очень благодарен.

Мальчик-колокольчик смеялся изо всех сил: «Динь-динь-динь, как смешно! Не уметь нарисовать папеньку с маменькой! Динь-динь-динь, динь-динь-динь!»

Мише показалось досадно, что мальчик-колокольчик над ним так немилосердно насмехается, и он очень вежливо сказал ему:

— Позвольте мне спросить у вас: зачем вы к каждому слову все говорите «динь-динь-динь»?

— Уж у нас поговорка такая, — отвечал мальчик-колокольчик.

— Поговорка? — заметил Миша. — А вот папенька говорит, что очень нехорошо привыкать к поговоркам.

Мальчик-колокольчик закусил губы и не сказал более ни слова.

Вот перед ними еще дверцы; они отворились, и Миша очутился на улице. Что за улица! Что за городок! Мостовая вымощена перламутром; небо пестренькое, черепаховое; по небу ходит золотое солнышко; поманишь его, оно с неба сойдет, вокруг руки обойдет и опять поднимается. А домики-то стальные, полированные, крытые разноцветными раковинками, и под каждую крышкою сидит мальчик-колокольчик с золотою головкою, в серебряной юбочке, и много их, много, и все мал мала меньше.

— Нет, теперь уж меня не обманут, — сказал Миша. — Это так только мне кажется издали, а колокольчики-то все одинакие.

— Ан вот и неправда, — отвечал провожатый, — колокольчики не одинакие. Если бы все были одинакие, то и звенели бы мы все в один голос, один как другой; а ты слышишь, какие мы песни выводим. Это оттого, что кто из нас побольше, у того и голос потолще. Неужели ты и этого не знаешь? Вот видишь ли, Миша, это тебе урок: вперед не смейся над теми, у которых поговорка дурная; иной и с поговоркою, а больше другого знает, и можно от него кое-чему научиться.

Миша, в свою очередь, закусил язычок.

Между тем их окружили мальчики-колокольчики, теребили Мишу за платье, звенели, прыгали, бегали.

— Весело вы живете, — сказал им Миша, — век бы с вами остался. Целый день вы ничего не делаете, у вас ни уроков, ни учителей, да еще и музыка целый день.

— Динь-динь-динь! — закричали колокольчики. — Уж нашел у нас веселье! Нет, Миша, плохое нам житье. Правда, уроков у нас нет, да что же в том толку? Мы бы уроков не побоялись. Вся наша беда именно в том, что у нас, бедных, никакого нет дела; нет у нас ни книжек, ни картинок; нет ни папеньки, ни маменьки; нечем заняться; целый день играй да играй, а ведь это, Миша, очень, очень скучно. Поверишь ли? Хорошо наше черепаховое небо, хорошо и золотое солнышко и золотые деревья; но мы, бедные, мы насмотрелись на них вдо-

воль, и все это очень нам надоело; из городка мы — ни пяди, и ты можешь себе вообразить, каково целый век, ничего не делая, просидеть в табакерке, и даже в табакерке с музыкаю.

— Да, — отвечал Миша, — вы говорите правду. Это и со мной случается: когда после ученья примешься за игрушки, то так весело; а когда в праздник целый день все играешь да играешь, то к вечеру делается скучно; и за ту и за другую игрушку примешься — все не мило. Я долго не понимал, отчего это, а теперь понимаю.

— Да, сверх того, на нас есть другая беда, Миша: у нас есть дядьки.

— Какие же дядьки? — спросил Миша.

— Дядьки-молоточки, — отвечали колокольчики, — уж какие злые! то и дело что ходят по городу да нас постукивают. Которые побольше, тем еще реже «тук-тук» бывает, а уж маленьким куда больно достается.

В самом деле, Миша увидел, что по улице ходили какие-то господа на тоненьких ножках, с предлинными носами и шептали между собою: «тук-тук-тук! тук-тук-тук! поднимай! задевай! тук-тук-тук!» И в самом деле, дядьки-молоточки беспрестанно то по тому, то по другому колокольчику тук да тук, индо бедному Мише жалко стало. Он подошел к этим господам, очень вежливо поклонился и с добродушием спросил, зачем они без всякого сожаления колотят бедных мальчиков. А молоточки ему в ответ:

— Прочь ступай, не мешай! Там в палате и в халате надзиратель лежит и стучать нам велит. Все ворочается, прицепляется. Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!

— Какой это у вас надзиратель? — спросил Миша у колокольчиков.

— А это господин Валик, — зазвенели они, — предобрый человек, день и ночь с дивана не сходит; на него мы не можем пожаловаться.

Миша — к надзирателю. Смотрит: он в самом деле лежит на диване, в халате и с боку на бок переворачивается, только все лицом кверху. А по халату-то у него шпильки, крючочки видимо-невидимо; только что попадетя ему молоток, он его крючком сперва зацепит, потом спустит, а молоточек-то и стукнет по колокольчику.

Только что Миша к нему подошел, как надзиратель закричал:

— Шуры-муры! кто здесь ходит? кто здесь бродит? Шуры-муры! кто прочь не идет? кто мне спать не дает? Шуры-муры! шуры-муры!

— Это я, — храбро отвечал Миша, — я — Миша...

— А что тебе надобно? — спросил надзиратель.

— Да мне жаль бедных мальчиков-колокольчиков, они все такие умные, такие добрые, такие музыканты, а по вашему приказанию дядьки их беспрестанно постукивают...

— А мне какое дело, шуры-муры! Не я здесь набольший. Пусть себе дядьки стучают мальчиков! Мне что за дело! Я надзиратель добрый, все на диване лежу и ни за кем не гляжу. Шуры-муры, шуры-муры...

— Ну, многому же я научился в этом городке! — сказал про себя Миша. — Вот еще иногда мне бывает досадно, зачем надзиратель с меня глаз не спускает. «Экой злой! — думаю я. — Ведь он не папенька и не маменька; что ему за дело, что я шалю? Знал бы сидел в своей комнате». Нет, теперь вижу, что бывает с бедными мальчиками, когда за ними никто не смотрит.

Между тем Миша пошел далее — и остановился. Смотрит, золотой шатер с жемчужною бахромою; наверху золотой флюгер вертится, будто ветряная мельница, а под шатром лежит царевна Пружинка и, как змейка, то свернется, то развернется и беспрестанно надзирателя под бок толкает. Миша этому очень удивился и сказал ей:

— Сударыня царевна! Зачем вы надзирателя под бок толкаете?

— Зиц-зиц-зиц, — отвечала царевна. — Глупый ты мальчик, неразумный мальчик. На все смотришь, ничего не видишь! Кабы я валик не толкала, валик бы не вертелся; кабы валик не вертелся, то он за молоточки бы не цеплялся, молоточки бы не стучали; кабы молоточки не стучали, колокольчики бы не звенели; кабы колокольчики не звенели, и музыки бы не было! Зиц-зиц-зиц.

Мише захотелось узнать, правду ли говорит царевна. Он наклонился и прижал ее пальчиком — и что же?

В одно мгновение пружинка с силою развилась, валик сильно завертелся, молоточки быстро застучали, колокольчики заиграли дребедень, и вдруг пружинка лопнула. Все умолкло, валик остановился, молоточки попадали, колокольчики свернулись на сторону, солнышко повисло, домики изломались... Тогда Миша вспомнил, что

папенька не приказывал ему трогать пружинку, испугался и... проснулся.

— Что во сне видел, Миша? — спросил папенька.

Миша долго не мог опамятоваться. Смотрит: та же папенькина комната, та же перед ним табакерка, возле него сидят папенька и маменька и смеются.

— Где же мальчик-колокольчик? Где дядька-молоточек? Где царевна Пружинка? — спрашивал Миша. — Так это был сон?

— Да, Миша, тебя музыка убаюкала, и ты здесь порядочно вздремнул. Расскажи же нам, по крайней мере, что тебе приснилось!

— Да видите, папенька, — сказал Миша, протирая глазки, — мне все хотелось узнать, отчего музыка в табакерке играет; вот я принялся на нее прилежно смотреть и разбирать, что в ней движется и отчего движется; думал, думал и стал уже добираться, как вдруг, смотрю, дверка в табакерке растворилась... Тут Миша рассказал весь свой сон по порядку.

— Ну, теперь вижу, — сказал папенька, — что ты в самом деле почти понял, отчего музыка в табакерке играет, но ты это еще лучше поймешь, когда будешь учиться механике.

Петр Павлович Ершов

1815 — 1869

П. П. Ершов — поэт, прозаик, драматург. Преподаватель, а затем директор гимназии в Тобольске.

В начале 30-х годов с увлечением читает сказки А. С. Пушкина и приступает к работе над собственным произведением «Конек-Горбунок» (опубликовано в 1834 году).

Пушкин, прочитав сказку, заявляет: «Теперь этот род сочинений можно мне оставить». Сказка при жизни автора выдержала семь изданий. Успех ее Ершов объяснил так: «На «Коньке-Горбунке» воочию сбывается русская пословица: не родись ни умен, ни пригож, а родись счастлив. Вся заслуга тут, что мне удалось попасть в народную жилу».

КОНЕК-ГОРБУНОК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Начинается сказка сказываться

За горами, за лесами,
За широкими морями
Против неба — на земле
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу:
Знать, столица та была
Недалече от села.
Там пшеницу продавали,
Деньги счетом принимали
И с набитою сумой
Возвращались домой.

В долгом времени аль вскоре
Приключилось им горе:
Кто-то в поле стал ходить

И пшеницу шевелить.
Мужички такой печали
Отродясь не видали;
Стали думать да гадать —
Как бы вора соглядать;
Наконец себе смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами поберечь,
Злого вора подстеречь.

Вот, как стало лишь смеркаться,
Начал старший брат собираться,
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь ненастная настала;
На него боязнь напала,
И со страхов наш мужик
Закопался под сеник.
Ночь проходит, день приходит;
С сеника дозорный сходит
И, облив себя водой,
Стал стучаться под избой:
«Эй вы, сонные тетери!
Отпирайте брату двери,
Под дождем я весь промок
С головы до самых ног».
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И, прокашлявшись, сказал:
«Всю я ноченьку не спал;
На мое ж притом несчастье,
Было страшное ненастье:
Дождь вот так ливмя и лил,
Рубашонку всю смочил.
Уж куда как было скучно!..
Впрочем, все благополучно».
Похвалил его отец:
«Ты, Данило, молодец!
Ты вот, так сказать, примерно,
Сослужил мне службу верно,

То есть, будучи при всем,
Не ударил в грязь лицом».

Стало сызнава смеркаться,
Средний брат пошел собираться;
Взял и вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь холодная настала,
Дрожь на малого напала,
Зубы начали плясать;
Он ударился бежать —
И всю ночь ходил дозором
У соседки под забором.
Жутко было молодцу!
Но вот утро. Он к крыльцу:
«Эй вы, сони! Что вы спите!
Брату двери отоприте;
Ночью страшный был мороз —
До животиков промерз».
Братья двери открыли,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И сквозь зубы отвечал:
«Всю я ноченьку не спал,
Да к моей судьбе несчастной
Ночью холод был ужасный,
До сердец меня пробрал;
Всю я ночь проскакал;
Слишком было несподручно...
Впрочем, все благополучно».
И ему сказал отец:
«Ты, Гаврило, молодец!»

Стало в третий раз смеркаться,
Надо младшему собираться;
Он и усом не ведет,
На печи в углу поет
Изо всей дурацкой мочи:
«Распрекрасные вы очи!»
Братья ну ему пенять,
Стали в поле погонять,

Но, сколь долго ни кричали,
Только голос потеряли:
Он ни с места. Наконец
Подошел к нему отец,
Говорит ему: «Послушай,
Побегай в дозор, Ванюша;
Я куплю тебе лубков,¹
Дам гороху и бобов»
Тут Иван с печи слезает,
Малахай² свой надевает,
Хлеб за пазуху кладет,
Караул держать идет.

Ночь настала; месяц всходит;
Поле все Иван обходит,
Озираючись кругом,
И садится под кустом;
Звезды на небе считает
Да краюшку уплетает.
Вдруг о полночь конь заржал...
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.
Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива в землю, золотая,
В мелки кольца завитая.
«Эхе-хе! так вот какой
Наш воришко!.. Но, постой,
Я шутить ведь не умею,
Разом сяду те на шею.
Вишь, какая саранча!»
И, минуто улуча,
К кобылице подбегает,
За волнистый хвост хватает
И прыгну́л к ней на хребёт —
Только задом наперёд.
Кобылица молодая,
Очью бешено сверкая,
Змеем голову свила

¹ *Лубок* — дешевые раскрашенные картинки, изображавшие героев народных сказок, былин и т. д.

² *Малахай* — длиннополая широкая одежда без пояса.

И пустилась как стрела.
Вьется крúгом над полями,
Виснет пластью надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,
Хочет силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном;
Но Иван и сам не прост —
Крепко держится за хвост.

Наконец она устала.
«Ну, Иван, — ему сказала, —
Коль умел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть.
Дай мне место для покою
Да ухаживай за мною,
Сколько согласишь. Да смотри:
По три утренни зари
Выпускай меня на волю
Погулять по чисту полю.
По исходе же трех дней
Двух рожу тебе коней —
Да таких, каких поныне
Не бывало и в помине;
Да еще рожу конька
Ростом только в три вершка¹,
На спине с двумя горбами²
Да с аршинными² ушами.
Двух коней, коль хошь, продай,
Но конька не отдавай
Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за черную, слышь, бабку³.
На земле и под землей
Он товарищ будет твой:
Он зимой тебя согреет,
Летом холодом обвеет;
В голод хлебом угостит,
В жажду медом напоит.
Я же снова выйду в поле
Силы пробовать на воле».

¹ *Вершóк* — старинная русская мера длины, равная 4,4 см.

² *Аршín* — старинная русская мера длины, равная 0,71 м.

³ *Бáбка* — игральная кость.

«Ладно», — думает Иван
И в пастуший балаган
Кобылицу загоняет,
Дверь рогожей закрывает,
И лишь только рассвело,
Отправляется в село,
Напевая громко песню:
«Ходил молодец на Пресню».

Вот он всходит на крыльцо,
Вот хватает за кольцо,
Что есть силы в дверь стучится,
Чуть что кровля не валится,
И кричит на весь базар,
Словно сделался пожар.
Братья с лавок поскакали,
Заикаясь, вскричали:
«Кто стучится сильно так?» —
«Это я, Иван-дурак!»
Братья двери отворили,
Дурака в избу впустили
И давай его ругать, —
Как он смел их так пугать!
А Иван наш, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь
И ведет оттуда речь
Про ночное похождение,
Всем ушам на удивленье:
«Всю я ноченьку не спал,
Звезды на небе считал;
Месяц, ровно, тоже светил, —
Я порядком не приметил.
Вдруг приходит дьявол сам,
С бороною и с усам;
Рожа словно как у кошки,
А глаза-то — что те плоски¹!
Вот и стал тот черт скакать
И зерно хвостом сбивать.
Я шутить ведь не умею —
И вскочи ему на шею.
Уж таскал же он, таскал,

---

¹ Плѹшка — блюдо.

Чуть башки мне не сломал.
Но и я ведь сам не промах,
Слышь, держал его, как в жо́мах¹.
Бился, бился мой хитрец
И взмолился наконец:
«Не губи меня со света!
Целый год тебе за это
Обещаюсь смирно жить,
Православных не мутить».
Я, слышь, слов-то не померил,
Да чертенку и поверил".
Тут рассказчик замолчал,
Позевнул и задремал.
Братья, сколько ни серчали,
Не смогли — захохотали,
Ухватившись под бока,
Над рассказом дурака.
Сам старик не мог сдержаться,
Чтоб до слез не посмеяться,
Хоть смеяться — так оно
Старикам уж и грешно.

Много ль времени аль мало
С этой ночи пробежало, —
Я про это ничего
Не слыхал ни от кого.
Ну, да что нам в том за дело,
Год ли, два ли пролетело, —
Ведь за ними не бежать...
Станем сказку продолжать.

Ну-с, так вот что! Раз Данило
(В праздник, помнится, то было),
Натянувшись зельно пьян,
Затащился в балаган.
Что ж он видит? — Прекрасивых
Двух коней золотогривых
Да игрушечку-конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
«Хм! теперь-то я узнал,
Для чего здесь дурень спал!» —

---

¹ Жо́мы — тиски.

Говорит себе Данило...
Чудо разом хмель посбило;
Вот Данило в дом бежит
И Гавриле говорит:
«Посмотри, каких красивых
Двух коней золотогривых
Наш дурак себе достал:
Ты и слыхом не слыхал».
И Данило да Гаврило,
Что в ногах их мочи было,
По крапиве прямиком
Так и дуют босиком.

Спотыкнувшись три раза,
Починивши оба глаза,
Потирая здесь и там,
Входят братья к двум коням.
Кони ржали и храпели,
Очи яхонтом горели;
В мелки кольца завитой,
Хвост струился золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты.
Любо-дорого смотреть!
Лишь царю б на них сидеть.
Братья так на них смотрели,
Что чуть-чуть не окривели.
«Где он это их достал? —
Старший среднему сказал, —
Но давно уж речь ведется,
Что лишь дурням клад дается,
Ты ж хоть лоб себе разбей,
Так не выбьешь двух рублей.
Ну, Гаврило, в ту седмицу¹
Отведем-ка их в столицу;
Там боярам продадим,
Деньги ровно поделім.
А с деньжонками, сам знаешь,
И попьешь и погуляешь,
Только хлопни по мешку.
А благому дураку
Не достанет ведь догадки,

¹ Седмица — неделя (семь дней).

Где гостят его лошадки;
Пусть их ищет там и сям.
Ну, приятель, по рукам!»
Братья разом согласились,
Обнялись, перекрестились
И вернулись домой,
Говоря промеж собой
Про коней, и про пирушку,
И про чуждую зверушку.

Время катит чередом,
Час за часом, день за днем, —
И на первую седмицу
Братья едут в град-столицу,
Чтоб товар свой там продать
И на пристани узнать,
Не пришли ли с кораблями
Немцы в город за холстами
И нейдет ли царь Салтан
Басурманить христиан.
Вот иконам помолились,
У отца благословились,
Взяли двух коней тайком
И отправились тишком.

Вечер к ночи пробирался;
На ночлег Иван собрался;
Вдоль по улице идет,
Ест краюшку да поет.
Вот он поля достигает,
Руки в боки подпирает
И с прискачкой, словно пан,
Боком входит в балаган.

Все по-прежнему стояло,
Но коней как не бывало;
Лишь игрушка-горбунок
У его вертелся ног,
Хлопал с радости ушами
Да приплясывал ногами.
Как завоет тут Иван,
Опершись о балаган:
«Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!
Я ль вас, други, не ласкал.

Да какой вас черт украл?
Чтоб пропасть ему, собаке!
Чтоб издохнуть в буераке!
Чтоб ему на том свету
Провалиться на мосту!
Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!»

Тут конек ему заржал.
«Не тужи, Иван, — сказал, —
Велика беда, не спору;
Но могу помочь я горю,
Ты на черта не клепли:
Братья коников свели.
Ну, да что болтать пустое,
Будь, Иванушка, в покое.
На меня скорей садись,
Только знай себе держись;
Я хоть росту небольшого,
Да сменю коня другого:
Как пушусь да побегу,
Так и беса настигу».

Тут конек пред ним ложится;
На конька Иван садится,
Уши в зягребни берет,
Что есть мочушки ревет.
Горбунок-конек встряхнулся,
Встал на лапки, встрепенулся
Хлопнул гривкой, захрапел
И стрелою полетел;
Только пыльными клубами
Вихорь вился под ногами,
И в два мига, коль не в миг,
Наш Иван воров настиг.

Братья, то есть, испугались,
Зачесались и замялись.
А Иван им стал кричать:
«Стыдно, братья, воровать!
Хоть Ивана вы умнее,
Да Иван-то вас честнее:
Он у вас коней не крал».
Старший, корчась, тут сказал:

«Дорогой наш брат Иваша!
Что переться — дело наше!
Но возьми же ты в расчет
Некорыстный наш живот.
Сколь пшеницы мы не сеем,
Чуть насущный хлеб имеем.
А коли неурожай,
Так хоть в петлю полезай!
Вот в такой большой печали
Мы с Гаврилой толковали
Всю намеднишнюю ночь —
Чем бы горюшку помочь?
Так и этак мы вершили,
Наконец вот так решили:
Чтоб продать твоих коньков
Хоть за тысячу рублёв.
А в спасибо, молвить к слову,
Привезти тебе обнову —
Красну шапку с позвонком
Да сапожки с каблучком.
Да к тому ж старик не может,
Работать уже не может,
А ведь надо ж мыкать век, —
Сам ты умный человек!» —
«Ну, коль этак, так ступайте, —
Говорит Иван, — продайте
Златогривых два коня
Да возьмите ж и меня».
Братья больно покосились,
Да нельзя же! согласились.

Стало на небе темнеть;
Воздух начал холодеть;
Вот, чтоб им не заблудиться,
Решено остановиться.
Под навесами ветвей
Привязали всех коней,
Принесли с естным лукошко,
Опохмелились немножко
И пошли, что боже даст,
Кто во что из них горазд.

Вот Данило вдруг приметил,
Что огонь вдали засветил.

На Гаврилу он взглянул,
Левым глазом подмигнул
И прикашлянул легонько,
Указав огонь тихонько;
Тут в затылке почесал,
«Эх, как тёмно! — он сказал. —
Хоть бы месяц этак в шутку
К нам проглянул на минутку,
Все бы легче. А теперь,
Право, хуже мне тетьерь...
Да постой-ка... Мне сдаётся,
Что дымок там светлый вьётся...
Видишь, звон... Так и есть!..
Вот бы курево развесть!
Чудо было б!.. А послушай,
Побегай-ка, брат Ванюша!
А, признаться, у меня
Ни огнива, ни кремня».
Сам же думает Данило:
«Чтоб тебя там задавило!»
А Гаврило говорит:
«Кто-петь знает, что горит!
Коль станичники пристали —
Поминай его, как звали!»

Все пустяк для дурака,
Он садится на конька,
Бьет в круты бока ногами,
Теребит его руками,
Изо всех горланит сил...
Конь взвился, и след простыл.
«Буди с нами крестна сила! —
Закричал тогда Гаврило,
Оградясь крестом святым. —
Что за бес такой под ним!»

Огонек горит светлее,
Горбунок бежит скорее.
Вот уж он перед огнем.
Светит поле словно днем;
Чудный свет кругом струится,
Но не греет, не дымится,
Диву дался тут Иван.
«Что, — сказал он, — за шайтан!

Шапок с пять найдется свету,
А тепла и дыму нету;
Эко чудо огонек!»

Говорит ему конек:
«Вот уж есть чему дивиться!
Тут лежит перо Жар-птицы,
Но для счастья своего
Не бери себе его.
Много, много непокою
Принесет оно с собою».
«Говори ты! как не так!» —
Про себя ворчит дурак;
И, подняв перо Жар-птицы,
Завернул его в тряпицы,
Тряпки в шапку положил
И конька поворотил.
Вот он к братьям приезжает
И на спрос их отвечает:
«Как туда я доскакал,
Пень горелый увидал;
Уж над ним я бился, бился,
Так что чуть не надсадился;
Раздувал его я с час,
Нет ведь, черт возьми, угас!»
Братья целу ночь не спали,
Над Иваном хохотали;
А Иван под воз присел,
Вплоть до утра прохрапел.

Тут коней они впрягали
И в столицу приезжали,
Становились в конный ряд,
Супротив больших палат.

В той столице был обычай:
Коль не скажет городничий —
Ничего не покупать,
Ничего не продавать.
Вот обедня наступает;
Городничий выезжает
В туфлях, в шапке меховой,
С сотней стражи городской.
Рядом едет с ним глашатый,
Длинноусый, бородатый;

Он в злату трубу трубит,
Громким голосом кричит:
«Гости! Лавки отпирайте,
Покупайте, продавайте;
А надсмотрщикам сидеть
Подле лавок и смотреть,
Чтобы не было содому,
Ни давёжа, ни погрому,
И чтобы никой урод
Не обманывал народ!»

Гости лавки отпирают,
Люд крещеный закликают:
«Эй, честные господа,
К нам пожалуйте сюда!
Как у нас ли тары-бары,
Всяки разные товары!»
Покупальщики идут,
У гостей товар берут;
Гости денежки считают
Да надсмотрщикам мигают.

Между тем градской отряд
Приезжает в конный ряд;
Смотрят — давка от народу,
Нет ни выходу, ни входу;
Так кишмя вот и кишат,
И смеются, и кричат.
Городничий удивился,
Что народ развеселился,
И приказ отряду дал,
Чтоб дорогу прочищал.
«Эй! вы, черти босоноги!
Прочь с дороги! Прочь с дороги!» —
Закричали усачи
И ударили в бичи.
Тут народ зашевелился,
Шапки снял и расступился.

Пред глазами конный ряд:
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой...

Наш старик, сколь ни был пылок,
Долго тер себе затылок.
«Чуден, — молвил, — божий свет,
Уж каких чудес в нем нет!»
Весь отряд тут поклонился,
Мудрой речи подивился.
Городничий между тем
Наказал престрого всем,
Чтоб коней не покупали,
Не зевали, не кричали;
Что он едет ко двору
Доложить о всем царю.
И, оставив часть отряда,
Он поехал для доклада.

Приезжает во дворец,
«Ты помилуй, царь-отец! —
Городничий восклицает
И всем телом упадает. —
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!»
Царь изволил молвить: «Ладно,
Говори, да только складно». —
«Как умею, расскажу:
Городничим я служу;
Верой-правдой исправляю
Эту должность...» — «Знаю, знаю!» —
«Вот сегодня, взяв отряд,
Я поехал в конный ряд.
Приезжаю — тьма народу!
Ну, ни выходу, ни входу.
Что тут делать?.. Приказал
Гнать народ, чтоб не мешал,
Так и случилось, царь-надежа!
И поехал я, — и что же?..
Предо мною конный ряд:
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты».

Царь не мог тут усидеть.
«Надо ко́ней поглядеть, —
Говорит он, — да не худо
И завесьть такое чудо.
Гей, повозку мне!» И вот
Уж повозка у ворот.
Царь умылся, нарядился
И на рынок покатился;
За царем стрельцов отряд.

Вот он въехал в конный ряд.
На колени все тут пали
И «ура!» царю кричали.
Царь раскланялся и вмиг
Молодцом с повозки прыг...
Глаз своих с коней не сводит,
Справа, слева к ним заходит,
Словом ласковым зовет,
По спине их тихо бьет,
Треплет шею их крутую,
Гладит гриву золотую,
И, довольно насмотрясь,
Он спросил, оборотясь
К окружающим: «Эй, ребята!
Чьи такие жеребята?
Кто хозяин?» Тут Иван
Руки в боки, словно пан,
Из-за братьев выступает
И, надувшись, отвечает:
«Эта пара, царь, моя,
И хозяин — тоже я». —
«Ну, я пару покупаю;
Продаешь ты?» — «Нет, меняю». —
«Что в промен берешь добра?» —
«Два-пять¹ шапок серебра». —
«То есть это будет десять».
Царь тотчас велел отвесить
И, по милости своей,
Дал в прибавок пять рублей.
Царь-то был великодушный!

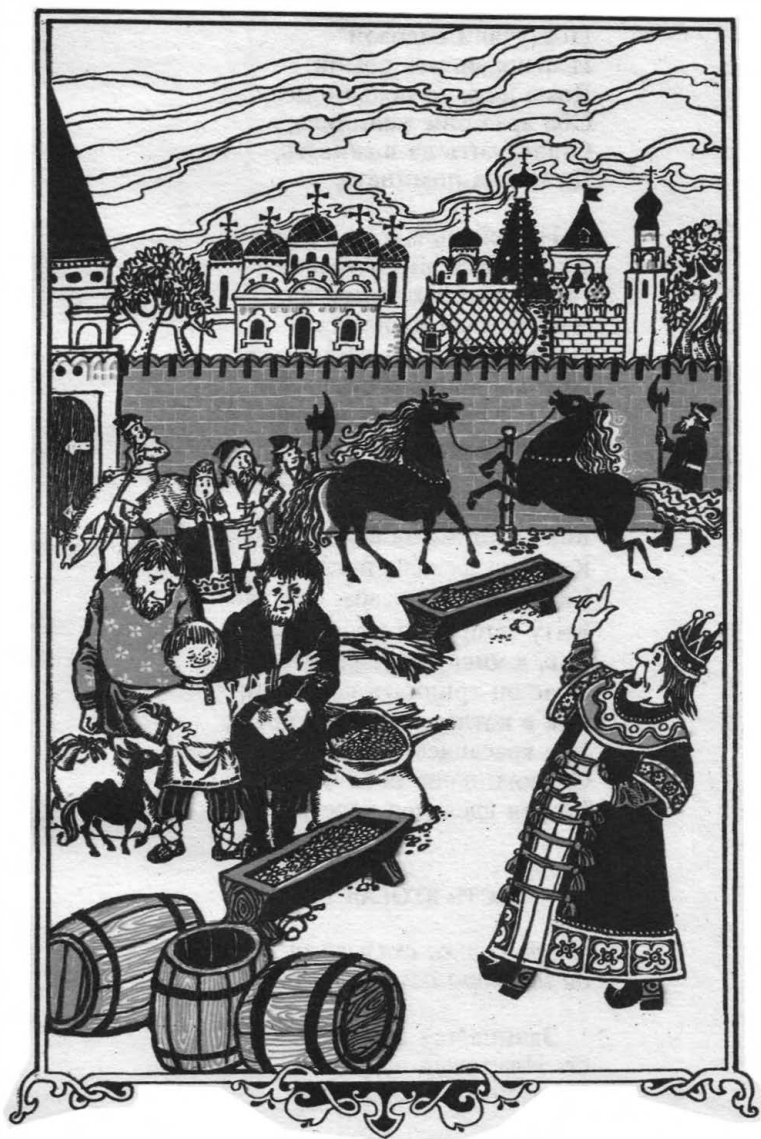
¹ *Два-пять* — старинная форма числа *десять*.

Повели коней в конюшни
Десять конюхов седых,
Все в нашивках золотых,
Все с цветными кушаками
И с сафьянными бичами.
Но дорóгой, как на смех,
Кони с ног их сбили всех,
Все уздечки разорвали
И к Ивану прибежали.

Царь отправился назад,
Говорит ему: «Ну, брат,
Пара нашим не дается;
Делать нечего, придется
Во дворце тебе служить;
Будешь в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Всю конюшенну мою
Я в приказ тебе даю,
Царско слово в том порука.
Что, согласен?» — «Эка штука!
Во дворце я буду жить,
Буду в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Весь конюшенный завод
Царь в приказ мне отдает;
То есть я из огорода
Стану царский воевода.
Чудно дело! Так и быть,
Стану, царь, тебе служить.
Только, чур, со мной не драться
И давать мне высыпаться,
А не то я был таков!»

Тут он кликнул скакунов
И пошел вдоль по столице,
Сам махая рукавицей,
И под песню дурака
Кони пляшут трепака;
А конек его — горбатко —
Так и ломится вприсядку,
К удивленью людям всем.

Два же брата между тем
Деньги царски получили,
В опояски их зашили,
Постучали ендовой¹
И отправились домой.
Дома дружно поделились,
Оба враз они женились,
Стали жить да поживать,
Да Ивана поминать.

Но теперь мы их оставим,
Снова сказкой позабавим
Православных христиан,
Что наделал наш Иван,
Находясь во службе царской
При конюшне государской;
Как в суседки² он попал,
Как перо свое проспал,
Как хитро́ поймал Жар-птицу,
Как похитил Царь-девицу,
Как он ездил за кольцом,
Как был на небе послом,
Как он в Солнцевом селенье
Киту выпросил прощенье;
Как, к числу других затей,
Спас он тридцать кораблей;
Как в котлах он не сварился,
Как красавцем учинился;
Словом: наша речь о том,
Как он сделался царем.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*Скоро сказка сказывается,
да не скоро дело делается*

Зачинается рассказ
От Ивановых проказ,
И от сивка, и от бурка,

---

¹ *Ендова́* — большой сосуд для вина и пива.

² *Сусе́дка* — домовый, покровитель дома.

И от вещега каурка¹.
Козы на море ушли;
Горы лесом поросли;
Конь с золотой узды срывался,
Прямо к солнцу поднимался;
Лес стоячий под ногой,
Сбоку облак громовой;
Ходит облак и сверкает,
Гром по небу рассыпает.
Это присказка: пожди,
Сказка будет впереди.
Как на море-окияне
И на острове Буяне
Новый гроб в лесу стоит,
В гробе девица лежит;
Соловей над гробом свищет;
Черный зверь в дубраве рыщет.
Это присказка, а вот —
Сказка чередом пойдет.

Ну, так видите ль, миряне,
Православны христиане,
Наш удалый молодец
Затесался во дворец;
При конюшне царской служит
И нисколько не потужит
Он о братьях, об отце
В государевом дворце.
Да и что ему до братьев?
У Ивана красных платьев,
Красных шапок, сапогов
Чуть не десять коробов;
Ест он сладко, спит он столько,
Что раздолье, да и только!

Вот неделей через пять
Начал спальник примечать...
Надо молвить, этот спальник
До Ивана был начальник
Над конюшней надо всей,
Из боярских слыл детей;
Так не диво, что он злился

---

¹ *Каурка* — лошадь рыжей (каурой) масти; в народных сказках — вещий (мудрый) конь.

На Ивана и божился
Хоть пропасть, а пришлеца
Потурить вон из дворца.
Но, лукавство сокрывая,
Он для всякого случая
Притворился, плут, глухим,
Близоруким и немым;
Сам же думает: «Постой-ка,
Я те двину, неумойка!»

Так неделей через пять
Спальник начал примечать,
Что Иван коней не холит,
И не чистит, и не школит;
Но при всем том два коня
Словно лишь из-под гребня:
Чисто-начисто обмыты,
Гривы в косы перевиты,
Челки собраны в пучок,
Шерсть — ну, лоснится, как шелк;
В стойлах — свежая пшеница,
Словно тут же и родится,
И в чанах больших сыгá
Будто только налита.
«Что за притча тут такая? —
Спальник думает вздыхая, —
Уж не ходит ли, постой,
К нам проказник домовый?
Дай-ка я подкараулю,
А нешто, так я и пулю,
Не смигнув, умею слить, —
Лишь бы дурня уходить.
Донесу я в думе царской,
Что конюший государской —
Басурманин, ворожей,
Чернокнижник и злодей;
Что он с бесом хлеб-соль водит,
В церковь божию не ходит,
Католицкой держит крест
И постами мясо ест».

В тот же вечер этот спальник,
Прежний конюших начальник,
В стойлы спрятался тайком
И обсыпался овсом.

Вот и полночь наступила.
У него в груди заньло:
Он ни жив, ни мертв лежит,
Сам молитвы все творит,
Ждет соседки... Чу! в сам-деле,
Двери глухо заскрипели,
Кони топнули, и вот
Входит старый коновод.
Дверь задвижкой запирает,
Шапку бережно скидает,
На окно ее кладет
И из шапки той берет
В три завернутый тряпицы
Царский клад — перо Жар-птицы.
Свет такой тут заблестал,
Что чуть спальник не вскричал
И от страху так забился,
Что овес с него свалился.
Но соседке невдомек!
Он кладет перо в сусек¹,
Чистить ко́ней начинает,
Умывает, убирает,
Гривы длинные плетет,
Разны песенки поет.
А меж тем, свернувшись клубом,
Поколачивая зубом,
Смотрит спальник, чуть живой,
Что тут деет домовой.
Что за бес! Нешто нарочно
Прирядился плут полночный:
Нет рогов, ни бороды,
Ражий парень, хоть куды!
Волос гладкий, сбоку ленты,
На рубашке прозументы,²
Сапоги как ал сафьян, —
Ну, точнехонько Иван.
Что за диво? Смотрит снова
Наш глазей на домового...
«Э! так вот что! — наконец
Проворчал себе хитрец. —

¹ Сусék — особое место, где хранили зерно.

² Прозумёнты (позументы) — золотая или серебряная тесьма, которой обшивали рукава, воротник и подол рубашки.

Ладно, завтра ж царь узнает,
Что твой глупый ум скрывает.
Подожди лишь только дня,
Будешь помнить ты меня!»
А Иван, совсем не зная,
Что ему беда такая
Угрожает, все плетет
Гривы в косы да поет;
А убрав их, в оба чана
Нацедил сыты медвяной
И насыпал дополна
Белоярова пшена¹.
Тут, зевнув, перо Жар-птицы
Завернул опять в тряпицы,
Шапку под ухо — и лег
У коней близ задних ног.

Только начало зориться,
Спальник начал шевелиться.
И, услыша, что Иван
Так храпит, как Еруслан,
Он тихонько вниз слезает
И к Ивану подползает,
Пальцы в шапку запустил,
Хватъ перо — и след простыл.

Царь лишь только пробудился,
Спальник наш к нему явился,
Стукнул крепко об пол лбом
И запел царю потом:
«Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить». —
«Говори, не прибавляя, —
Царь сказал ему, зевая, —
Если ж ты да будешь врать,
То кнута не миновать».
Спальник наш, собравшись с силой,
Говорит царю: «Помилуй!
Вот те истинный Христос,
Справедлив мой, царь, донос:
Наш Иван, то всякий знает,

---

¹ *Белоярово пшено — кукуруза.*

От тебя, отец, скрывает,
Но не золото, не серебро —
Жароптицево перо...» —
«Жароптицево?.. Проклятый!
И он смел такой богатый...
Погоди же ты, злодей!
Не минуешь ты плетей!...»
«Да и то ль еще он знает! —
Спальник тихо продолжает,
Изогнувшись. — Добро!
Пусть имел бы он перо;
Да и самую Жар-птицу
Во твою, отец, светлицу,
Коль приказ изволишь дать,
Похваляется достать».
И доносчик с этим словом,
Скрючась обручем талóвым¹,
Ко кровати подошел,
Подавал кдад — и снова в пол.

Царь смотрел и дивовался,
Гладил бороду, смеялся
И скусил пера конец.
Тут, уклав его в ларец,
Закричал (от нетерпенья),
Подтвердив свое веленье
Быстрым взмахом кулака:
«Гей! Позвать мне дурака!»

И посыльные дворяна
Побежали по Ивана,
Но, столкнувшись все в углу,
Растянулись на полу.
Царь тем много любовался
И до колотья смеялся.
А дворяна, усмотря,
Что смешно то для царя,
Меж собой перемигнулись
И вдругóрьдъ растянулись.
Царь тем так доволен был,
Что их шапкой наградил.
Тут посыльные дворяна

---

¹ Талóвый — ивовый.

Вновь пустились звать Ивана
И на этот уже раз
Обошлись без проказ.

Вот к конюшне прибегают,
Двери настежь открывают
И ногами дурака
Ну толкать во все бока.
С пол часа над ним возились,
Но его не добудились,
Наконец уж рядовой
Разбудил его метлой.

«Что за челядь тут такая? —
Говорит Иван, вставая, —
Как хвачу я вас бичом,
Так не станете потом
Без пути будить Ивана!»
Говорят ему дворяна:
«Царь изволил приказать,
Нам тебя к нему позвать».
«Царь?.. Ну ладно! Вот сряжуся
И тотчас к нему явлюся», —
Говорит послам Иван.
Тут надел он свой кафтан,
Опояской подвязался,
Приумьлся, причесался,
Кнут свой сбоку прицепил,
Словно утица поплыл.

Вот Иван к царю явился,
Поклонился, подбодрился,
Крякнул дважды и спросил:
«А пошто меня будил?»
Царь, прищурясь глазом левым,
Закричал ему со гневом,
Приподнявшись: «Молчать!
Ты мне должен отвечать:
В силу коего указа
Скрыл от нашего ты глаза
Наше царское добро —
Жароптицево перо?
Что я — царь али боярин?
Отвечай сейчас, татарин!»
Тут, Иван, махнув рукой,
Говорит царю: «Постой!

Я те шапки, ровно, не дал,
Как же ты о том проведал?
Что ты — ажно ты пророк?
Ну, да что, сади в острог,
Прикажи сейчас хоть в палки, —
Нет пера, да и шабалки!..» —
«Отвечай же! Запорю!..» —
«Я те толком говорю:
Нет пера! Да, слышь, откуда
Мне достать такое чудо?»
Царь с кровати тут вскочил
И ларец с пером открыл.
«Что? Ты смел еще переться?
Да уж нет, не отвертеться!
Это что? А?» Тут Иван
Задрожал, как лист в буран,
Шапку выронил с испуга.
«Что, приятель, видно туго? —
Молвил царь. — Постой-ка, брат!..» —
«Ох, помилуй, виноват!
Отпусти вину Ивану,
Я вперед уж врать не стану!»
И, закутавшись в полу,
Растянулся на полу.
«Ну, для первого случаю
Я вину тебе прощаю, —
Царь Ивану говорит, —
Я, помилуй бог, сердит!
И с сердец иной порою
Чуб сниму, и с головою.
Так вот, видишь, я каков!
Но, сказать без дальних слов,
Я узнал, что ты Жар-птицу
В нашу царскую светлицу,
Если б вздумал приказать,
Похваляешься достать.
Ну, смотри ж, не отпирайся
И достать ее старайся».
Тут Иван волчком вскочил.
«Я того не говорил! —
Закричал он, утираясь. —
О пере не запираюсь,
Но о птице, как ты хошь,
Ты напраслину ведешь».

Царь, затрясши бородою:
«Что? Рядиться мне с тобою? —
Закричал он. — Но смотри!
Если ты недели в три
Не достанешь мне Жар-птицу
В нашу царскую светлицу,
То, клянуся бородой!
Ты заплатишься со мной:
На правёж — в решётку — на́ кол!¹
Вон, холоп!» Иван заплакал
И пошел на сеновал,
Где конек его лежал.

Горбунок, его почуя,
Дрягнул было плясовую;
Но, как слезы увидал,
Сам чуть-чуть не зарыдал.
«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? —
Говорил ему конек,
У его вертятся ног. —
Не утайся предо мною,
Все скажи, что за душою;
Я помочь тебе готов.
Аль, мой милый, нездоров?
Аль попался к лиходею?»
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конек! — сказал. —
Царь велит достать Жар-птицу
В государскую светлицу.
Что мне делать, горбунок?»
Говорит ему конек:
«Велика беда, не спору;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,
Что не слушался меня:
Помнишь, ехав в град-столицу,
Ты нашел перо Жар-птицы;
Я сказал тебе тогда:
«Не бери, Иван, — беда!

¹ На правёж — в решётку — на кол! — Правёж — наказание палками.
Решётка — тюрьма. Посадить на кол — казнить.

Много, много непокою
Принесет оно с собою".
Вот теперь ты узнал,
Правду ль я тебе сказал.
Но, сказалть тебе по дружбе,
Это — службишка, не служба,
Служба все, брат, впереди.
Ты к царю теперь поди
И скажи ему открыто:
«Надо, царь, мне два корыта
Белоярова пшена
Да заморского вина.
Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится,
Мы отправимся в поход».

Вот Иван к царю идет,
Говорит ему открыто:
«Надо, царь, мне два корыта
Белоярова пшена
Да заморского вина.
Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится,
Мы отправимся в поход».
Царь тотчас приказ дает,
Чтоб посыльные дворяна
Все сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И «счастливый путь!» сказал.

На другой день, утром рано,
Разбудил конек Ивана:
«Гей! Хозяин! Полно спать!
Время дело исправлять!»
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял корыта и пшено,
И заморское вино;
Потеплее приоделся,
На коньке своем уселся,
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток —
Доставать тоё Жар-птицу.

Едут целую седмицу.
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой,
Тут сказал конек Ивану
«Ты увидишь здесь поляну;
На поляне той гора,
Вся из чистого серебра;
Вот сюда-то до зарницы
Прилетают жары-птицы
Из ручья воды испить;
Тут и будем их ловить».
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает на поляну.
Что за поле! Зелень тут,
Словно камень изумруд;
Ветерок над нею веет,
Так вот искорки и сеет;
А по зелени цветы
Несказанной красоты.
А на той ли на поляне,
Словно вал на окяне,
Возвышается гора
Вся из чистого серебра.
Солнце летними лучами
Красит всю ее зарями,
В сгибах золотом бежит,
На верхах свечой горит.

Вот конек по косогору
Поднялся на эту гору,
Версту, другу пробежал,
Устоялся и сказал:
«Скоро ночь, Иван, начнется,
И тебе стеречь придется.
Ну, в корыто лей вино
И с вином мешай пшено.
А чтоб быть тебе закрыту,
Ты под то подлезь корыто,
Втихомолку примечай,
Да смотри же, не зевай.
До восхода, слышь, зарницы
Прилетят сюда жар-птицы
И начнут пшено клевать
Да по-своему кричать.

Ты, которая поближе,
И схвати ее, смотри же!
А поймаешь птицу-жар —
И кричи на весь базар;
Я тотчас к тебе явлюся». —
«Ну, а если обожгуся? —
Говорит коньку Иван,
Расстилая свой кафтан. —
Рукавички взять придется,
Чай, плутовка больно жгется». —
Тут конек из глаз исчез,
А Иван, кряхтя, подлез
Под дубовое корыто
И лежит там как убитый.

Вот полночною порой
Свет разлился над горой,
Будто полдни наступают:
Жары-птицы налетают;
Стали бегать и кричать
И пшено с вином клевать.
Наш Иван, от них закрытый,
Смотрит птиц из-под корыта
И толкует сам с собой.
Разводя вот так рукой:
«Тьфу ты, дьявольская сила!
Эк их, дряней, привалило!
Чай, их тут десятков с пять.
Кабы всех переимать —
То-то было-бы поживы!
Неча молвить, страх красивы!
Ножки красные у всех;
А хвосты-то — сущий смех!
Чай, таких у куриц нету;
А уж сколько, парень, свету —
Словно батюшкина печь!»
И, скончав такую речь
Сам с собою, под лазейкой,
Наш Иван ужом да змейкой
Ко пшену с вином подполз —
Хвать одну из птиц за хвост.
«Ой! Конечек-горбуночек!
Прибегай скорей, дружок!
Я ведь птицу-то поймал!» —

Так Иван-дурак кричал.
Горбунок тотчас явился.
«Ай, хозяин, отличился! —
Говорит ему конек. —
Ну, скорей ее в мешок!
Да завязывай туже;
А мешок привесь на шею,
Надо нам в обратный путь».
«Нет, дай птиц-то мне пугнуть! —
Говорит Иван. — Смотри-ка,
Вишь, надселися от крика!»
И, схвативши свой мешок,
Хлещет вдоль и поперек.
Ярким пламенем сверкая,
Встрепенулася вся стая,
Кругом огненным свилась
И за тучи понеслась.
А Иван наш вслед за ними
Рукавицами своими
Так и машет и кричит,
Словно щёлоком¹ облит.
Птицы в тучах потерялись;
Наши пугники собрались,
Уложили царский клад
И вернулись назад.

Вот приехали в столицу.
«Что, достал ли ты Жар-птицу?» —
Царь Ивану говорит,
Сам на спальника глядит.
А уж тот, нешто от скуки,
Искусал себе все руки.
«Разумеется, достал», —
Наш Иван царю сказал.
«Где ж она?» — «Постой немножко,
Прикажи сперва окошко
В почивальне затворить,
Знашь, чтоб темень сотворить».
Тут дворяна побежали
И окошко затворяли.
Вот Иван мешок на стол.
«Ну-ка, бабушка, пошел!»

---

¹ Щёлок — едкий раствор золы.

Свет такой тут вдруг разлился,
Что весь люд рукой закрылся.
Царь кричит на весь базар:
«Ахти, батюшки, пожар!
Эй, решётчных¹ сзывайте!
Заливайте, Заливайте!» —
«Это, слышь ты, не пожар,
Это свет от птицы-жар, —
Молвил ловчий, сам со смеху,
Надрываясь. — Потеху
Я привез те, осударь!»
Говорит Ивану царь:
«Вот люблю дружка Ванюшу!
Взвеселил мою ты душу,
И на радости такой —
Будь же царский стремянной!»

Это видя, хитрый спальник,
Прежний конюших начальник,
Говорит себе под нос:
«Нет, постой, молокосос!
Не всегда тебе случиться
Так канальски отличиться,
Я те снова подведу,
Мой дружочек, под беду!»

Через три потом недели
Вечерком одним сидели
В царской кухне повара
И служители двора,
Попивали мед из жбана
Да читали Еруслана.
«Эх, — один слуга сказал, —
Как севодни я достал
От соседа чудо-книжку!
В ней страниц не так чтоб слишком,
Да и сказок только пять,
А уж сказки — вам сказать,
Так не можно надивиться;
Надо ж этак умудриться!»
Тут все в голос: «Удружи!
Расскажи, брат, расскажи!» —

---

¹ Решётчные — пожарные.

«Ну, какую ж вы хотите?
Пять ведь сказок; вот смотрите:
Перва сказка *о бобре*,
А вторая *о царе*,
Третья... дай бог память... точно!
О боярыне восточной;
Вот в четвертой: *князь Бобыл*;
В пятой... в пятой... эх, забыл!
В пятой сказке говорится...
Так в уме вот и вертится...» —
«Ну, да брось ее!» — «Постой!...» —
«О красотке, что ль, какой?» —
«Точно! В пятой говорится
О прекрасной Царь-девице.
Ну, которую ж, друзья,
Расскажу сегодня я?» —
«Царь-девицу! — все кричали, —
О царях мы уж слышали,
Нам красоток-то скорей!
Их и слушать веселей».
И слуга, усевшись важно,
Стал рассказывать протяжно:

«У далеких немских стран
Есть, ребята, окиян.
По тому ли окияну
Ездят только басурманы;
С православной же земли
Не бывали николи
Ни дворяне, ни миряне
На поганом окияне.
От гостей же слух идет,
Что девица там живет;
Но девица непростая,
Дочь, вишь, Месяцу родная,
Да и Солнышко ей брат.
Та девица, говорят,
Ездит в красном полушубке,
В золотой, ребята, шляпке
И серебряным веслом
Самолично правит в нем;
Разны песни попевает
И на гусельцах играет...»

Спальник тут с полатай скок —
И со всех обеих ног
Во дворец к царю пустился
И как раз к нему явился,
Стукнул крепко об пол лбом
И запел царю потом:
«Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!» —
«Говори, да правду только
И не ври, смотри, нисколько!» —
Царь с кровати закричал.
Хитрый спальник отвечал:
«Мы сегодня в кухне были,
За твое здоровье пили,
А один из дворских слуг
Нас забавил сказкой вслух;
В этой сказке говорится
О прекрасной Царь-девице.
Вот твой царский стремянной
Поклялся твоей брадой,
Что он знает эту птицу —
Так он назвал Царь-девицу, —
И ее, изволишь знать,
Похваляется достать».
Спальник стукнул об пол снова.
«Гей, позвать мне стремяннова!» —
Царь посыльным закричал.
Спальник тут за печку стал;
А посыльные дворяна
Побежали по Ивана;
В крепком сне его нашли
И в рубашке привели.

Царь так начал речь: «Послушай,
На тебя донос, Ванюша.
Говорят, что вот сейчас
Похвалялся ты для нас
Отыскать другую птицу,
Сиречь молвить, Царь-девицу...» —
«Что ты, что ты, бог с тобой! —
Начал царский стремянной. —
Чай, спросонков, я толкую,

Штуку выкинул такую.
Да хитри себе, как хошь,
А меня не проведешь». —
Царь, затрясши бородою:
«Что? Рядиться мне с тобою? —
Закричал он. — Но смотри,
Если ты недели в три
Не достанешь Царь-девицу
В нашу царскую светлицу,
То, клянуса бородой,
Ты поплатишься со мной:
На правёж — в решетку — на кол!
Вон, холоп!» Иван заплакал
И пошел на сеновал,
Где конек его лежал.

«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? —
Говорит ему конек. —
Аль, мой милый, занемог?
Аль попался к лиходею?»
Пал Иван коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конек! — сказал. —
Царь велит в свою светлицу
Мне достать, слышь, Царь-девицу.
Что мне делать, горбунок?»
Говорит ему конек:
«Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,
Что не слушался меня.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это — службишка, не служба;
Служба все, брат, впереди!
Ты к царю теперь поди
И скажи: »Ведь для поимки
Надо, царь, мне две ширинки,
Шитый золотом шатер
Да обеденный прибор —
Весь заморского варенья —
И сластей для прохладенья».

Вот Иван к царю идет
И такую речь ведет:
«Для царевниной поимки
Надо, царь, мне две ширинки,
Шитый золотом шатер
Да обеденный прибор —
Весь заморского варенья —
И сластей для прохлажденья». —
«Вот давно бы так, чем нет». —
Царь с кровати дал ответ
И велел, чтобы дворяна
Всё сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И «счастливый путь!» сказал.

На другой день, утром рано,
Разбудил конек Ивана:
«Гей! Хозяин! полно спать!
Время дело исправлять!»
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял ширинку и шатер
Да обеденный прибор —
Весь заморского варенья —
И сластей для прохлажденья;
Все в мешок дорожный склал
И веревкой завязал,
Потеплее приоделся,
На коньке своем уселся,
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток
По тоё ли Царь-девицу.

Едут целую седмицу;
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал конек Ивану:
«Вот дорога к окияну,
И на нем-то круглый год
Та красавица живет;
Два разá она лишь сходит
С окияна и приводит
Долгий день на землю к нам.
Вот увидишь завтра сам».

И, окончив речь к Ивану,
Выбегает к окяну,
На котором белый вал
Одинешенек гулял.
Тут Иван с конька слезает,
А конек ему вещает:
«Ну, раскидывай шатер,
На ширинку ставь прибор
Из заморского варенья
И сластей для прохладенья.
Сам ложися за шатром
Да смекай себе умом.
Видишь, шлюпка вон мелькает...
То царевна подплывает.
Пусть в шатер она войдет,
Пусть покушает, попьет;
Вот, как в гусли заиграет —
Знай, уж время наступает.
Ты тотчас в шатер вбегай,
Ту царевну сохватай,
И держи ее сильнее,
Да зови меня скорее.
Я на первый твой приказ
Прибегу к тебе как раз,
И поедем... Да смотри же,
Ты гляди за ней поближе,
Если ж ты ее проспшишь,
Так беды не избежишь».
Тут конек из глаз сокрылся,
За шатер Иван забился
И давай диру вертеть,
Чтоб царевну подсмотреть.

Ясный полдень наступает;
Царь-девица подплывает,
Входит с гуслиями в шатер
И садится за прибор.
«Хм! Так вот та Царь-девица!
Как же в сказках говорится, —
Рассуждает стремянной, —
Что куда красна собой
Царь-девица, так что диво!
Это вовсе не красива:
И бледна-то и тонка,

Чай, в обхват-то три вершка;
А ножонка-то, ножонка!
ТЬфу ты! Словно у цыпенка!
Пусть полюбится кому,
Я и даром не возьму».
Тут царевна заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иван, не зная как,
Прикорнулся на кулак;
И под голос тихий, стройный
Засыпает преспокойно.

Запад тихо догорал.
Вдруг конек над ним заржал
И, толкнув его копытом,
Крикнул голосом сердитым:
«Спи, любезный, до звезды!
Высыпай себе беды!
Не меня ведь вздернут на кол!»
Тут Иванушка заплакал
И, рыдаючи, просил,
Чтоб конек его простил.
«Отпусти вину Ивану,
Я вперед уж спать не стану».
«Ну, уж бог тебя простит! —
Горбунок ему кричит, —
Все поправим, может статься,
Только, чур, не засыпаться;
Завтра, рано поутру,
К златошвейному шатру
Приплывет опять девица —
Меду сладкого напитокъ.
Если ж снова ты заснешь,
Головы уж не снесешь».
Тут конек опять сокрылся;
А Иван собирать пустился
Острых камней и гвоздей
От разбитых кораблей
Для того, чтоб уколоться,
Если вновь ему вздремнется.

На другой день, поутру,
К златошвейному шатру
Царь-девица подплывает,

Шлюпку на берег бросает,
Входит с гусями в шатер
И садится за прибор...
Вот царевна заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иванушке опять
Захотелось поспать.
«Нет, постой же ты, дрянная! —
Говорит Иван, вставая. —
Ты вдруг о́рядь не уйдешь
И меня не проведешь».
Тут в шатер Иван вбегает,
Косу длинную хватает...
«Ой, беги, конек, беги!
Горбунок мой, помоги!»
Вмиг конек к нему явился.
«Ай, хозяин, отличился!
Ну, садись же поскорей,
Да держи ее плотней!»

Вот столицы достигает.
Царь к царевне выбегает.
За белы́ руки берет,
Во дворец ее ведет
И садит за стол дубовый
И под занавес шелковый,
В глазки с нежностью глядит,
Сладки речи говорит:
«Бесподобная девица!
Согласися быть царица!
Я тебя едва узрел —
Сильной страстью воскипел.
Соколины твои очи
Не дадут мне спать средь ночи
И во время бела дня,
Ох! измучают меня.
Молви ласковое слово!
Все для свадьбы уж готово;
Завтра ж утром, светик мой,
Обвенчаемся с тобой
И начнем жить припевая».

А царевна молодая,
Ничего не говоря,
Отвернулась от царя.

Царь нисколько не сердился,
Но сильней еще влюбился;
На колен пред нею стал,
Ручки нежно пожимал
И балясы начал снова:
«Молви ласковое слово!
Чем тебя я огорчил;
Али тем, что полюбил?
О, судьба моя плачевна!»
Говорит ему царевна:
«Если хочешь взять меня,
То доставь ты мне в три дня
Перстень мой из окяна!»
«Гей! Позвать ко мне Ивана!» —
Царь поспешно закричал
И чуть сам не побежал.

Вот Иван к царю явился,
Царь к нему оборотился
И сказал ему: «Иван!
Поезжай на окян;
В окяне том хранится
Перстень, слышь ты, Царь-девицы.
Коль достанешь мне его,
Задарю тебя всего». —
«Я и с первой-то дороги
Волочу насилу ноги —
Ты опять на окян!» —
Говорит царю Иван.
«Как же, плут, не торопиться:
Видишь, я хочу жениться! —
Царь со гневом закричал
И ногами застучал. —
У меня не отпирайся,
А скорее отправляйся!»
Тут Иван хотел идти.
«Эй, послушай! По пути, —
Говорит ему царица, —
Заезжай ты поклониться
В изумрудный терем мой
Да скажи моей родной:
Дочь ее узнать желает,
Для чего она скрывает

По три ночи, по три дня
Лик свой ясный от меня?
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлет луча ко мне?
Не забудь же!» — «Помнить буду,
Если только не забуду;
Да ведь надо же узнать,
Кто те братец, кто те мать,
Чтоб в родне-то нам не сбиться».
Говорит ему царица:
«Месяц — мать мне, Солнце — брат».
«Да смотри в три дня назад!» —
Царь-жених к тому прибавил.
Тут Иван царя оставил
И пошел на сеновал,
Где конек его лежал.

«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил?» —
Говорит ему конек.
«Помоги мне, горбунок!
Видишь, вздумал царь жениться,
Знашь, на тоненькой царице,
Так и шлет на окиян, —
Говорит коньку Иван, —
Дал мне сроку три дня только;
Тут попробовать изволь-ка
Перстень дьявольский достать!
Да велела заезжать
Эта тонкая царица
Где-то в терем поклониться
Солнцу, Месяцу, притом
И спросать кое об чем...»
Тут конек: «Сказать по дружбе,
Это — службишка, не служба;
Служба все, брат, впереди!
Ты теперя спать поди;
А назавтра, утром рано,
Мы поедем к окияну».

На другой день наш Иван,
Взяв три луковки в карман,
Потеплее приоделся,
На коньке своем уселся
И поехал в дальний путь...
Дайте, братцы, отдохнуть!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*Доселева Макар огороды копал,
а нынече Макар в воеводы попал*

Та-ра-ра ли, та-ра-ра!
Вышли кони со двора;
Вот крестьяне их поймали
Да покрепче привязали.
Сидит ворон на дубу,
Он играет во трубу;
Как во трубушку играет,
Православных потешает:
«Эй! Послушай, люд честной!
Жили-были муж с женой;
Муж-то примется за шутки,
А жена за прибаутки,
И пойдет у них тут пир,
Что на весь крещеный мир!»
Это присказка ведется,
Сказка послее начнется.
Как у наших у ворот
Муха песенку поет:
«Что дадите мне за вестку?
Бьет свекровь свою невестку:
Посадила на шесток,
Привязала за шнурок,
Ручки к ножкам притянула,
Ножку правую разула:
«Не ходи ты по зарям!
Не кажися молодцам!»
Это присказка велася,
Вот и сказка началась.

Ну-с, так едет наш Иван
За кольцом на окиян.
Горбунок летит, как ветер,

И в почин на первый вечер
Верст сто тысяч отмахал
И нигде не отдыхал.

Подъезжая к окияну,
Говорит конек Ивану:
«Ну, Иванушка, смотри,
Вот минутки через три
Мы приедем на поляну —
Прямо к морю-окияну;
Поперек его лежит
Чудо-юдо Рыба-кит;
Десять лет уж он страдает,
А доселева не знает,
Чем прощенья получить;
Он учнет тебя просить,
Чтоб ты в Солнцевом селенье
Попросил ему прощенье;
Ты исполнить обещаешь,
Да, смотри ж, не забывай!».

Вот въезжает на поляну
Прямо к морю-окияну;
Поперек его лежит
Чудо-юдо Рыба-кит.
Все бока его изрыты,
Частоколы в ребра вбиты,
На хвосте сыр-бор шумит,
На спине село стоит;
Мужички на губе пашут,
Между глаз мальчишки пляшут,
А в дубраве, меж усов,
Ищут девушки грибов.

Вот конек бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо Рыба-кит
Так проезжим говорит,
Рот широкий отворяя,
Тяжко, горько вздыхая:
«Путь-дорога, господа!
Вы откуда и куда!»
«Мы послы от Царь-девицы,
Едем оба из столицы, —
Говорит киту конек, —

К Солнцу прямо на восток,
Во хоромы золотые». —
«Так нельзя ль, отцы родные,
Вам у Солнышка спросить:
Долго ль мне в опале быть,
И за кои прегрешенья
Я терплю беды-мученья?» —
«Ладно, ладно, Рыба-кит!» —
Наш Иван ему кричит.
«Будь отец мне милосердный
Вишь, как мучуся я, бедный!
Десять лет уж тут лежу...
Я и сам те услужу!..» —
Кит Ивана умоляет,
Сам же горько вздыхает.
«Ладно, ладно, Рыба-кит!» —
Наш Иван ему кричит.
Тут конек под ним забился,
Прыг на берег и пустился;
Только видно, как песок
Вьется вихорем у ног.

Едут близко ли, далеко,
Едут низко ли, высоко
И увидели ль кого —
Я не знаю ничего.
Скоро сказка говорится,
Дело мешкотно творится.
Только, братцы, я узнал,
Что конек туда вбежал,
Где (я слышал стороною)
Небо сходится с землею,
Где крестьянки лен прядут,
Прялки на небо кладут.

Тут Иван с землей протислся
И на небе очутился,
И поехал, будто князь,
Шапка набок, подбодрясь.
«Эко диво! Эко диво!
Наше царство хоть красиво, —
Говорит коньку Иван
Средь лазоревых полян, —
А как с небом-то сравнится,
Так под стельку не годится.

Что земля-то!.. Ведь она
И черна-то и грязна;
Здесь земля-то голубая,
А уж светлая какая!..
Посмотри-ка, горбунок,
Видишь, вон где, на восток,
Словно светится зарница...
Чай, небесная светлица...
Что-то больно высока!» —
Так спросил Иван конька.
«Это терем Царь-девицы,
Нашей будущей царицы, —
Горбунок ему кричит, —
По ночам здесь Солнце спит,
А полуденной порою
Месяц входит для покою».

Подъезжают; у ворот
Из столбов хрустальный свод:
Все столбы те завитые
Хитро в змейки золотые;
На верхушках три звезды,
Вокруг терема сады;
На серебряных там ветках,
В раззолоченных во клетках
Птицы райские живут,
Песни царские поют.
А ведь терем с теремами
Будто город с деревнями;
А на тереме из звезд —
Православный русский крест.

Вот конек во двор въезжает;
Наш Иван с него слезает,
В терем к Месяцу идет
И такую речь ведет;
«Здравствуй, Месяц Месяцovich!
Я — Иванушка Петрович,
Из далеких я сторон
И привез тебе поклон». —
«Сядь, Иванушка Петрович! —
Молвил Месяц Месяцovich. —
И поведай мне вину
В нашу светлую страну

Твоего с земли прихода;
Из какого ты народа,
Как попал ты в этот край, —
Все скажи мне, не утай». —
«Я с земли пришел Землянской,
Из страны ведь христианской, —
Говорит, садясь, Иван, —
Переехал окиян
С порученьем от царицы —
В светлый терем поклониться
И сказать вот так, постой!
«Ты скажи моей родной:
Дочь ее узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик какой-то от меня;
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлет луча ко мне?»
Так, кажися? Мاستерица
Говорить красно царица;
Не припомнишь все сполна,
Что сказала мне она». —
«А какая то царица?» —
«Это, знаешь, Царь-девица». —
«Царь-девица?.. Так она,
Что ль, тобой увезена?» —
Вскрикнул Месяц Месяцович.
А Иванушка Петрович
Говорит: «Известно, мной!
Вишь, я царский стремянной;
Ну, так царь меня отправил,
Чтобы я ее доставил
В три недели во дворец;
А не то меня отец
Посадить грозился на́ кол».
Месяц с радости заплакал,
Ну Ивана обнимать,
Целовать и миловать.
«Ах, Иванушка Петрович! —
Молвил Месяц Месяцович. —
Ты принес такую весть,
Что не знаю, чем и счесть!

А уж мы как горевали,
Что царевну потеряли!..
Оттого-то, видишь, я
По три ночи, по три дня
В темном облаке ходила,
Все грустила да грустила,
Трое суток не спала,
Крошки хлеба не брала,
Оттого-то сын мой красный
Завернулся в мрак ненастный,
Луч свой жаркий погасил,
Миру божью не светил:
Все грустил, вишь, по сестрице,
Той ли красной Царь-девице.
Что, здорова ли она?
Не грустна ли, не больна?» —
«Всем бы, кажется, красotka,
Да у ней, кажись, сухотка:
Ну, как спичка, слышь, тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
Вот как замуж-то поспеет,
Так небось и потолстеет:
Царь, слышь, женится на ней».
Месяц вскрикнул: «Ах, злодей!
Вздумал в семьдесят жениться
На молоденькой девице!
Да стою я крепко в том —
Просидит он женихом!
Вишь, что старый хрен затеял:
Хочет жать там, где не сеял!
Полно, лаком больно стал!»
Тут Иван опять сказал:
«Есть еще к тебе прошение,
То о китовом прощенье...
Есть, вишь, море; чудо-кит
Поперек его лежит:
Все бока его изрыгты,
Частоколы в ребра вбиты...
Он, бедняк, меня прошал,
Чтобы я тебя спрошал:
Скоро ль кончится мученье?
Чем сыскать ему прощенье?
И на что он тут лежит?»
Месяц ясный говорит:

«Он за то несет мученье,
Что без божия веленья
Проглотил среди морей
Три десятка кораблей.
Если даст он им свободу,
Снимет бог с него невзгоду.
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит».

Тут Иванушка поднялся,
С светлым Месяцем прощался,
Крепко шею обнимал,
Трижды в щеки целовал.
«Ну, Иванушка Петрович! —
Молвил Месяц Месяцovich. —
Благодарствуя тебя
За сынка и за себя.
Отнеси благословенье
Нашей дочке в утешенье
И скажи моей родной:
«Мать твоя всегда с тобой;
Полно плакать и крушиться:
Скоро грусть твоя решится, —
И не старый, с бородой,
А красавец молодой
Поведет тебя к налою».
Ну, прощай же! Бог с тобою!»
Поклонившись, как умел,
На конька Иван тут сел,
Свистнул, будто витязь знатный,
И пустился в путь обратный.

На другой день наш Иван
Вновь пришел на окиян.
Вот конек бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо Рыба-кит
Так, вздохнувши, говорит:
«Что, отцы, мое прошение?
Получу ль когда прощенье?» —
«Погоди ты, Рыба-кит!» —
Тут конек ему кричит.

Вот в село он прибегает,
Мужиков к себе сзывает,
Черной гривкою трясет
И такую речь ведет:
«Эй, послушайте, миряне,
Православны христиане!
Коль не хочет кто из вас
К водяному сесть в приказ.¹
Убирайся вмиг отсюда.
Здесь тотчас случится чудо:
Море сильно закипит,
Повернется Рыба-кит...»
Тут крестьяне и миряне,
Православны христиане,
Закричали: «Быть бедам!»
И пустились по домам.
Все телеги собирали;
В них, не мешкая, поклали
Всё, что было живота,
И оставили кита.
Утро с полднем повстречалось,
А в селе уж не осталось
Ни одной души живой,
Словно шел Мамай войной!

Тут конек на хвост вбегает,
К перьям близко прилегает
И что мочи есть кричит:
«Чудо-юдо Рыба-кит!
Оттого твои мученья,
Что без божия веленья
Проглотил ты средь морей
Три десятка кораблей.
Если дашь ты им свободу,
Снимет Бог с тебя невзгоду,
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит».
И, окончив речь такую,
Закусил узду стальную,
Понатужился — и вмиг
На далекий берег прыг.

---

¹ *Приказ* — государственное учреждение в Древней Руси.

Чудо-кит зашевелился,
Словно холм поворотился,
Начал море волновать
И из челюстей бросать
Корабли за кораблями
С парусами и гребцами.

Тут поднялся шум такой,
Что проснулся царь морской:
В пушки медные палили,
В трубы кованы трубили;
Белый парус поднялся,
Флаг на мачте развился;
Поп с причетом всем служебным
Пел на палубе молебны;
А гребцов веселый ряд
Грянул песню наподхват:
«Как по моречку по морю,
По широкому раздолью,
Что по самый край земли,
Выбегают корабли...»

Волны моря закрубились,
Корабли из глаз сокрылись.
Чудо-юдо Рыба-кит
Громким голосом кричит,
Рот широкий отворяя,
Плесом волны разбивая:
«Чем вам, други, услужить?
Чем за службу наградить?
Надо ль раковин цветистых?
Надо ль рыбок золотистых?
Надо ль крупных жемчугов?
Всё достать для вас готов!» —
«Нет, кит-рыба, нам в награду
Ничего того не надо, —
Говорит ему Иван. —
Лучше перстень нам достань, —
Перстень, знаешь, Царь-девицы,
Нашей будущей царицы». —
«Ладно, ладно! Для дружка
И сережку из ушка!
Отыщу я до зарницы
Перстень красной Царь-девицы», —

Кит Ивану отвечал
И, как ключ, на дно упал.

Вот он плесом ударяет,
Громким голосом сзывает
Осетриный весь народ
И такую речь ведет:
«Вы достаньте до зарницы
Перстень красной Царь-девицы,
Скрытый в ящичке на дне.
Кто его доставит мне,
Награжу того я чином:
Будет думным дворянином.
Если ж строгий мой приказ
Не исполните... я вас!...»
Осетры тут поклонились
И в порядке удалились.

Через несколько часов
Двое белых осетров
К киту медленно подплыли
И смиренно говорили:
«Царь великий! Не гневись!
Мы все море уж, кажись,
Исходили и изрыли,
Но и знаку не открыли.
Только Ерш один из нас
Совершил бы твой приказ:
Он по всем морям гуляет,
Так уж, верно, перстень знает;
Но его, как бы назло,
Уж куда-то унесло». —
«Отыскать его в минуту
И послать в мою каюту!» —
Кит сердито закричал
И усами закачал.

Осетры тут поклонились,
В земский суд бежать пустились
И велели в тот же час
От кита писать указ,
Чтоб гонцов скорей послали
И Ерша того поймали.
Лещ, услыша сей приказ,
Именной писал указ;

Сом (советником он звался)
Под указом подписался;
Черный рак указ сложил
И печати приложил.
Двух дельфинов тут призвали
И, отдав указ, сказали,
Чтоб, от имени царя,
Обежали все моря
И того Ерша-гуляку,
Крикуна и забияку,
Где бы ни было нашли,
К государю привели.
Тут дельфины поклонились
И Ерша искать пустились.

Ищут час они в морях,
Ищут час они в реках,
Все озера исходили,
Все проливы переплыли,
Не могли Ерша сыскать
И вернулись назад,
Чуть не плача от печали...

Вдруг дельфины услышали,
Где-то в маленьком пруде
Крик неслыханный в воде.
В пруд дельфины завернули
И на дно его нырнули, —
Глядь: в пруде, под камышом,
Ерш дерется с Карасем.
«Смирно! Черти б вас побрали!
Вишь, содом какой подняли,
Словно важные бойцы!» —
Закричали им гонцы.
«Ну, а вам какое дело? —
Ерш кричит дельфинам смело. —
Я шутить ведь не люблю,
Разом всех переколю!» —

«Ох ты, вечная гуляка,
И крикун, и забияка!
Все бы, дрянь, тебе гулять,
Все бы драться да кричать.
Дома — нет ведь, не сидится!..
Ну, да что с тобой рядиться, —

Вот тебе царев указ,
Чтоб ты шлыл к нему тотчас».

Тут проказника дельфины
Подхватили за щетины
И отправились назад.
Ерш ну рваться и кричать:
«Будьте милостивы, братцы!
Дайте чуточку подрасться.
Распроклятый тот Карась
Поносил меня вчера
При честном при всем собранье
Неподобной разной бранью...»
Долго Ерш еще кричал,
Наконец и замолчал;
А проказника дельфины
Все тащили за щетины,
Ничего не говоря,
И явились пред царя.

«Что ты долго не являлся?
Где ты, вражий сын, шатался?» —
Кит со гневом закричал.
На колени Ерш упал,
И, признавшись в преступленье,
Он молился о прощенье.
«Ну, уж бог тебя простит! —
Кит державный говорит, —
Но за то твое прощенье
Ты исполни повеленье». —
«Рад стараться, Чудо-кит!» —
На коленях Ерш пищит.
«Ты по всем морям гуляешь,
Так уже, верно, перстень знаешь
Царь-девицы?» — «Как не знать!
Можем разом отыскать». —
«Так ступай же поскорее
Да сыщи его живее!»

Тут, отдав царю поклон,
Ерш пошел, согнувшись, вон.
С царской дворней побранился,
За плотвой поволочился
И салакушкам шести

Нос разбил он по пути.
Совершив такое дело,
В омут кинулся он смело
И в подводной глубине
Вырыл ящичек на дне —
Пуд по крайней мере во сто.
«О, здесь дело-то не просто!»
И давай из всех морей
Ерш скликать к себе сельдей.

Сельди духом собралися,
Сундучок тащить взялися,
Только слышно и всего —
«У-у-у!» да «О-о-о!»
Но сколь сильно ни кричали,
Животы лишь надорвали,
А проклятый сундучок
Не дался и на вершок.
«Настоящие селедки!
Вам кнута бы вместо водки!» —
Крикнул Ерш со всех сердец
И нырнул по осетров.

Осетры тут приплывают
И без крика поднимают
Крепко ввязнувший в песок
С перстнем красный сундучок.
«Ну, ребяташки, смотрите,
Вы к царю теперь плывите,
Я ж пойду теперь ко дну
Да немножко отдохну:
Что-то сон одолевает,
Так глаза вот и смыкает...»
Осетры к царю плывут,
Ерш-гуляка прямо в пруд
(Из которого дельфины
Утащили за щетины).
Чай, додаться с Карасем, —
Я не ведаю о том.
Но теперь мы с ним простимся
И к Ивану возвратимся.

Тихо море-окиян.
На песке сидит Иван,

Ждет кита из синя моря
И мурлыкает от горя;
Повалившись на песок,
Дремлет верный горбунок.
Время к вечеру клонилося;
Вот уж солнышко спустилось;
Тихим пламенем горя,
Развернулася заря.
А кита не тут-то было.
«Чтоб те, вора, задавило!
Вишь, какой морской шайтан! —
Говорит себе Иван. —
Обещался до зарницы
Вынести перстень Царь-девицы,
А доселе не сыскал,
Окаянный зубоскал!
А уж солнышко-то село,
И... Тут море закипело:
Появился Чудо-кит
И к Ивану говорит:
«За твое благодеянье
Я исполнил обещанье». —
С этим словом сундучок
Брякнул плотно о песок,
Только берег закачался.
«Ну, теперь я расквитался.
Если ж вновь принужусь я,
Позови опять меня;
Твоего благодеянья
Не забыть мне... До свиданья!»
Тут Кит-чудо замолчал
И, всплеснув, на дно упал.

Горбунок-конек проснулся,
Встал на лапки, отряхнулся,
На Иванушку взглянул
И четырежды прыгнул.
«Ай да Кит Китович! Славно!
Долг свой выполнил исправно!
Ну, спасибо, Рыба-кит! —
Горбунок-конек кричит. —
Что ж, хозяин, одевайся,
В путь-дорожку отправляйся;
Три денька ведь уж прошло:

Завтра срочное число.
Чай, старик уж умирает».
Тут Ванюша отвечает:
«Рад бы с радостью поднять;
Да ведь силы не занять!
Сундучишко больно плотен,
Чай, чертей в него пять сотен
Кит проклятый насажал.
Я уж трижды подымал:
Тяжесть страшная такая!»
Тут конек, не отвечая,
Поднял ящичек ногой,
Будто камышек какой,
И взмахнул себе на шею.
«Ну, Иван, садись скорее!
Помни, завтра минет срок,
А обратный путь далек».

Стал четвертый день зориться,
Наш Иван уже в столице.
Царь с крыльца к нему бежит, —
«Что кольцо мое?» — кричит.
Тут Иван с конька слезает
И преважно отвечает:
«Вот тебе и сундучок!
Да вели-ка скликать полк:
Сундучишко мал хоть на́ вид,
Да и дьявола задавит».
Царь тотчас стрельцов позвал
И немедля приказал
Сундучок отнести в светлицу.
Сам пошел по Царь-девицу.
«Перстень твой, душа, найден, —
Сладкогласно молвил он, —
И теперь, примолвить снова,
Нет препятства никакого
Завтра утром, светик мой,
Обвенчаться мне с тобой.
Но не хочешь ли, дружочек,
Свой увидеть перстенечек?
Он в дворце моем лежит».
Царь-девица говорит:
«Знаю, знаю! Но, признаться,
Нам нельзя еще венчаться». —

«Отчего же, светик мой?
Я люблю тебя душой,
Мне, прости ты мою смелость,
Страх жениться захотелось.
Если ж ты... то я умру
Завтра ж с горя поутру.
Сжался, матушка царица!»
Говорит ему девица:
«Но взгляни-ка, ты ведь сед;
Мне пятнадцать только лет:
Как же можно нам венчаться?
Все цари начнут смеяться,
Дед-то, скажут, внуку взял!»
Царь со гневом закричал:
«Пусть-ка только засмеются —
У меня как раз свернутся:
Все их царства полоню!
Весь их род искореню!» —
«Пусть не станут и смеяться,
Все не можно нам венчаться, —
Не растут зимой цветы:
Я красавица, а ты?..
Чем ты можешь похвалиться?» —
Говорит ему девица.
«Я хоть стар, да я удал! —
Царь царице отвечал. —
Как немножко приберуся,
Хоть кому так покажуся
Разудалым молодцом.
Ну, да что нам нужды в том?
Лишь бы только нам жениться».
Говорит ему девица:
«А такая в том нужда,
Что не выйду никогда
За дурного, за седого,
За беззубого такого!»
Царь в затылке почесал
И, нахмурясь, сказал:
«Что ж мне делать-то, царица?
Страх как хочется жениться;
Ты же, ровно на беду:
Не пойду да не пойду!» —
«Не пойду я за седого, —
Царь-девица молвит снова. —

Стань, как прежде, молодец, —
Я тотчас же под венец». —
«Вспомни, матушка царица,
Ведь нельзя переродиться;
Чудо Бог один творит».
Царь-девица говорит:
«Коль себя не пожалеешь,
Ты опять помолодеешь.
Слушай: завтра на заре
На широком на дворе
Должен челядь ты заставить
Три котла больших поставить
И костры под них сложить.
Первый надобно налить
До краев водой студеной,
А второй — водой вареной,
А последний — молоком,
Вскипятя его ключом.
Вот, коль хочешь ты жениться
И красавцем учиниться —
Ты, без платья, налегке,
Искупайся в молоке;
Тут побудь в воде вареной,
А потом еще в студеной.
И скажу тебе, отец,
Будешь знатный молодец!»

Царь не вымолвил ни слова,
Кликнул тотчас стремяннова.
«Что, опять на окиян? —
Говорит царю Иван. —
Нет, уж дудки, ваша милость!
Уж и то во мне все сбилось.
Не поеду ни за что!» —
«Нет, Иванушка, не то,
Завтра я хочу заставить
На дворе котлы поставить
И костры под них сложить.
Первый думаю налить
До краев водой студеной,
А второй — водой вареной,
А последний молоком,
Вскипятя его ключом.
Ты же должен постараться,

Пробы ради, искупаться
В этих трех больших котлах,
В молоке и двух водах». —
«Вишь, откуда подъезжает! —
Речь Иван тут начинает. —
Шпарят только поросят,
Да индюшек, да цыплят;
Я ведь, глянь, не поросенок,
Не индюшка, не цыпленок.
Вот в холодной, так оно
Искупаться бы можно,
А подваривать как станешь,
Так меня и не заманишь.
Полно, царь, хитрить-мудрить
Да Ивана проводить!»
Царь, затрясши бороною:
«Что? Рядиться мне с тобою? —
Закричал он. — Но смотри!
Если ты в рассвет зари
Не исполнишь повеленье, —
Я отдам тебя в мученье,
Прикажу тебя пытать,
По кусочкам разрывать.
Вон отсюда, бóлесть злая!»
Тут Иванушка, рыдая,
Поплелся на сеновал,
Где конек его лежал.

«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? —
Говорит ему конек. —
Чай, наш старый женишок
Снова выкинул затею?»
Пал Иван коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конек! — сказал. —
Царь вконец меня сбывает;
Сам подумай, заставляет
Искупаться мне в котлах,
В молоке и двух водах:
Как в одной воде студеной,
А в другой воде вареной,
Молоко, слышь, кипяток».
Говорит ему конек:
«Вот уж служба, так уж служба!

Тут нужна моя вся дружба.
Как же к слову не сказать:
Лучше б нам пера не брать;
От него-то, от злодея,
Столько бед тебе на шею...
Ну, не плачь же, бог с тобой!
Сладим как-нибудь с бедой.
И скорее сам я сгину,
Чем тебя, Иван, покину.
Слушай, завтра на заре
В те поры, как на дворе
Ты разденешься, как должно,
Ты скажи царю: «Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне послать,
Чтоб в последний с ним проститься».
Царь на это согласится.
Вот как я хвостом махну,
В те котлы мордой макну,
На тебя два раза прысну,
Громким посвистом присвистну,
Ты, смотри же, не зевай:
В молоко сперва ныряй,
Тут в котел с водой вареной,
А отудова в студеный.
А теперича молись
Да спокойно спать ложись.

На другой день, утром рано,
Разбудил конек Ивана:
«Эй, хозяин, полно спать!
Время службу исполнять».
Тут Ванюша почесался,
Потянулся и поднялся,
Помолился на забор
И пошел к царю во двор.

Там котлы уже кипели;
Подле них рядком сидели
Кучера и повара
И служители двора;
Дров усердно прибавляли,
Об Иване толковали
Втихомолку меж собой
И смеялись порой.

Вот и двери растворились,
Царь с царицей появились
И готовились с крыльца
Посмотреть на удалца.
«Ну, Ванюша, раздевайся
И в котлах, брат, искупайся!» —
Царь Ивану закричал.
Тут Иван одежду снял,
Ничего не отвечая.
А царица молодая,
Чтоб не видеть наготу,
Завернулася в фату.
Вот Иван к котлам поднялся,
Глянул в них и зачесался.
«Что же ты, Ванюша, встал? —
Царь опять ему вскричал. —
Исполняй-ка, брат, что должно!»
Говорит Иван: «Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне послать?
Я в последни б с ним простился».
Царь, подумав, согласился
И изволил приказать
Горбунка к нему послать.
Тут слуга конька приводит
И к сторонке сам отходит.

Вот конек хвостом махнул,
В те котлы мордой макнул,
На Ивана дважды прыснул,
Громким посвистом присвистнул,
На конька Иван взглянул
И в котел тотчас нырнул,
Тут в другой, там в третий тоже,
И такой он стал пригожий,
Что ни в сказке не сказать,
Ни пером не написать!
Вот он в платье нарядился,
Царь-девице поклонился,
Осмотрелся, подбодрясь,
С важным видом, словно князь.

«Эко диво! — все кричали. —
Мы и слыхом не слыхали,
Чтобы лезя похорошеть!»

Царь велел себя раздеть,
Два разá перекрестился, —
Бух в котел — и там сварился!

Царь-девица тут встает,
Знак к молчанью подает,
Покрывало поднимает
И к прислужникам вещает:
«Царь велел вам долго жить!
Я хочу царицей быть.
Люба ль я вам? Отвечайте!
Если люба, то признайте
Володетелем всего —
И супруга моего!»
Тут царица замолчала,
На Ивана показала.

«Люба, люба! — все кричат, —
За тебя хоть в самый ад!
Твоего ради талана
Признаем царя Ивана!»

Царь царицу тут берет,
В церковь божию ведет,
И с невестой молодою
Он обходит вокруг налою.

Пушки с крепости палят;
В трубы кованы трубят;
Все подвалы отворяют,
Бочки с фряжским¹ выставляют,
И, напившись, народ
Что есть мочушки дерет:
«Здравствуй, царь наш со царицей!
С распрекрасной Царь-девицей!»

Во дворце же пир горой:
Вина льются там рекой;
За дубовыми столами
Пьют бояре со князьями,
Сердцу любо! Я там был,
Мед, вино и пиво пил;
По усам хоть и бежало,
В рот ни капли не попало.

¹ *Фряжское* — заморское вино.

Константин Дмитриевич Ушинский

1824 — 1871

К. Д. Ушинский — известный педагог. В основе его системы — требование демократизации народного образования, идея народности воспитания. В книги для первоначального классного чтения «Детский мир и хрестоматия» (1861), «Родное слово» (1864) он включил много народных сказок. В своей педагогической системе отводил значительное место фольклору с его колоссальным воспитывающим содержанием.

Писал сказки для детей. Сказки Ушинского, в основном обращенные к маленьким, интересны детям и старшего возраста, и взрослым.

ОРЕЛ И ВОРОНА

Жила-была на Руси ворона, с няньками, с мамками, с малыми детками, с ближними соседками. Прилетели гуси, лебеди, нанесли яиц; а ворона стала их обижать, стала яички у них таскать.

Случилось сычу мимо лететь, и видит он, что ворона птиц обижают, полетел и сказал орлу:

— Батюшка, сизый орел! Дай нам праведный суд на воровку ворону.

Сизый орел послал за вороной легкого посла, воробья. Воробей полетел, захватил ворону; она было упираться, а он давай ее пинками и поволок-таки к орлу.

Вот стал орел ворону судить:

— Ах ты, воровка ворона, глупая голова! Про тебя говорят, что ты на чужое добро рот разеваешь: у больших птиц яйца таскаешь.

— Напраслина, батюшка, сизый орел, напраслина! Это все слепой сыч, старый хрыч, про меня наврал.

— Про тебя сказывают, — говорит орел, — что выйдет мужик сеять, а ты выскочишь со всем своим содомом¹ — и ну разгребать.

— Напраслина, батюшка, сизый орел, напраслина!

— Да еще сказывают: станут бабы снопы класть, а ты

---

¹ Здесь в значении: с шумным семейством.

со всем своим содомом выскочишь — и ну снопы сорошить.

— Напраслина, бабушка, сизый орел, напраслина!
Осудил орел ворону в острог посадить.

ЛИСА И КОЗЕЛ

Бежала лиса, на ворон зазевалась, — попала в колодец. Воды в колодце было немного: утонуть нельзя, да и выскочить тоже. Сидит лиса, горюет. Идет козел, умная голова; идет, бородицей трясет, рожищами мотает; заглянул, от нечего делать, в колодец, увидел там лису и спрашивает:

— Что ты там, лисонька, поделываешь?

— Отдыхаю, голубчик, — отвечает лиса. — Там наверху жарко, так я сюда забралась. Уж как здесь прохладно да хорошо! Водицы холодненькой — сколько хочешь.

А козлу давно пить хочется.

— Хороша ли вода-то? — спрашивает козел.

— Отличная! — отвечает лиса. — Чистая, холодная! Прыгай сюда, коли хочешь; здесь обоим нам место будет.

Прыгнул сдуру козел, чуть лисы не задавил, а она ему:

— Эй, бородатый дурень! И прыгнуть-то не умел — всю обрызгал.

Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вон из колодца.

Чуть было не пропал козел с голоду в колодце; насилу-то его отыскали и за рога вытащили.

ПЕТУХ ДА СОБАКА

Жил старичок со старушкой, и жили они в большой бедности. Всех животных¹ у них только и было, что петух и собака, да и тех они плохо кормили. Вот собака и говорит петуху:

¹ Здесь в значении: домашних животных.

— Давай, брат Петька, уйдем в лес: здесь нам житье плохое.

— Уйдем, — говорит петух, — хуже не будет.

Вот и пошли они куда глаза глядят. Пробродили целый день; стало смеркаться — пора на ночлег приставать. Сошли они с дороги в лес и выбрали большое душлистое дерево. Петух взлетел на сук, собака залезла в дупло и — заснула.

Утром, только что заря стала заниматься, петух и закричал: «Ку-ку-ре-ку!» Услыхала петуха лиса; захотелось ей петушьям мясом полакомиться. Вот она подошла к дереву и стала петуха расхваливать:

— Вот петух так петух! Такой птицы я никогда не видывала: и перышки-то какие красивые, и гребень-то какой красный, и голос-то какой звонкий! Слети ко мне, красавчик.

— А за каким делом? — спрашивает петух.

— Пойдем ко мне в гости: у меня сегодня новоселье, и про тебя много горошку припасено.

— Хорошо, — говорит петух, — только мне одному идти никак нельзя: со мной товарищ.

«Вот какое счастье привалило! — подумала лиса. — Вместо одного петуха будет два».

— Где же твой товарищ? — спрашивает она. — Я и его в гости позову.

— Там, в дупле ночует, — отвечает петух.

Лиса кинулась в дупло, а собака ее за морду — цап!.. Поймала и разорвала лису.

ПЛУТИШКА КОТ

I

Жили-были на одном дворе кот, козел да баран. Жили они дружно: сена клок и тот пополам; а коли вилы в бок, так одному коту Ваське. Он такой вор и разбойник: где что плохо лежит, туда и глядит. Вот идет раз котикомурлышко, серый лобишко; идет да таково жалостно плачет. Спрашивают кота козел да баран:

— Котик-коток, серенький лобок! О чем ты плачешь, на трех ногах скачешь?

Отвечает им Вася:

— Как мне не плакать! Била меня баба, била; уши выдирала, ноги поломала, да еще и удавку на меня припасала.

— А за что же на тебя такая беда пришла? — спрашивают козел да баран.

— Эх-эх! За то, что нечаянно сметанку слизал.

— Поделом вору и мұка, — говорит козел, — не воруи сметаны!

Вот кот опять плачет:

— Била меня баба, била; била — приговаривала: придет ко мне зять, где сметаны будет взять? Поневоле придется козла да барана резать.

Заревели тут козел да баран:

— Ах ты, серый ты кот, бестолковый твой лоб! За что ты нас-то сгубил?

Стали они судить да рядить, как бы им беды великой избыть¹, — и порешили тут же: всем троим бежать. Подстерегли, как хозяйка не затворила ворот, и ушли.

II

Долго бежали кот, козел да баран по долам, по горам, по сыпучим пескам; пристали и порешили заночевать на скошенном лугу; а на том лугу стога, что города, стоят.

Ночь была темная, холодная: где огня добыть? А котик-мурлышка уж достал бересты, обернул козлу рога и велел ему с бараном лбами стукнуться. Стукнулись козел с бараном, искры из глаз посыпались: бересточка так и запылала.

— Ладно, — молвил серый кот, — теперь обогреемся! — да недолго думавши и зажег целый стог сена.

Не успели они еще порядком обогреться, как жалует к ним незваный гость — мужичок-серячок, Михайло Потапыч Топтыгин.

— Пустите, — говорит, — братцы, обогреться да отдохнуть; что-то мне неможется.

— Добро пожаловать, мужичок-серячок! — говорит котик. — Откуда идешь?

— Ходил на пчельник, — говорит медведь, — пчелок проведать, да подрался с мужиками, оттого и хворость прикинулась.

Вот стали они все вместе ночку коротать: козел да

---

¹ Здесь в значении: избежать.

баран у огня, мурлышка на стог влез, а медведь под стог забился.

III

Заснул медведь; козел да баран дремлют; один мурлыка не спит и все видит. И видит он: идут семь волков серых, один белый — и прямо к огню:

— Фу-фу! Что за народ такой! — говорит белый волк козлу да барану. — Давай-ка силу пробовать.

Заблеяли тут со страху козел да баран; а котишка, серый лобишка, повел такую речь:

— Ах ты, белый волк, над волками князь! Не гневи ты нашего старшего: он, помилуй бог, сердит! Как расходуется — никому несдобровать. Аль не видишь у него бороды: в ней-то и вся сила; бородой он всех зверей побивает, рогами только кожу сымает. Лучше подойдите да честью попросите: хотитм-де поиграть с твоим меньшим братцем, что под стогом спит.

Волки на том козлу кланялись; обступили Мишу и ну заигрывать. Вот Миша крепился-крепился, да как хватит на каждую лапу по волку, так запели они Лазаря¹. Выбрались волки из-под стога еле живы и, поджав хвосты, — давай бог ноги!

Козел же да баран, пока медведь с волками расправлялся, подхватили мурлышку на спину и поскорее домой: «Полно, говорят, без пуги таскаться, еще не такую беду наживем».

Старик и старушка были рады-радехоньки, что козел с бараном домой воротились; а котишку-мурлышку еще за плутни выдрали.

СЛЕПАЯ ЛОШАДЬ

Давно, очень уже давно, когда не только нас, но и наших дедов и прадедов не было еще на свете, стоял на морском берегу богатый и торговый славянский город Винета; а в этом городе жил богатый купец Уседом, ко-

¹ Здесь в значении: жаловаться на свою судьбу.

рабли которого, нагруженные дорогими товарами, плавали по далеким морям.

Уседом был очень богат и жил роскошно; может быть, и самое прозвание Уседома, или Вседома, получил он оттого, что в его доме было решительно все, что только можно было найти хорошего и дорогого в то время; а сам хозяин, его хозяйка и дети ели только на золоте и серебре, ходили только в соболях да в парче.

В конюшнях Уседома было много отличных лошадей; но ни в Уседомовой конюшне, ни во всей Винете не было коня быстрее и красивее Догони-Ветра — так прозвал Уседом свою любимую верховую лошадь за быстроту ее ног. Никто не смел садиться на Догони-Ветра, кроме самого хозяина, и хозяин никогда не ездил верхом ни на какой другой лошади.

Случилось купцу в одну из своих поездок по торговым делам, возвращаясь в Винету, проезжать на своем любимом коне через большой и темный лес. Дело было под вечер, лес был страшно темен и густ, ветер качал верхушки угрюмых сосен; купец ехал один-одинешенек и шагом, сберегая своего любимого коня, который устал от дальней поездки.

Вдруг из-за кустов, будто из-под земли, выскочило шестеро плечистых молодцов со зверскими лицами, в мохнатых шапках, с рогатинами, топорами и ножами в руках; трое были на лошадях, трое пешком, и два разбойника уже схватили было лошадь купца за узду.

Не видать бы богатому Уседому своей родимой Винеты, если бы под ним был другой конь, а не Догони-Ветер. Почуяв на узде чужую руку, конь рванулся вперед, своей широкой, сильной грудью опрокинул на землю двух дерзких злодеев, державших его за узду, смял под ногами третьего, который, махая рогатиной, забежал вперед и хотел было преградить ему дорогу, и помчался, как вихрь.

Конные разбойники пустились вдогонку; лошади у них были тоже добрые, но куда же им догнать Уседомова коня!

Догони-Ветер, несмотря на свою усталость, чуя погоню, мчался, как стрела, пущенная из туго натянутого лука, и далеко оставил за собой разъяренных злодеев.

Через полчаса Уседом уже въезжал в родимую Винету на своем добром коне, с которого пена ключьями валилась на землю.

Слезая с лошади, бока которой от усталости подымались высоко, купец тут же, трепля Догони-Ветра по взмыленной шее, торжественно обещал: что бы с ним ни случилось, никогда не продавать и не дарить никому своего верного коня, не прогонять его, как бы он ни состарился, и ежедневно, до самой смерти, отпускать коню по три меры лучшего овса.

Но, поторопившись к жене и детям, Уседом не посмотрел сам за лошадью, а ленивый работник не выходил измученного коня как следует, не дал ему совершенно остыть и напоил раньше времени.

С тех самых пор Догони-Ветер и начал хворать, хилеть, ослабел на ноги и, наконец, ослеп.

Купец очень горевал и с полгода верно соблюдал свое обещание: слепой конь стоял по-прежнему на конюшне, и ему ежедневно отпускалось по три меры овса.

Уседом потом купил себе другую верховую лошадь, и через полгода ему показалось слишком нерасчетливо давать слепой, никуда не годной лошади по три меры овса, и он велел отпускать две. Еще прошло полгода; слепой конь был еще молод, приходилось его кормить долго, и ему стали отпускать по одной мере. Наконец и это показалось купцу тяжело, и он велел снять с Догони-Ветра узду и выгнать его за ворота, чтобы не занимал напрасно места в конюшне.

Слепому коню работники выпроводили со двора палкой, так как он упирался и не шел.

Бедный слепой Догони-Ветер, не понимая, что с ним делают, не зная и не видя, куда идти, остался стоять за воротами, опустивши голову и печально шевеля ушами. Наступила ночь, пошел снег, спать на камнях было жестко и холодно для бедной слепой лошади. Несколько часов простояла она на одном месте; но, наконец, голод заставил ее искать пищи. Поднявши голову, нюхая в воздухе, не попадется ли где-нибудь клоч соломы со старой, осунувшейся крыши, брела наудачу слепая лошадь и натыкалась беспрестанно то на угол дома, то на забор.

Надобно вам знать, что в Винете, как и во всех старинных славянских городах, не было князя, а жители города управлялись сами собою, собираясь на площадь, когда нужно было решать какие-нибудь важные дела. Такое собрание народа для решения его собственных дел, для суда и расправы, называлось вече. Посреди Винеты, на площади, где собиралось вече, висел на четырех стол-

бах большой вечевой колокол, по звону которого соби-
рался народ и в который мог звонить каждый, кто считал
себя обиженным, и требовать от народа суда и защиты.

Никто, конечно, не смел звонить в вечевой колокол
по пустякам, зная, что за это от народа сильно доста-
нется.

Бродя по площади, слепая, глухая и голодная лошадь
случайно набрела на столбы, на которых висел колокол,
и, думая, может быть, вытащить из стрехи пучок соло-
мы, схватила зубами за веревку, привязанную к языку
колокола, и стала дергать; колокол зазвонил так сильно,
что народ, несмотря на то, что было еще рано, толпами
стал сбегаться на площадь, желая знать, кто так громко
требует его суда и защиты.

Все в Винете знали Догони-Ветра, знали, что он спас
жизнь своему хозяину, знали обещание хозяина — и уди-
вились, увидя посреди площади бедного коня, слепого,
голодного, дрожащего от стужи, покрытого снегом.

Скоро объяснилось, в чем дело, и когда народ узнал,
что богатый Уседом выгнал из дому слепую лошадь,
спасшую ему жизнь, то единодушно решил, что Дого-
ни-Ветер имел полное право звонить в вечевой колокол.

Потребовали на площадь неблагодарного купца; не-
смотря на его оправдания, приказали ему содержать ло-
шадь по-прежнему и кормить ее до самой ее смерти.
Особый человек приставлен был смотреть за исполне-
нием приговора, а самый приговор был вырезан на кам-
не, поставленном в память этого события на вечевой
площади...

Михаил Ларионович Михайлов

1829 — 1865

М. Л. Михайлов — поэт, прозаик, переводчик, публицист, знаток и собиратель народного творчества.

О рассказе Михайлова «Кружевница» Л.Толстой записал: «Очень хороша, особенно по чистоте русского языка». Нежный мир детства нарисован Михайловым в автобиографической повести «Святки», рассказе «Уленька» и других произведениях.

Сказки Михайлова появлялись в конце 1850-х годов в детских журналах «Подснежник» и «Народное чтение».

ЛЕСНЫЕ ХОРОМЫ

Шел лесом прохожий да обронил кузовок. Обронил и не хватился, и остался кузовок у дороги.

Летела муха, увидала, думает: «Дай загляну, нет ли чего съестного». А в крышке как раз такая дырка, что большой мухе пролезть.

Влезла она, съестного не нашла: кузовок пустой, только на дне хлебных крошек немного осталось. «Зато хоромы хороши! — подумала муха. — Стану в них жить. Здесь меня ни одна птица не склюет, ни дождик не замочит».

И стала тут муха жить. Живет день, живет другой. И вылетать не надо: крошек еще всех не переела.

Прилетает комар, сел у дырки, спрашивает:

— Кто в хоробах? Кто в высоких?

— Я, муха-громотуха, а ты кто?

— А я комар-пискун. Пусти в гости!

— Что в гости! Пожалуй, хоть живи тут.

Не успел комар пробраться в кузов, а уж у дверей оса сидит:

— Кто в хоробах?

Те отвечают:

— Двое нас: муха-громотуха да комар-пискун, а ты кто?

— А я оса-пеструха. Будет мне место?

— Место-то будет, да как в дверь пройдешь?

— Мне только крылышки сложить: а я не толста, везде пройду.

— Ну, добро пожаловать!

Она — в кузов, а у двери уж опять спрашивают:

— Кто в хоромах? Кто в высоких?

— Муха-громотуха, да комар-пискун, да оса-пеструха, а ты кто?

— А я слепень-жигун.

— Зачем?

— Да к вам побывать.

— Милости просим! Да пролезешь ли?

— Как не пролезть! Только немножко бока подтяну.

Полез и слепень в кузовок.

Пошли у них разговоры.

Муха говорит:

— Я муха не простая, а большая. Порода наша важная, ведет род исстари. Везде нам вход открытый. В любой дворец прилетай — обед готов. Чего только я не ела! Где только я не была! Не знаю, есть ли кто знатнее меня!

— Кажется и мы не из простых! — говорит оса. — Уж не передо мною бы хвастаться! Я всем взяла: и красотой, и голосом, и нарядиться, и спеть мастерица. Все цветы меня в гости зовут, поят-кормят. Не знаю, есть ли кто на свете наряднее да голосистее! Посмотрела бы я!

— А меня не пережужишь, — сказал слепень.

— Да у тебя приятности в голосе нет. У меня голос тонкий, — говорит оса.

— А у меня тоньше и звонче! — пискнул комар.

И пошли они перекоряться.

Только слышат, опять кто-то у дверки возится.

— Кто там? — спрашивают.

Никто не отзывается.

— Кто у терема? Кто у высокого?

Опять ответа нет.

— Кто нас тут беспокоит? Мы здесь не сброд какой-нибудь, а муха-громотуха, да комар-пискун, да оса-пеструха, да слепень-жигун.

Сверху не отвечают.

— Надо бы взлететь да посмотреть! — крикнули все в один голос.

— Я первая не полечу, я всех знатнее, — говорит муха.

— Я первый не полечу, я всех голосистее, — говорит комар.

— Я первая не полечу, я всех наряднее, — говорит оса.

— Я первый не полечу, я всех сильнее, — говорит слепень.

И пошел у них спор: никто лететь смотреть не хочет. Вдруг в хоромах стало будто темнее.

— Что это за невежа нам свет заслоняет? — крикнули все.

— Да ведь это, никак, паук свою сеть заплел, — сказал комар.

— Ах, и в самом деле! — загудели все. — Как нам быть? Что делать? Надо поскорее выбираться! Покамест еще сеть не крепка, прорвемся.

— Мне первой, — кричит муха, — я всех знатнее!

— Мне первой, — жужжит оса, — я всех наряднее!

— Мне первому, — пищит комар, — я всех голосистее!

— Мне первому, — кричит слепень, — я всех сильнее!

И пошел у них опять спор. Чуть до драки не доходило.

Покуда они спорили и вздорили, паук плел да плел свою паутину. А как согласились, кому за кем лететь, все в ней и засели.

ДВА МОРОЗА

Гуляли по чистому полю два Мороза, два родных брата, с ноги на ногу поскакали, рукой об руку поколачивали.

Говорит один Мороз другому:

— Братец Мороз — Багровый нос! Как бы нам позабавиться — людей поморозить?

Отвечает ему другой:

— Братец Мороз — Синий нос! Коль людей морозить — не по чистому нам полю гулять. Поле все снегом занесло, все проезжие дороги замело: никто не пройдет, не проедет. Побежим-ка лучше к чистому бору! Там хоть и меньше простору, да зато забавы будет больше. Все нет-нет да кто-нибудь и встретится на дороге.

Сказано — сделано. Побежали два Мороза, два родных брата, в чистый бор. Бегут, дорогой тешатся: с ноги на ногу попрыгивают, по елкам, по сосенкам пощелкивают. Старый ельник трещит, молодой сосняк поскрипывает. По рыхлому ль снегу пробегут — кора ледяная; былинка ль из-под снега выглядывает, — дунут, словно бисером ее всю унижут.

Послышали они с одной стороны колокольчик, а с

другой бубенчик: с колокольчиком барин едет, с бубенчиком — мужичок.

Стали Морозы судить да рядить, кому за кем бежать, кому кого морозить.

Мороз — Синий нос, как был помоложе, говорит:

— Мне бы лучше за мужичком погнаться. Его скорей дойму: полушубок старый, заплатанный, шапка вся в дырках, на ногах кроме лаптишек, — ничего. Он же, никак, дрова рубить едет. А уж ты, братец, как посильней меня, за барином беги. Видишь, на нем шуба медвежья, шапка лисья, сапоги волчьи. Где уж мне с ним! Не совладаю.

Мороз — Багровый нос только подсмеивается.

— Молод еще ты, — говорит, — братец!.. Ну, да уж быть по-твоему. Беги за мужичком, а я побегу за барином. Как сойдемся под вечер, узнаем, кому была легка работа, кому тяжела. Прощай покамест!

— Прощай, братец!

Свистнули, щелкнули, побежали.

Только солнышко закатилось, сошлись они опять на чистом поле. Спрашивают друг друга — что?

— То-то я думаю, намаялся ты, братец, с барином-то, — говорит младший, — а толку, глядишь, не вышло никакого. Где его было пронять!

Старший посмеивается себе.

— Эх, — говорит, — братец Мороз — Синий нос, молод ты и прост! Я его так уважил, что он час будет греться — не отогреется.

— А как же шуба-то, шапка-то да сапоги-то?

— Не помогли. Забрался я к нему и в шубу, и в шапку, и в сапоги, да как начал знобить! Он-то ежится, он-то жметя да кутается; думает: дай-ка я ни одним суставом не шевельнусь, авось меня тут мороз не одолеет. Ан не тут-то было! Мне-то это и с руки. Как принялся я за него — чуть живого в городе из повозки выпустил! Ну, а ты что со своим мужичком сделал?

— Эй, братец Мороз — Багровый нос! Плохую ты со мной шутку шутил, что вовремя не образумил. Думал — заморожу мужика, а вышло — он же отломал мне бока.

— Как так?

— Да вот как. Ехал он, сам ты видел, дрова рубить. Дорогой начал было я его пронимать, только он все не робеет — еще ругается: такой, говорит, сякөй этот мороз. Совсем даже обидно стало; принялся я его пуще щипать

да колотить. Только ненадолго была мне эта забава. Приехал он на место, вылез из саней, принялся за топор. Я-то думаю: тут мне сломить его. Забрался к нему под полушубок, давай его язвить. А он-то топором машет, только щепки кругом летят. Стал пот его прошибать. Вижу: плохо — не усидеть мне под полушубком. Под конец инда пар от него повалил. Я прочь скорее. Думаю: как быть? А мужик все работает да работает. Чем бы зябнуть, а ему жарко стало. Гляжу: скидает с себя полушубок. Обрадовался я. «Погоди же, говорю, вот я тебе покажу себя!» Полушубок весь мокрехенек. Я в него забрался, заморозил так, что стал он лубок лубком. Надевай-ка теперь, попробуй! Как покончил мужик свое дело да подошел к полушубку, у меня и сердце взыграло: то-то потешусь! Посмотрел мужик и принялся меня ругать — все слова перебрал, что нет и хуже. «Ругайся, — думаю я себе, — ругайся! А меня все не выживешь!» Так он бранью не удовольствовался — выбрал полено подлиннее да посучковатее, да как примется по полушубку бить! По полушубку бьет, а меня все ругает. Мне бы бежать поскорее, да уж больно я в шерсти-то завяз — выбраться не могу. А он-то колотит, он-то колотит! Насилу я ушел. Думал, костей не соберу. До сих пор бока ноют. Закалялся я мужиков морозить.

— То-то!

Иван Сергеевич Тургенев

1818 — 1883

Из воспоминаний Я. П. Полонского¹

В мое отсутствие Тургенев продолжал рассказывать детям моим свои послеобеденные сказочки, которые он, так сказать, импровизировал. Первая сказка, при мне им придуманная, не займет и страницы печатной, так она была мала и так похожа на одно из его стихотворений в прозе. Вот она:

КАПЛЯ ЖИЗНИ

У одного бедного мальчика заболели отец и мать; мальчик не знал, чем им помочь, и сокрушался.

Однажды кто-то и говорит ему: есть одна пещера, и в этой пещере ежегодно в известный день на своде появляется капля, капля чудодейственной живой воды, и кто эту каплю проглотит, тот может исцелять не только недуги телесные, но и душевные немощи.

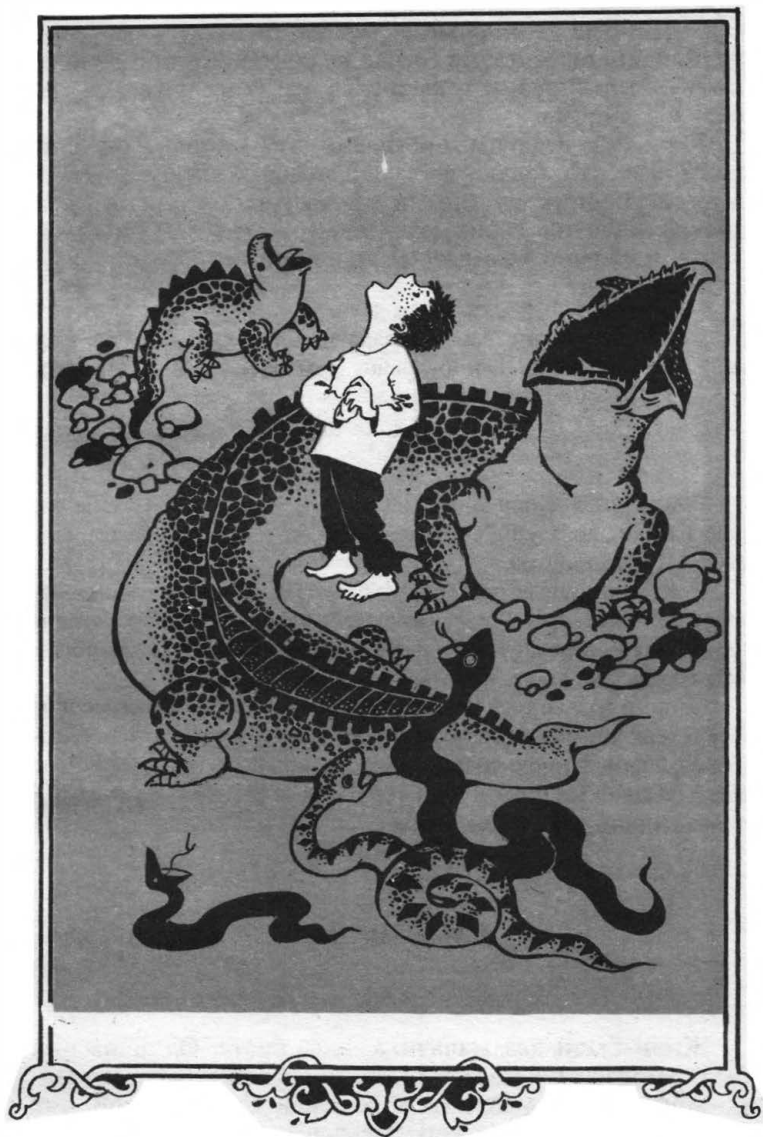
Скоро ли, долго ли, неизвестно, только мальчик отыскал эту пещеру и проник в нее. Она была каменная, с каменным растрескавшимся сводом.

Оглядевшись, он пришел в ужас — вокруг себя увидел он множество гадов самого разнообразного вида, с злыми глазами, страшных и отвратительных. Но делать было нечего, он стал ждать. Долго ждал он. Наконец видит: на своде появилось что-то мокрое, что-то вроде блестящей слизи, и вот понемногу стала наворачиваться капля, чистая, как слеза, и прозрачная. Казалось, вот-вот она набухнет и упадет. Но едва только появилась капля, как уже все гады потянулись к ней и раскрыли свои пасти. Но капля, готовая капнуть, опять ушла.

Нечего делать, надо было опять ждать, ждать и ждать.

И вдруг снова увидел он, что мимо него, чуть не касаясь щек его, потянулись кверху змеи, и гады разинули пасть свою. На мальчика нашел страх — вот-вот,

¹ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Переписка И. С. Тургенева с Поллиной Влардо и ее семьей // М.: Изд-во «Правда», 1988. С. 377 — 385.

он думал, все эти твари бросятся на меня, вонзят в меня свои жала и задуют меня; но он справился с своим ужасом, тоже потянулся кверху, и — о чудо! Капля живой воды капнула ему прямо в раскрытый рот. Гады зашипели, подняли свист, но тотчас же посторонились от него, как от счастливецца, и только злые глаза их поглядели на него с завистью.

Мальчик недаром проглотил эту каплю — он стал знать все, что только доступно человеческому пониманию, он проник в тайны человеческого организма и не только излечил своих родителей, — стал могуществен, богат, и слава о нем далеко прошла по свету.

— И только-то? — спросили дети.

— А чего же еще вам? — возразил Тургенев. — Ну, на этот раз с вас довольно. Завтра начну вам рассказывать длинную сказку, только дайте подумать.

***

Дня через два или три началась новая сказка... что еще раз доказывало, до какой степени фантазия Тургенева была еще свежа и неистощима.

Сказка эта после понюшки табаку (Иван Сергеевич не расставался с табакеркой) рассказывалась как бы по главам: сегодня одна глава, завтра другая и в разное время — иногда после обеда, когда подавали кофе, иногда вечером.

Напишу только то, что я слышал своими ушами и, разумеется, без всяких промежутков по времени. Замечу только, что последняя слышанная мною сцена уже рассказывалась при графе Льве Николаевиче Толстом и очень его смешила. Вот эта сказка в сокращенном виде и без конца.

САМОЗНАЙКА

I

Жили-были два мальчика — два брата. Один из них был самоуверен и нерассудителен, другой — рассудительно-мнителен. Первого из них звали Самознайкой, так как он ни над чем не задумывался и постоянно восклицал: «О! это я знаю... это я знаю!» Другого мы будем называть просто — Рассудительный. Это же были не на-

стоящие их имена, а прозвища. В окрестностях, где жили мальчики, был старый, густой и заброшенный сад, и сказали им, что в этом саду есть пещера и что тот, кто найдет ее и проникнет, получит клад; но, чтоб войти в нее, надо произнести два слова и чтоб каждое слово состояло из трех слогов.

Самознайка и говорит брату: «Пещера?! Какая пещера?! О, я знаю, я ее видел, я сейчас же пойду и найду ее».

Пошел. Долго искал, страшно устал и ничего не нашел.

Рассудительный, напротив, стал мало-помалу спрашивать старых людей, и один дряхлый, очень дряхлый садовник указал ему спрятанную в зелени голубую дверку.

— Вот тут пещера, — сказал он.

— Ну, так и есть, я знал, что голубая дверка, — заметил Самознайка, когда брат рассказал ему о своем открытии. — Я это знал, я мимо нее проходил... и тотчас же пойду, скажу два слова и войду в нее.

Побежал, наговорил кучу трехсложных по паре слов; но дверка не отворилась.

Вслед за ним пошел Рассудительный и сказал: пещера, от-во-рись!

И она отворилась. И вошел он в сумрачный грот и видит: в гроте сидит зеленая женщина или фея. Очень удивился.

Зеленая фея приняла его недружелюбно; он ясно видел, что она на него зла и что ей досадно.

— Ну, хорошо, — сказала она, — я отдам тебе клад, только с уговором — возьми съешь это зеленое яблоко, я хочу тебя им угостить.

Рассудительный подумал, подумал и не взял этого яблока. «Ведь она, — рассуждал он, — меня приняла недружелюбно, из каких же благ она станет угощать меня?»

— Нет, — сказал он, — я лучше приду в другое время. — Не взял у нее яблока и ушел. Рассказал об этом брату.

— Ах, какой же ты, как тебе не стыдно! — стал стыдить его брат. — Феи всегда угощают яблоками, я это слышал... я это знаю...

И тотчас побежал в пещеру.

— Пещера, отворись!

Пещера отворилась. Самознайка смело вошел и, увидевши зеленую женщину, тотчас же взял яблоко и стал

есть его. Съел и вдруг чувствует, что формы его меняются, что он все делается меньше, меньше и меньше...
Фея превратила его в ящерицу.

II

Рассудительный долго ждал брата и не дождался. Он знал, что брат побежал в пещеру, и пошел искать его.

— Где мой брат? — спрашивает он зеленую женщину.

— Не знаю, — отвечает ему зеленая женщина.

Он поглядел ей в глаза и усомнился.

— Ну, я до тех пор не выйду, пока ты мне не скажешь, где мой брат.

Зеленая женщина знала, что если человеческое существо в ее гроте пробудет с ней два часа, она пропала — она должна будет уступить все свои сокровища и исчезнуть. Но до двух часов еще оставалось немало времени, и она упрямылась.

Вдруг видит Рассудительный, что одна из ящериц побегает к нему, поднимает свою головку, глядит ему в глаза, прижимает к себе свои передние лапки и даже, показалось ему, старается перекреститься...

«Уж не это ли мой брат!» — подумал Рассудительный.

— Не уйду, — сказал он решительно, — пока не увижу брата.

Время шло. Делать было нечего, фея произнесла какие-то кабалистические слова и дотронулась до ящерицы своим жезлом.

И вдруг эта ящерица стала пухнуть, пухнуть, расти, расти... вдруг шкурка ее лопнула, и выскочил из нее Самознайка.

— Вот и я! — воскликнул он, как ни в чем не бывало.

Зеленая же фея, чтоб как-нибудь избавиться от посещений их, предложила Рассудительному взять у ней на довольно большую сумму золота и серебра, с тем только, чтоб он уже больше не посещал ее.

Рассудительный не был жаден — взял деньги и поделился с братом.

Получив деньги, Самознайка тотчас же отправился путешествовать.

Где-то на дороге заехал он в гостиницу, велел подать себе самый дорогой обед и — главное — устриц, о которых он слышал как о лакомом блюде и о котором не имел никакого понятия.

— Прикажете вскрыть? — спрашивает его слуга.

— Вскрыть! какой вздор! Подайте мне их в целости: я не желаю, чтоб их вскрывали.

Ему приносят устрицы в раковинах. Он начинает их грызть и никак не может. Все смеются.

— Тьфу! Какие старые устрицы вы мне подали! — говорит Самознайка.

И уезжает, сопровождаемый хохотом всей трактирной прислуги.

Долго ли, коротко ли путешествовал наш Самознайка — неизвестно; известно только, что он порастранжирил все свои деньги и наконец заехал в какое-то очень далекое и очень своеобразное государство. Тут узнал он, что царь хочет в саду своем построить павильон и выбирает для этого самых лучших архитекторов.

Самознайка тоже является к царю и уверяет его, что строить он умеет так, как никто, и что выстроит он ему не павильон, а чудо.

Царь, пораженный его молодостью, поручает ему постройку.

Строит, строит Самознайка и удивляет всех архитекторов — все у него валится, а крыша покрывается картонной бумагой.

Наконец архитекторы докладывают царю, что Самознайка не только взялся не за свое дело, но не знает даже таблицы умножения.

Повели Самознайку на допрос. После допроса Самознайка сказал царю, что он все знает, но что в государстве совсем не та арифметика и что там, у него, в его отечестве, считают совершенно иначе.

Оставили его достраивать павильон.

Пришел сам царь и видит, что павильон оклеен бумагой и покрыт картоном. Царь так рассердился, что Самознайка осмелился обмануть его, что тотчас же велел его засадить в тюрьму.

(NB. Здесь небольшой пропуск о том, как Рассудительный, узнавши, что брат его в тюрьме, решается ехать и во что бы то ни стало спасти его. Как он подкупает стражу и уговаривается с Самознайкой бежать из города. Все им удается как нельзя лучше, но Самознайка уверяет брата, что он очень хорошо знает, какой дан караулам пароль и лозунг, и так замирается на заставе при выходе из города, что его ловят, опять сажают в тюрьму, по приказанию царя судят и присуждают к спринцовочной казни,

изобретенной только в этом государстве и всегда совершаемой в присутствии всего двора).

III

Давно уже Самознайка слышал об этой спринцовочной казни, и так как не раз видал в аптеках разные спринцовки, — думал, что эта казнь больше ничего, как потеха.

«Ну, думает, что за беда, что будут в меня брызгать... Все это пустяки, все вздор — эта казнь!»

И очень храбрился в своем заточении.

Наступил наконец и день самой казни. За ним пришли. Самознайка вдруг испугался — стал плакать и рваться.

Но как он ни плакал, как ни вырывался из рук, привели его в огромную залу, наполненную высшими представителями правосудия и придворными.

Царь сидел и смотрел на приготовления.

Самознайку раздели и посадили на возвышении, спиной к открытому окну.

Против скамьи, куда посадили Самознайку, стояла колоссальная спринцовка, поршень которой натягивался посредством особенного механизма с пружинами.

Спринцовку эту одним передним концом погрузили в огромный чан и поршнем стали натягивать воду. Наконец поршень вытянули, закрепили и трубку стали нацеливать на Самознайку, который был бледен как смерть и весь дрожал от страха.

— Пуцай! — крикнул царь.

И вдруг из спринцовки, с шумом, точно выстрел, вылетела широкая струя холодной воды. Струя эта была так сильна, что Самознайка не мог удержаться и, подхваченный силой воды, вылетел вместе с нею в открытое настежь окошко.

IV

За окошком был царский фруктовый сад, где было множество вишен. Вишни эти были только что собраны, лежали на земле в виде громадных куч.

К счастью для Самознайки, он, вылетев из окошка, упал и ткнулся именно в одну из этих вишневых куч и тотчас же весь зарылся в ягодах.

Царь немедленно приказал во что бы то ни стало, живого или мертвого, отыскать его. Но сколько ни искали его в саду, никто нигде не мог отыскать его.

Царь очень рассердился, топнул ногой и объявил, что он всех судей, всех сторожей и даже жен и дочерей их подвергнет точно такой же спринцовочной казни.

Но все поиски оказались тщетными. Придворные трепетали за участь своих родных и знакомых.

В это время в городе оказался Рассудительный. Следя за участью брата и узнавши от придворных, что брат его пропал, точно улетел, что он, вероятно, какой-нибудь колдун и что беда, большая беда всем, если не найдут его.

Рассудительный подумал и отправился к царю.

— Так и так, — говорит, — позвольте мне отыскать Самознайку — может быть, я и найду его.

— Хорошо, — говорит царь, — ступай, ищи, и беда твоя, если ты мне не найдешь его.

Рассудительный взял с собой кое-кого из прислужников, пошел осматривать сад и подошел к тому окошку, из которого вылетел несчастный брат его.

— Брат, где ты? откликнись! — кричит Рассудительный.

Молчание.

— Самознайка! где ты?.. подай голос!

Ни гугу.

Самознайка, наевшись вишен, сидел в своей куче и не подавал голоса.

«Хорошо же!» — подумал Рассудительный и завел разговор с своими провожатыми.

— А что, братцы, — спросил он, — знаете вы, сколько частей света?

Те подумали и отозвались незнанием.

— А я знаю! — пропищал чей-то голос из вишневой кучи. Самознайка не вытерпел, чтоб не показать своего знания, и выдал себя. Его тотчас же и нашли, выгнали из кучи, всего выпачканного в вишневом соку, с сизыми губами и полным животиком.

Рассудительный не дал Самознайке ни вымыться, ни оправиться и, не без умысла, в таком виде повел его к царю, — он знал, что царь расхохочется. И действительно, царь расхохотался и уже готов был Самознайку простить и пустить на все четыре стороны.

— Ха, ха, ха! — хохотал он. — Хорош ты, кли-

стирный архитектор!.. Ну, а разве ты знаешь, сколько частей света?

— Знаю-с, — смело и весело отвечал Самознайка.

— Ну, сколько же, по-твоему?

— Шесть, — отвечал Самознайка, — Европа, Азия, Африка, Америка и Австралия.

— Тут только пять, какая же шестая?

Самознайка задумался. «Надо же что-нибудь отвечать, — подумал он. — Но какая же шестая?»

— Какая шестая?! — сказал он не без некоторой наглости, — а шестая часть света это — География.

— Не слыхал я о такой части света, — сказал царь, — а если есть такая часть света, то я дам тебе солдат в провожатые, велю держать тебя на цепи, чтоб ты не убежал; а ты садись верхом и поезжай в эту Географию, покажи им шестую часть света и привези мне оттуда фруктов — я хочу знать, какие фрукты растут в Географии.

Неудержимый смех всех присутствующих сопровождал этот рассказ — и если он оказался вовсе не смешон под пером моим, — значит, я не могу так забавно рассказывать, как Тургенев.

В числе слушателей этого отрывка был на этот раз и граф Лев Николаевич Толстой — он также смеялся.

Что случилось далее с героем рассказа — Самознайкой, я не знаю. Приезд желанных гостей сделал то, что Тургеневу некогда было продолжать рассказ свой, а когда стал он продолжать его, меня уже не было: я был в Петербуге.

Правда, дети мои, вернувшись из Спасского, старались передать мне конец этой сказки, но мне показалось, что все то, что они припомнили, не стоит записывать: выходила какая-то путаная и очень сложная история.

Замечу только, что отношения Тургенева к детям были самые нежно-заботливые, отеческие. Не раз он экзаменовал их и не раз приводил им в пример бедных крестьянских мальчиков, если замечал в них какой-нибудь каприз, недовольство или нетерпение. Самые сказки о «Живой капле» и «Самознайке» в устах его имели педагогическую цель; он рассказывал их не просто ради приятного препровождения времени, и, смею думать, сказки эти оставляли кое-какие следы в уме детей; по крайней мере, старший сын мой далеко уже не так часто говорил, что он знает то или это, — до того прозвище Самознайки показалось ему обидным.

Что касается до того, были ли эти рассказы вполне ориги-

нальными или Тургенев их откуда-нибудь заимствовал — не знаю. Велика была начитанность Тургенева, велика была его память, и не мне решать этот вопрос.

Дети вообще любили Тургенева и обращались с ним иногда без всякой церемонии, готовы были теревить его и за нос, и за бороду, и всегда он им что-нибудь рассказывал.

Так однажды лежал он на диване <...>, уже обитом новой материей и помещенном против выходной двери на террасу, под портретом Николая Сергеевича Тургенева, — на диване, который назвал он самосоном. Тургенев любил на нем дремать, уверяя, что диван этот клонит его ко сну всякий раз, когда он на него приляжет, а потому он и есть самосон.

Итак, однажды дети не давали ему дремать, а он рассказывал им, какой чудесный он видел сон.

— Какой же сон? рассказывайте, какой сон?

— А будто бы я лежу на большущей перине, а вы и много, много детей держат эту перину за края и тихонько ее приподнимают и покачивают. И так мне приятно, я лежу точно на облаке и покачиваюсь, и будто бы все вы должны меня слушаться, а кто не слушается, тому я тотчас же отрубая голову...

— Неправда, неправда!.. Это вы должны нас слушаться! Ишь вы какой!

И подобные восклицания, сопровождаемые смехом, заметно радуют добрейшего из людей — Ивана Сергеевича...

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

1826 — 1889

Бессмертный Щедринский цикл сказок, начатый в 1869 году, окончательно складывается в 80-е годы. Сказки явились своеобразным итогом творческих исканий писателя. С фольклором они связаны не только наличием определенных устно-поэтических деталей и образов. В них проявилось народное миропонимание, выраженное в авторских представлениях о добре и зле, нищете и богатстве, правом и неправом суде, неминуемом торжестве разума и справедливости.

В сказках Салтыкова-Щедрина — надежда на молодого читателя с «незахлопнутой» душой, неистребленной совестью. Жизнь лишается смысла, если этот юный читатель не заявляет о себе: «Умру за правду, а уж неправде не покорюсь!» Широко известны сказки «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», «Пропала совесть», «Дикий помещик», «Карась-идеалист», «Самоотверженный заяц», «Добродетели и пороки», «Обманщик газетчик и легковёрный читатель», «Орел-меценат», «Рождественская сказка», «Премудрый пескарь» и другие.

ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ОДИН МУЖИК ДВУХ ГЕНЕРАЛОВ ПРОКОРМИЛ

Жили да были два генерала, и так как оба были легкомысленны, то в скором времени, по щучьему велению, по моему хотению, очутились на необитаемом острове.

Служили генералы всю жизнь в какой-то регистратуре; там родились, воспитались и состарились, следовательно ничего не понимали. Даже слов никаких не знали, кроме: «Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности».

Упразднили регистратуру и выпустили генералов на волю. Оставшись за штатом¹, поселились они в Петербурге, в Подъяческой улице, на разных квартирах; имели каждый свою кухарку и получали пенсию. Только вдруг очутились на необитаемом острове, проснулись и видят: оба под одним одеялом лежат. Разумеется, сначала ни-

¹ За штатом — здесь: в отставке.

чего не поняли и стали разговаривать, как будто ничего с ними и не случилось.

— Станный, ваше превосходительство, мне нынче сон снился, — сказал один генерал: — вижу, будто живу я на необитаемом острове...

Сказал это, да вдруг как вскочит! Вскочил и другой генерал.

— Господи! да что ж это такое! Где мы? — вскрикнули оба не своим голосом.

И стали друг друга спрашивать, точно ли не во сне, а наяву с ними случилась такая оказия. Однако, как ни старались уверить себя, что все это не больше, как сновидение, — пришлось убедиться в печальной действительности.

Перед ними с одной стороны расстилалось море, с другой стороны лежал небольшой клочок земли, за которым стлалось все то же безграничное море. Заплакали генералы в первый раз после того, как закрыли регистрацию.

Стали они друг друга рассматривать и увидели, что они в ночных рубашках, а на шеях у них висит по ордену.

— Теперь бы кофейку испить хорошо! — молвил один генерал, но вспомнил, какая с ним неслыханная штука случилась, и во второй раз заплакал.

— Что ж мы будем, однако, делать? — продолжал он сквозь слезы. — Ежели теперича доклад написать — какая польза из этого выйдет?

— Вот что, — отвечал другой генерал: подите вы, ваше превосходительство, на восток, а я пойду на запад, а к вечеру опять на этом месте сойдемся; может быть, что-нибудь и найдем.

Стали искать, где восток и где запад. Вспомнили, как начальник однажды говорит: если хочешь сыскать восток, то встань глазами на север, и в правой руке получишь искомое. Начали искать севера, становились так и сяк, перепробовали все страны света, но так как всю жизнь служили в регистратуре, то ничего не напли.

— Вот что, ваше превосходительство, вы пойдите направо, а я налево; этак-то лучше будет! — сказал один генерал, который, кроме регистратуры, служил еще в школе военных кантонистов¹ учителем каллиграфии и, следовательно, был поумнее.

¹ *Кантонист* — солдатский сын, учившийся в низшей военной школе.

Сказано — сделано. Пошел один генерал направо и видит — растут деревья, а на деревьях всякие плоды. Хочет генерал достать хоть одно яблоко, да все так высоко висят, что надобно лезть. Попробовал полезть — ничего не вышло, только рубашку изорвал. Пришел генерал к ручью, видит: рыба там, словно в садке на Фонтанке, так и кишит, так и кишит.

«Вот кабы этакой-то рыбки да на Подьяческую!» — подумал генерал и даже в лице изменился от аппетита.

Зашел в лес — а там рябчики свищут, тетерева токуют, зайцы бегают.

— Господи! еды-то! еды-то! — сказал генерал, почувствовав, что его уже начинает тошнить.

Делать нечего, пришлось возвращаться на условленное место с пустыми руками. Приходит, а другой генерал уж дожидается.

— Ну что, ваше превосходительство, промыслили что-нибудь?

— Да вот нашел старый номер «Московских ведомостей»¹ и больше ничего!

Легли опять спать генералы, да не спится натошак. То беспокоит их мысль, кто за них будет пенсию получать, то припоминаются виденные днем плоды, рыбы, рябчики, тетерева, зайцы.

— Кто бы мог подумать, ваше превосходительство, что человеческая пища, в первоначальном виде, летает, плавает и на деревьях растет? — сказал один генерал.

— Да, — отвечал другой генерал, — признаться, и я до сих пор думал, что булки в том самом виде рождаются, как их утром к кофею подают.

— Стало быть, если, например, кто хочет куропатку съесть, то должен сначала ее изловить, убить, оципать, изжарить... Только как все это сделать?

— Как все это сделать? — словно эхо, повторил другой генерал.

Замолчали и стали стараться заснуть; но голод решительно отгонял сон. Рябчики, индейки, поросята так и мелькали перед глазами, сочные, слегка подрумяненные, с огурцами, пикулями и другим салатом.

— Теперь я бы, кажется, свой собственный сапог съел! — сказал один генерал.

¹ Ежедневная газета, издавалась в России с 1756 по 1917 год.

— Хороши тоже перчатки бывают, когда дягю ношены! — вздохнул другой генерал.

Вдруг оба генерала взглянули друг на друга: в глазах их светился зловещий огонь, зубы стучали, из груди вылетало глухое рычание. Они начали медленно подползать друг к другу и в одно мгновение ока остервенились. Полетели ключья, раздался визг и оханье; генерал, который был учителем каллиграфии, откусил у своего товарища орден и немедленно проглотил. Но вид текущей крови как будто образумил их.

— С нами крестная сила! — сказали они оба разом. — Ведь этак мы друг друга съедем!

— И как мы попали сюда! Кто тот злодей, который над нами такую шутку сыграл!

— Надо, ваше превосходительство, каким-нибудь разговором развлечься, а то у нас тут убийство будет! — проговорил один генерал.

— Начинайте! — отвечал другой генерал.

— Как, например, думаете вы, отчего солнце прежде восходит, а потом заходит, а не наоборот?

— Станный вы человек, ваше превосходительство! Но ведь и вы прежде встаете, идете в департамент, там пишете, а потом ложитесь спать?

— Но отчего же не допустить такую перестановку: сперва ложусь спать, вижу различные сновидения, а потом встаю?

— Гм... да... А я, признаться, как служил в департаменте, всегда так думал: вот теперь утро, а потом будет день, а потом подадут ужинать — и спать пора!

Но упоминание об ужине обоих повергло в уныние и пресекло разговор в самом начале.

— Слышал я от одного доктора, что человек может долгое время своими собственными соками питаться, — начал опять один генерал.

— Как так?

— Да так-с. Собственные свои соки будто бы производят другие соки, эти, в свою очередь, еще производят соки, и так далее, покуда наконец соки совсем не прекратятся...

— Тогда что ж?

— Тогда надобно пищу какую-нибудь принять,,,

— Тьфу!

Одним словом, о чем ни начинали генералы разговор, он постоянно сводился на воспоминание об еде, и это

еще более раздражало аппетит. Положили: разговоры прекратить и, вспомнив о найденном номере «Московских Ведомостей», жадно принялись читать его.

— «Вчера, — читал взволнованным голосом один генерал, — у почтенного начальника нашей древней столицы был парадный обед. Стол сервирован был на сто персон с роскошью изумительною. Дары всех стран назначили себе как бы рандеву¹ на этом волшебном празднике. Тут была и «шекснинска стерлядь золотая»², и питомец лесов кавказских фазан, и столь редкая в нашем севере в феврале месяце земляника...»

— Тьфу ты, господи! Да неужто ж, ваше превосходительство, не можете найти другого предмета? — воскликнул в отчаянии другой генерал и, взяв у товарища газету, прочел следующее:

— «Из Тулы пишут: вчерашнего числа, по случаю поминки в реке Упе осетра (происшествие, которого не запомнят даже старожилы, тем более что в осетре был опознан частный пристав Б.), был в здешнем клубе фестиваль. Виновника торжества внесли на громадном деревянном блюде, обложенного огурчиками и держащего в пасти кусок зелени. Доктор П., бывший в тот день дежурным старшиною, заботливо наблюдал, дабы все гости получили по куску. Подливка была самая разнообразная и даже почти прихотливая...»

— Позвольте, ваше превосходительство, и вы, кажется, не слишком осторожны в выборе чтения! — прервал первый генерал и, взяв, в свою очередь, газету, прочел:

— «Из Вятки пишут: один из здешних старожил изобрел следующий оригинальный способ приготовления ухи: взяты живого налима, предварительно его высечь; когда же от огорчения печень его увеличится...»

Генералы поникли головами. Все, на что бы они ни обратили взоры, — все свидетельствовало об еде. Собственные их мысли злоумышляли против них, ибо как они ни старались отгонять представления о бифштексах, но представления эти пробивали себе путь насильственным образом.

И вдруг генерала, который был учителем каллиграфии, озарило вдохновение...

¹ *Рандеву́* (франц.) — свидание.

² Строка из стихотворения Державина «Приглашение к обеду».

— А что, ваше превосходительство, — сказал он радостно, — если бы нам найти мужика?

— То-есть как же... мужика?

— Ну да, простого мужика... какие обыкновенно бывают мужики! Он бы нам сейчас и булок бы подал, и рябчиков бы наловил, и рыбы!

— Гм... мужика... но где же его взять, этого мужика, когда его нет?

— Как нет мужика! Мужик везде есть — стоит только поискать его! Наверное, он где-нибудь спрятался, от работы отлынивает!

Мысль эта до того ободрила генералов, что они вскочили как встрепанные и пустились отыскивать мужика.

Долго они бродили по острову без всякого успеха, но наконец острый запах мякинного хлеба и кислой овчины навел их на след. Под деревом, брюхом кверху и подложив под голову кулак, спал громаднейший мужичина и самым нахальным образом уклонялся от работы. Негодованию генералов предела не было.

— Спишь, лежебок! — накинулись они на него. — Небось, и ухом не ведешь, что тут два генерала вторые сутки с голоду умирают! Сейчас марш работать!

Встал мужичина: видит, что генералы строгие. Хотел было дать от них стречка, но они так и зачоченели, вцепившись в него.

И зачал он перед ними действовать.

Полез сперва-наперво на дерево и нарвал генералам по десятку самых спелых яблок, а себе взял одно, кислое. Потом покопался в земле — и добыл оттуда картофелю; потом взял два куса дерева, потер их друг об дружку — и извлек огонь. Потом из собственных волос сделал силок и поймал рябчика. Наконец развел огонь и напек столько разной провизии, что генералам пришлось даже на мысль: не дать ли и тунеядцу частичку?

Смотрели генералы на эти мужицкие старания, и сердца у них весело играли. Они уже забыли, что вчера чуть не умерли с голоду, а думали: вот как оно хорошо быть генералами — нигде не пропадешь!

— Довольны ли вы, господа генералы? — спрашивал между тем мужичина — лежебок.

— Довольны, любезный друг, видим твое усердие! — отвечали генералы.

— Не позволите ли теперь отдохнуть?

— Отдохни, дружок, только своей прежде веревочку.

Набрал сейчас мужчина дикой конопля, размочил в воде, поколотил, помял — и к вечеру веревка была готова. Эту веревкою генералы привязали мужчину к дереву, чтоб не убер, а сами легли спать.

Прошел день, прошел другой; мужчина до того изловчился, что стал даже в пригоршне суп варить. Сделались наши генералы веселые, рыхлые, сытые, белые. Стали говорить, что вот они здесь на всем готовом живут, а в Петербурге между тем пенсии ихние всё накапливаются да накапливаются.

— А как вы думаете, ваше превосходительство, в самом ли деле было вавилонское столпотворение или это только так, одно иносказание? — говорит, бывало, один генерал другому, позавракавши.

— Думаю, ваше превосходительство, что было в самом деле, потому что иначе как же объяснишь, что на свете существуют разные языки!

— Стало быть, и потоп был?

— И потоп был, потому что в противном случае как же было бы объяснить существование допотопных зверей? Тем более, что в «Московских Ведомостях» повествуют...

— А не почитать ли нам «Московских Ведомостей»?

Сыщут номер, усядутся под тенью, прочтут от доски до доски, как ели в Москве, ели в Туле, ели в Пензе, ели в Рязани — и ничего, не тошнит!

***

Долго ли, коротко ли, однако генералы соскучились. Чаще и чаще стали они припоминать об оставленных ими в Петербурге кухарках и втихомолку даже поплакивали.

— Что-то теперь делается в Подьяческой, ваше превосходительство? — спрашивал один генерал другого.

— И не говорите, ваше превосходительство! Все сердце изныло! — отвечал другой генерал.

— Хорошо-то оно хорошо здесь — слова нет! а все, знаете, как-то неловко барашку без ярочки! Да и мундира тоже жалко!

— Еще как жалко-то! Особенно как четвертого класса¹, так на одно шитье посмотреть — голова закружится!

И начали они нудить мужика: представь да представь их в Подьяческую! И что ж! Оказалось, что мужик знает даже Подьяческую, что он там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало!

— А ведь мы с Подьяческой генералы! — обрадовались генералы.

— А я, коли видели: висит человек снаружи дома, в ящике на веревке, и стену краской мажет или по крыше словно муха ходит — это он самый я и есть! — отвечал мужик.

И начал мужик на бобах разводить, как бы ему своих генералов порадовать за то, что они его, тунеядца, жаловали и мужицким его трудом не гнушались. И выстроил он корабль — не корабль, а такую посудину, чтоб можно было океан-море переплыть вплоть до самой Подьяческой.

— Ты смотри, однако, каналья, не утопи нас! — сказали генералы, увидев покачивавшуюся на волнах ладью.

— Будьте покойны, господа генералы, не впервой! — отвечал мужик и стал готовиться к отъезду.

Набрал мужик пуху лебяжьего, мягкого и устлал им дно лодочки. Устлавши, уложил на дно генералов и, перекрестившись, поплыл. Сколько набрались страху генералы во время пути от бурь да от ветров разных, сколько они ругали мужичину за его тунеядство — этого ни пером описать, ни в сказке сказать. А мужик все гребет да гребет, да кормит генералов селедками.

Вот наконец и Нева-матушка, вот и Екатерининский славный канал, вот и Большая Подьяческая! Всплеснули кухарки руками, увидевши, какие у них генералы стали сытые, белые да веселые! Напились генералы кофею, наелись сдобных булок и надели мундиры. Поехали они в казначейство, и сколько тут денег загребли — того ни в сказке сказать, ни пером описать!

Однако и об мужике не забыли — выслали ему рюмку водки да пятак серебра: веселись, мужичина!

---

¹ В России чины делились на четырнадцать классов. Высший был первый. Четвертый класс соответствовал генеральскому званию.

Николай Семенович Лесков

1831 — 1895

Н. С. Лесков — прозаик, публицист. Поделам торгового дома, где служил, «изъездил Россию в самых разнообразных направлениях». Впечатления от поездок дали ему богатейший материал для творчества. Любые самые обыденные явления, попадая в художественный мир писателя, преобразуются в увлекательную историю или в «веселую старую сказку, под которую сквозь какую-то теплую дрему свежо и ласково улыбается сердце...» Вспомним обращение героя «Соборян» Лескова: «Живите, государи мои, люди русские, в ладу со своею старою сказкой. Чудная вещь старая сказка! Горе тому, у кого ее не будет под старость!» «Старая сказка» как бы связывает нас с предками, с национальными основами жизни. Это то поэтическое, что есть у каждого человека и у каждого народа в прошлом.

Особый цикл в творчестве писателя составляют святочные рассказы: «Приведение в Инженерном замке», «Христос в гостях у мужика», «Штопальщик», «Маленькая ошибка», «Неразменный рубль», «Зверь», «Старый гений», «Пугало».

В 1888 году была написана сказка «Маланья — голова баранья», так и не увидевшая свет при жизни писателя.

Вообще, все творчество Лескова пропитано фольклором. В нем звучат лирические, обрядовые, сатирические песни, пословицы, заговоры, скороговорки. Сюжеты многих произведений пронизаны сказочными и былинными мотивами, включают в себя народные предания и легенды.

МАЛАНЬЯ — ГОЛОВА БАРАНЬЯ

В одном глухом и отдаленном от городов месте была большая гора, поросшая дремучим лесом. У подошвы этой горы текла река, где жили зажиточные рыболовы и хлебопашцы. От этого селенья шла через лес дорожка в другую деревню, а на этой дорожке в стороне на полянке стояла избушка, в которой жила бедная женщина по имени Маланья, а по прозвищу «голова баранья». Так прозвали ее потому, что считали ее глупою, а глупою ее почитали за то, что она о других больше, чем о себе, думала. Если, бывало, кто-нибудь попросит о таком, что

нельзя сделать без того, чтобы лишить себя каких-нибудь выгод, то такому человеку говорили:

— Оставь меня в покое, мне это невыгодно — вон там на пригорке живет Маланья — голова баранья: она не разбирает, что ей выгодно и что невыгодно, — ее и попроси, она небось сделает.

И человек шел на пригорок и просил у Маланьи, и если она могла ему сделать, о чем он просил, то она делала, а если не могла, то приветит, да приласкает, и добрым словом утешит — скажет:

— Потерпи, Христос терпел и нам велел.

У Маланьи избушка была крошечная, так что только можно было повернуться около печечки, а жили здесь с нею сухорукий мальчик Ерашка да безногая девочка Живулечка сидела на хромом стульчике.

Оба они были не родня Маланье — голове бараньей, а чужие: родных их разбойники в лесу закололи, а их бросили; поселяне их нашли и стали судить — кому бы их взять? Никому не хотелось брать безрукого да безногую — никогда от них никакой пользы не дождешься, а Маланья услышала и говорит:

— Это вы правду, добрые мужички, говорите: без рук, без ног ничего не обработаешь, а пить-есть надобно, — давайте мне Ерашку с Живулечкой. Случается, что мне одной есть нечего — тогда нам втроем веселей терпеть будет.

Мужички захохотали.

— Беззаботная, — говорят, — Маланья, прямая ты голова баранья. — И отдали ей и Ерашку, и девочку Живулечку.

А Маланья их привела и оставила у себя жить.

Живут часом с квасом, а порою с водою. Маланья ночь не спит: то богатым бабам пряжу прядет, то мужикам вязенки¹ из шерсти вяжет, и мучицы и соль зарабатывает, и хворосту по лесу наберет — печку затопит и хлеба спечет, и сама поест, и Ерашку с Живулечкой накормит.

Сошлись перед вечером у колодца домовитые бабы и спрашивают Маланью:

---

¹ Вязенки — варежки.

— Как ты, Маланья — голова баранья, с ребятишками прокуратничаешь¹?

— А все хорошо, слава Богу, — отвечает Маланья.

— Чем же хорошо? ведь они у тебя несчастные!

— А тем, бабоньки, и хорошо, что они несчастные, что на их долю немного нужно. Если бы они были по-счастливее да позадачливей — мне бы не послужить ими Господу Богу, а как они плохие де бездомные, то что́ я им ни доспею — все это для них лучше того, как если бы я их не приняла да об них не подумала.

Покивали бабы головами и говорят:

— А ты еще вперед-то подумала ли: что с ними будет?

— Нет, — говорит Маланья, — я об этом не думала.

— Да как же так можно? Надо всегда о переду думать!

А Маланья отвечает:

— Что пользы думать о том, чего знать невозможно, даст Бог день — даст и пищу на день, а ночью нам всем есть покой на печечке.

— И то правда, — сказали бабы, — они — плохие, может быть, и умрут скоро, на твоё счастье!

А Маланья руками замотала.

— Что вы! что вы! — говорит, — зачем смерть звать: я ее к себе на порог не хочу — пусть она за дверьми присохнет.

Домовитые бабы распотешились и рассмеялись:

— Ну, Маланья, — говорят, — голова баранья, да какая же ты удалая да смешная: саму смерть у порога засушить хочет!

Пошла Маланья к Ерашке с Живулечкой — понесла им водицы напиться дать и ее согреть в горшке да головенки вымыть у припечка, а бабы стоят у колодца, вслед ей смотрят и пересмеиваются. А к ним из лесу выходит старый старичок, на две клюки опирается:

— Бабоньки, — говорит, — кто у вас тут есть на селе жив человек, что пускает к себе неимущего путника?

А бабы ему отвечают:

— А ты чей человек и как тебя звать по имени и по отчеству?

Старик отвечает:

---

¹ *Прокуратнича́ть* — затейничать, куролесить.

— Странник я света Божьего, и имя мне Живая Душа на костыльках; приустал в пути да уснуть хочу.

— Мы не знаем тебя, — отвечали бабы, — и пустить к себе без мужиков не смеем, а мужики у нас строгие да грозные — придут, заругают нас.

— Что же, вы, видно, своих мужиков больше Бога боитесь. Бог-то ведь велел принять и покормить неимущего.

Бабы отвечают:

— И то правда твоя, странничек: Божье слово помним, а человеческого боимся.

Живая Душа покачал головой и говорит:

— А ведь это, бабоньки, по худу быть — так бы ведь вовсе не надобно. Пойду к самим мужикам: у них попрошусь.

Пошел к мужикам, и мужики его не пустили.

— Кто тебя знает, — сказали, — может быть, ты слабым прикинулся и сам разузнать хочешь, где у нас дорогое добро лежит, да ворам открыть, а может быть, у тебя на теле прыщи да вереды¹, а у нас избы чистые и полы стланные — иди-ка по тропиночке в гору, там есть бедная избушка, в ней живет Маланья — голова баранья, она всех пущает и тебя пустит.

— Спасибо вам, добрые хозяева, — отвечал старичок Живая Душа и пошел к Маланье.

А Маланья увидела его из окна и послала безрукого Ерашку, чтобы звать его ужинать.

Ерашка добежал к старику и кричит:

— Иди-кось, дедко: тетушка Маланья напарила горшок-снытки², сольцой посолила, зовет тебя ужинать.

Старик Живая Душа погладил Ерашку по голове.

— И то, — говорит, — к вам иду. Другие-то не пускают.

И только влез в избу — тесно стало и сесть не на чем, а Маланья говорит:

— Садись, дедушка, со ребятками ешь, а я постою.

Сел дедко и поужинал, и заговорил по-учтивому и по-ласковому.

— Спасибо, — говорит, — тебе, что не спросила, откуда я и как меня звать по имени, а посадила хлеба есть. Я теперь пойду в лес: у тебя тесно — всем нам лечь негде.

— Что ты! что ты! Живая Душа Божия! В лесу мед-

¹ *Вéреды* — нарывы с нагноением.

² *Снýтка* — щи из ботвы.

веди и волки ходят — разве я тебя ночью туда выпущу! Здесь нам всем место будет. Вот Ерашка на печку, а Живулечка за печку, а ты тут протянись, где простор опростается, а мне мое место найдется.

— Ну, будь по-твоему, — сказал старик, а сам думает: «Где же ей-то самой место будет?»

Лег, накрылся своей ветошью да и уснул с одного вздоха от усталости, а после третьих петухов проснулся — и видит: Маланья стоит на ногах и прядет кудель, которая у нее на колочек под потолком приткнута.

Посмотрел на нее старик одним глазком и говорит:

— А ведь это ты, тетка, должно быть, и не ложились.

А Маланья отвечает:

— Да мне, Живая Душа, и не хотелось.

Старик покачал головой и говорит:

— Ну-ну-ну! Водил, водил меня Господь долго по свету: думал я, что позабыл Он меня и покинул, а Он привел меня в отрадное место и сподобил узреть любовь чистую. Скажи теперь мне за то в одно слово: что у тебя есть в желании — я тебе то у Бога и выпрошу.

А Маланья говорит:

— Что́ мне недостает? я и так всегда радостна, а желаю только, чтобы смерть моего порога не переступала, а если придет, так чтобы за дверью присохла.

Старик отвечает:

— Что ж, так и будет.

Ушел старик, а смерть вот же тут и жалуется; наряжена богатой казачкой в парчовом шугае¹ с золотой пикою, юбка штофная, на боку стальная коса на золотой цепочке, чеканной на манер мертвых костей человеческих, вся рожа накрашена, черные зубы во рту белым платочком в руке заслоняет и в избу просится.

— Покажи, — говорит, — мне детушек-голубятушек, я им принесла по медовому груздочку и по точеному яблочку.

А Маланья как взглянула на нее, так и признала ее, что это смерть, — вскричала ей:

— Хорошо им со мной и без яблочек, а тебя бы лучше не было, и присохни ты на одном месте.

Та и присохла, и не может оторвать ног от того места,

---

¹ *Шугай* — короткополая кофта, отороченная лентой.

где пристала, а Маланья ее сухим хворостом заслонила, чтобы не видеть ее было.

И словно бы дело сделалось, да пошли от селения ужасные стоны и слезы: сильный слабого теснит и бьет без милости, и нет на злодея в жестоком сердце его никакой угрозы, и как были люди жестоки, то стали еще жесточе того, и приходят к Маланье всякий день столько несчастных, сколько она во всю свою жизнь не видала, и она уже не может помогать им, и слышит, как они плачут и смерть кличут: «Смертушка-матушка, где ты заваялась? зачем мир покинула? приди, укрой нас от злодеев наших немилостивых — без тебя они зазнались без памяти!»

Тут Маланья ума хватилась.

— Это я, — говорит, — дура, все лихо наделала, захотела поправлять дела Божии — чему быть, а чему не быть сотворенному. И завяла смерть, а заслонена у меня кучкой хвороста.

— Ах, спусти ее, матушка, умилосердися! Ведь вот уже сто лет у нас ни одних похорон не было, и обессердечили люди жестокие, а мы состарились, измаялись. Спусти ее и их убрать от больших грехов, и нас — от страдания.

И пошла Маланья, развалила хворост, а смерть-то так уж не румяною казачкой глядит, а как паутиночка, и коса у ней вся заржавела.

— Иди, куда тебя Бог послал! — сказала Маланья смерти: и та колыхнулась и поплыла к селу паутинкою по сжатому полю, и послышался вскоре погребальный звон, и перекрестились бедняки, и вострепнулись богатые мужики.

— Мы, было, думали, она навсегда кончилась, а вот она, как змея, из хворосту выскочила. Нельзя век лютовать и властвовать.

А убогие крестились и сами в гробы ложились:

— Устали, — говорят, — наши косточки — насилу дождались земли горсточки.

И обошла смерть все село за лесом и убрала все, что было нужно убрать, а с другими вместе и Ерашку, и Живулечку, потому что было уже и безрукому, и безногой более чем по сту лет, а Маланья осталась жить и все живет, как прежде жила, и все то же делает, что и прежде делала, и все те умерли, кто звал ее Маланьей — головой

бараньей, и сама она это имя позабыла. И как смерть обойдет весь свет да придет к ней и спросит:

— Как тебя звать?

Она старается вспомнить, никак не может и говорит:

— Не знаю — верно, мое имя переменялось.

Смерть стала вопрошать: «Как имя этой женщины?» А ей в ответ и упал с неба белый, как снег, чистый камень, как сердце обточенный, и на нем огнистым золотом горит имя: «Любовь».

Увидела это смерть и сказала:

— Ты не моя — нет твоего имени в моем приказе: любовь не умирает; ты доживешь до тех пор, когда правда и милосердие встретятся и волк ляжет с ягненком и не обидит его.

Всеволод Михайлович Гаршин

1855 — 1888

В. М. Гаршин — прозаик, автор рассказов, в которых, по словам Г. И. Успенского, было «положительно исчерпано все содержание нашей жизни».

В 1878 году Гаршин стал вольнослушателем историко-филологического факультета Петербургского университета. В это время он собирается написать сказку «Финка» по мотивам преданий о Екатерине II (сохранился черновик). В 1880 году была опубликована сказка «Attalea princeps» — о судьбе гордой пальмы, вырвавшейся ценою жизни из тюрьмы — оранжереи. В форме философской притчи автор утверждает естественность всякого порыва к свободе...

В 1882 году появляется ироничная сказка «То, чего не было». В том же году Гаршин занялся переводами детских сказок Кармен Сильвы («Замок ведьм», «Чалуха») и Луизы де ла Раме («Честолюбивая Роза», «Нюрнбергская ночь»).

ЛЯГУШКА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Жила-была на свете лягушка-квакушка. Сидела она в болоте, ловила комаров да мошку, весною громко квакала вместе со своими подругами. И весь век она прожила бы благополучно — конечно, в том случае, если бы не съел ее аист. Но случилось одно происшествие.

Однажды она сидела на сучке высунувшейся из воды коряги и наслаждалась теплым мелким дождиком.

«Ах, какая сегодня прекрасная мокрая погода! — думала она. — Какое это наслаждение — жить на свете!»

Дождик моросил по ее пестренькой лакированной спинке; капли его подтекали ей под брюшко и за лапки, и это было восхитительно приятно, так приятно, что она чуть-чуть не заквакала, но, к счастью, вспомнила, что была уже осень и что осенью лягушки не квакают, — на это есть весна, — и что, заквакав, она может уронить свое лягушачье достоинство. Поэтому она промолчала и продолжала нежиться.

Вдруг тонкий, свистящий, прерывистый звук раздался в воздухе. Есть такая порода уток: когда они летят, то их крылья, рассекая воздух, точно поют, или, лучше ска-

зять, посвистывают. Фью-фью-фью-фью — раздается в воздухе, когда летит высоко над вами стадо таких уток, а их самих даже и не видно: так высоко они летят. На этот раз утки, описав огромный полукруг, спустились и сели как раз в то самое болото, где жила лягушка.

— Кря, кря! — сказала одна из них. — Лететь еще далеко, надо покушать.

И лягушка сейчас же спряталась. Хотя она и знала, что утки не станут есть ее, большую и толстую квакушку, но все-таки, на всякий случай, она нырнула под корягу. Однако, подумав, она решилась высунуть из воды свою лупоглазую голову: ей было очень интересно узнать, куда летят утки.

— Кря, кря! — сказала другая утка. — Уж холодно становится! Скорей на юг! Скорей на юг!

И все утки стали громко крякать в знак одобрения.

— Госпожи утки! — осмелилась сказать лягушка. — Что такое юг, на который вы летите? Прошу извинения за беспокойство.

И утки окружили лягушку. Сначала у них явилось желание съесть ее, но каждая из них подумала, что лягушка слишком велика и не пролезет в горло. Тогда все они начали кричать, хлопая крыльями:

— Хорошо на юге! Теперь там тепло! Там есть такие славные, теплые болота! Какие там червяки! Хорошо на юге!

Они так кричали, что почти оглушили лягушку. Едва-едва она убедила их замолчать и попросила одну из них, которая казалась ей толще и умнее всех, объяснить ей, что такое юг. И когда та рассказала ей о юге, то лягушка пришла в восторг, но в конце все-таки спросила, потому что была осторожна:

— А много ли там мошек и комаров?

— О! Целые тучи! — отвечала утка.

— Ква! — сказала лягушка и тут же обернулась посмотреть, нет ли здесь подруг, которые могли бы услышать ее и осудить за кваканье осенью. Она уж никак не могла удержаться, чтобы не квакнуть хоть разик:

— Возьмите меня с собой!

— Это мне удивительно! — воскликнула утка. — Как мы тебя возьмем? У тебя нет крыльев.

— Когда вы летите? — спросила лягушка.

— Скоро, скоро! — закричали все утки. — Кря, кря! Кря, кря! Тут холодно! На юг! На юг!

— Позвольте мне подумать только пять минут, — сказала лягушка. — Я сейчас вернусь, я, наверное, придумаю что-нибудь хорошее.

И она плепнулась с сучка, на который было снова влезла, в воду, нырнула в тину и совершенно зарылась в ней, чтобы посторонние предметы не мешали ей размышлять.

Пять минут прошло, утки совсем было собрались лететь, как вдруг из воды, около сучка, на котором сидела лягушка, показалась ее морда, и выражение этой морды было самое сияющее, на какое только способна лягушка.

— Я придумала! Я напла! — сказала она. — Пусть двое из вас возьмут в свои клювы прутик, а я прицеплюсь за него посередине. Вы будете лететь, а я ехать. Нужно только, чтобы вы не кричали, а я не квакала, и все будет превосходно.

Хотя молчать и тащить хотя бы и легкую лягушку три тысячи верст не бог знает какое удовольствие, но ее ум привел уток в такой восторг, что они единодушно согласились нести ее. Решили переменяться каждые два часа, и так как уток было, как говорится в загадке, столько, да еще столько, да полстолька, да четверть столька, а лягушка была одна, то нести ее приходилось не особенно часто.

Напла хороший, прочный прутик, две утки взяли его в клювы, лягушка прицепилась ртом за середину, и все стадо поднялось на воздух. У лягушки захватило дух от страшной высоты, на которую ее подняли; кроме того, утки летели неровно и дергали прутик; бедная квакушка болталась в воздухе, как бумажный паяц, и изо всей мочи стискивала свои челюсти, чтобы не оторваться и не плепнуться на землю. Однако она скоро привыкла к своему положению и даже начала осматриваться. Под нею быстро проносились поля, луга, реки и горы, которые ей, впрочем, было очень трудно рассматривать, потому что, вися на прутике, она смотрела назад и немного вверх, но кое-что все-таки видела и радовалась и гордилась.

«Вот как я превосходно придумала», — думала она про себя.

А утки летели вслед за несшей ее передней парой, кричали и хвалили ее.

— Удивительно умная голова наша лягушка, — говорили они. — Даже между утками мало таких найдется.

Она едва удержалась, чтобы не поблагодарить их, но, вспомнив, что, открыв рот, она свалится со страшной высоты, еще крепче стиснула челюсти и решила терпеть. Она болталась таким образом целый день: несшие ее утки переменялись на лету, ловко подхватывая прутик. Это было очень страшно: не раз лягушка чуть было не квакнула от страха, но нужно было иметь присутствие духа, и она его имела.

Вечером вся компания остановилась в каком-то болоте; с зарею утки с лягушкой снова пустились в путь, но на этот раз путешественница, чтобы лучше видеть, что делается на пути, прицепилась спинкой и головой вперед, а брюшком назад. Утки летели над сжатыми полями, над пожелтевшими лесами и над деревнями, полными хлеба в скирдах; оттуда доносились людской говор и стук цепов, которыми молотили рожь. Люди смотрели на стаю уток и, замечая в ней что-то странное, показывали на нее руками. И лягушке ужасно захотелось лететь поближе к земле, показать себя и послушать, что о ней говорят. На следующем отдыхе она сказала:

— Нельзя ли нам лететь не так высоко? У меня от высоты кружится голова, и я боюсь свалиться, если мне вдруг сделается дурно.

И добрые утки обещали ей лететь пониже. На следующий день они летели так низко, что слышались голоса:

— Смотрите, смотрите! — кричали дети в одной деревне. — Утки лягушку несут!

Лягушка слышала это, и у нее прыгало сердце.

— Смотрите, смотрите! — кричали в другой деревне взрослые. — Вот чудо-то!

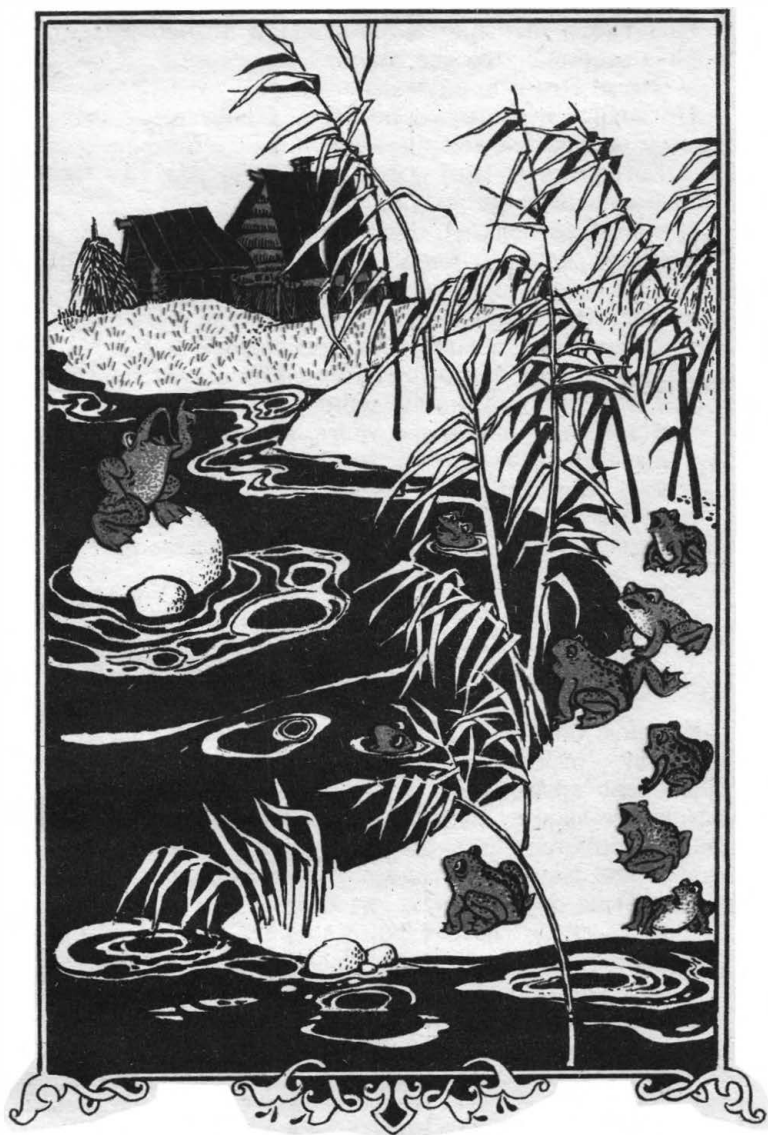
«Знают ли они, что это придумала я, а не утки?» — подумала квакушка.

— Смотрите, смотрите! — кричали в третьей деревне. — Экое чудо! И кто это придумал такую хитрую штуку?

Тут лягушка уже не выдержала и, забыв всякую осторожность, закричала изо всей мочи:

— Это я! Я!

И с этим криком она полетела вверх тормашками на землю. Утки громко закричали; одна из них хотела подхватить бедную спутницу на лету, но промахнулась. Лягушка, дрыгая всеми четырьмя лапками, быстро падала на землю; но так как утки летели очень быстро, то и она упала не прямо на то место, над которым закричала и

где была твердая дорога, а гораздо дальше, что было для нее большим счастьем, потому что она бултыхнулась в грязный пруд на краю деревни.

Она скоро вынырнула из воды и тотчас же опять сгоряча закричала во все горло:

— Это я! Это я придумала!

Но вокруг нее никого не было. Испуганные неожиданным всплеском, местные лягушки все попрятались в воду. Когда они начали показываться из нее, то с удивлением смотрели на новую.

И она рассказала им чудную историю о том, как она думала всю жизнь и наконец изобрела новый, необыкновенный способ путешествия на утках; как у нее были свои собственные утки, которые носили ее, куда ей было угодно; как она побывала на прекрасном юге, где так хорошо, где такие прекрасные теплые болота и так много мошек и всяких других съедобных насекомых.

— Я заехала к вам посмотреть, как вы живете, — сказала она. — Я пробуду у вас до весны, пока не вернутся мои утки, которых я отпустила.

Но утки уж никогда не вернулись. Они думали, что квакушка разбилась о землю, и очень жалели ее.

ATTALEA PRINCEPS

В одном большом городе был ботанический сад, а в этом саду — огромная оранжерея из железа и стекла. Она была очень красива: стройные витые колонны поддерживали все здание; на них опирались легкие узорчатые арки, переплетенные между собой целой паутиной железных рам, в которые были вставлены стекла. Особенно хороша была оранжерея, когда солнце заходило и освещало ее красным светом. Тогда она вся горела, красные отблески играли и переливались, точно в огромном, мелко отшлифованном драгоценном камне.

Сквозь толстые прозрачные стекла виднелись заключенные растения. Несмотря на величину оранжереи, им было в ней тесно. Корни переплетались между собою и отнимали друг у друга влагу и пищу. Ветви деревьев мешались с огромными листьями пальм, гнули и ломали их и сами, налегая на железные рамы, гнулись и ломались. Садовники постоянно обрезали ветви, подвя-

зывали проволоками листья, чтобы они не могли расти, куда хотят, но это плохо помогало. Для растений нужен был широкий простор, родной край и свобода. Они были уроженцы жарких стран, нежные, роскошные создания; они помнили свою родину и тосковали по ней. Как ни прозрачна стеклянная крыша, но она не ясное небо. Иногда, зимой, стекла обмерзали; тогда в оранжерее становилось совсем темно. Гудел ветер, бил в рамы и заставлял их дрожать. Крыша покрывалась наметанным снегом. Растения стояли и слушали вой ветра и вспоминали иной ветер, теплый, влажный, дававший им жизнь и здоровье. И им хотелось вновь почувствовать его веянье, хотелось, чтобы он покачал их ветвями, поиграл их листьями. Но в оранжерее воздух был неподвижен; разве только иногда зимняя буря выбивала стекло, и резкая, холодная струя, полная инея, влетала под свод. Куда попадала эта струя, там листья бледнели, съеживались и увядали.

Но стекла вставлялись очень скоро. Ботаническим садом управлял отличный ученый директор и не допускал никакого беспорядка, несмотря на то что большую часть своего времени проводил в занятиях с микроскопом в особой стеклянной будочке, устроенной в главной оранжерее.

Была между растениями одна пальма, выше всех и красивее всех. Директор, сидевший в будочке, называл ее по-латыни *Attalea*! Но это имя не было ее родным именем: его придумали ботаники. Родного имени ботаники не знали, и оно не было написано сажей на белой дощечке, прибитой к стволу пальмы. Раз пришел в ботанический сад приезжий из той жаркой страны, где выросла пальма; когда он увидел ее, то улыбнулся, потому что она напомнила ему родину.

— А! — сказал он. — Я знаю это дерево. — И он назвал ее родным именем.

— Извините, — крикнул ему из своей будочки директор, в это время внимательно разрезывавший бритвою какой-то стебелек, — вы ошибаетесь. Такого дерева, какое вы изволили сказать, не существует. Это *Attalea princeps*, родом из Бразилии.

— О да, — сказал бразильянец, — я вполне верю вам, что ботаники называют ее *Attalea*, но у нее есть и родное, настоящее имя.

— Настоящее имя есть то, которое дается наукой, —

сухо сказал ботаник и запер дверь будочки, чтобы ему не мешали люди, не понимавшие даже того, что уж если что-нибудь сказал человек науки, так нужно молчать и слушаться.

А бразильянец долго стоял и смотрел на дерево, и ему становилось все грустнее и грустнее. Вспомнил он свою родину, ее солнце и небо, ее роскошные леса с чуждыми зверями и птицами, ее пустыни, ее чуждые южные ночи. И вспомнил еще, что нигде не бывал он счастлив, кроме родного края, а он объехал весь свет. Он коснулся рукою пальмы, как будто бы прощаясь с нею, и ушел из сада, а на другой день уже ехал на пароходе домой.

А пальма осталась. Ей теперь стало еще тяжелее, хотя и до этого случая было очень тяжело. Она была совсем одна. На пять сажен возвышалась она над верхушками всех других растений, и эти другие растения не любили ее, завидовали ей и считали гордою. Этот рост доставлял ей только одно горе; кроме того, что все были вместе, а она была одна, она лучше всех помнила свое родное небо и больше всех тосковала о нем, потому что ближе всех была к тому, что заменяло им его: к гадкой стеклянной крыше. Сквозь нее ей виднелось иногда что-то голубое: то было небо, хоть и чужое и бледное, но все-таки настоящее голубое небо. И когда растения болтали между собою, *Attalea* всегда молчала, тосковала и думала только о том, как хорошо было бы постоять даже и под этим бледненьким небом.

— Скажите, пожалуйста, скоро ли нас будут поливать? — спросила саговая пальма, очень любившая сырость. — Я, право, кажется, засохну сегодня.

— Меня удивляют ваши слова, соседка, — сказал пузатый кактус. — Неужели вам мало того огромного количества воды, которое на вас выливают каждый день? Посмотрите на меня: мне дают очень мало влаги, а я все-таки свеж и сочен.

— Мы не привыкли быть чересчур бережливыми, — отвечала саговая пальма. — Мы не можем расти на такой сухой и дрянной почве, как какие-нибудь кактусы. Мы не привыкли жить как-нибудь. И кроме всего этого, скажу вам еще, что вас не просят делать замечания.

Сказав это, саговая пальма обиделась и замолчала.

— Что касается меня, — вмешалась корица, — то я почти довольна своим положением. Правда, здесь скуч-

новато, но уж я, по крайней мере, уверена, что меня никто не обдерет.

— Но ведь не всех же нас обдирали, — сказал древо-видный папортник. — Конечно, многим может показаться раем и эта тюрьма после жалкого существования, которое они вели на воле.

Тут корица, забыв, что ее обдирали, оскорбилась и начала спорить. Некоторые растения вступились за нее, некоторые за папортник, и началась горячая перебранка. Если бы они могли двигаться, то непременно бы подрались.

— Зачем вы ссоритесь? — сказала Attalea. — Разве вы поможете себе этим? Вы только увеличиваете свое несчастье злобою и раздражением. Лучше оставьте ваши споры и подумайте о деле. Послушайте меня: растите выше и шире, раскидывайте ветви, напирайте на рамы и стекла, наша оранжерея рассыплется в куски, и мы выйдем на свободу. Если одна какая-нибудь ветка упрутся в стекло, то, конечно, ее отрежут, но что сделают с сотней сильных и смелых стволов? Нужно только работать дружнее, и победа за нами.

Сначала никто не возражал пальме: все молчали и не знали, что сказать. Наконец саговая пальма решилась.

— Все это глупости, — заявила она.

— Глупости! Глупости! — заговорили деревья, и все разом начали доказывать Attalea, что она предлагает ужасный вздор. — Несбыточная мечта! — кричали они. — Вздор! Нелепость! Рамы прочны, и мы никогда не сломаем их, да если бы и сломали, так что ж такое? Придут люди с ножами и с топорами, отрубят ветви, заделают рамы, и все пойдет по-старому. Только и будет, что отрежут от нас целые куски...

— Ну, как хотите! — отвечала Attalea. — Теперь я знаю, что мне делать. Я оставлю вас в покое: живите, как хотите, ворчите друг на друга, спорьте из-за подачек воды и оставайтесь вечно под стеклянным колпаком. Я и одна найду себе дорогу. Я хочу видеть небо и солнце не сквозь эти решетки и стекла, — и я увижу!

И пальма гордо смотрела зеленой вершиной на лес товарищей, раскинутый под нею. Никто из них не смел ничего сказать ей, только саговая пальма тихо сказала соседке-цикаде:

— Ну, посмотрим, посмотрим, как тебе отрежут твою

большую башку, чтобы ты не очень зазнавалась, гордячка!

Остальные хоть и молчали, но все-таки сердились на Attalea за ее гордые слова. Только одна маленькая травка не сердилась на пальму и не обиделась ее речами. Это была самая жалкая и презренная травка из всех растений оранжереи: рыхлая, бледненькая, ползучая, с вялыми толстенькими листьями. В ней не было ничего замечательного, и она употреблялась в оранжерее только для того, чтобы закрывать голую землю. Она обвивала собою подножие большой пальмы, слушала ее, и ей казалось, что Attalea права. Она не знала южной природы, но тоже любила воздух и свободу. Оранжерея и для нее была тюрьмой. «Если я, ничтожная, вялая травка, так страдаю без своего серенького неба, без бледного солнца и холодного дождя, то что должно испытывать в неволе это прекрасное и могучее дерево! — так думала она и нежно обвивалась около пальмы и ласкалась к ней. — Зачем я не большое дерево? Я послушалась бы совета. Мы росли бы вместе и вместе вышли бы на свободу. Тогда и остальные увидели бы, что Attalea права».

Но она была не большое дерево, а только маленькая и вялая травка. Она могла только еще нежнее обвиться около ствола Attalea и прошептать ей свою любовь и желание счастья в попытке.

— Конечно, у нас вовсе не так тепло, небо не так чисто, дожди не так роскошны, как в вашей стране, но все-таки и у нас есть и небо, и солнце, и ветер. У нас нет таких пышных растений, как вы и ваши товарищи, с такими огромными листьями и прекрасными цветами, но и у нас растут очень хорошие деревья: сосны, ели и березы. Я — маленькая травка и никогда не доберусь до свободы, но ведь вы так велики и сильны! Ваш ствол тверд, и вам уже недолго осталось расти до стеклянной крыши. Вы пробьете ее и выйдете на божий свет. Тогда вы расскажете мне, всё ли там так же прекрасно, как было. Я буду довольна и этим.

— Отчего же, маленькая травка, ты не хочешь выйти вместе со мною? Мой ствол тверд и крепок: опирайся на него, ползи по мне. Мне ничего не значит снести тебя.

— Нет уж, куда мне! Посмотрите, какая я вялая и слабая: я не могу приподнять даже одной своей веточки. Нет, я вам не товарищ. Растите, будьте счастливы. Толь-

ко прошу вас, когда выйдете на свободу, вспоминайте иногда своего маленького друга!

Тогда пальма принялась расти. И прежде посетители оранжереи удивлялись ее огромному росту, а она становилась с каждым месяцем выше и выше. Директор ботанического сада приписывал такой быстрый рост хорошему уходу и гордился знанием, с каким он устроил оранжерею и вел свое дело.

— Да-с, взгляните-ка на *Attalea princeps*, — говорил он. — Такие рослые экземпляры редко встречаются и в Бразилии. Мы приложили всё наше знание, чтобы растения развивались в теплице совершенно так же свободно, как и на воле, и, мне кажется, достигли некоторого успеха.

При этом он с довольным видом похлопывал твердое дерево своею тростью, и удары звонко раздавались по оранжерее. Листья пальмы вздрагивали от этих ударов. О, если бы она могла стонать, какой вопль гнева услышал бы директор!

«Он воображает, что я расту для его удовольствия, — думала *Attalea*. — Пусть воображает...»

И она росла, тратя все соки только на то, чтобы вытянуться, и лишая их свои корни и листья. Иногда ей казалось, что расстояние до свода не уменьшается. Тогда она напрягала все силы: Рамы становились все ближе и ближе, и наконец молодой лист коснулся холодного стекла и железа.

— Смотрите, смотрите, — заговорили растения, — куда она забралась! Неужели решится?

— Как она страшно выросла, — сказал древовидный папоротник.

— Что ж, что выросла! Эка невидаль! Вот если б она сумела растолстеть так, как я! — сказала толстая цикада, со стволем, похожим на бочку. — И чего тянется? Все равно ничего не сделает. Решетки прочны, и стекла толсты.

Прошел еще месяц. *Attalea* подымалась. Наконец она плотно уперлась в рамы. Расти дальше было некуда. Тогда ствол начал сгибаться. Его листовенная вершина скомкалась, холодные прутья рамы впились в нежные молодые листья, перерезали и изуродовали их, но дерево было упрямо, не жалело листьев, несмотря ни на что давило на решетки, и решетки уже поддавались, хотя были сделаны из крепкого железа.

Маленькая травка следила за борьбой и замирала от волнения.

— Скажите мне, неужели вам не больно? Если рамы уж так прочны, не лучше ли отступить? — спросила она пальму.

— Больно? Что значит больно, когда я *хочу* выйти на свободу? Не ты ли сама ободряла меня? — ответила пальма.

— Да, я ободряла, но я не знала, что это так трудно. Мне жаль вас. Вы так страдаете.

— Молчи, слабое растение! Не жалея меня! Я умру или освобожусь!

И в эту минуту раздался звонкий удар. Лопнула толстая железная полоса. Посыпались и зазвенели осколки стекла. Один из них ударил в шляпу директора, выходявшего из оранжереи.

— Что это такое? — вскрикнул он, вздрогнув, увидя летящие по воздуху куски стекла. Он отбежал от оранжереи и посмотрел на крышу. Над стеклянным сводом гордо высилась выпрямившаяся зеленая крона пальмы.

«Только-то? — думала она. — И это всё, из-за чего я томила и страдала так долго? И этого-то достигнуть было для меня высочайшей целью?»

Была глубокая осень, когда Attalea выпрямила свою вершину в пробитое отверстие. Моросил мелкий дождик пополам со снегом; ветер низко гнал серые клочковатые тучи. Ей казалось, что они охватывают ее. Деревья уже оголились и представлялись какими-то безобразными мертвецами. Только на соснах да на елях стояли темно-зеленые хвои. Угрюмо смотрели деревья на пальму: «Замерзнешь! — как будто говорили они ей. — Ты не знаешь, что такое мороз. Ты не умеешь терпеть. Зачем ты вышла из своей теплицы?»

И Attalea поняла, что для нее все было кончено. Она застывала. Вернуться снова под крышу? Но она уже не могла вернуться. Она должна была стоять на холодном ветре, чувствовать его порывы и острое прикосновение снежинок, смотреть на грязное небо, на нищую природу, на грязный задний двор ботанического сада, на скучный огромный город, видневшийся в тумане, и ждать, пока люди там, внизу, в теплице, не решат, что делать с нею.

Директор приказал спилить дерево.

— Можно бы надстроить над нею особенный кол-

пак, — сказал он, — но надолго ли это? Она опять вырастет и все сломает. И притом это будет стоить чересчур дорого. Спилить ее!

Пальму привязали канатами, чтобы, падая, она не разбила стен оранжереи, и низко, у самого корня, перепилили ее. Маленькая травка, обвивавшая ствол дерева, не хотела расстаться со своим другом и тоже попала под пилу. Когда пальму вытащили из оранжереи, на отрезе оставшегося пня валялись размозженные пилкою, истерзанные стебельки и листья.

— Вырвать эту дрянь и выбросить, — сказал директор. — Она уже пожелтела, да и пила очень попортила ее. Посадить здесь что-нибудь новое.

Один из садовников ловким ударом заступа вырвал целую охапку травы. Он бросил ее в корзину, вынес и выбросил на задний двор, прямо на мертвую пальму, лежавшую в грязи и уже полусыпанную снегом.

Николай Георгиевич Гарин-Михайловский

1852 — 1906

Н. Гарин — псевдоним, настоящее имя — Николай Георгиевич Михайловский — писатель, публицист. Был, по словам М.Горького, «разносторонне, по-русски даровит». В 1892 году публикует повесть «Детство Темы», одно из известных произведений «детского» чтения.

Писатель много путешествовал, результатом чего стали его очерки «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову», «Вокруг света». В 1899 году он составил сборник «Корейские сказки». Гарин твердо верил, что наступит время, когда все злое и несправедливое в жизни исчезнет. «Исчезнет и мрак, — и увидят люди, — писал он в 1894 году в сказке «Книжка счастья», — что для всех есть счастье на земле».

Из книги «Корейские сказки»

ЗНАЕМ!

Жили себе муж и жена, хорошие люди, но только никогда никого до конца не дослушивали и всегда кричали:

— Знаем, знаем!

Раз приходит к ним один человек и приносит халат.

— Если надеть его и застегнуть на одну пуговицу, — сказал человек, — то поднимешься на один аршин от земли; на две пуговицы — до полунеба улетишь; на три — совсем на небо улетишь.

Муж, вместо того чтобы спросить, как же назад возвратиться, закричал:

— Знаем!

Надел на себя халат, застегнул сразу на все пуговицы и полетел в небо.

А жена его бежала и кричала:

— Смотрите! Смотрите: мой муж летит!

Так бежала она, пока не упала в пропасть, которой не видела, потому что смотрела всё в небо. На дне пропасти протекала река. Говорят, он превратился в орла, а она — в рыбку.

И это, конечно, еще очень хорошо для таких разинь, как они.

ЧАПОГИ

При императоре Сук-цон-тавани жил один бедняк Ким-ходури. Он занимался тем, что рубил дрова и продавал их.

В день он рубил три вязанки, — две продавал, а одну вязанку сжигал сам.

Но вот с некоторого времени стала пропадать одна вязанка дров... С вечера нарубит три вязанки дров, а наутро их оставалось только две.

Думал бедняк, думал и решил рубить по четыре вязанки.

Тогда четвертая стала пропадать.

«Ну хорошо, — сказал себе бедняк, — вора я все-таки поймаю».

Когда прицла ночь, он залез в четвертую нарубленную вязанку и ждал. Среди ночи вязанка вместе с бедняком поднялась и полетела прямо на небо.

Пришли слуги Оконшанте, развязали вязанку и нашли там Кима-ходури.

Когда его привели к Оконшанте, тот спросил его, как он попал на небо. Ким-ходури рассказал как — и жаловался на свою судьбу.

Тогда принесли книги, в которых записаны все живущие и их судьбы, и сказал Оконшанте:

— Да, ты действительно Ким-ходури, и не суждено тебе есть чумизу¹, но всегда хлебать только пустую похлебку.

Заплакал Ким и стал просить себе другой судьбы.

Он так плакал, что всем небожителям и самому Оконшанте стало жаль его.

— Я ничем в твоей судьбе не могу помочь тебе, — сказал он, — но разве вот что я могу сделать: возьми чужое чье-нибудь счастье и, пока тот не придет к тебе, пользуйся им.

Оконшанте порылся в книгах и сказал:

— Ну, вот возьми хоть счастье Чапоги.

Поблагодарил Ким, и в ту же минуту служители Оконшанте спустили его на землю в то место, где стояла его фанза.

Ким лег спать, а на другой день пошел к богатому

¹ Чумиза — разновидность проса.

соседу и попросил у него сто лан¹ взаймы и десять мер чумизы.

Прежде Киму и зерна никто не поверил бы в долг, но теперь счастье Кима переменилось, и сосед, без всяких разговоров, дал ему просимое. На эти деньги Ким занялся торговлей и скоро так разбогател, что стал первым богачом в Корее.

Все ему завидовали, но Ким один знал, что счастье это не его, а Чапоги. И он с трепетом каждый день и каждую ночь ждал, что придет какой-то страшный Чапоги и сразу отнимет все его счастье.

«Я убью его», — сказал себе Ким и приготовил нож, меч и стрелы, налитанные ядом.

Однажды мимо дворца Кима шли двое нищих: муж и жена.

Во дворе дворца стояла телега, и муж и жена спрятались под нее от солнечных лучей.

Там, под телегой, пришло время родить бедной женщине, и рожденного мальчика назвали они Чапоги, что значит найденный под телегой.

— Кто там кричит так громко под телегой? — спросил Ким, выходя во двор.

— Это Чапоги кричит, — ответили ему слуги.

Ким так и прирос к земле.

«Так вот откуда пришла расплата: не страшный человек, а маленький, беззащитный, голый от нищеты ребенок, — подумал Ким. — Нет, его не убивать надо, а лучше вот что я сделаю: я усыновлю этого Чапоги и, как его отец, буду и вперед продолжать жить на счастье своего сына».

Так Ким и сделал и если не умер, то и до сих пор живет счастливо и богато, как отец рожденного под телегой.

---

¹ Лан — старинная корейская монета.

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

1852 — 1912

Д. Н. Мамин, писавший под псевдонимом Д. Сибиряк, — прозаик, драматург, автор многих романов, посвященных Уралу. Особую страницу творчества писателя составляют рассказы и сказки для детей. Прелесть художественного мира, созданного писателем в сказках, — в мудром, добром взгляде на природу. Ему принадлежат «Сказки и рассказы для детей младшего возраста» (1895), «Аленушкины сказки» (1896), «Зарницы» (1897), «Рассказы и сказки» в двух частях (1807, 1808), «По Уралу» (1899). Д.Н.Мамин-Сибиряк активно сотрудничал в журнале «Детское чтение», где им напечатано более 60 произведений для детей.

СКАЗКА ПРО ХРАБРОГО ЗАЙЦА — ДЛИННЫЕ УШИ, КОСЫЕ ГЛАЗА, КОРОТКИЙ ХВОСТ

Родился зайчик в лесу и всё боялся. Треснет где-нибудь сучок, вспорхнет птица, упадет с дерева ком снега, — у зайчика душа в пятки.

Боялся зайчик день, боялся два, боялся неделю, боялся год; а потом вырос он большой, и вдруг надоело ему бояться.

— Никого я не боюсь! — крикнул он на весь лес. — Вот не боюсь нисколько, и всё тут!

Собрались старые зайцы, сбежались маленькие зайчата, приплелись старые зайчихи — все слушают, как хвастается Заяц — длинные уши, косые глаза, короткий хвост, — слушают и своим собственным ушам не верят. Не было еще, чтобы заяц не боялся никого.

— Эй ты, косой глаз, ты и волка не боишься?

— И волка не боюсь, и лисицы, и медведя — никого не боюсь!

Это уж выходило совсем забавно. Хихикнули молодые зайчата, прикрыв мордочки передними лапками, засмеялись добрые старушки зайчихи, улыбнулись даже старые зайцы, побывавшие в лапах у лисы и отведавшие волчьих зубов. Очень уж смешной заяц!.. Ах, какой смешной! И всем вдруг сделалось весело. Начали кувыр-

каться, прыгать, скакать, перегонять друг друга, точно все с ума сошли.

— Да что тут долго говорить! — кричал расхрабрившийся окончательно Заяц. — Ежели мне попадетсЯ волк, так я его сам съем...

— Ах, какой смешной Заяц! Ах, какой он глупый..

Все видят, что и смешной и глупый, и все смеются.

Кричат зайцы про волка, а волк — тут как тут.

Ходил он, ходил в лесу по своим волчьим делам, проголодался и только подумал: «Вот бы хороцо зайчиком закусить!» — как слышит, что где-то совсем близко зайцы кричат и его, серого Волка, поминают. Сейчас он остановился, понюхал воздух и начал подкрадываться.

Совсем близко подошел Волк к разыгравшимся зайцам, слышит, как они над ним смеются, а всех больше — хвостун Заяц — косые глаза, длинные уши, короткий хвост.

«Э, брат, погоди, вот тебя-то я и съем!» — подумал серый Волк и начал выглядывать, который заяц хвастается своей храбростью. А зайцы ничего не видят и веселятся пуще прежнего. Кончилось тем, что хвостун Заяц взобрался на пенек, уселся на задние лапки и заговорил:

— Слушайте вы, трусЫ! Слушайте и смотрите на меня! Вот я сейчас покажу вам одну штуку. Я... я... я...

Тут язык у хвостуна точно примерз.

Заяц увидел глядевшего на него Волка. Другие не видели, а он видел и не смелдохнуть.

Дальше случилась совсем необыкновенная вещь.

Заяц-хвостун подпрыгнул кверху, точно мячик, и со страху упал прямо на широкий волчий лоб, кубарем прокатился по волчьей спине, перевернулся еще раз в воздухе и потом задал такого стрекача, что, кажется, готов был выскочить из собственной кожи.

Долго бежал несчастный Зайчик, бежал, пока совсем не выбился из сил.

Ему все казалось, что Волк гонится по пятам и вот-вот схватит его своими зубами.

Наконец совсем обессилел бедняга, закрыл глаза и замертво свалился под куст.

А Волк в это время бежал в другую сторону. Когда Заяц упал на него, ему показалось, что кто-то в него выстрелил.

И Волк убежал. Мало ли в лесу других зайцев можно найти, а этот был какой-то бешеный...

Долго не могли прийти в себя остальные зайцы. Кто удрал в кусты, кто спрятался за пенек, кто завалился в ямку.

Наконец надоело всем прятаться, и начали понемногу выглядывать кто похрабрее.

— А ловко напугал Волка наш Заяц! — решили все. — Если бы не он, так не уйти бы нам живыми... Да где же он, наш бесстрашный Заяц?..

Начали искать.

Ходили, ходили, нет нигде храброго Зайца. Уж не съел ли его другой волк? Наконец-таки нашли: лежит в ямке под кустиком и еле жив от страха.

— Молодец, косой! — закричали все зайцы в один голос. — Ай да косой!.. Ловко ты напугал старого Волка. Спасибо, брат! А мы думали, что ты хвастаешь.

Храбрый Заяц сразу приободрился. Вылез из своей ямки, встряхнулся, прищурил глаза и проговорил:

— А вы бы как думали! Эх вы, трусы...

С этого дня храбрый Заяц начал сам верить, что он действительно никого не боится.

Баю-баю-баю...

СКАЗОЧКА ПРО КОЗЯВОЧКУ

I

Как родилась Козявочка, никто не видал.

Это был солнечный весенний день. Козявочка посмотрела кругом и сказала:

— Хорошо!..

Расправила Козявочка свои крылышки, потерла тонкие ножки одна о другую, еще посмотрела кругом и сказала:

— Как хорошо!.. Какое солнышко теплое, какое небо синее, какая травка зеленая, — хорошо, хорошо!.. И все мое!..

Еще потерла Козявочка ножками и полетела. Летает, любит все и радуется. А внизу травка так и зеленеет, а в травке спрятался аленький цветочек.

— Козявочка, ко мне! — крикнул цветочек.

Козявочка спустилась на землю, вскарабкалась на цветочек и принялась пить сладкий цветочный сок.

— Какой ты добрый, цветочек! — говорит Козявочка, вытирая рыльце ножками.

— Добрый-то добрый, да вот ходить не умею, — пожаловался цветочек.

— И все-таки хорошо, — уверяла Козявочка. — И все мое...

Не успела она еще договорить, как с жужжанием налетел мохнатый Шмель — и прямо к цветочку:

— Жж... Кто забрался в мой цветочек? Жж... кто пьет мой сладкий сок? Жж... Ах ты, дрянная Козявка, убирайся вон! Жжж... Уходи вон, пока я не ужалил тебя!

— Позвольте, что же это такое? — запищала Козявочка. — Все, все мое...

— Жжж... Нет, мое!

Козявочка едва унесла ноги от сердитого Шмеля. Она присела на травку, облизала ножки, запачканные в цветочном соку, и рассердилась:

— Какой грубиян этот Шмель!.. Даже удивительно!.. Еще ужалить хотел... Ведь все мое — и солнышко, и травка, и цветочки.

— Нет уж, извините, — мое! — проговорил мохнатый Червячок, карабкавшийся по стебельку травки.

Козявочка сообразила, что Червячок не умеет летать, и заговорила смелое:

— Извините меня, Червячок, вы ошибаетесь... Я вам не мешаю ползать, а со мной не спорьте!..

— Хорошо, хорошо... Вот только мою травку не троньте. Я этого не люблю, признаться сказать... Мало ли вас тут летает... Вы народ легкомысленный, а я Червячок серьезный... Говоря откровенно, мне все принадлежит. Вот заползу на травку и съем, заползу на любой цветочек и тоже съем. До свиданья!..

II

В несколько часов Козявочка узнала решительно всё, именно: что, кроме солнышка, синего неба и зеленой травки, есть еще сердитые шмели, серьезные червячки и разные колочки на цветах. Одним словом, получилось большое огорчение. Козявочка даже обиделась. Помилуйте, она была уверена, что все вокруг принадлежит ей и создано для нее, а тут другие то же самое думают. Нет, что-то не так... Не может этого быть.

Летит Козявочка дальше и видит — вода.

— Уж это мое! — весело запищала она. — Моя вода... Ах, как весело!.. Тут и травка и цветочки.

А навстречу Козявочке летят другие козявочки.

— Здравствуй, сестрица!

— Здравствуйте, милые... А то уж мне стало скучно одной летать. Что вы тут делаете?

— А мы играем, сестрица... Иди к нам. У нас весело... Ты недавно родилась?

— Только сегодня... Меня чуть Шмель не ужалил, потому я видела Червяка... Я думала, что все мое, а они говорят, что все ихнее.

Другие козявочки успокоили гостью и пригласили играть вместе. Над водой козявки играли столбом: кружатся, летают, пищат. Наша Козявочка задыхалась от радости и скоро совсем забыла про сердитого Шмеля и серьезного Червяка.

— Ах, как хорошо! — шептала она в восторге. — Все мое: и солнышко, и травка, и вода. Зачем другие сердятся, решительно не понимаю. Все мое, а я никому не мешаю жить: летайте, жужжите, веселитесь. Я позволяю...

Поиграла Козявочка, повеселилась и присела отдохнуть на болотную осоку. Надо же и отдохнуть, в самом деле! Смотрит Козявочка, как веселятся другие козявочки; вдруг, откуда ни возьмись, воробей — как шмыгнет мимо, точно кто камень бросил.

— Ай, ой! — закричали козявочки и бросились врассыпную.

Когда воробей улетел, недосчитались целого десятка козявочек.

— Ах, разбойник! — бранились старые козявочки. — Целый десяток съел.

Это было похуже Шмеля. Козявочка начала бояться и спряталась с другими молодыми козявочками еще дальше в болотную траву. Но здесь другая беда: двух козявочек съела рыбка, а двух — лягушка.

— Что же это такое? — удивлялась Козявочка. — Это уж совсем ни на что не похоже... Так и жить нельзя. У, какие гадкие!..

Хорошо, что козявочек было много, и убыли никто не заметил. Да еще прилетели новые козявочки, которые только что родились. Они летели и пищали:

— Все наше... Все наше...

— Нет, не все ваше, — крикнула им наша Козявочка. — Есть еще сердитые шмели, серьезные червяки, гад-

кие воробы, рыбки и лягушки. Будьте осторожны, сестрицы!

Впрочем, наступила ночь, и все козявочки попрятались в камышах, где было так тепло. Высыпали звезды на небе, взошел месяц, и все отразилось в воде.

Ах, как хорошо было!..

«Мой месяц, мои звезды», — думала наша Козявочка, но никому этого не сказала: как раз отнимут и это...

III

Так прожила Козявочка целое лето.

Много она веселилась, а много было и неприятного. Два раза ее чуть-чуть не проглотил проворный стриж; потом незаметно подобралась лягушка, — мало ли у козявочек всяких врагов! Были и свои радости. Встретила Козявочка другую такую же козявочку, с мохнатыми усиками. Та и говорит:

— Какая ты хорошенькая, Козявочка... Будем жить вместе.

И зажили вместе, совсем хорошо зажили. Всё вместе: куда одна, туда и другая. И не заметили, как лето пролетело. Начались дожди, холодные ночи. Наша Козявочка нанесла яичек, спратала их в густой траве и сказала:

— Ах, как я устала!..

Никто не видал, как Козявочка умерла.

Да она и не умерла, а только заснула на зиму, чтобы весной проснуться снова и снова жить.

СКАЗКА ПРО КОМАРА КОМАРОВИЧА — ДЛИННЫЙ НОС И ПРО МОХНАТОГО МИШУ — КОРОТКИЙ ХВОСТ

I

Это случилось в самый полдень, когда все комары спрятались от жары в болото. Комар Комарович — длинный нос прикорнул под широкий лист и заснул. Спит и слышит отчаянный крик:

— Ой, батюшки!.. ой, карраул!..

Комар Комарович выскочил из-под листа и тоже закричал:

— Что случилось?.. Что вы орете?

А комары летают, жужжат, пищат — ничего разобрать нельзя.

— Ой, батюшки!.. Пришел в наше болото медведь и завалился спать. Как лег в траву, так сейчас же задавил пятьсот комаров; как дохнул — проглотил целую сотню. Ой, беда, братцы! Мы едва унесли от него ноги, а то всех бы передавил...

Комар Комарович — длинный нос сразу рассердился; рассердился и на медведя и на глупых комаров, которые пищали без толку.

— Эй, вы, перестаньте пищать! — крикнул он. — Вот я сейчас пойду и прогоню медведя... Очень просто! А вы орете только напрасно...

Еще сильнее рассердился Комар Комарович и полетел. Действительно, в болоте лежал медведь. Забрался в самую густую траву, где комары жили с исконок века, развалился и носом сопит, только свист идет, точно кто на трубе играет. Вот бессовестная тварь!.. Забрался в чужое место, погубил напрасно столько комариных душ да еще спит так сладко!

— Эй, дядя, ты это куда забрался? — закричал Комар Комарович на весь лес, да так громко, что даже самому сделалось страшно.

Мохнатый Миша открыл один глаз — никого не видно, открыл другой глаз — едва рассмотрел, что летает комар над самым его носом.

— Тебе что нужно, приятель? — заворчал Миша и тоже начал сердиться. Как же, только расположился отдохнуть, а тут какой-то негодяй пищит.

— Эй, уходи подобру-поздорову, дядя!..

Миша открыл оба глаза, посмотрел на нахала, фукнул носом и окончательно рассердился.

— Да что тебе нужно, негодная тварь? — зарычал он.

— Уходи из нашего места, а то я шутить не люблю... Вместе с шубой тебя съем.

Медведю сделалось смешно. Перевалился он на другой бок, закрыл морду лапой и сейчас же захрапел.

II

Полетел Комар Комарович обратно к своим комарам и трубит на все болото:

— Ловко я напугал мохнатого Мишку!.. В другой раз не придет.

Подивились комары и спрашивают:

— Ну, а сейчас-то медведь где?

— А не знаю, братцы... Сильно струсил, когда я ему сказал, что съем, если не уйдет. Ведь я шутить не люблю, а так прямо и сказал: съем. Боюсь, как бы он не окошел со страху, пока я к вам летаю... Что же, сам виноват!

Запищали все комары, зажужжали и долго спорили, как им быть с невежей медведем. Никогда еще в болоте не было такого страшного шума. Пищали, пищали и решили — выгнать медведя из болота.

— Пусть идет к себе домой, в лес, там и спит. А болото наше... Еще отцы и деды наши вот в этом самом болоте жили.

Одна благоразумная старушка Комариха посоветовала было оставить медведя в покое: пусть его полежит, а когда выспится — сам уйдет, но на нее все так накинулись, что бедная едва успела спрятаться.

— Идем, братцы! — кричал больше всех Комар Комарович. — Мы ему покажем... да!

Полетели комары за Комар Комаровичем. Летят и пищат, даже самым страшно делается. Прилетели, смотрят, а медведь лежит и не шевелится.

— Ну, я так и говорил: умер бедняга со страху! — хвастался Комар Комарович. — Даже жаль немножко, вон какой здоровый медведище...

— Да он спит, братцы, — пропищал маленький комаришка, подлетевший к самому медвежьему носу и чуть не втянутый туда, как в форточку.

— Ах, бесстыдник! Ах, бессовестный! — запищали все комары разом и подняли ужасный гвалт. — Пятьсот комаров задавил, сто комаров проглотил и сам спит как ни в чем не бывало...

А мохнатый Миша спит себе да носом посвистывает.

— Он притворяется, что спит! — крикнул Комар Комарович и полетел на медведя. — Вот я ему сейчас покажу... Эй, дядя, будет притворяться!

Как налетит Комар Комарович, как вопьется своим длинным носом прямо в черный медвежий нос, Миша так и вскочил — хватъ лапой по носу, а Комар Комаровича как не бывало.

— Что, дядя, не понравилось? — пищит Комар Комарович. — Уходи, а то хуже будет... Я теперь не один, Комар Комарович — длинный нос, а прилетели со мной и

дедушка, Комарище — длинный носище, и младший брат, Комаришко — длинный носишко! Уходи, дядя...

— А я не уйду! — закричал медведь, усаживаясь на задние лапы. — Я вас всех передавлю...

— Ой, дядя, напрасно хвастаешь...

Опять полетел Комар Комарович и впился медведю прямо в глаз. Заревел медведь от боли, хватил себя лапой по морде, и опять в лапе ничего, только чуть глаз себе не вырвал когтем. А Комар Комарович вьется над самым медвежьим ухом и пищит:

— Я тебя съем, дядя...

III

Рассердился окончательно Миша. Выворотил он вместе с корнем целую березу и принялся колотить ею комаров. Так и ломит со всего плеча... Бил, бил, даже устал, а ни одного убитого комара нет, — все вьются над ним и пищат. Тогда ухватил Миша тяжелый камень и запустил им в комаров — опять толку нет.

— Что, взял, дядя? — пищал Комар Комарович. — А я тебя все-таки съем...

Долго ли, коротко ли сражался Миша с комарами, только шуму было много. Далеко был слышен медвежий рев. А сколько он деревьев вырвал, сколько камней выворотил!.. Всё ему хотелось зацепить первого Комар Комаровича, — ведь вот тут, над самым ухом вьется, а хватит медведь лапой, и опять ничего, только всю морду себе в кровь исцарапал.

Обессилел наконец Миша. Присел он на задние лапы, фыркнул и придумал новую штуку — давай кататься по траве, чтобы передавить все комариное царство. Катался, катался Миша, однако и из этого ничего не вышло, а только еще больше устал он. Тогда медведь спрятал морду в мох. Вышло того хуже — комары вцепились в медвежий хвост. Окончательно рассвирепел медведь.

— Пойдите, вот я вам задам!.. — ревел он так, что за пять верст было слышно... — Я вам покажу штуку... я... я... я...

Отступили комары и ждут, что будет. А Миша на дерево вскарабкался, как акробат, засел на самый толстый сук и ревет:

— Ну-ка, подступитесь теперь ко мне... Всем носы пообломаю!..

Засмеялись комары тонкими голосами и бросились на медведя уже всем войском. Пищат, кружатся, лезут... Отбивался, отбивался Миша, проглотил нечаянно штук сто комариного войска, закашлялся да как сорвется с сука, точно мешок... Однако поднялся, почесал ушибленный бок и говорит:

— Ну что, взяли? Видели, как я ловко с дерева прыгаю?..

Еще тоньше рассмеялись комары, а Комар Комарович так и рубит:

— Я тебя съем... я тебя съем... съем... съем!..

Изнемог окончательно медведь, выбился из сил, а уходить из болота стыдно. Сидит он на задних лапах и только глазами моргает.

Выручила его из беды лягушка. Выскочила из-под кочки, присела на задние лапки и говорит:

— Охота вам, Михайло Иваныч, беспокоить себя напрасно!.. Не обращайтесь вы на этих дрянных комаришек внимания. Не стоит.

— И то не стоит, — обрадовался медведь. — Я это так... Пусть-ка они ко мне в берлогу придут, да я... я...

Как повернется Миша, как побежит из болота, а Комар Комарович — длинный нос летит за ним, летит и кричит:

— Ой, братцы, держите! Убежит медведь... Держите!..

Собрались все комары, посоветовались и решили: «Не стоит! Пусть его уходит — ведь болото-то осталось за нами!»

ВАНЬКИНЫ ИМЕНИНЫ

I

Бей, барабан: та-та! тра-та-та! Играйте, трубы: тру-ту! ту-ру-ру!.. Давайте сюда всю музыку, — сегодня Ванька именинник!.. Дорогие гости, милости просим... Эй, все собирайтесь сюда! Тра-та-та! Тру-ру-ру!

Ванька похаживает в красной рубахе и приговаривает:

— Братцы, милости просим... Угощения — сколько угодно. Суп из самых свежих щепок; котлеты из лучшего, самого чистого песку; пирожки из разноцветных бума-

жек; а какой чай! Из самой хорошей кипяченой воды. Милости просим... Музыка, играй!..

Та-та! Тра-та-та! Тру-ту! Ту-ру-ру!

Гостей набралась полна комната. Первым прилетел пузатый деревянный Волчок.

— Жж... жж... где именинник? Жж... жж... Я очень люблю повеселиться в хорошей компании...

Пришли две куклы. Одна — с голубыми глазами, Аня, у нее немного был попорчен носик; другая — с черными глазами, Катя, у нее недоставало одной руки. Они пришли чинно и заняли место на игрушечном диванчике.

— Посмотрим, какое угощение у Ваньки, — заметила Аня. — Что-то уж очень хвастает. Музыка недурна, а относительно угощения я сильно сомневаюсь.

— Ты, Аня, вечно чем-нибудь недовольна, — укорила ее Катя.

— А ты вечно готова спорить...

Куклы немного поспорили и даже готовы были поспориться, но в этот момент приковылял на одной ноге сильно подержанный Клоун и сейчас же их примирил.

— Все будет отлично, барышни! Отлично повеселимся. Конечно, у меня одной ноги недостает, но ведь Волчок и на одной ноге вон как кружится. Здравствуй, Волчок...

— Жж... Здравствуй! Отчего это у тебя один глаз как будто подбит?

— Пустяки... Это я свалился с дивана. Бывает и хуже.

— Ох, как скверно бывает... Я иногда со всего разбега так стукнусь в стену, прямо головой!..

— Хорошо, что голова-то у тебя пустая...

— Все-таки больно. Жж... Попробуй-ка сам, так узнаешь.

Клоун только защелкал своими медными тарелками. Он вообще был легкомысленный мужчина.

Пришел Петрушка и привел с собой целую кучу гостей: собственную жену, Матрену Ивановну, немца доктора, Карла Ивановича, и большеносого Цыгана; а Цыган притащил с собой трехногую лошадь.

— Ну, Ванька, принимай гостей! — весело заговорил Петрушка, щелкая себя по носу. — Один другого лучше. Одна моя Матрена Ивановна чего стоит... Очень она любит у меня чай пить, точно утка.

— Найдем и чай, Петр Иванович, — ответил Ванька. — А мы хорошим гостям всегда рады... Садитесь, Матрена Ивановна! Карл Иванович, милости просим...

Пришли еще Медведь с Зайцем, серенький бабушкин Козлик с Уточкой-хохлаткой, Петушок с Волком, — всем место нашлось у Ваньки.

Последними пришли Аленушкин Башмачок и Аленушкина Метелочка. Посмотрели они — все места заняты, а Метелочка сказала:

— Ничего, я и в уголке постою...

А Башмачок ничего не сказал и молча залез под диван. Это был очень почтенный Башмачок, хотя и стоптанный. Его немного смущала только дырочка, которая была на самом носике. Ну, да ничего, под диваном никто не заметит.

— Эй, музыка! — скомандовал Ванька.

Забил барабан: тра-та! та-та! Заиграли трубы: тру-ту! И всем гостям вдруг сделалось так весело, так весело...

II

Праздник начался отлично. Бил барабан сам собой, играли сами трубы, жужжал Волчок, звенел своими тарелочками Клоун, а Петрушка неистово пищал. Ах, как было весело!..

— Братцы, гуляй! — покрикивал Ванька, разглаживая свои льняные кудри.

Аня и Катя смеялись тонкими голосками, неуклюжий Медведь танцевал с Метелочкой, серенький Козлик гулял с Уточкой-хохлаткой, Клоун кувыркался, показывая свое искусство, а доктор Карл Иванович спрашивал Матрену Ивановну:

— Матрена Ивановна, не болит ли у вас животик?

— Что вы, Карл Иванович? — обижалась Матрена Ивановна. — С чего вы это взяли?..

— А ну, покажите язык.

— Отстаньте, пожалуйста...

— Я здесь... — прозвенела тонким голоском серебряная Ложечка, которой Аленушка ела свою кашку.

Она лежала до сих пор спокойно на столе, а когда доктор заговорил о языке, не утерпела и соскочила. Ведь доктор всегда при ее помощи осматривает у Аленушки язычок...

— Ах, нет... Не нужно, — запищала Матрена Ивановна и так смешно размахивала руками, точно ветряная мельница.

— Что же, я не навязываюсь со своими услугами, — обиделась Ложечка.

Она даже хотела рассердиться, но в это время к ней подлетел Волчок, и они принялись танцевать. Волчок жужжал, Ложечка звенела... Даже Аленушкин Башмачок не утерпел, вылез из-под дивана и шепнул метелочке:

— Я вас очень люблю, Метелочка...

Метелочка сладко закрыла глазки и только вздохнула. Она любила, чтобы ее любили.

Ведь она всегда была такой скромной Метелочкой и никогда не важничала, как это случалось иногда с другими. Например, Матрена Ивановна или Аня и Катя, — эти милые куклы любили посмеяться над чужими недостатками: у Клоуна не хватало одной ноги, у Петрушки был длинный нос, у Карла Иваныча — лысина, Цыган походил на головешку, а всего больше доставалось имениннику Ваньке.

— Он мужиковат немного, — говорила Катя.

— И кроме того, хвастун, — прибавила Аня.

Повеселившись, все уселись за стол, и начался уже настоящий пир. Обед прошел как на настоящих именинах, хотя дело и не обошлось без маленьких недоразумений. Медведь по ошибке чуть не съел Зайчика вместо котлетки; Волчок чуть не подрался с Цыганом из-за Ложечки, — последний хотел ее украсть и уже спрятал было к себе в карман. Петр Иваныч, известный забияка, успел поссориться с женой и поссорился из-за пустяков.

— Матрена Ивановна, успокойтесь, — уговаривал ее Карл Иваныч. — Ведь Петр Иваныч добрый... У вас, может быть, болит головка? У меня есть с собой отличные порошки...

— Оставьте ее, доктор, — говорил Петрушка. — Это уж такая невозможная женщина... А впрочем, я ее очень люблю. Матрена Ивановна, поцелуйтеесь...

— Ура! — кричал Ванька. — Это гораздо лучше, чем ссориться. Терпеть не могу, когда люди ссорятся. Вон посмотрите...

Но тут случилось нечто совершенно неожиданное и такое ужасное, что даже страшно сказать.

Бил барабан: тра-та! та-та-та! Играли трубы: тру-ру! ру-ру-ру! Звенели тарелочки Клоуна, серебряным голоском смеялась Ложечка, жужжал Волчок, а развеселившийся Зайчик кричал: бо-бо-бо!.. Фарфоровая Собачка громко лаяла, резиновая Кошечка ласково мяукала, а

Медведь так притоптывал ногой, что дрожал пол. Веселее всех оказался серенький бабушкин Козлик. Он, во-первых, танцевал лучше всех, а потом так смешно потряхивал своей бородой и скрипучим голосом ревел: мее-ке-ке!..

III

Позвольте, как все это случилось? Очень трудно рассказать все по порядку, потому что из участников происшествия помнил все дело только один Аленушкин Башмачок. Он был благоразумен и вовремя успел спрятаться под диван.

Да, вот как было дело. Сначала пришли поздравить Ваньку деревянные Кубики... Нет, опять не так. Началось совсем не с этого. Кубики действительно пришли, но всему виной была черноглазая Катя. Она, она, — верно!.. Эта хорошенькая плутовка еще в конце обеда шепнула Ане:

— А как ты думаешь, Аня, кто здесь всех красивее?

Кажется, вопрос самый простой, а между тем Матрена Ивановна страшно обиделась и заявила Кате прямо:

— Что же вы думаете, что мой Петр Иваныч урод?

— Никто этого не думает, Матрена Ивановна, — попробовала оправдываться Катя, но было уже поздно.

— Конечно, нос у него немного велик, — продолжала Матрена Ивановна. — Но ведь это заметно, если только смотреть на Петра Иваныча сбоку... Потом, у него дурная привычка страшно пищать и со всеми драться, но он все-таки добрый человек. А что касается ума...

Куклы заспорили с таким азартом, что обратили на себя общее внимание. Вмешался прежде всего, конечно, Петрушка и пропищал:

— Верно, Матрена Ивановна... Самый красивый человек здесь, конечно, я!

Тут уже все мужчины обиделись. Помилуйте, этакий самохвал этот Петрушка! Даже слушать противно. Клоун был не мастер говорить и обиделся молча, а зато доктор Карл Иваныч сказал очень громко:

— Значит, мы все уроды? Поздравляю, господа...

Разом поднялся гвалт. Кричал что-то по-своему Цыган, рычал Медведь, выл Волк, кричал серенький Козлик, жужжал Волчок — одним словом, все обиделись окончательно.

— Господа, перестаньте! — уговаривал всех Ванька. — Не обращайтесь внимания на Петра Ивановича... Он просто пошутил.

Но все было напрасно. Волновался, главным образом, Карл Иванович. Он даже стучал кулаком по столу и кричал:

— Господа, хорошо угощение, нечего сказать!.. Нас и в гости пригласили только затем, чтобы назвать уродами... —

— Милостивые государыни и милостивые государи! — старался перекричать всех Ванька. — Если уж на то пошло, господа, так здесь всего один урод — это я... Теперь вы довольны?

Потом... Позвольте, как это случилось? Да, да, вот как было дело. Карл Иванович разгорячился окончательно и начал подступать к Петру Ивановичу. Он погрозил ему пальцем и повторял:

— Если бы я не был образованным человеком и если бы я не умел себя держать прилично в порядочном обществе, я сказал бы вам, Петр Иванович, что вы даже весьма дурак... —

Зная драчливый характер Петрушки, Ванька хотел встать между ним и доктором, но по дороге задел кулаком по длинному носу Петрушки. Петрушке показалось, что его ударил не Ванька, а доктор... Что тут началось!.. Петрушка вцепился в доктора; сидевший в стороне Цыган ни с того ни с сего начал колотить Клоуна, Медведь с рычанием бросился на Волка, Волчок бил своей пустой головой Козлика — одним словом, вышел настоящий скандал. Куклы пищали тонкими голосами и все три со страху упали в обморок.

— Ах, мне дурно... — кричала Матрена Ивановна, падая с дивана.

— Господа, что же это такое? — орал Ванька. — Господа, ведь я именинник... Господа, это, наконец, невежливо!.. —

Произошла настоящая свалка, так что было уже трудно разобрать, кто кого колотит. Ванька напрасно старался разнимать дравшихся и кончил тем, что сам принялся колотить всех, кто подвертывался ему под руку, и так как он был всех сильнее, то гостям пришлось плохо.

— Карраул!! Батюшки... ой, карраул! — орал сильнее всех Петрушка, стараясь ударить доктора побольнее... — Убили Петрушку до смерти... Карраул!.. —

От свалки ушел один Башмачок, вовремя успевший

спрятаться под диван. Он со страху даже глаза закрыл, а в это время за него спрятался Зайчик, тоже искавший спасения в бегстве.

— Ты это куда лезешь? — заворчал Башмачок.

— Молчи, а то еще услышат, и обоим достанется, — уговаривал Зайчик, выглядывая косым глазом из дырочки в носке. — Ах, какой разбойник этот Петрушка!.. Всех колотит, и сам же орет благим матом. Хорош гость, нечего сказать... А я едва убежал от Волка. Ах! Даже вспомнить страшно... А вон Уточка лежит кверху ножками. Убили бедную...

— Ах, какой ты глупый, Зайчик: все куклы лежат в обмороке, ну, и Уточка вместе с другими.

Дрались, дрались, долго дрались, пока Ванька не выгнал всех гостей, исключая кукол. Матрене Ивановне давно уже надоело лежать в обмороке, она открыла один глаз и спросила:

— Господа, где я? Доктор, посмотрите, жива ли я?..

Ей никто не отвечал, и Матрена Ивановна открыла другой глаз. В комнате было пусто, а Ванька стоял посередине и с удивлением оглядывался кругом. Очнулись Аня и Катя и тоже удивились.

— Здесь было что-то ужасное, — говорила Катя. — Хорош именинник, нечего сказать!

Куклы разом накиннулись на Ваньку, который решительно не знал, что ему отвечать. И его кто-то бил, и он кого-то бил, а за что, про что — неизвестно.

— Решительно не знаю, как все это вышло, — говорил он, разводя руками. — Главное, что обидно: ведь я их всех люблю... решительно всех.

— А мы знаем как, — отозвались из-под дивана Башмачок и Зайчик. — Мы всё видели!..

— Да это вы виноваты! — накинулась на них Матрена Ивановна. — Конечно, вы... Заварили кашу, а сами спрятались.

— Они, они!.. — закричали в один голос Аня и Катя.

— Ага, вон в чем дело! — обрадовался Ванька. — Убирайтесь вон, разбойники... Вы ходите по гостям только ссорить добрых людей.

Башмачок и Зайчик едва успели выскочить в окно.

— Вот я вас... — грозила им вслед кулаком Матрена Ивановна. — Ах, какие бывают на свете дрянные люди! Вот и Уточка скажет то же самое.

— Да, да... — подтвердила Уточка. — Я своими глазами видела, как они спрятались под диван.

Уточка всегда и со всеми соглашалась.

— Нужно вернуть гостей... — продолжала Катя. — Мы еще повеселимся...

Гости вернулись охотно. У кого был подбит глаз, кто прихрамывал; у Петрушки всего сильнее пострадал его длинный нос.

— Ах, разбойники! — повторяли все в один голос, браня Зайчика и Башмачок. — Кто бы мог подумать?..

— Ах, как я устал! Все руки отколотил, — жаловался Ванька. — Ну, да что поминать старое... Я не злопамятен. Эй, музыка!..

Опять забил барабан: тра-та! та-та-та! Заиграли трубы: тру-ту! ру-ру-ру!.. А Петрушка неистово кричал:

— Ура, Ванька!..

СЕРАЯ ШЕЙКА

I

Первый осенний холод, от которого пожелтела трава, привел всех птиц в большую тревогу. Все начали готовиться в далекий путь, и все имели такой серьезный, озабоченный вид. Да, нелегко перелететь пространство в несколько тысяч верст... Сколько бедных птиц дорогой выбьется из сил, сколько погибнет от разных случайностей, — вообще, было о чем серьезно подумать.

Серьезная, большая птица — лебеди, гуси и утки собирались в дорогу с важным видом, сознавая всю трудность предстоящего подвига; а более всех шумели, суетились и хлопотали маленькие птички — кулички-песочники, кулички-плавунчики, чернозобики, черныши, зуйки. Они давно уж собирались стайками и переносились с одного берега на другой, по отмелям и болотам с такой быстротой, точно кто бросил горсть гороху. У маленьких птичек была такая большая работа...

Лес стоял темный и молчаливый, потому что главные певцы улетели, не дожидаясь холода.

— И куда эта мелочь торопится! — ворчал старый Селезень, не любивший себя беспокоить. — В свое время все улетим... Не понимаю, о чем тут беспокоиться.

— Ты всегда был лентяем, поэтому тебе и неприятно смотреть на чужие хлопоты, — объяснила его жена, старая Утка.

— Я был лентяем? Ты просто несправедлива ко мне, и больше ничего. Может быть, я побольше всех забочусь, а только не показываю вида. Толку от этого немного, если буду бегать с утра до ночи по берегу, кричать, мешать другим, надоедать всем.

Утка вообще была не совсем довольна своим супругом, а теперь окончательно рассердилась:

— Ты посмотри на других-то, лентяй! Вон наши соседи, гуси или лебеди, — любо на них посмотреть. Живут душа в душу... Небось лебедь или гусь не бросит своего гнезда и всегда — впереди выводка. Да, да... А тебе до детей и дела нет. Только и думаешь о себе, чтобы набить зоб. Лентяй, одним словом... Смотреть-то на тебя даже противно!

— Не ворчи, старуха!.. Ведь я ничего не говорю, что у тебя такой неприятный характер. У всякого есть свои недостатки... Я не виноват, что гусь — глупая птица и поэтому нянчится со своим выводком. Вообще мое правило — не вмешиваться в чужие дела. Зачем? Пусть всякий живет по-своему.

Селезень любил серьезные рассуждения, причем оказывалось как-то так, что именно он, Селезень, всегда прав, всегда умен и всегда лучше всех. Утка давно к этому привыкла, а сейчас волновалась по совершенно особенному случаю.

— Какой ты отец? — накинулась она на мужа. — Отцы заботятся о детях, а тебе — хоть трава не расти!..

— Ты это о Серой Шейке говоришь? Что же я могу поделать, если она не может летать? Я не виноват...

Серой Шейкой они называли свою калеку-дочь, у которой было переломлено крыло еще весной, когда подкралась к выводку лиса и схватила утенка. Старая Утка смело бросилась на врага и отбила утенка; но одно крылышко оказалось сломанным.

— Даже и подумать страшно, как мы покинем здесь Серую Шейку одну, — повторяла Утка со слезами. — Все улетят, а она останется одна-одинешенька. Да, совсем одна... Мы улетим на юг, в тепло, а она, бедняжка, здесь будет мерзнуть... Ведь она наша дочь, и как я ее люблю, мою Серую Шейку! Знаешь, старик, останусь-ка я с ней зимовать здесь вместе...

— А другие дети?

— Те здоровы, обойдутся и без меня.

Селезень всегда старался замять разговор, когда речь заходила о Серой Шейке. Конечно, он тоже любил ее, но зачем же напрасно тревожить себя? Ну, останется, ну, замерзнет, — жаль, конечно, а все-таки ничего не поделаешь. Наконец, нужно подумать и о других детях. Жена вечно волнуется, а нужно смотреть на вещи просто. Селезень про себя жалел жену, но не понимал в полной мере ее материнского горя. Уж лучше было бы, если бы тогда Лиса совсем съела Серую Шейку, — ведь все равно она должна погибнуть зимою.

II

Старая Утка, ввиду близившейся разлуки, относилась к дочери-калеке с удвоенной нежностью. Бедная Серая Шейка еще не знала, что такое разлука и одиночество, и смотрела на сборы других в дорогу с любопытством новичка. Правда, ей иногда делалось завидно, что ее братья и сестры так весело собираются к отлету, что они будут опять где-то там, далеко-далеко, где не бывает зимы.

— Ведь вы весной вернетесь? — спрашивала Серая Шейка у матери.

— Да, да, вернемся, моя дорогая... И опять будем жить все вместе.

Для утешения начинавшей задумываться Серой Шейки мать рассказала ей несколько таких же случаев, когда утки оставались на зиму. Она была лично знакома с двумя такими парами.

— Как-нибудь, милая, перебеешься, — успокаивала старая Утка. — Сначала поскучаешь, а потом привыкнешь. Если бы можно было тебя перенести на теплый ключ, что и зимой не замерзает, — совсем было бы хорошо. Это недалеко отсюда... Впрочем, что же и говорить-то попусту, все равно нам не перенести тебя туда!

— Я буду все время думать о вас... — повторяла бедная Серая Шейка. — Всё буду думать: где вы, что вы делаете, весело ли вам... Все равно и будет, точно и я с вами вместе.

Старой Утке нужно было собрать все силы, чтобы не выдать своего отчаяния. Она старалась казаться веселой и плакала потихоньку ото всех. Ах, как ей было жаль

милой, бедненькой Серой Шейки!.. Других детей она теперь почти не замечала и не обращала на них внимания, и ей казалось, что она даже совсем их не любит.

А как быстро летело время! Был уже целый ряд холодных утренников, от инея пожелтели березки и покраснели осины. Вода в реке потемнела, и самая река казалась больше, потому что берега оголились. — Береговая поросль быстро теряла листву. Холодный осенний ветер обрывал засыхавшие листья и уносил их. Небо часто покрывалось тяжелыми облаками, ронявшими мелкий осенний дождь. Вообще хорошего было мало, и который день уже неслись мимо стаи перелетной птицы...

Первыми тронулись болотные птицы, потому что болота уже начинали промерзать. Дольше всех оставались водоплавающие. Серую Шейку больше всего огорчал перелет журавлей, потому что они так жалобно курлыкали, точно звали ее с собой. У нее в первый раз сжалось сердце от какого-то тайного предчувствия, и она долго провожала глазами уносившуюся в небо журавлиную стаю.

«Как им, должно быть, хорошо!» — думала Серая Шейка.

Лебеди, гуси и утки тоже начинали готовиться к отлету. Отдельные гнезда соединялись в большие стаи. Старые и бывалые птицы учили молодых. Каждое утро эта молодежь с веселым криком делала большие прогулки, чтобы укрепить крылья для далекого перелета. Умные вожаки сначала обучали отдельные партии, а потом — всех вместе. Сколько было крика, молодого веселья и радости...

Одна Серая Шейка не могла принимать участия в этих прогулках и любовалась ими только издали. Что делать, приходилось мириться со своей судьбой. Зато как она плавала, как ныряла! Вода для нее составляла всё.

— Нужно отправляться... пора! — говорили старики вожаки. — Что нам здесь ждать?

А время летело, быстро летело... Наступил и роковой день.

Вся стая сбилась в одну живую кучу на реке. Это было ранним осенним утром, когда вода еще была покрыта густым туманом. Утиный косяк сбился из трехсот штук. Слышно было только криканье главных вожаков.

Старая Утка не спала всю ночь — это была последняя ночь, которую она проводила вместе с Серой Шейкой.

— Ты держись вон около того берега, где в реку сбегает ключик, — советовала она. — Там вода не замерзнет целую зиму...

Серая Шейка держалась в стороне от косяка, как чужая...

Да все были так заняты общим отлетом, что на нее никто не обращал внимания. У старой Утки все сердце изболелось за бедную Серую Шейку. Несколько раз она решала про себя, что останется; но как останешься, когда есть другие дети и нужно лететь вместе с косяком?..

— Ну, трогай! — громко скомандовал главный вожак, и стая поднялась разом вверх.

Серая Шейка осталась на реке одна и долго провожала глазами улетевший косяк. Сначала все летели одной живой кучей, а потом вытянулись в правильный треугольник и скрылись.

«Неужели я совсем одна? — думала Серая Шейка, заливаясь слезами. — Уж лучше было бы, если бы тогда Лиса меня съела...»

III

Река, на которой осталась Серая Шейка, весело катилась в горах, покрытых густым лесом. Место было глухое — и никакого жилья кругом. По утрам вода у берегов начинала замерзать, а днем тонкий, как стекло, лед таял.

«Неужели вся река замерзнет?» — думала Серая Шейка с ужасом.

Скучно ей было одной, и она все думала про своих улетевших братьев и сестер. Где-то они сейчас? Благополучно ли долетели? Вспоминают ли про нее? Времени было достаточно, чтобы подумать обо всем. Узнала она и одиночество. Река была пуста, и жизнь сохранялась только в лесу, где посвистывали рябчики, прыгали белки и зайцы.

Раз со скуки Серая Шейка забралась в лес и страшно перепугалась, когда из-под куста кубарем выкатил Заяц.

— Ах, как ты меня напугала, глупая! — проговорил Заяц, немного успокоившись. — Душа в пятки ушла... И зачем ты толчешься здесь? Ведь все утки давно улетели...

— Я не могу летать: Лиса мне крылышко перекусила, когда я была еще совсем маленькой...

— Уж эта мне Лиса!.. Нет хуже зверя. Она и до меня давно добирается... Ты берегись ее, особенно когда река покроется льдом. Как раз сцапает...

Они познакомились. Заяц был такой же беззащитный, как и Серая Шейка, и спасал свою жизнь постоянным бегством.

— Если бы мне крылья, как птице, так я бы, кажется, никого на свете не боялся!.. У тебя вот хоть и крыльев нет, так зато ты плавать умеешь, а не то возьмешь и нырнешь в воду, — говорил он. — А я постоянно дрожу со страху... У меня — кругом враги. Летом еще можно спрятаться куда-нибудь, а зимой все видно.

Скоро выпал и первый снег, а река все еще не поддавалась холоду. Все, что замерзло по ночам, вода разбивала. Борьба шла не на живот, а на смерть. Всего опаснее были ясные, звездные ночи, когда все затихало и на реке не было волн. Река точно засыпала, и холод старался сковать ее льдом сонную.

Так и случилось. Была тихая-тихая, звездная ночь. Тихо стоял темный лес на берегу, точно стража из великанов. Горы казались выше, как это бывает ночью. Высокий месяц обливал все своим трепетным, искрившимся светом. Бурлившая днем, горная река присмирела, и к ней тихо-тихо подкрался холод, крепко-крепко обнял гордую, непокорную красавицу и точно прикрыв ее зеркальным стеклом.

Серая Шейка была в отчаянии, потому что не замерзла только самая середина реки, где образовалась широкая полынья. Свободного места, где можно было плавать, оставалось не больше пятнадцати сажен.

Огорчение Серой Шейки дошло до последней степени, когда на берегу показалась Лиса, — это была та самая Лиса, которая переломила ей крыло.

— А, старая знакомая, здравствуй! — ласково проговорила Лиса, останавливаясь на берегу. — Давненько не виделись... Поздравляю с зимой.

— Уходи, пожалуйста, я совсем не хочу с тобой разговаривать, — ответила Серая Шейка.

— Это за мою-то ласку! Хороша же ты, нечего сказать!.. А впрочем, про меня много лишнего говорят. Сами наделают что-нибудь, а потом на меня и свалят... Пока — до свиданья!

Когда Лиса убралась, приковывал Заяц и сказал:

— Берегись, Серая Шейка: она опять придет.

И Серая Шейка тоже начала бояться, как боялся Заяц. Бедная даже не могла любоваться творившимися кругом нее чудесами. Наступила уже настоящая зима. Земля была покрыта белоснежным ковром. Не оставалось ни одного темного пятнышка. Даже голые березы, ольхи, ивы и рябины убрались инеем, точно серебристым пухом. А ели сделались еще важнее. Они стояли засыпанные снегом, как будто надели дорогую теплую шубу.

Да, чудно, хорошо было кругом! А бедная Серая Шейка знала только одно, что эта красота — не для нее, и трепетала при одной мысли, что ее полынья вот-вот замерзнет и ей некуда будет деться. Лиса действительно пришла через несколько дней, села на берегу и опять заговорила:

— Соскучилась я по тебе, уточка... Выходи сюда; а не хочешь, так я и сама к тебе приду... Я не спесива...

И Лиса принялась ползти осторожно по льду к самой полынье. У Серой Шейки замерло сердце. Но Лиса не могла подобраться к самой воде, потому что там лед был еще очень тонок. Она положила голову на передние лапки, облизнулась и проговорила:

— Какая ты глупая, уточка... Вылезай на лед! А впрочем, до свиданья! Я тороплюсь по своим делам...

Лиса начала приходить каждый день — проведать, не застыла ли полынья. Наступившие морозы делали свое дело. От большой полыньи оставалось всего одно окно, в сажень величиной. Лед был крепкий, и Лиса садилась на самом краю. Бедная Серая Шейка со страху ныряла в воду, а Лиса сидела и зло посмеивалась над ней:

Ничего, ныряй, а я тебя все равно съем... Выходи лучше сама.

Заяц видел с берега, что проделывала Лиса, и возмущался всем своим заячьим сердцем:

— Ах, какая бессовестная эта Лиса!.. Какая несчастная эта Серая Шейка! Съест ее Лиса...

IV

По всей вероятности, Лиса и съела бы Серую Шейку, когда полынья замерзла бы совсем, но случилось иначе. Заяц все видел своими собственными косыми глазами.

Дело было утром. Заяц выскочил из своего логовища покормиться и поиграть с другими зайцами. Мороз был

здоровый, и зайцы грелись, поколачивая лапку о лапку. Хотя и холодно, а все-таки весело.

— Братцы, берегись! — крикнул кто-то.

Действительно, опасность была на носу. На опушке леса стоял сгорбленный старичок охотник, который подкрался на лыжах совершенно неслышно и высматривал, которого бы зайца застрелить.

«Эх, теплая старухе шуба будет!» — соображал он, выбирая самого крупного зайца.

Он даже прицелился из ружья, но зайцы его заметили и кинулись в лес как сумасшедшие.

— Ах, лукавцы! — рассердился старичок. — Вот уж я вас... Того не понимают, глупые, что нельзя старухе без шубы. Не мерзнуть же ей... А вы Акинтича не обманете, сколько ни бегайте. Акинтич-то похитрее будет... А старуха Акинтичу вон как наказывала: «Ты смотри, старик, без шубы не приходи!» А вы — бегать...

Старичок пустился разыскивать зайцев по следам, но зайцы рассыпались по лесу, как горох. Старичок порядком измучился, обругал лукавых зайцев и присел на берегу реки отдохнуть.

— Эх, старуха, старуха, убежала наша шуба! — думал он вслух. — Ну, вот отдохну и пойду искать другую.

Сидит старичок, горюет, а тут, глядь, — Лиса по реке ползет, — так и ползет, точно кошка.

— Ге-ге, вот так штука! — обрадовался старичок. — К старухиной-то шубе воротник сам ползет... Видно, пить захотела, а то, может, и рыбки вздумала половить.

Лиса действительно подползла к самой полынье, в которой плавала Серая Шейка, и улеглась на льду. Стариковские глаза видели плохо и из-за Лисы не замечали утки.

«Надо так ее застрелить, чтобы воротника не испортить, — соображал старик, прицеливаясь в Лису. — А то вот как старуха будет браниться, если воротник-то в дырках окажется... Тоже своя сноровка везде надобна, а без снасти и клопа не убешь».

Старичок долго прицеливался, выбирая место в будущем воротнике. Наконец грянул выстрел. Сквозь дым от выстрела охотник видел, как что-то метнулось на льду, — и со всех ног кинулся к полынье. По дороге он два раза упал, а когда добежал до полыньи, только руками развел: воротника как не бывало, а в полынье плавала одна перепуганная Серая Шейка.

— Вот так штука! — ахнул старичок, разводя руками. — В первый раз вижу, как Лиса в утку обратилась... Ну и хитер зверь!

— Дедушка, Лиса убежала, — объяснила Серая Шейка.

— Убежала? Вот тебе, старуха, и воротник к шубе... Что же я теперь буду делать, а? Ну, и грех вышел... А ты, глупая, зачем тут плаваешь?

— А я, дедушка, не могла улететь вместе с другими. У меня одно крылышко попорчено...

— Ах, глупая, глупая!.. Да ведь ты замерзнешь тут или Лиса тебя съест... Да...

Старичок подумал-подумал, покачал головой и решил:

— А мы вот что с тобой сделаем: я тебя внучкам унесу. Вот-то обрадуются... А весной ты старухе яичек нанесешь да утятку выведешь. Так я говорю? Вот то-то, глупая...

Старичок добыл Серую Шейку из полыньи и положил за пазуху.

«А старухе я ничего не скажу, — соображал он, направляясь домой. — Пусть ее шуба с воротником вместе еще погуляет в лесу. Главное — внучки вот как обрадуются...»

Зайцы всё это видели и весело смеялись. Ничего, старуха и без шубы на печке не замерзнет.

Лев Николаевич Толстой

1828 — 1910

Первым произведением Толстого, появившимся в печати, была повесть «Детство» (1852), написанная на Кавказе. За «Детством» последовали повести «Отрочество» и «Юность», составившие трилогию.

В своей усадьбе Ясной Поляне и в окрестных деревнях писатель открывает школы, сам учит крестьянских детей, издает педагогический журнал «Ясная Поляна», составляет книги для чтения, «Азбуку», «Новую азбуку», пишет для них увлекательные рассказы и сказки. Толстой много над ними работает, переделывая десятки раз, добиваясь предельной простоты и ясности.

В течение всей жизни Толстой изучал произведения устного народного творчества — песни, сказки, былины, легенды. Его сказки для детей, написанные на основе народных, так же популярны, как и другие его произведения.

ТРИ МЕДВЕДЯ

Одна девочка ушла из дома в лес. В лесу она заблудилась и стала искать дорогу домой, да не нашла, а пришла в лесу к домику. Дверь была отворена: она посмотрела в дверь, видит, в домике никого нет, и вошла.

В домике этом жили три медведя. Один медведь был отец, звали его Михаил Иванович. Он был большой и лохматый. Другой была медведица. Она была поменьше, и звали ее Настасья Петровна. Третий был маленький медвежонок, и звали его Мишутка. Медведей не было дома, — они ушли гулять по лесу.

В домике было две комнаты: одна — столовая, другая — спальня.

Девочка вошла в столовую и увидела на столе три чашки с похлебкой. Первая чашка, очень большая, была Михайлы Ивановичева. Вторая чашка, поменьше, была Настасьи Петровнина. Третья, синенькая чашечка, была Мишуткина. Подле каждой чашки лежала ложка: большая, средняя и маленькая.

Девочка взяла самую большую ложку и похлебала из самой большой чашки; потом взяла среднюю ложку и похлебала из средней чашки; потом взяла маленькую

ложечку и похлебала из синенькой чашечки, и Мишуткина похлебка ей показалась лучше всех.

Девочка захотела сесть и видит у стола три стула: один большой — Михайлы Иваныча, другой поменьше — Настасьи Петровни, и третий, маленький, с синенькой подушечкой — Мишуткин.

Она полезла на большой стул и упала; потом села на средний стул, на нем было неловко; потом села на маленький стульчик и засмеялась, — так было хорошо. Она взяла синенькую чашечку на колена и стала есть. Поела всю похлебку и стала качаться на стуле.

Стульчик проломился, и она упала на пол. Она встала, подняла стульчик и пошла в другую горницу. Там стояли три кровати: одна большая — Михайлы Иванычева, другая средняя — Настасьи Петровнина, третья маленькая — Мишенькина.

Девочка легла в большую — ей было слишком просторно; легла в среднюю — было слишком высоко; легла в маленькую — кровать пришлась ей как раз впору, и она заснула.

А медведи пришли домой голодные и захотели обедать.

Большой медведь взял свою чашку, взглянул и заревел страшным голосом:

— КТО ХЛЕБАЛ В МОЕЙ ЧАШКЕ!

Настасья Петровна посмотрела свою чашку и зарычала не так громко:

— КТО ХЛЕБАЛ В МОЕЙ ЧАШКЕ!

А Мишутка увидал свою пустую чашечку и запищал тонким голосом:

— КТО ХЛЕБАЛ В МОЕЙ ЧАШКЕ И ВСЕ ВЫХЛЕБАЛ!

Михайло Иваныч взглянул на свой стул и зарычал страшным голосом:

— КТО СИДЕЛ НА МОЕМ СТУЛЕ
И СДВИНУЛ ЕГО С МЕСТА!

Настасья Петровна взглянула на свой стул и зарычала не так громко:

— КТО СИДЕЛ НА МОЕМ СТУЛЕ
И СДВИНУЛ ЕГО С МЕСТА!

Мишутка взглянул на свой сломанный стульчик и пропищал:

— КТО СИДЕЛ НА МОЕМ СТУЛЕ И СЛОМАЛ ЕГО!

Медведи пришли в другую горницу.

— КТО ЛОЖИЛСЯ В МОЮ ПОСТЕЛЬ И СМЯЛ ЕЕ! —
заревел Михайло Иваныч страшным голосом.

— КТО ЛОЖИЛСЯ В МОЮ ПОСТЕЛЬ И СМЯЛ ЕЕ! —
зарычала Настасья Петровна не так громко.

А Мишенька подставил скамеечку, полез в свою кроватку и запищал тонким голосом:

— КТО ЛОЖИЛСЯ В МОЮ ПОСТЕЛЬ!

И вдруг он увидел девочку и завизжал так, как будто его режут:

— ВОТ ОНА! ДЕРЖИ, ДЕРЖИ! ВОТ ОНА!
ВОТ ОНА! АЙ-Я-ЯЙ! ДЕРЖИ!

Он хотел ее укусить. Девочка открыла глаза, увидела медведей и бросилась к окну. Окно было открыто, она выскочила в окно и убежала. И медведи не догнали ее.

ЛИПУНЮШКА

Жил старик со старухой. У них не было детей. Старик поехал в поле пахать, а старуха осталась дома блины печь. Старуха напекла блинов и говорит:

— Если бы был у нас сын, он бы отцу блинов отнес; а теперь с кем я пошлю?

Вдруг из хлопка вылез маленький сыночек и говорит:

— Здравствуй, матушка!..

А старуха и говорит:

— Откуда ты, сыночек, взялся и как тебя звать?

А сыночек и говорит:

— Ты, матушка, отпряла хлопочек и положила в столбочек, я там и вывелся. А звать меня Липунюшкой. Дай, матушка, я отнесу блинов батюшке.

Старуха и говорит:

— Ты донесешь ли, Липунюшка?

— Донесу, матушка...

Старуха завязала блины в узелок и дала сыночку. Липунюшка взял узелок и побежал в поле.

В поле попалась ему на дороге кочка, он и кричит:

— Батюшка, батюшка, пересади меня через кочку! Я тебе блинов принес.

Старик услышал с поля — кто-то его зовет, пошел к сыну навстречу, пересадил его через кочку и говорит:

— Откуда ты, сынок?

А мальчик говорит:

— Я, батюшка, в хлопочке вывелся, — и подал отцу блинов.

Старик сел завтракать, а мальчик говорит:

— Дай, батюшка, я буду пахать.

А старик говорит:

— У тебя силы неостанет пахать.

А Липунюшка взялся за соху и стал пахать. Сам пашет и сам песню поет.

Ехал мимо этого поля барин и увидел, что старик сидит завтракает, а лошадь одна пашет. Барин вышел из кареты и говорит старику:

— Как это у тебя, старик, лошадь одна пашет?

А старик говорит:

— У меня там мальчик пашет, он и песни поет.

Барин подошел ближе, услышал песни и увидел Липунюшку.

Барин и говорит:

— Старик! Продай мне мальчика.

А старик говорит:

— Нет, мне нельзя продать, у меня один только и есть.

А Липунюшка говорит старику:

— Продай, батюшка, я убегу от него.

Мужик и продал мальчика за сто рублей. Барин отдал деньги, взял мальчика, завернул его в платочек и положил в карман. Барин приехал домой и говорит жене:

— Я тебе радость привез.

А жена говорит:

— Покажи, что такое?

Барин достал платочек из кармана, развернул его, а в платочке ничего нету. Липунюшка уж давно к отцу убежал.

ДЕВОЧКА И РАЗБОЙНИКИ

Одна девочка стерегла в поле корову. Пришли разбойники и увезли девочку. Разбойники привезли девочку в лес в дом и велели ей стряпать, убирать и шить. Девочка жила у разбойников, работала на них и не знала, как уйти. Когда разбойники уходили, они запирали девочку. Разуши все разбойники и оставили девочку одну. Она принесла соломы, сделала из соломы куклу, надела на нее свои платья и посадила у окна. А сама вымазалась медом, вывалялась в перьях и стала похожа на страшную птицу. Она выскочила в окно и побежала. Только что она вышла на дорогу, видит — навстречу ей идут разбойники.

Разбойники не узнали ее и спросили:

— Чучело, что наша девочка делает?

А девочка и говорит:

— Она моет, готовит и шьет, у окна разбойничков ждет.

И сама еще скорее побежала.

Разбойники пришли домой и видят — у окна кто-то сидит.

Они поклонились и говорят:

— Здравствуй, наша девочка, отопри нам, — и видят, что девочка не кланяется, молчит.

Они стали бранить куклу, а она все не двигается и молчит. Тогда они сломали дверь и хотели убить девочку — и тут увидели, что это не девочка, а соломенная кукла. Разбойники ее бросили и говорят:

— Обманула нас девочка!

А девочка пришла к реке, обмылась и пришла домой.

ДВА БРАТА

Два брата пошли вместе путешествовать. В полдень они легли отдохнуть в лесу. Когда они проснулись, то увидели — подле них лежит камень и на камне что-то написано. Они стали разбирать и прочли:

«Кто найдет этот камень, тот пускай идет прямо в лес, на восход солнца. В лесу придет река: пускай плывет через эту реку на другую сторону. Увидишь медведицу с мед-

вежатами: отними медвежат у медведицы и беги без оглядки прямо в гору. На горе увидишь дом и в доме том найдешь счастье».

Братья прочли, что было написано, и меньшей сказал:

— Давай пойдем вместе. Может быть, мы переплывем эту реку, донесем медвежат до дому и вместе найдем счастье.

Тогда старший сказал:

— Я не пойду в лес за медвежатами и тебе не советую. Первое дело: никто не знает, правда ли написано на этом камне; может быть, все это написано на смех. Да, может быть, мы и не так разобрали. Второе: если и правда написана — пойдем мы в лес, придет ночь, мы не попадем на реку и заблудимся. Да если и найдем реку, как мы переплывем ее? Может быть, она быстра и широка? Третье: если и переплывем реку — разве легкое дело отнять у медведицы медвежат; она нас задерет, и мы, вместо счастья, пропадем ни за что. Четвертое дело: если нам и удастся унести медвежат, — мы не добежим без отдыха в гору. Главное же дело, не сказано, какое счастье мы найдем в этом доме? Может быть, нас там ждет такое счастье, какого нам вовсе не нужно.

А меньшей сказал:

— По-моему, не так. Напрасно этого писать на камне не стали бы. И все написано ясно. Первое дело: нам беды не будет, если и попытаемся. Второе дело: если мы не пойдем, кто-нибудь другой прочтет надпись на камне и найдет счастье, а мы останемся ни при чем. Третье дело: не потрудиться да не поработать — ничто в свете не радует. четвертое: не хочу я, чтоб подумали, что я чего-нибудь да побоялся.

Тогда старший сказал:

— И пословица говорит: искать большего счастья — малое потерять; да еще: не сули журавля в небе, а дай синицу в руки.

А меньшей сказал:

— А я слыхал — волков бояться — в лес не ходить; да еще: под лежачий камень вода не потечет. По мне, надо идти.

Меньшой брат пошел, а старший остался.

Как только меньшей брат вошел в лес, он напал на реку, переплыл ее и тут же на берегу увидал медведицу.

Она спала. Он ухватил медвежат и побежал без оглядки на гору. Только что добежал доверху, выходит ему навстречу народ, подвезли ему карету, повезли в город и сделали царем.

Он царствовал пять лет. На шестой год пришел на него войной другой царь, сильнее его; завоевал город и прогнал его. Тогда меньшой брат пошел опять странствовать и пришел к старшему брату.

Старший брат жил в деревне ни богато, ни бедно. Братья обрадовались друг другу и стали рассказывать про свою жизнь.

Старший брат и говорит:

— Вот и вышла моя правда: я все время жил тихо и хорошо, а ты хоть и был царем, зато много горя видел.

А меньшой сказал:

— Я не тужу, что пошел тогда в лес на гору; хоть мне и плохо теперь, зато есть чем помянуть мою жизнь, а тебе и помянуть-то нечем.

КАК МУЖИК ГУСЕЙ ДЕЛИЛ

У одного бедного мужика не стало хлеба. Вот он и задумал попросить хлеба у барина. Чтобы было с чем идти к барину, он поймал гуся, изжарил его и понес. Барин принял гуся и говорит мужику:

— Спасибо, мужик, тебе за гуся, только не знаю, как мы твоего гуся делить будем. Вот у меня жена, два сына и две дочери. Как бы нам разделить гуся без обиды?

Мужик говорит:

— Я разделю. — Взял ножик, отрезал голову и говорит барину: — Ты всему дому голова, тебе голову. — Потом отрезал задок, подает барыне: — Тебе, — говорит, — дома сидеть, за домом смотреть, тебе задок. — Потом отрезал лапки и подает сыновьям: — Вам, — говорит, — ножки — топтать отцовские дорожки. — А дочерям дал крылья: — Вы, — говорит, — скоро из дома улетите, вот вам по крылышку. А остаточки себе возьму! — И взял себе всего гуся.

Барин посмеялся, дал мужику хлеба и денег.

Услыхал богатый мужик, что барин за гуся наградил

бедного мужика хлебом и деньгами, зажарил пять гусей и понес к барину.

Барин говорит:

— Спасибо за гусей. Да вот у меня жена, два сына, две дочери, всех шестеро, как бы нам поровну разделить твоих гусей?

Стал богатый мужик думать и ничего не придумал.

Послал барин за бедным мужиком и велел делить. Бедный мужик взял одного гуся — дал барину с барыней и говорит:

— Вот вас трое с гусем. — Одного дал сыновьям: — И вас, говорит, — трое. — Одного дал дочерям: — И вас трое. — А себе взял двух гусей: — Вот, — говорит, — и нас трое с гусями, — все поровну.

Барин посмеялся и дал бедному мужику еще денег и хлеба, а богатого прогнал.

СКАЗКИ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА

Константин Дмитриевич Бальмонт

1867 — 1942

К. Д. Бальмонт — поэт, критик, переводчик. Оригинальная, самобытная личность. «Его нельзя сравнивать. Он весь исключение. Его можно любить только лично», — писал о Бальмонте Максимилиан Волошин.

Поэт обладал способностью все обращать в поэзию, «стать целым миром, раствориться, разлиться в нем» (И. Анненский). «В Бальмонте же, кроме поэта, нет ничего... На каждом бальмонтовском жесте, слове — клеймо — печать — звезда — поэта», — подметила Марина Цветаева.

Всю жизнь поэт посредством стиха стремился возратить, воскресить утраченное детство и чувство полного единения с миром, восторженность и упоение юности. «И если в его (Бальмонта) душе живет четкое видение земли, то это какой-нибудь serene пейзаж Владимирской губернии (поэт родился в деревне Гумнищи Шуйского уезда Владимирской губернии), воспоминание о русской деревне...» (Максимилиан Волошин).

В 1905 году Бальмонт выпустил книгу «Фейные сказки». Эти «детские песенки» поэт посвятил «Солнечной Нинике с светлыми глазками» — своей четырехлетней дочке, которую любил со всей отцовской нежностью: Этот букетик из тонких былинки — стихи о проделках и приключениях крошечной феи, ее друзей и недругов.

Уже взрослая, дочь поэта, оставшись на родине, разлученная с отцом (Бальмонт эмигрировал), любовно оберегала его архив и помогала в изданиях его произведений. Сейчас ее уже нет в живых. Но все блестят в «Фейных сказках» «глазки изумрудные» «Солнечной Ниники» (Е. Беренштейн).

24 апреля 1935 года в Париже состоялся вечер, посвященный 50-летию литературной деятельности Бальмонта. На нем выступила со «Словом о Бальмонте» Марина Цветаева: «Бальмонт — самое лучшее, что дал в конце старый мир».

Из книги «Фейные сказки»

Детские песенки

НАРЯДЫ ФЕИ

У Феи — глазки изумрудные,
Все на траву она глядит.
У ней наряды дивно-чудные,
Опал, топаз и хризолит.

Есть жемчуга из света лунного,
Каких не видел взор ничей.
Есть поясок покроя струнного
Из ярких солнечных лучей.

Еще ей платье подвенечное
Дал колокольчик полевой,
Сулил ей счастье бесконечное,
Звонил в цветок свой голубой.

Росинка, с грезой серебристою,
Зажглась алмазным огоньком.
А ландыш свечкою душистою
Горел на свадьбе с Светляком.

ПРОГУЛКА ФЕИ

Фея в сад гулять пошла,
Так нарядна и светла,
Говорит с цветами;
Ей цветы: Будь с нами.

Фея, будь, как мы, цветок,
Развернись, как лепесток.
Будь рябинкой дикой,
Или павиликой.

Будь анютиным глазком,
Или синим васильком,
Иль еще, малюткой,
Синей незабудкой.

Прилетит на лепесток
Желтокрылый мотылек,
Хоботком коснется,
Фея улыбнется.

Прилетит к тебе пчела,
Прожужжит: не бойся зла,
Я лишь пыль собираю,
Мед приготавливаю.

Покачнув на тыне хмель,
Прогудит мохнатый шмель:
Ну-ка поцелую
Фею молодую.

А когда придет закат,
Все цветы проговорят:
В росах умываться,
Спать приготавливаться.

Фея слушала цветы,
Фея нежила листы,
Но, сама причуда,
Прочь попла оттуда.

Или я на мотылька
Променяю светлячка?
Не хочу меняться. —
И давай смеяться.

Скрылась в замок под листком,
Забавлялась с Светляком.
Цветиком не стала,
Звонко хохотала.

ФЕЯ ЗА ДЕЛОМ

К Фее в замок собрались
Мошки и букашки.
Перед этим напились
Капелек с ромашки.

И давай жужжать, галдеть,
В зале паутиной,

Точно выискали клеть,
А не замок чинный.

Стали жаловаться все
С самого начала,
Что ромашка им в росе
Яду подмешала.

А потом на комара
Жаловалась муха,
Говорит, мол, я стара,
Плакалась старуха.

Фея слушала их вздор,
И сказала: «Верьте,
Мне ваш гам и этот сор
Надоел до смерти».

И велела пауку, —
Встав с воздушных кресел, —
Чтобы тотчас на суку
Сети он развесил.

И немедля стал паук
Вешать паутинки.
А она пошла на луг
Проверять росинки.

РЕШЕНИЕ ФЕИ

Солнце жаворонку силу петь дает,
Он до Солнца долетает и поет,
Птичка жаворонок — певчим птичкам царь.
На совете птиц давно решили, встарь.

Но решенье птиц не принял соловей,
Он с обидой дожидается ночей.
И как только означается луна,
Соловьиная баллада всем слышна.

Фея молвила: «Чего же спорить им?
Ну и глупые с решением своим.
После утра есть вечерняя заря.
В дне и ночи пусть нам будет два царя».

ВОЛК ФЕИ

Странный Волк у этой Феи.
Я спросил его: «Ты злой?»
Он лизнул цветок лилеи
И мотнул мне головой.

«Это прежде, мол, случилось,
В старине былых годов.
Злость моя тогда встречалась
С Красной Шапочкой лесов.

Но, когда охотник рьяный
Распорол мне мой живот,
Вдруг исчезли все обманы,
Все пошло наоборот.

Стал я кроткий, стал я мирный,
Здесь при Фее состою,
На балах, под рокот лирный,
Подвываю и пою.

В животе же, плотно сшитом,
Не убитые теперь.
Я кормлюсь травой и житом,
Я хоть волк, но я не зверь».

Так прошамкал Волк мне серый
И в амбар с овсом залез.
Я ж, дивясь ему без меры,
Поскорей в дремучий лес.

Может, там другой найдется
Серый Волк, и злющий Волк.
Порох праздника дождетя,
И курок ружейный — щелк.

А уж этот Волк, лилейный,
Лирный, мирный, и с овсом,
Пусть он будет в сказке фейной
И на «ты» с дворовым псом.

РОДНИК

Прочь от елочки хмурной,
Мимо роз и гвоздик,
До сирени лазурной
Пробегает родник.

Отдает он прохладу
И листьям и цветам,
Серебрится по саду,
Потерялся вон там.

За зеленой оградой,
Где летают стрижи,
Он возник серенадой
В честь желтеющей ржи.

КАПЛИ СМОЛЫ

Липкие капли смолы
С этой сосны мы сберем.
Богу лесному хвалы
Голосом светлым споем.

Яркий воздвигнем костер,
Много смолистых ветвей.
Будет он радовать взор
Пляской змеиных огней.

Капли душистой смолы
Будут гореть, как свеча.
Богу лесному хвалы,
Радость огней горяча.

АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ

Анютины глазки,
Жасмин, маргаритки,
Вы — буквы на свитке
Поблекнувшей сказки.

Вы где-то дышали,
Кому-то светили,
Без слез, без печали,
Вы жили, вы были.

И вот чрез мечтанья,
Воздушны и зыбки,
Вы шлете сиянья,
Дарите улыбки.

Вы шлете мне ласки,
В бессмертном избытке,
Жасмин, маргаритки,
Анютины глазки.

БАБОЧКА

Помню я, бабочка билась в окно.
Крылышки тонко стучали.
Тонко стекло, и прозрачно оно.
Но отделяет от дали.

В мае то было. Мне было пять лет.
В нашей усадьбе старинной.
Узнице воздух вернул я и свет.
Выпустил в сад наш пустынный.

Если умру я, и спросят меня:
«В чем твое доброе дело?»
Молвлю я: «Мысль моя майского дня
Бабочке зла не хотела».

СЕДОЙ ОДУВАНЧИК

Одуванчик, целый мир,
Круглый, как земля,
Ты зовешь меня на пир,
Серебря поля.

Ты мне ясно говоришь:
Расцветай с весной.
Будет нега, будет тишь,
Будь в веселье мной.

Поседеешь, отцветешь,
Разлетишься весь.
Но тоска и страхи — ложь,
Счастье вечно здесь.

Поседеешь, но седой
Помни свой черед.
Будешь снова золотой,
Утром, через год.

РУСАЛОЧКА

Русалка с звонким хохотком,
Таким хрустально-чистым
И в этом воздухе ночном
Так лунно-серебристом,

Меня звала и мне плела
Такие небылицы,
Моя разумность вдруг прошла,
И стал я легче птицы.

И в воду, прямо в воду к ней, —
Удержат ли обрывы!
Но, горе храбрости моей,
Русалочки смешливы.

Я захлебнулся, чуть дышу,
Они меня щекочут,
Как лягушонок, я пляшу,
А им-то что, хохочут.

И надавали мне шлепков
Таких, сказать обидно.
Мелькнул их рой, и был таков.
Я — мокрый! Как мне стыдно!

Алексей Михайлович Ремизов¹

1877 — 1957

А. М. Ремизов — писатель-прозаик. Родился в купеческой семье и получил «строго религиозное воспитание». Сказки няnek, соседа печника, фабричных мастеровых открыли перед ним мир народной поэзии, привили вкус к самобытному русскому слову. Многие из знавших Алексея Михайловича вспоминали о постоянно окружавшей его сказочной атмосфере. «Его письменный стол и полки с книгами уставлены детскими игрушками, — рассказывает Максимилиан Волошин. — Белая мышка-хвостатка стережет шкатулку. А в шкатулке хранится колдовской платок. «Махнешь им, а за спиной озеро встанет». Платок шелковый, полуистлевший от времени, точно из паутины сотканный. Вылинявший пурпур с черным. ... На картонке сидит Зайчик Иваныч: одно ухо опущено и одним глазом глядит, «все о каких-то лисятах вспоминает... Он ли их съел, они ли его детей слопали — понять мудрено».

Писатель по-своему пересказывал сказки, которые слышал в Москве и Сольвычегодской ссылке, отыскал в трудах собирателей фольклора. Сюжеты рязанских сказок (в том числе «Каленые червонцы») сообщил ему поэт С. Есенин. Ремизов «ставил себе задачей воссоздать народный миф, обломки которого узнавал в сохранившихся обрядах, играх, колядках, суевериях, приметах, пословицах, загадках, заговорах и апокрифах». Писатель особенно ценил те сказки, что содержат глубокую нравственную идею.

Из книги «Посолонь»

ЗАЙЧИК ИВАНЫЧ

Жил человек, и у того человека было три дочери, — как одна, красавицы и шустрые, не знали они над собою страха.

Старшую звали Дарьей, среднюю Агафьей, а меньшую Марьей.

Изба их стояла у леса. А лес был такой огромный, такой частый, — ни пройти, ни проехать.

¹ Раздел «Алексей Михайлович Ремизов» подготовлен *А. П. Грачевым*.

Без умолку день-деньской шумел лес, а придет ночь, загорятся звезды, и в звездах, как царь, гудит лес грозно, волнуется.

Много страхов водилось в лесу, а сестрам любо: забегут куда — аукают, передразнивают птичек, и в дом не загонишь до поздней ночи.

Такие веселые, такие проворные, такие бесстрашные — Дарья, Агафья и Марья.

Как-то старшая Дарья мела избу, свалился с полки клубок, покатился клубок по полу, да и за дверь. Схватила Дарья, взялась клубок догонять. А клубок катится, закатился в лес, пошел по кочкам скакать, по хворосту, привел в самую чащу и стал у берлоги.

А из берлоги Медведь тут как тут.

Как увидел Медведь Дарью, зубы оскалил, высунул красный язык, вытянул лапы с когтями и говорит:

— Хочешь моей женой быть, а не то я тебя съем.

Согласилась Дарья. Осталась у Медведя.

Вот живет она себе, поживает, ходит с Медведем по лесу, показывает ей Медведь разные диковины.

У Медведя терем. В терему три клетки¹.

Раскрыл Медведь первую клеть, а в ней серебро рекой льется. Раскрыл Медведь вторую клеть, а в ней живая вода ключом бьет.

Говорит Медведь Дарье:

— Третью клеть я не покажу тебе, и ходить в нее я не велю, а не то я тебя съем.

Целый день нет Медведя, уйдет куда на добычу, а Дарью одну оставит.

Ходит Дарья у запретной клетки, заглянуть смерть хочется.

А сторожил клеть Зайчик Иваныч.

Пробовала Дарья с Зайчиком Иванычем заговаривать, да отмалчивался бесхвостый, — хвостик Зайцу Медведь для приметы отъел, — отмалчивался Зайчик, поводил малиновым усом, уплетал малину.

И не раз в горячах пхала Дарья Зайчика по чем ни попало, таскала за серебряные заячьи ушки. А отляжет сердце, примется целовать Зайца, а то и в пляс пустится. Зайчику — потеха, мяучит. И сам когда-то горазд был, да лапки уходились — не выходит.

Раз Зайчик Иваныч и прикурни на солнышке, заме-

---

¹ *Клеть* — кладовая при избе.

тила Дарья да в клеть. Отворила Дарья дверцу и чуть не убилась — в глазах помутнело: в огромной клетке кипело настоящее золото. И захотелось Дарье потрогать золото, сунула она палец, и стал палец золотым.

Пришел Медведь, принес малины. Сели за стол. Пьют чай.

Медведь говорит Дарье:

— Что это, Дарья, у тебя палец-то золотой?

— Да так себе, — отвечает Дарья, — золотой сделался.

Тут Медведь из-за стола встал и съел Дарью, а косточки в угол бросил.

***

Тосковали сестры. Рыскали по лесу, по-птичьи кликали, звали сестрицу. Хоть бы голос подала, — не слышит.

И год прошел, и другой прошел. Ни духу, ни слуху.

Как-то середняя Агафья подметала избу, сронила клубок. Покатился клубок. Пошла за клубком Агафья. Шла-шла и забралась в самую гущу. Остановился клубок. Глядь — Медведь.

Стал на дыбы Медведь, щелкнул зубами и говорит Агафье:

— Хочешь моей женой быть, а не то я тебя съем.

Агафья и так и сяк, да ничего не поделаешь, осталась жить у Медведя.

Водил ее Медведь по лесу, деревья выворачивал, медом пичкал и всякие медвежьи шутки выкидывал.

У Медведя терем. В терему три клетки.

Растворил Медведь клетки. Глазела Агафья на серебро и живую воду.

— А третью клеть я не отворю тебе, — говорит Медведь, — и ходить в нее не велю, а не то я тебя съем.

Загрустила Агафья, ума не приложит, как бы так клеть посмотреть, чтобы Медведь не узнал. А тут этот Зайчик трется, глаз не сводит. Подходила Агафья к Зайчику Иванычу, щекотала ему малиновый ус, а Зайчик и в ус не дует: мяучит себе по-заячиному, ни слова путного.

Выбежал однажды Зайчик Иваныч на закат полюбоваться, а Агафья стук в клеть. Взглянула — остоленела да в столбняке-то и ткни палец в золото, и стал палец золотым.

Охала и ахала Агафья: как быть, увидит медведь — съест живьем. Побежала к Зайчику. Сидел Зайчик Иванович, напевал себе под нос, штаны чинил. Выхватила Агафья у Зайчика заплатку, перевязала себе золотой палец.

Вот пришел Медведь, приволок лесных лакомств полон короб. Сели за стол.

— Что это у тебя, Агафья, с пальцем? — спрашивает Медведь.

— Ничего, — говорит Агафья, — набередила, вот и обвязала тряпочкой.

— Давай вылечу.

Поднялся Медведь, развязал тряпочку. А под тряпкою золотой палец.

И съел Медведь Агафью, а косточки в угол бросил.

***

Убивалась Марья.

— Сестры, сестрицы мои родимые! — куковала Марья по-кукушечьи.

Только лес шумит, царь-лес.

Так год прошел и другой прошел. Нет сестер.

Как-то подметала Марья пол, скатился клубок и в лес. Шла Марья за клубком, шла, как сестры, вплоть до самой берлоги.

Выскочил из берлоги Медведь, зарычал, оцетинился. Говорит Медведь Марье:

— Хочешь моей женой быть, а не то я тебя съем.

Не сразу далась Марья, заупрямилась. Диву дался Медведь и полюбил ее пуще всех сестер.

Ходит косматый по лесу, собирает цветы, венки плетет. А выйдет с Марьей гулять, про всякую травку ей рассказывает, всякие берложные хитрости кажет. А то ляжет на спину, перекатывается, песни медвежьи поет. Зайчику в знак своего удовольствия мордочку медом вымазал.

У Медведя терем. В терему три клетки.

Все показал Марье Медведь — и серебро и живую воду, а в третью клетку не повел.

— И ходить в эту клетку я тебе не велю, а не то я тебя съем.

— Съем! Съел один такой! — фыркнула Марья, а сама думает, как бы этак Медведя провести?

А Зайчик Иваныч ей глазом мигает. Зайчик Иваныч в Марье души не чаял.

Бывало, уйдет Медведь, а Марья к Зайчику:

— Зайчик, Заинька, научи меня, серенький, как мне быть, погибли сестры, погибну и я: заест меня Медведь.

А Зайчик Иваныч подопрется лапкою, лопочет что-то по-своему.

Так и проводили дни — сядут где на крылечке и сидят рядком, горе горюют.

Раз Зайчик Иваныч лучину щипал: самовар пить собирались.

Известно, примется Зайчик что-нибудь делать, так уж на целый год наделает, такая повадка у Зайчика.

Зайчик весь двор лучинкой закидал.

Марья пособляла Зайчику. И такая тоска на нее нашла, свету она невзвидела, пошла бродить по терему. Постояла, поплакала над костями сестер да с отчаяния туркнулась в запретную клеть. И ослепило ее золото, закружило голову. Да не сплеховала Марья: опустила лучинку в золото. А лучинка, как жар, горит.

— Сестры, сестрицы мои, мои родимые! — всплакнула Марья.

Запрятала Марья золотую лучинку в красный сафьяновый башмачок, отдала башмачок Зайчику. Пошел Зайчик в погреб за молоком да дорогой и сунул башмачок в свою старую норку.

Пришел медведь. Сели брагу пить, все честь честью по-хорошему. И пошла жизнь по-прежнему.

***

Пораскидывал умом Зайчик Иваныч, горе горюя с Марьей на крылечке.

Раз и говорит Зайчик:

— Не умею я по-человечьему сказывать, а то бы сказал.

Тем разговор и кончился.

Бродит Марья по терему, плачет над костями сестер, заглядывает то в одну, то в другую клеть.

И пришло ей на ум счастье попробовать. Набрала она полон рот живой воды, вспрыснула сестрины кости. И встала перед ней Агафья — жива-живехонька.

Что делать, куда деваться? Марья к Зайчику, так и так, говорит.

— Хорошо, — говорит Зайчик, — сию минуту.

Взял Зайчик Агафью за руку да в дупло и запрятал, а сам ей принес туда груш да яблоков и всякого печенья. И дело с концом.

Пришел Медведь. Стал к Марье ластиться. А Марья и говорит:

— Рычун, мой рычун, сделай ты мне, что я тебя попрошу.

— А ты наперед скажи, что тебе сделать, а то ты, может, третью клеть посмотреть хочешь, так я тебя съем.

— Батя мой завтра именинник, хочу пирогов ему испечь, а ты снесешь.

— Это можно, пеки.

Обрадовалась Марья да опрометью на кухню ставить тесто. Поставила она тесто и, когда все было готово, принялась пироги печь. Испекла пироги, взяла мешок, посадила в мешок Агафью, покрыла Агафью пирогами.

Говорит Агафье:

— Сядет Медведь посидеть, станет мешок развязывать, а ты и скажи: «Не садись, муженек, на пенек, все вижу, все слышу».

Чуть только солнышко взошло, взвалил Медведь мешок на плечи, да и в путь-дорогу.

Полднем вздумалось Медведю поотдохнуть маленько, свалил он мешок наземь, стал развязывать.

— Не садись, муженек, на пенек, все вижу, все слышу! — как закричит из мешка Агафья.

Вскочил Медведь, повел ухом.

«Ишь, — подумал, — и голос же у моей Марьи, все видит, и сесть тебе не полагается!..»

И пустился Медведь дальше. А как добежал до избы, шваркнул мешок у калитки да во все лопатки домой обратно.

Долго ли, коротко ли, ни много ни мало, а год, другой прошел.

Вспрыснула Марья сестрины кости. И встала перед ней Дарья жива-живехонька. Опять Марья к Зайчику. Запер Зайчик Дарью в чулан.

А вечером Марья говорит Медведю:

— Мамушка моя именинница, испеку я ей пирогов в день ангела, снеси ты их, косолапушка.

А сама Дарье шепнула:

— Как рассядется Медведь, ты ему крикни: «Не садись, муженек, на пенек, все вижу, все слышу».

Все так и случилось. Сел было Медведь посидеть, стал мешок развязывать, а как услышал голос, оторопел да скорее в путь. А как добежал до калитки, брякнул мешок и опять домой восвояси.

***

— Зайчик, Заинька, научи меня, серенький, что мне делать, не могу больше у Медведя жить, хочу к сестрам!

А Зайчик Иваныч и рад бы что посоветовать Марье, да сказать-то ничего Зайчик не может. А уж так привязался, так привязался он к Марье, на шаг от себя не отпустит. Прямо влип.

Что наработал за долгую зиму, все Зайчик отдал Марье, какие бисерные кошельки понанизал, все отдал Марье. Летось к Медвежьему дяде за тридевять земель скакал, выпросил у старого хрустальную тувельку да жемчугов горстку, все Марье отдал.

Когда с весной зачирикали птицы и полезли из почек листочки, чтобы на свет посмотреть, сказала Зайчику Марья:

— Ну, Зайчик Иваныч, придумала! Уйду я от Медведя.

Зайчик насупился.

А Медведь вечером спрашивает Марью:

— Что ты, красавушка, что ты такая веселая?

— А как мне веселой не быть, батю с мамушкой во сне видела. Испеку я им пирогов, отправлю завтра гостинцу. Еще дрыхнуть ты будешь, я затворюсь в терему, подымусь на вышку, буду следить за тобой, а как тронешься в путь, буду песни петь. Слышишь, ты не зови меня, я одна останусь, буду следить за тобой, буду песни петь.

Послушал Медведь, лег спать спозаранку. А Марья испекла пирогов, позвала Зайчика, сказала Зайчику:

— Прощай, Зайчик Иваныч, прощай, миленький!

Насупился Зайчик, не пускает Марью, уцепился лапками за передник, на глазах слезы.

И вдвоем коротали они последнюю ночь. Рассказывал Марье Зайчик свою заячью жизнь, как была когда-то у Зайчика норка и как Медведь его выгнал из родимой норки и пришиб Зайчиху, и как пришибленная помирала покойница Зайчиха Ивановна.

И плакал Зайчик Иваныч, и о каких-то лисятах по-

минал сквозь слезы... Он ли их съел, они ли детей его слопали, понять мудрено было.

На рассвете юркнула Марья в мешок, обложилась в мешке пирогами. Отнес Зайчик Иваныч мешок к берлоге, запер терем, а сам сел на крыльечке караул держать.

И когда Медведь с своей ношей скрылся из глаз, запрятался Зайчик в свою старую норку, вынул из кованого ларчика красный сафьяновый башмачок, поставил к себе на столик и залился горькими слезами:

— Сестры, сестрицы мои родимые! На кого вы меня покинули одного среди леса в разоренной норке? Зачем вы оставили меня доживать мои последние заячьи дни одиноко среди леса в разоренной норке? Был я вам другом верным, помогал и охранял вас — и все ушли, забыли меня. Сестры, сестрицы мои родимые!

А Медведь шел, шел, задумал присесть, развязал мешок.

— Не садись, муженек, на пенек, все вижу, все слышу! — закричала из-под пирогов Марья.

— Слышу, слышу! — рывкнул Медведь и во всю прыть дальше помчался.

А как добежал до калитки, шлепнул мешок и одним духом обратно к своей берлоге.

***

То-то радость была.

Снова вместе все трое, три сестры, три красавицы — Дарья, Агафья и Марья.

Пошли расспросы да рассказы.

До полночи сестры глаз не сомкнули.

А в полночь весь в звездах, как царь, загудел лес, грозный, заволновался. И поднялась в лесу небывалая буря. Трещала изба, ветром срывало ставни, дубасило в крышу, а вековые деревья, как былинку, пригибало к земле, выворачивало с корнем столетние дубы, бросало зеленых великанов к небу, за звезды.

Это — Медведь, Медведь крушил и ломал свою пустую берлогу, сворачивал бревна, разбрасывал в щепки высокий покинутый терем.

А чуть только свет задымился на небе, Медведь издох от тоски.

ЧАЕМЫЙ ГОСТЬ

Жил человек такой богатый, богатый, сядет за стол, ест-ест, насили с места встанет, так много всего.

Дружно, дородно, согласно жил богач с семьей: жена — хозяйка хорошая, дети — все молодцы, загля-денье! — и сыновья, и дочери.

С бедняками богач не знался, нищего брата не пускал к себе.

А жила у него в доме больная тетка, по бедности держал старуху: старуха за душу его и молилась.

И о душе, значит, помнил, все честь честью, набож-ный был хозяин.

Хозяйство — полная чаша. И за душу есть молебник¹. Чего еще?

А захотел богач, чтобы сам Бог в гости к нему при-шел.

Вот и пошел он в церковь Бога в гости звать.

Велел постелить ковры от самого дома до церкви, отслужил молебен, вернулся домой, сел у окна ждать.

И до вечера прождал.

Не тут-то было, хоть бы кто!

***

А в ночь тетка больная старуха померла.

Ну и похоронили тетку, помянули старуху, — за душу, ведь, молилась! А Бога все нет и нет, — не идет Бог в гости.

В день похорон вечером приходит в дом нищий ста-ричок. Просится нищий на ночлег пустить.

Не хотел богач пускать нищего, да раздумался, — его и пустили.

А старичок и воды просит напиться и поужинать, Христа ради.

Дали нищему от ужина кость поглотать да в клетуш-ку, где померла тетка, и положили спать на ночь.

Ночь переночевал старичок, поблагодарил хозяев и пошел себе в путь-дорогу.

¹ *Молебник* — тот, кто постоянно молится.

А богач не унимается, нет-нет да в окно и выглянет:
все на дорогу смотрел, Бога смотрел, Бога в гости ждал.
Не тут-то было, хоть бы кто!

***

И уж который раз, прождав понапрасну, лег богач спать.

И показалась ему ночью во сне покойница тетка. Бранит его тетка: зачем положил нищего старичка в ее душевной тесной клетушке?

«Ходил ты в церковь, — укоряла тетка, — звал Бога в гости, ковры стелил, служил молебен, а Бога-то и проглядел! Чем старичка-то угостил? Кость старику, как собаке, бросил! А ведь это сам Бог у тебя был, сам Бог приходил к тебе в гости».

Пробудился богач, затужил, расплакался, что худо такого гостя принял.

Да уж нечего делать, одно остается: догнать старика, вернуть и все поправить.

И пошел богач искать нищего — гостя своего.

И везде спрашивал о нем, не видал ли кто?

— Не видали, — говорят ему.

Никто не видал нищего.

А богач не унимается, дальше идет, дальше от дома, все спрашивает о своем госте.

Да так и покинул дом, семью и богатство, больше не вернулся домой,

ЛЕВ-ЗВЕРЬ

Ехал богатырь по чистому полю, конь у него и пал.
И пошел богатырь пешком на своих на двоих.

Видит богатырь: на дороге дерутся Змея и Лев-зверь, разбродили¹ землю и некоторый побить не может.

— Эй, богатырь, — кричит Змея, — пособи мне Льва-зверя победить!

— Эй, богатырь, — ревет Лев-зверь, — пособи мне Змею победить!

¹ *Разбродить* — изрыгть, расцарапать.

Подумал, подумал богатырь и решил заступиться за Льва-зверя.

«Змея змеей и будет, нечего от нее ждать мне!»

И пособил богатырь Льву-зверю.

Бросил Лев-зверь Змею на землю, разорвал ее надвое. Убили Змею.

Лев-зверь спрашивает богатыря:

— Что тебе, богатырь, за услугу хочется?

— У меня коня нет, — говорит богатырь, — а пешком я на своих на двоих не привык ходить, подвези меня до города.

— Садись да, знай, держись крепче, — согласился Лев-зверь.

Сел богатырь на Льва-зверя, и побежал Лев-зверь по чистому полю, по темному лесу, — где высоки горы, где глубоки ручьи, — всё через катит.

Выбежал Лев-зверь на зеленые луга и у заставы стал.

— Никому не сказывай, что на Льве-звере ехал, — говорит Лев-зверь, — не то съем. Я сам — царь! На себе возить мне людей невозможно. Я тогда и царем не буду.

И пошел Лев-зверь в чистое поле, а богатырь в город.

***

Пришел богатырь к товарищам, а те над ним смеются, что пешком ходит.

Богатырь отпираться:

— Конь, — говорит, — пал.

А потом как выпил, да стал пьян-весел, и рассказал, как было: как он на самом Льве-звере приехал!

Посидел богатырь с товарищами и пошел себе коня искать. И только это вышел он за город, а Лев-зверь тут как тут: бежит Лев-зверь к богатырю, пасть открыта, зубы оскалил.

— Зачем ты, — говорит, — похвастал, что на мне ехал? Говорил я тебе, ты не послушал, — съем!

— Извини, — говорит богатырь, — я тобою не хвастал.

— Как так не хвастал! Да ты же говорил, что на Льве-звере ехал!

— Нет, Лев-зверь, говорил, да не я, хмель говорил.

— Какой хмель?

— А вот попробуй, так и сам увидишь.

Лев-зверь согласился.

Выкатил богатырь вина три бочки сороковых.

Лев-зверь бочку выпил, другую выпил, а из третьей только попробовал, и стал пьян: уж бегал-бегал, бегал-бегал, упал и заснул.

А богатырь, пока Лев-зверь пьяным делом-то валялся, вкопал в землю столб да туда на самую вышку и поднял Льва-зверя.

***

Проснулся Лев-зверь, очухался, — диву дается: и как это его угораздило на такую высоту подняться, а главное дело — спуститься не может.

— Вишь ты, хмель-то куда тебя занес! — говорит богатырь, — что́, узнал теперь, каков этот хмель?

— Узнал, узнал, — сдается на всё Лев-зверь, — только спусти, пожалуйста, а то чего доброго еще сорвусь да и неловко: народу сколько!

Снял богатырь Льва-зверя.

И побежал Лев-зверь в чистое поле: будет хмель помнить, — срам-то какой!

СУДЬБА

Жил Ипат не бедно, не богато, да пришло крутое время, и до того добился, что и есть нечего стало. Жена, дети — что делать?

И пошел он из села за тридцать верст на озеро рыбачить. И там, на озере, исправил себе балаган¹ земляной и перевез на новое место жену и детей.

И так ему было горько на новом месте и жалко, — да так, стало быть, Бог дает!

И положил он каждый день удить для жены и детей.

«Если на себя не заужу², то не буду есть!»

День удит, ночью Богу молится.

И с месяц удил, зауживал на жену и детей, а на себя хоть бы раз попало. И дал ему Бог терпение, — за этот месяц он ничего не ел.

И вот выдался денек такой, заудил он две лишних рыбы.

¹ Балаган — временная легкая постройка.

² Заужить — поймать на удочку.

«Слава Богу, сжалился надо мной Господь и мне дал. Нынче и я поем!»

Приходит с рыбой к балагану.

— Говори, жена, «слава Богу»!

— А что «слава Богу»?

— Я на себя заудил, две лишних рыбы попались, Господь на меня дал!

— Не на тебя это, я тебе еще родила два сына, на них Господь и дал.

— Ну, придется и опять не евши. Слава Богу, что родила благополучно.

И трое суток еще удил, заужал на жену и детей, а на себя нисколько.

Трое суток кончилось, — пора было ребят крестить.

— Надо ребят крестить, пойду на село к попу!

И поутру пошел, оставил жену с детьми на озере в балагане.

***

Встречу попадает Ипату молодец.

— Куда, Ипат, идешь?

— А родила у меня жена два сына, надо крестить.

— Возьми меня в кумовья¹.

Посмотрел Ипат через правое плечо.

— Нет, ступай уж... И без тебя потонул я в грехах.

А тот как захохочет, да в сторону.

— Ишь какой!

Нечистый был это дух.

Отошел Ипат немного, идет молодец чище того.

— Куда тебя, Ипатушка, Бог несет?

— Жена родила два сына, иду к попу, надо окрестить.

— Возьми меня в кумовья.

Посмотрел Ипат через правое плечо, видит, хорошей души.

— Ладно, покумимся.

— На тебе три золотых, — подал кум, — даром поп на своей лошадке не поедет. Отдай ему золото, а я пойду к твоей жене.

А это был ангел: за терпение человеку послал его Господь.

---

¹ Кум, кумá — родители ребенка и крестные отец и мать по отношению друг к другу.

Не долго шел Ипат, за какой час в село поспел к попу.
— Батюшка, я до твоей милости... жена у меня родила два мальчика, а живу я нынче в балагане на озере за тридцать верст, надо бы мне их окрестить. Я до твоей милости.

Посмотрел на Ипата поп.

— А ты б их склал в полу, притащил сюда, я бы их и окрестил. Мне тащиться такую даль не рука!

И вышел в горницу.

Тут Ипат три золотых на столик, мнется.

— Ты чего? — выглянул поп.

А на столике золото так и блестит.

Поп как увидел золотые, и сейчас же к стряпке:

«Станови самовар!»

А кучеру: «Лошадь запрягай!»

— Ну, Ипат, чайку напьемся, поедем, окрещу тебе ребят.

— Нет, батюшка, чаю твоего не буду пить. Ты чаю напьешься, поедешь и меня нагонишь, я пойду пешком.

Поп пожалуй только еще из двора пошевелился, уж Ипат пришел на озеро.

Смотрит: проруби его, а где балаган?

Нет балагана, а на том самом месте стоит дом каменный и круг дома цветы расцвели.

Удивился Ипат.

«Али неладно пришел?»

А ему навстречу из дома старшие дети бегут.

— Кто этот дом построил?

— Пришел к нам какой-то молодец, вдруг все появилось.

Ипат за детьми.

В новом доме кум сидел на лавке.

— Что, Ипат, загрустил?

— А что, кум, непременно поп раздумал. Не раз я дорогой оглядывался, все нет, не догоняет.

— Скоро будет, — утешил кум.

А поп тут как тут.

Остановил лошадь.

Что за причина? Звал его Ипат в балаган, а, на-кось, дом каменный!

«Али неладно приехал?»

И повернул, было, лошадь назад ехать.

— Иди скорей, Ипат, зови батюшку! — говорит кум.

Ипат на крыльцо вышел.

Поп и увидел Ипата.

— Ах, Ипат! Как поживаешь? Домик-то какой состроил, этакое и на селе нет!

— На все Господь.

И повел Ипат попа в дом.

***

— Ты, Ипат, поди в кладовую, — посылает кум, — три поклона положи, там стоит купель¹. А я за водой пойду, мне, брат, это полагается.

Ипат нашел кладовую, положил три поклона, — дверь сама ему отворилась.

Там стоит купель золотая и купель серебряная. Он их вытащил в горницу², поставил середь горницы.

Кум с водой поспел, налил полную купель золотую и серебряную, велит за детьми сходить, детей принести.

Пошел Ипат и скоро вернулся один.

Сходи, кум, сам принеси, руки не поднимаются!

— Экой, ты!

И пошел: одного взял на руку, другого на другую, принес детей.

Один — в золотой ризе³, другой — в серебряной.

Поп, как увидел, и оробел.

— Подобает ли крестить таких?

— Открой книгу, — сказал кум, — гляди, какой сегодня день ангела⁴, и крести!

Сам снял с них ризы, подал их попу.

Поп посмотрел в книгу, назначил имена им.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Кум передал их Ипату.

— Снеси жене и по три поклона за них положи.

А сам из купели воду вылил, из золотой и серебряной, и опять поставил середь горницы.

Вернулся Ипат от жены.

— Неси купель, — говорит ему кум, — а выйдешь из кладовой, три поклона положи.

Поп глядит и в толк не возьмет, что они это такое исправляют.

¹ *Купель* — сосуд, в который погружают ребенка при крещении.

² *Горница* — чистая жилая комната в избе.

³ *Риза* — одежда.

⁴ *День ангела* — день памяти святого, имя которого дается новорожденному.

А Ипат снес купель золотую и серебряную, да к куму.
— Нет ли, — говорит, — чем попа угостить? За тридцать верст приехал, небось есть захотел.

— А поди, Ипат, вон к той кладовой, — учит кум, — три поклона положи, там на столике все приготовлено, тащи сюда.

Пошел Ипат, положил три поклона, — дверь ему сама отворилась.

Там на столе всего довольно.

Постоял, посмотрел, а взять не взял, не решился.

— Кум, — вернулся Ипат, — нельзя ли нам, чем таскать-то, за этим столом угоститься?

— Можно. Иди, батюшка, с нами.

И втроем пошли в кладовую.

И там угощались и поздравляли.

— Батюшка, — поднялся кум, — тебе домой пора, зачислились долгонько.

— Не очень-то, — ответил поп, — часа, поди, три прошло, не больше.

— Нет, батюшка, ты у нас в гостях три года: три зимы прошло, три лета. Там тебя без вести потеряли и на твоём месте другой уж служит.

— А нельзя ли мне с вами еще пожить? — попросился поп: больно уж приглянулось ему.

— Ступай на свое место, — сказал кум, — недостойн ты жить здесь. И знай наперед: хочешь свою душу спасти, так ты, что дадут тебе, только то и бери... слышишь? Слепых на ум наставляй, чтобы они Бога могли признавать.

И проводили попа домой.

— Тебе от Божьего храма не откажут! — утешил кум попа.

Так и распрощались.

***

— Кум, — сказал Ипат, — мое дело — не легкое: ты уйдешь, останусь один, чем я буду детей кормить?

— А есть тут еще кладовка, в этой кладовке лежит большой мешок, лопата и кирка, носи сюда.

Пошел Ипат, принес мешок, кирку и лопату.

— Вот жене твоей, — сказал кум, — тут на пропитание всего довольно будет. А ты со мной пойдем.

И повел его с озера не путем, не дорогою, — диким местом — Уралом.

И так его вел, что тот на себе все порвал, и с тела кровь на нем ручьями льет.

— Кум, — стал Ипат, — за тебя, гляжу, ничто не задевает, а я на себе все прирвал, мне трудно за тобой идти.

— Эх, Ипат, Господь не то терпел, а ты что не можешь терпеть: что кровь бежит?

И завел его в пещеры.

Там свечи горят.

— Что же это, к чему свечи горят?

— Это наша жизнь продолжается: который человек родится, тому становится свеча. Если может кто сто годов жить, сто годов горит его свеча.

— А которая моя свеча?

— А вон, гляди, свеча сейчас потухнет и жизнь твоя кончится.

— Кум, у меня дети малые...

— Жизнь твоя — короткая. Дойдешь домой — хорошо, не дойдешь... Иди скорей, может, поспеешь.

Побежал Ипат. Добежал до озера, где оставил каменный дом.

А дома-то уж нет, балаган стоит земляной.

— Жена, дай мне белую рубашку, мне теперь помирать.

Обрядился, лег под святые¹, благословил детей, перекрестился.

— Здравствуй, Ипат, Христос воскрес!

Кум... не кум стоит, ангел Господен.

ДАР

Жил-был беднящий плотник, а и в беде и нужде сердце имел к несчастным — бедакам²-горемыкам: что выработает, все раздаст.

«Нате, дескать, а я уж как-нибудь!»

Так и жил Ефим плотник, добрый человек.

Вот святые да угодники — им наше всё видно: оттру-

¹ *Лечь под святые* (т. е. под иконы) — значит приготовиться к смерти.

² *Бедака* — несчастный человек.

дили какой труд, через это! — раздумались угодники: надо же помочь человеку!

И решили идти к Господу Богу просить за плотника.

— Дай, — говорят, — Господи, плотнику Ефиму богатство!

Много могут знать святые, а всего не дано и святому: просят Бога за человека, а не знают, что еще будет.

— Дай да дай богатство! — просят.

***

А Ефим сидит на бревне: тук да тук — ан, хватъ, из бревна-то деньги да так и посыпались.

Не будь дурак, топор за пояс, и подибрать: нагреб золота, в хват не утащишь.

Что с такой уймой, куда ее?

Да что там! сейчас же в Москву, товаров разных накупил и стал торговать — не плотник уж Ефим — купец Ефим Петров.

Ну, и дом себе такой смахал, у нас, в Питере, какие дворцы, да такого не сыщешь.

***

Вот святые да угодники о Ефиме-то и вспомнили.

— Пойдемте, — говорят, — посмотрим, как плотничек-то живет, милостыней-то, поди, всех обогатил!

И пошли.

И прямо к дому.

И не знай, узнали Ефимов дом.

А Ефим-то, как в беде жил да в бедности, по беде своей помнил о других, а как разбогател, только и дума попла, что о себе — о богатстве: и добро убережь да еще и богаче стать!

И пройти в дом к нему и не думай.

Так не пустят.

А уж голь какую — и не просись, за версту не подпустят.

Ну, угодники-то прошли все-таки: Божья сила тоже!

А который Ефиму прислужал главный — мордач — загородил вход.

— Вам, — говорит, — чего?

— Пусти, — просят, — переночевать, люди мы странные, издадека!

— Не велено, — говорит, — велено взашей таких гнать, — а потом посмотрел-посмотрел, — ну, ладно, так и быть.

— Да уж мы как-нибудь, только бы ночь.

Мордач их во двор, водил, водил и в хлев — к свиньям.

— Ложитесь.

И ушел.

Только и видели.

***

А чуть свет, как поднялись угодники со свинячьего-то ложа, испачканы, измазаны, сёрдца-то сдержать не в мочь.

— Господи, — взмолились, — отыми от Ефима богатство!

Ну, Бог-то и послушал.

И чем был Ефим, тем и стал.

Все прахом пошло, вся казна, и добро и дом.

И опять пошел в плотники.

И, в беде-то и нужде маясь, милостив опять стал и до того добр к людям: коли нечем делиться, делился ласковым словом.

Да так и прожил свой век — не в обиду, на мир.

СОЛДАТ-ОХОТНИК

Три сына росли у Касьяна.

А по тем местам такие были дряби¹ да грязи, — ни пройти ни проехать. Вот и говорит Касьян сыновьям:

— Вы, детушки, теперь выросли, давайте-ка миру послужим, замостим дрябь, чтобы людям ходить хорошо было.

И три года мостили, осталось последний гвоздь вколотить, — будет путь во все стороны.

Старший сын мостил через мхи, приустал, прилег отдохнуть под мостом.

И слышит, идет через мост старичок и Бога молит:

— Дай, Господи, кто этот мост мостил, чего попросит, то и дай.

---

¹ Дрябь — болото.

Вышел старший к старику:

— Мы мостили, три брата нас да отец.

— Что тебе надо? — спросил старик.

— А мне много не надо: а чтоб ни за чем в люди не ходить, дома жить.

— Так и будет.

И пошел старик своей дорогой.

***

На другой день середний сын прикорнул под своим мостом.

И тот же старичок идет и Бога благодарит.

И как старший, пожелал и середний:

— Ни за чем в люди не ходить.

— Так и будет, — посулил и ему старик.

***

На третий день сидит под мостом малой сын.

Идет через мост старичок, молит Бога.

Выходит малой.

— Что тебе надо? — спрашивает старик.

— А хочу в солдаты идти.

— Трудное дело, Иван, да и молод еще! — сказал старик.

— Нет, я пойду.

— Ударься о землю! — приказал старик.

Ударился Иван о землю — и стал оленем.

Бегал, бегал, из сил выбился, прибежал к старику.

— Был олень, стань рысью! — сказал старик.

И стал Иван рысью.

И побежал, утомился и назад идет.

— Был рысью, стань соколом!

И уж соколом полетел Иван и много летал, примахались крылья, спустился.

— Был соколом, будь мурашом!

И обратился Иван в муравья — уж ползал, ползал с ветки на ветку, с прута на пруток.

— Ну, довольно.

И стал Иван опять человеком.

— Бог тебя благословляет на службу, — сказал старик, — служи верой и правдой. Когда будет нужно, ударь-

ся о землю — и станешь оленем, рысью, соколом и мурашом.

И пошел старик своею дорогой.

***

Стали братья жить-поживать, каждый своим делом занялся.

Старшой промышлял торговлей — и дело хорошо пошло.

Средний на земле хозяйствовал и тоже не жаловался.

А меньшей Иван — так уж, знать, ему на роду написано — как сделалась завороха-война, занабирали народу, и пошел он охотой в солдаты.

***

С год шли войной.

Повоевал царь много земель, и пришло время мириться.

Все цари собрались на собрание — все в коронах.

Хватился ивановский царь, где корона? — без короны в собрание не пускают, — а корону-то дома забыл.

И дают царю три дня сроку: а то назад отберут все земли и опять войну начинай!

Что поделаешь: надо корону!

И заразыскивал царь народу: кто может в трое суток домой сходить и назад с короной прийти?

Да кому это возможно, — год ведь шли! — отказываются.

И выискался Иван.

— Я схожу.

Обрадовался царь:

— Вот что, Иван, исполнишь, дочь за тебя отдам.

Написал царь письмо царевне.

И с царским письмом снарядил в путь Ивана.

***

Вышел Иван из виду вон, да как ударится о землю — и стал соколом и полетел.

Через реки летит соколом, по полям — оленем, сквозь лес — рысью, так и шел и шел.

В сутки добежал оленем.

Народ кричит:

— Хватайте! Хватайте!

А старые люди головой качают:

— Ой, не весть ли от царя?

Прямо ко дворцу бежит.

И не сдобровать бы оленю, да он муравьем обернулся и попал муравьем во дворец на верхи к царевне.

И там стал солдатом.

Ужаснулась царевна.

— Как, — говорит, — ты вошел, солдат, и по какому случаю?

Иван ей письмо от царя.

И рассказывает, как донес письмо.

Не верит царевна: год шли войной, как же так в одни сутки поспеть?

— Я тебе покажу, царевна.

И ударился о землю — и стал соколом.

А царевна из него перышко вытянула да в платок.

— А еще как?

И стал он оленем.

Царевна у него рожка отломилась и опять в платок.

— Еще покажи!

И стал он рысью.

Царевна у него шерсти клочок вырвала и к рожку в платок.

— А как, — говорит, — во дворец попал?

— Я мурашом вполз.

И обернулся муравьем.

А царевна из него бочечку-яичко вытянула да в узелок завязала.

И поверила.

Дала ему царскую корону и письмо отцу.

Забрал Иван корону, запрятал письмо, обернулся соколом.

— Прощай, прощай! — и улетел.

***

Ближней дорогой, как сокол, долетел Иван до моря.

И всего ничего оставалось, да устал, вздумал отдохнуть малость и повалился на берег.

А у моря два солдата на часах стояли: Хайлов да Ваганов — корабли стерегли.

Видят солдата на берегу, пошарили, хватать, а у него царская корона да письмо,

— Ой, — говорит Ваганов, — уж не вор ли?

— Вор не вор, а прощальга. Так оставить невозможно. И давай будить Ивана.

Уж головой били о землю и все ему ребрышки посчитали, а он и ухом не ведет, — очень уморился.

Ну, пеняй на себя, долго разговаривать некогда, и живо на корабли. И вовремя к царю с короной поспели.

На радостях царь забыл про Ивана: тут дело такое, не до Ивана.

***

Думал Иван часок отдохнуть, разоспался, и ночь наступила, а он спит и спит.

В полночь вышел внучонок водяного на бережку поиграть — на море тишь, ни кораблика в море! — увидал внучонок Ивана, сграбастал его да в море, к деду.

— Дедушка, дедушка, я тебе солдата поймал!

Видит дед: человек не худой.

— А пускай с тобой гуляет.

Ну, и остался Иван жить у водяного царя при водяном внучонке.

И месяц прошел и другой и третий — много прошло. Кормят и поят Ивана до отвалу, да скучно.

И запечалился Иван, отстал от еды, — думы-то там, на земле. «Уж поди, — думает, — царь мир заключил, то-то там весело!»

— Что, Иван, аль стоскнулся о белом свете? — спрашивает водяной.

— Хоть бы глазком поглядеть! — запросился Иван.

— Ладно, выпущу тебя на часок, а боле не бывать!

Да как крикнет ребят.

И откуда взялось, собрался народ — все были набросаны в море! — и живо его со дна вынесли и на островок положили.

Ударился Иван о землю и соколом улетел.

Море за ним — подымалось, подымалось —

А уж высоко — не утянуть, так и улетел.

Отлетел Иван от моря и пошел.

Дошел до деревень, спрашивает:

— Что, крещеные, вернулся царь с войны?

— Да уж месяца два будет, — говорят Ивану.

Он дальше — все идет и идет — пришел в город.

И остановился у нищей старухи Волкивы.

— Что это у вас все песни поют?

— А как же, — говорит Волкивна, — за солдата Хайлова царская дочка замуж выходит: достал царю корону мир заключать! А товарища его первым генералом царь сделал: тоже старался. Да, слышно, царевне-то неохота. Завтрашний день дает царь пир с музыкантами, через три дня свадьба.

— А нельзя ли мне, бабушка, на царевну посмотреть?

— Чего ж нельзя, надень музыкантское платье и иди на пир.

А был у Волкивны приятель из музыкантов, помер, а мундир завещал старухе: Волкивна его у себя под подушкой держала.

Нарядился Иван в музыкантское платье и на пир. Сел с музыкантами.

***

Царевна с женихом прогуливается, а тот товарищ его за ними ходит.

Подошла царевна к музыкантам.

— Не слышал ли кто, как солдат царю корону достал мир заключать?

Никто ничего не отвечает.

Тут поднялся Иван.

— Я, — говорит, — про такое не слышал, а сам в старину так делал: обернусь соколом и лечу, через реки — соколом, по полям — оленем, сквозь леса — рысью, а где надобно и мурашом.

— А теперь можешь?

— Могу.

Вышел Иван на площадь, ударился о землю — и соколом полетел, подлетел к царевне.

А царевна вынула из платка перышко, приложила.

— Вот, — говорит, — тут и было.

Обернулся Иван рысью.

Царевна шерстки клочок приложила, — и пришлось.

Бегал Иван оленем, ползал муравьем.

И рожка и бочечку приложила царевна, — и все пришлось.

И говорит царевна отцу:

— Вот, батюшка, мой суженый, вот кто корону достал!

Тут Хайлов и Ваганов в ноги царю, повинились: не хотели губить человека, да так уж вышло!

Царь их выдал Ивану и сейчас же за свадьбу.
Повенчался Иван на царевне и стал жить-поживать,
А товарищей отпустил на волю:
— Бог с ними, и так натерпелись, бедняги!

ВОР МАМЫКА

У старика и старухи никого не было, один был внук Мамыка. Мамыка — парнишка шустрый, проворный. Старики внука очень любили.

Узнал Мамыка, что у деда есть деньги, — пристал Мамыка к деду:

— Дай, дедушка, мне денег!

— А для чего они тебе, родный?

— Дай, дедушка, мне денег на торговлю!

Дед и так и сяк, — какая уж там торговля, как бы хуже не вышло! — и денег старику жалко, и отказать не может.

Вступилась старуха:

— Чего, — говорит, — жалеешь, дай ему, авось Бог поможет, родное ведь наше, а нам помирать впору.

Подумал дед, подумал и дал внуку денег.

Забрал Мамыка дедовы деньги и, прощай, ушел в город.

Да ничего по уму прибрать не мог из товара и купил два сапога козловых.

С сапогами и пошел домой опять к деду.

***

Шел Мамыка домой, подшвыривал камушки по дороге, песни пел, а устал, присел отдохнуть в канаву.

Сидит Мамыка в канаве, на дорогу глазает.

А по дороге царские слуги идут, быка ведут.

«Вот бы такого бычка деду, нет у деда никакой скотины!» — смекнул себе Мамыка.

Скрылись царские слуги и бык с ними.

Вылез Мамыка из канавы, обежал сторонкой, бросил сапог на дорогу, сам схоронился и стал поджидать.

Увидали царские слуги Мамыкин сапог на дороге.

— Эх, товарищ, — говорит один, — сапог козловый на дороге!

— Никуда́ нам с одним сапогом! — говорит другой.

И пошли себе дальше, повели быка в город.

Тут Мамыка подобрал свой сапог, да мимо царских слуг, обогнал их сторонкой, бросил опять сапог на дорогу, сам схоронился, поджидает.

Увидали царские слуги Мамыкин сапог на дороге.

— Вот и другой сапог, — говорит один, — взять бы нам и тот, пара б сапогов была.

— Пойдем назад, — говорит другой, — захватим, авось не убежит.

Оставили слуги царского быка, пошли назад прежний Мамыкин сапог искать.

Тут Мамыка, долго не думая, за быка, да другой дорогой с быком домой к деду.

А царские слуги дошли до того самого места, где сапог Мамыкин лежал, а сапога-то уж нет.

Поискали они, поискали, да с пустыми руками назад к быку, а там и быка нет, всего один сапог лежит Мамыкин.

Куда им с одним сапогом?

— Как мы теперь к царю на глаза покажемся: и быка кончили, и сапог один!

Подобрали царские слуги Мамыкин сапог и без царского быка с сапогом попли к царю.

— Вот, — говорят, — вам сапог, а быка потеряли. Увел быка неизвестно кто.

Примерил царь сапог, — хорош и сидит хорошо и в пальцах не жмет, да в одном сапоге далеко не уйдешь, да и быка нет.

Ну, по сапогу стали искать и дознались, что сапог Мамыкин, и увел быка Мамыка.

И посылает царь к деду, требует к себе старика.

Пришел старик, кланяется.

— Здравствуйте, государь батюшка.

— А много ль у тебя семьи, дедушка? — спрашивает царь.

— Один внук, батюшка, один-единственный, Мамыкой звать.

— А не украл ли твой Мамыка у царя быка?

— Не знаю, батюшка, украсть не украл, а такого наемни пригнал, едва во дворик прошел.

— Ну, хорошо, — говорит царь, — пускай же твой Мамыка украдет у царя коня, а не украдет, казнь ему!

Простился дед с царем, поклонился царю, пошел домой.

Скручинился, спечалился старик: легкое ли дело у царя коня украсть!

А Мамыка уж встречает деда, на одной ножке прикакивает.

— Глупый ты, — охает дед, — наделал ты дел!

— Чего, дедушка, ну, чего, дедушка?

Унимает парнишка, шустрый такой, Мамыка.

— Да вот чего: велел царь своего коня украсть, не то тебе казнь.

— Богу молись, дедушка, да спать ложись, все дело поправится.

Смеется парнишка, проворный такой, Мамыка.

***

Лег дед спать, а Мамыка дождался ночи и в ночи потащился в город и прямо ко дворцу.

Царя во дворце не было, в Сенате сидел царь, законы сочинял.

А Мамыке это на руку, проник Мамыка в царские покои, обрядился в царское платье, да в царском-то платье на крыльцо.

— Эй, — кричит, — коня! коня давайте, в сады поезжаю гулять!

Засуетились слуги, забегали и сейчас коня ему подали — спросонья за царя признали, обознались!

Сел Мамыка на царского коня и домой к деду.

Приехал Мамыка к деду, кричит старику:

— Отворяй, дедушка, ворота! — смеется.

Поднялся дед, узнал внука, обрадовался, отворил ворота, впустил коня.

— Слава Богу, спас Господь от беды! — плачет старик: рад очень, что с конем-то внук, царского коня украл.

Вернулся царь из Сената, велит коня подать — в сады ехать, а коня его царского нет как нет, укатил на его коне неизвестно кто.

«Это, верно, Мамыка, некому больше, вор Мамыка!» — раздумался царь.

***

И посылает наутро царь к деду, требует к себе старика.

Пришел старик, кланяется.

Поздоровался царь с дедом и говорит:

— А не украл ли, дедушка, твой Мамыка у царя коня?

— Не знаю, батюшка, украсть не украл, а такого пригнал, едва в домишко прошел.

— Ну, хорошо, — говорит царь, — пускай же твой Мамыка из-под царя перину украдет, тогда я прошу, а не то ему казнь!

Простился дед с царем, поклонился царю, пошел домой.

Скручинился, спечалился старик: легкое ли дело из-под царя царскую перину украсть!

А Мамыка уж встречает деда, на одной ножке прикакивает.

— Глупый ты, глупый, — охает дед, — наделал ты дел, жизнь свою решишь!

— Да чего ты, дедушка, чего ты?

Унимает парнишка, проворный такой, Мамыка.

— Да вот чего: велел царь царскую перину из-под себя украсть, не украдешь, — дело плохо.

— Богу молись, дедушка, да спать ложись, все дело поправится.

Смеется парнишка, хитрый такой, Мамыка.

***

Лег дед спать, а Мамыка дождался ночи и в ночь потащился в город и прямо на кладбище.

И там, на кладбище, он отыскал свежую могилу, разрыл могилу, достал покойника из гроба, посадил покойника на кол и понес на плече ко дворцу, к тем самым покоем, где царь ночует.

Стал Мамыка перед царскими окнами и ну вертеть покойником.

Царь не спал, и не ложился, поджидал царь Мамыку: придет вор царскую перину из-под него красть, тут он его и словит.

И как увидел царь, что ровно человек в окно лезет, скорее за ружье да из ружья в окно и выстрелил.

— Ну, — говорит царь царице, — подстрелил я Мамыку, не встать больше вору, можно будет спокойно выспаться.

А Мамыка подстреленного покойника бросил да по задним ходам залез в царские покои, отыскал там квашенку¹ с белым раствором, прокрался к самому царю

¹ *Квашенка* — кадка для заквашивания теста.

да тихонько раствор этот белый между царем и царицей в середку и полил, а сам в темный угол, присел на корточки, ждет.

Спал царь крепко, а проснулся да со сна прямо рукой в это тесто.

«Эка, грех-то какой, все себе пальцы измазал!»

Крикнул царь слуг, всех слуг разбудил.

— Снимай перину, стели новую!

А царские слуги подскочили, тычутся, нежными голосами так и ластьются:

— Пожалуйста, сейчас! сейчас!

И сейчас же свежая перина готова, ту замаранную сняли, постелили новую.

И заснул царь.

***

А как заснул царь, вышел Мамыка из темного угла, подхватил старую запачканную перину да в окошко, спихнул перину на улицу да и сам за ней туда же, взвалил ее на плечи, понес домой к деду.

— Отворяй, дедушка, ворота! — громыкает Мамыка в ворота.

Поднялся дед, узнал внука, обрадовался, отворил ворота, впустил Мамыку с царской периной.

— Слава Тебе, Господи, миновала беда! — плачет старик: рад очень, что с периной-то внук, царскую перину украл.

Наутро, как проснулся царь, и первым делом о перине:

— Где замаранная перина?

А где замаранная перина? — туда-сюда, никто не знает, нет нигде перины и искать негде.

Заглянул царь в окно, а там, на улице под окошком покойник на колу, — лежит покойник простреленный и нет никакого Мамыки.

***

Шлет царь за стариком дедом.

Пришел старик, кланяется.

Поздоровался царь с дедом и говорит:

— А не украл ли, дедушка, твой Мамыка у царя перину?

— Не знаю, батюшка, украсть не украл, а такую при-
волок, едва в угол запихал.

— Хитер у тебя внук, — сказал царь, — пускай же Ма-
мыка у царя царицу украдет, а не то голову на плаху,
жизни решу.

Простился дед с царем, поклонился царю, пошел до-
мой.

Еще больше скручинился старик, еще больше спеча-
лился, пути перед собой не видит. легкое ли дело у царя
царицу украсть!

А Мамыка уже встречает деда, на одной ножке при-
скакивает.

— Глупый ты, глупый, — охает дед, — наделал ты дел,
пропали мы с тобой!

— Чего, дедушка, ну, чего, дедушка?

Унимает парнишка, хитрый такой, Мамыка.

— Да вот чего: велел царь царицу украсть, не укра-
дешь, голову на плаху.

— Богу молись, дедушка, да спать ложись, все дело
поправится!

Смеется парнишка, смекалистый такой, Мамыка.

***

Лег дед спать, а Мамыка дождался ночи и в ночь
заложил царского коня в санки и помчался прямо во
дворец.

Царя во дворце не было, в Синоде сидел царь, при-
казы давал.

А Мамыке только того и надо.

Кличет Мамыка царских слуг, будто царь с царицей
прислал.

— Требует царь царицу в сады гулять, немедленно!

Доложили царские слуги царице.

Оделась царица, вышла на крыльцо, видит, конь цар-
ский, да и села в санки к Мамыке.

И помчал царицу вор Мамыка, да не в Синод к царю,
а к себе, к своему деду.

— Отворяй, дедушка, ворота! — кричит вор Мамыка.

Поднялся дед, узнал внука, обрадовался, отворил во-
рота, впустил Мамыку, впустил с Мамыкой и царицу.

— Слава Богу, услышал Господь, спас! — плачет ста-
рик: рад очень, что с царицей-то внук, царицу украл.

И царица плачет: страшно ей вора Мамыку, жалко ей деда.

Вернулся царь из Синода, спрашивает царицу.

— Нет царицы, — отвечают царские слуги, — поехала царица в сады гулять, сам ты и послал за ней.

— Когда посылал? — ничего царь понять не может.

— Да из Синода, — говорят царю слуги.

— Как так?

— Да так.

Никто ничего толком не знает, друг на дружку валят.

«Это все вор Мамыка!» — раздумался царь.

***

И велит царь привести старика деда.

Бросились за дедом, привели старика.

Усадил царь старика и говорит:

— А не украл ли твой Мамыка у царя царицу?

— Не знаю, батюшка, украсть не украл, а такую красавую в дом привел, такую барыню.

— Хорош твой внук, дедушка, — сказал царь, — шустер парень, проворен, смекалист! Пускай же он все наворованное царю представит: быка, коня, перину и нашу царицу. Все дела ему прощаем, всю вину снимем, получит награду.

Побежал старый дед домой.

А уж Мамыка ему навстречу, а с Мамыкой царский бык, царский конь, царская перина и сама царица.

И остался Мамыка у царя.

Подчистил Мамыка царских слуг ротозеев, всех воров переловил, а деду, старику своему, у царя звезду выхлопотал, и звезду, и коня, и коровушку, чтобы жил старик покойно.

МАГНИТ-КАМЕНЬ

Шел улицей старец¹ по духовному делу и повстречал молодых: парня с молодой хозяйкой.

Загляделся старец на молодуху — сколько жил он на белом свете, сколько видывал всяких, а такой не видел.

¹ *Старец — отшельник.*

— Где, добрый молодец, ты такую красавицу взял?

— Бог дал, дедушка.

— Может ли это быть... Дай-ка я помолюсь, даст ли?

— Даст и тебе, дедушка.

С тем и попрощались.

Молодые пошли по своим делам, а старец повернул в свое скитное место¹.

И год молился старец, просил Бога дать ему такую красавицу, как тому встречному счастливому парню.

А был старец великой веры, и молитва его была горяча и чиста и неустанна.

***

Случилось о ту пору, задумал царь царевну замуж выдать и кликнул царь клич по всему царству, чтобы охотники ко дворцу явились смотреть царевну.

А была царевна такая красавица, краше ее и не было.

Дошел клич и до старца.

В последний раз помолился старец и вышел из своего скитного места и прямо к царскому дворцу.

Подходит к воротам и просится в палаты с царем поговорить.

Доложили часовые, и велел царь пустить к себе старца.

Пал старец перед царем на колени.

— Что ты, дедушка? — спрашивает царь.

А старец подняться сам уж не может — стар очень.

Поднял его царь, усадил с собой.

Отдышался старик.

— Ну, что же ты, дедушка?

— Да вот наслышался про вашу дочку-царевну, свататься пришел. Отдадите или нет?

Слушает царь, ушам не верит.

Что за притча? Сперва-то даже страшно стало: не указание ли какое?

Стал расспрашивать старика: откуда он и какой жизни?

И рассказал ему о себе старец, как от юности своей ушел он от мира и в чистоте прожил в скитских трудах.

Видит царь, старик жизни хорошей, и говорит ему:

— Послушай, Федосей, человек ты толковый, до таких

¹ *Скитное место, скит* — обитель в глуши, где живут отшельники.

лет дожил, дай Бог каждому, сам ты понимаешь, ну куда тебе жениться?

А старик одно свое заладил и ничем его не собьешь и никаким словом не остановишь: пришел царевну сватать да и только.

— Я с дочери воли не снимаю, — говорит царь, — ступай к ней: как она скажет, так и будет.

***

Простился старец с царем, и провели старика к царевне.

— Что тебе, дедушка, надо? — спросила царевна.

— Да вот сватать вас пришел. Пойдете или нет?

Переглянулась царевна с сестрами и говорит:

— Подумаю, — говорит, — выйдите на немного в прихожую..

Вышел старец.

Стоит у двери, дожидается, а сам думает:

«Господи, неужели по молитве моей не дастся мне!»

И вспоминает, как тот парень сказал:

«Дастся и тебе!»

А уж от царевны требуют.

— Ну, что, царевна?

— Я пойду за тебя, — говорит царевна, — дай только отсрочки с добром справиться!

А сестры ее тут же стоят, смеются.

— А надолго ль, царевна?

— На три года.

— На три года! Да я до той поры умру, царевна. Нет, либо нынче, либо завтра свадьба.

— Ну, хоть на два года, — просит царевна.

Старик не сдается.

— Ну, хоть на год!

— На три недели, царевна.

— Ладно, — согласилась царевна, — только так просто я за тебя не пойду, а достань ты мне магнит-камень, тогда и пойду.

А сестры тут же стоят, смеются.

Прощался старец с царевной и пошел себе из дворца.

Не то, что достать, а он с роду родов не видывал, какой это магнит-камень.

Вышел старец в чистое поле, стоит и повертывается на четыре стороны.

— Господи, даешь мне царевну, а где я магнит-камень найду?

И видит, в стороне леса чуть огонек мигает.

И пошел на огонек.

Шел, шел, — а там келейка¹ стоит.

Постучал — не отзываются.

Отворил дверь — нет никого.

И вошел в келейку, присел на лавку, сидит и думает:

«И где же это я магнит-камень найду?»

И отвечает ему ровно бы человеческим голосом:

— Эх, Федосей, выпусти меня, я тебе магнит-камень достану.

— Кто ты?

— Все равно не поймешь, зачем тебе?

— Где же ты сидишь?

— В рукомоинике. Выпусти, пожалуйста!

Старик думает: чего же не выпустить, коли магнит-камень достанет!

Да насилу отыскал рукомоиник: от старости-то очень глазами слаб стал.

И выпустил — словно что-то выскользнуло — не томышь, не то гад.

А бес разлетелся с гуся и улетел.

«Ну, — хватился старец, — чего это я наделал!»

А уж тот назад летит — и камень в лапах.

— Вот тебе, получай!

Осмотрел старец камень, потрогал — вот он какой магнит-камень!

А сам себе думает:

«Как же так, освободил нечистую силу, и за то в ответе буду!»

И говорит бесу:

— Вот ты такой огромный, гусь, а залез в такую малую щелку?

А бес говорит:

— Да я, дедушка, каким хочешь могу сделаться!

¹ Келейка — келья, жилище монаха.

— Ну, сделайся мушкой.
И вот из гуся стал бес вдруг мухой, самой маленькой мушкой.

Старец инда присел: не упустить бы!

— Пожужжи!

Бес пожужжал.

— Ну, полезай теперь на старое место, а я посмотрю, как это ты туда полезешь.

Тот с дуру-то и влез.

Влез, а старец его и зааминил.

***

Не с пустыми руками, с камнем — с магнитом-каменем пришел старец к царевне.

— Вот тебе, царевна!

И показывает камень.

Посмотрела царевна: магнит-камень!

— Ну, стало быть, судьба, собирайся венчаться.

А старец и говорит:

— Нет, царевна. Куда мне? Я год молился. Я только Господа исповедал¹. И теперь вижу и больше мне ничего не надо. Прощай, царевна.

И пошел в свое скитное место — доживать в трудах последние дни.

Из книги «Русские женщины»

ЖЕЛАННАЯ

Не хотела бабка, чтобы внук женился: жалко старухе расставаться с любимым внуком. А он себе, знай, стоит на своем. И вот как вести к венцу, стала карга на венчальном пороге и прокляла внука.

— Чтoб тебя, — говорит, — черт взял, триста чертей, тридцать и три, проклятое!

И когда шли от венца молодые, черт внука и схапал, только и видели.

Осталась молодуха одна без молодого, плачет. Тошно

---

¹ *Исповѣдать* — здесь: испытать, проверить, узнать.

ей одной, тошно на свете жить: постыл ей белый свет без милого.

«Либо петлю на шею, либо мужа верни!» — одно у ней на уме, и посылает она свекра мужа искать.

Жалко старику сына. Говорит старик своей хозяйке: — Спеки мне лепешек на дорогу, пойду за сыном.

Испекла хозяйка лепешек, снарядила своего старика на дорогу, пошел старик в лес. И в лесу там шел, шел, набрел на избушку — в лесу там, вошел в избушку, положил лепешки на стол, сам за печку.

И слышит старик: идет... в скрипку выскрипливает, в балалайку выигрывает, идет... приходит в избушку, садится на лавку...

— Жаль, — говорит, — мне-ка батюшки, жаль мне-ка матушки, — а сам все в скрипку выскрипливает, в балалайку выигрывает, — жаль мне молодой жены...

Хоть бы не жил я, расстался,
Хоть бы жил да потерялся!

Отец обрадовался, узнал сына, выходит из-за печки.

— Ой, — говорит, — сын мой любезный, пойдем домой со мною.

— Нет, отец, нельзя никак! — сын пошел из избы.

Отец вслед:

— Я от тебя не отстану, куда ты, туда и я.

И приходят они к яме, — там в лесу. Сын с отцом прощается. Поклонился сын отцу до земли, да бух в яму. Постоял старик, постоял, не смеет лезть за сыном в яму, и пошел, слезно заплакал, домой пошел.

У околицы встречает старика молодуха, горит вся:

— Ну что, видел?

— Видеть-то видел, — говорит отец, — да взять его никак невозможно, — и рассказал все, как было.

Как полотно, побелела молодуха.

— Я, — говорит, — завтра... я сама пойду. Куда он, туда и я. Я от него не отстану.

— Нет, невестка, отстанешь.

А она:

— Нет, не отстану.

А старуха бабка, слушавши, скалит свой зуб черный — смеется, ведьма: мол, отстанешь!

Напекла молодуха лепешек, дождалась, как светать станет, и чуть поднялось солнце, пошла в лес, и вышла на дорогу, как наказал старик, и там набрела на ту из-

бушку — там в лесу. Вошла в избушку, положила лепешки на стол, а сама за печку.

И слышит молодуха: идет... в скрипку выскрипливает, в балалайку выигрывает, идет... приходит в избушку, садится на лавку...

— Жаль, — говорит, — мне-ка батюшки, жаль мне-ка матушки, — а сам в скрипку выскрипливает, в балалайку выигрывает, — жаль мне молодой жены...

Хоть бы не жил я, расстался,
Хоть бы жил да потерялся!

Тут и вышла она из-за печки, кинулась к мужу.

— Ну, — говорит, — муж мой возлюбленный, куда ты, туда и я. Я от тебя не отстану.

— Отстанешь, — говорит он ей, — бедная ты!

А она:

— Нет, не отстану.

И вышли они вместе из избы в лес и приходят к той самой яме, и стал он слезно прощаться:

— Прощай, — говорит, — Любава моя, тебе меня не видать больше.

— А она:

— Куда ты, туда и я.

— Нет уж, ты за мной не ходи, сделай милость.

— Нет, я пойду, ни за что не отстану.

Он бух в яму и скрылся. А она постояла, постояла, да за ним вслед, туда же — в яму.

— Все равно, — говорит, — где он, там и я: одна жизнь!

И как упала она вслед за ним в яму, смотрит: дорога там, дом, и он уж подходит к дому.

Догнала его, ухватилась:

— Я с тобой!

— Ой, — говорит он, — погибли мы теперь оба, ты и я: свадьбу ведь играют, дочку за меня выдают.

И они вместе вошли в дом. А там сидит старик, страсть и глядеть такой страшный старик, а с ним все триста и тридцать и три — черти, свадьбу играют.

— Это кого ж ты привел? — сказал старик, главный.

— Это жена моя, Любава.

Она старику в ноги. Старик ее бить: и ломал, и лягал, и щипал, и всяк ее ломал, да как наступит ножищей, — закричала она по-худому, на глотку стал.

— Несите ее, — старик задохнулся от злости, — его да

ее, стащите обоих из дому вон, откуда их взяли, чтобы и духу не пахло!

Ну и потащили. И притащили их ночью к дому, хряснули о крыльцо, инда хоромы затрещали.

Так вернула Любава себе мужа, Петра, желанная, милого.

И стали они жить и быть и добра наживать, от лиха избывать.

ХИТРАЯ

Рассердился староста на дьякона: староста Чижов не дай Бог — чуть что, не поглядит, что храм Божий, при всех выговорит. Вот и с дьяконом Дамаском вышло: проштрафился дьякон на паремиях — забрал больно высоко и на всеобщий соблазн кончил, совсем как петух. Чижов и не вытерпел, да тут же и ляпнул при всем честном народе. Хуже того, воспретил дьякону на вечные времена паремии читать.

В позорище выстоял Дамаск всенощную и уж как ночь провел, один Бог знает, и обедню служил, ничего не помнит.

По обедне пошел Дамаск с повинной к старосте: ведь, старался для благолепия и торжества, но что поделывать, такой уж грех, — не соразмерил, и если другим смех и соблазн, ему пуще горе, и больше никогда он не допустит такого, попридержится, вниз возьмет.

— А хочешь вину с себя снять, — сказал староста, — научи медведя грамоте! Вот тебе и повинная.

Вернулся Дамаск домой к дьяконице.

— Или в вине ходить до второго пришествия или медведя грамоте выучи!

Плачет.

А дьяконица не такая.

— Чего ты! Медведя? Да давай мне только медведя, эка!

Обрадовался Дамаск и скорее назад к Чижову: ведь, всю жизнь на паремиях положил.

— Согласен, давай медведя!

Усмехнулся староста — чудное дело! — велел дать дьякону медведя.

И повел дьякон зверя, «Господи помилуй!» от страха читает.

— Александра Петровна, вот тебе, принимай!

***

Если и человека, чтобы приучить, надо хлебом обязательно, а зверя и подавно. Дьяконица так и сделала, хлебом Мишу потчевала и привык медведь, перестал фурчать на дьяконицу, а по дьяконице и на дьякона.

И как стал Миша в доме свой человек, тут его за книгу дьяконица и засадила. Напечет блинов, между листами переложит, даст Мише книгу, а он блины ищет, листы перебирает, мормочет.

— Ну, как настоящий профессор, — потеха!

И за какую неделю медведь с книгою, как в лесу с медом, управлялся.

— Вот тебе, дьякон, и вся хитрость.

Дамаск Александре Петровне в ноги: еще бы, теперь-то уж помилуют, станет он по-прежнему под большие праздники паремии читать, заберет верха — на всю церковь.

***

В субботу Дамаск служил всенощную. Словно после долгой болезни или после поста на страстях так истово служил дьякон и молебно: сердце его было полно радостных ожиданий. И уж как ночь провел, один Бог знает, едва утра дождался, и как служил обедню, ничего не помнит.

По обедне пошел Дамаск к старосте, медведя повел.

— Медведь читает, как профессор!

Усмехнулся староста — чудное дело! — положил перед зверем книгу.

А Миша у дьяконицы-то привык к блинам, и сейчас же за книгу, да лапой и ну перелистывать, блинов искать.

— Мор-мор-мор, — мормочет.

Ай, да дьякон, ну, и медведь!

— Суший профессор! — гоготал Чижов, отгоготаться не может.

А медведь, знай, ищет, листы перебирает, на своем языке мормочет.

И не только снял староста вину с Дамаска: читай

паремии, хоть всякую субботу, и сколько влезет! — а и наградил за потеху.

Да и гости, кто случился у старосты после обедни за чаем из прихожан знатных, дьякона так не пустили.

И пошел Дамаск домой к дьяконице: рожа во — сияет!

Скажет дьякон спасибо Александре Петровне: с такой ничего не страшно, с такой не погибнешь на сем белом и горьком свете.

ХЛЕБНЫЙ ГОЛОС

Жил-был царь. И как не стало царицы, царь и призадумался: и то худо, что царицы нет, да на то воля Божья, и опять же хозяйство на руках и не малое, надо кому распорядиться, надо и гостей принять честно, да чтобы все было, как у людей есть, а ему на старости лет дай Бог с царством-то управиться.

А было у царя три сына, все трое женаты, при отце жили. Вот царь и призвал к себе снох, и старшую и среднюю и младшую, и решил испытать, кому из них большухой быть.

— Какой, — говорит, — голос дальше слышен?

Старшая думала, думала, — какой голос?

— Да вот, — говорит, — батюшка, намедни бычок за Москва-рекой рычал, так у Андроньева¹ на обедне слышно было.

— Эка дуреха! — отставил царь старшую сноху и к средней:

— Какой голос дальше слышно?

— Петух у нас, батюшка, сёдни пел поутру, а в Сокольниках² у мамушки слышали. Софоровна сказывала.

Царь только бороду погладил: ну, чего с такой спросишь? — и к младшей:

— Какой голос дальше слышно?

— Не смею, батюшка, сказать, сами знаете.

— Как так, говори, не бойсь.

— Хлебный голос дальше слышно.

¹ *Андроньев* — Спасо-Андроньев монастырь, основанный в XIV в. в двух верстах от Москвы.

² *Сокольники* — в старину — место соколиной охоты; подмосковная слобода, где жили царские охотники.

— Какой такой хлебный?

— А такой, батюшка, если кто хорошо кормит, да голодного не забывает, накормит, согреет, утешит, про того далеко слышно.

— Ну, — говорит царь, — умница ты, Поля, по-русски сказала, так и будь большухой¹.

И пошло с этих пор на Руси — хлебный голос всех дальше слышен.

Из книги «Николины притчи»

НИКОЛИН ДАР

Жил один бедняк, Иваном звали.

Не велико у него было хозяйство — земли немного; и жизнь нелегкая — один, как перст, без семьи остался. Да не возроптал — принял Божье, и все, бывало, песни поет, такой уж.

Раз пашет Иван поле — пшеницу сеет.

Рассеял, пашет, за собой борону возит, сам песни поет — и уперся концом в дорогу.

А по дороге два путника:

седенький один с посохом,
другой не стар, не млад, грозный.

Илья говорит Николе:

— Что это, Никола, человек-то больно веселый, поет?

— Да, видно, кони у него, слава Богу, ходят, нужды не знает, вот и поет.

Поровнялись путники.

— Бог помощь тебе, Иванушка! — сказал Никола.

— Добро пожаловать, старички любезные! — снял Иван шапку.

А Илья и говорит:

— Что больно весел?

— Что мне не веселиться! Лошадки ходят ничего — а мне больше ничего не надо, только бы батюшка Никола-угодник пшенички зародил.

Пошли странники своею дорогой.

Шли, святые, по полям, по раздолью весеннему.

---

¹ *Большуха* — старшая в доме, хозяйка.

Говорит Илья Николе:

— Что этот сказал? Разве пшеницу ты родишь? Ведь, не ты? Эту я премудрость творю.

— Как его осудить, — заступился Никола, — человек простой: где ему знать про такое!

— Ну, ладно ж, я ему урожу пшеницу, по колено будет — и градом прибью!

***

И уродил грозный Илья великий такую пшеницу: посмотришь, душа не нарадуется.

«Вот урожай! Вот Бог счастье послал, Никола угодник помиловал. Хлеб-то будет, девать некуда».

***

Вечером вышел Иван, стал за околицей, песни поет. И видит:

по весеннему полю идет старичок седенький с посохом.

— Добро пожаловать, дедушка.

Жаль Николе беднягу:

все ведь прахом пойдет!

— Слушай, Иванушка, ты пшеницу продай.

— Как же так, — оторопел Иван, — такую хорошую! Да и что за такую просить?

— Проси, сколько хочешь, все дадут. Смотри же, продай!

И пошел.

***

Иван послушал и продал пшеницу:

сладил ее богатый сосед за сто рублей.

И, не кончился день, как взмыло тучу большую: как ударит, с громом прошла гроза — градом побило пшеницу —

как ножом, весь хлеб срезало.

По разоренному полю идет Никола.

А навстречу Илья.

— Посмотри, что я сказал, то и сделал: вот оно поле Иваново!

— Нет, не Иваново, — сказал Никола, — пшеницу он

продал, это поле Гундяево. Правого ты разорил, то-то, чай, плачет.

— Ну, так поправлю я ниву, — поправил Илья, — он от этой громобойной пшеницы двадцать сот нажнет с десятины¹.

К ночи приходит Никола под окно к Ивану: жалко ему беднягу, не к рукам добро достанется.

А Иван угоднику молится, что того старичка надумил такой совет подать. И как увидел, обрадовался: просит на ночлег остаться.

Нет, Николе не время — путь ему дальний.

— Купи назад пшеницу-то.

— Да, ведь, она, дедушка, больно побита.

— Ничего, купи. Скажи, что на корм скосить годится.

В убытке не будешь.

Поблагодарил Иван старичка и чуть свет к соседу — откупать пшеницу.

А тот несчастный рад-радехонек — бери хоть даром! — да за полцены и отдал.

Отдал и прогадал.

Откуда что взялось, пшеница пошла и пошла.

И такой уродился хлеб высокий да частый, а колос полный, так и гнется, так к земле и гнется — золотая нива, благодать!

И в страду много Иван нажал снопов и выжал всю — двадцать сот нажал.

***

В поле встретил Никола Илью: грозный, весело смотрит.

— Вот у кого я градом убил, тому и уродил! Он ее и выжал совсем.

— Да, тот, кто посеял, тот и пожал. Ведь, пшеницу-то Иван назад купил.

— Как так купил...

— Так и купил.

И рассказал Илье Никола, как богатый сосед Гундяев в несчастье за полцены Ивану громобойное поле отдал.

— Так я ж ему умолоту не дам!

И пошел — гроза! — как гроза.

---

¹ Десятина — 1,09 гектара.

***

Не оставил Никола беднягу: в ночи пришел под окно. Куда сон, — не знает Иван, как отблагодарить гостя. — Молотить будешь, — учил старичок, — сади на овин, да понемногу, по пяти снопов: в углы по снопу поставь, пятым окошко заткни.

Как сказано, так и сделано. Долго Иван молотил и все обмолотил: со снопа по пудовке¹ сошло.

Со снопа по пудовке! — да такого умолоту сроду не бывало.

По закромам, по клетям, по набитым амбарам дознался Илья и не дай Бог! — еще слава Богу, что Никольщина² близко.

— Ладно, повезет на мельницу, я ему примолу не дам. И не дал.

Повез Иван на мельницу три пудовки молоть, смолот, — а осталось две. Куда третья? — а не знает, что Илья взял!

Раздумывал бедняга — и придумать ничего не мог.

***

В ночи старичок постучал под окном.

Обрадовался Иван и все ему рассказал про напасть.

— Вот что, Иванушка, испеки ты из этой муки пшеничной два пирога. Да с молитвой посади! И ступай с ними к обедне: один положи себе на голову — то Илье грозному, а другой под правую пазуху — то Николе милостивому.

Вот на Николу ранним утром, когда еще звезды не все погаснули, вышел Иван по морозцу в церковь к обедне.

По дороге странник ему навстречу — не стар, не млад, грозный.

— Куда пирожки-то несешь?

— На голове — батюшке Илье великому, а под правой пазухой — Николе угоднику! — сказал Иван.

И как услышал Илья ответ мудрый, умирился и перестал грозить.

¹ Пудовка — мера в пуд веса.

² Никольщина — праздник в честь св.Николая — 6(19) декабря.

И с той поры зажил Иван без опаски: две пудовки
весь год брал и не убывало —
Николин дар щедрый.

КАЛЕННЫЕ ЧЕРВОНЦЫ

Шел мужик лошадь продавать и хвалился:

— Кого хошь обдюю: и умника и простого и святого,
кого хошь!

И только это сказал, а ему старичок навстречу.

— Продай лошадку-то!

Посмотрел на него Кузьма: так, старик не из годящих
и разговаривать-то с таким, — время тратить.

— Купи.

— А сколько?

— Сто рублей.

— Да что ты, креста на тебе что ли нет? Конь-то твой
был конь, да съезжен, десятки не стоит.

— Ну, и проваливай, — огрызнулся Кузьма, — не по
тебе цена, не для тебя и конь!

И пошел.

И старик пошел, ничего не сказал, да остановился,
что-то подумал. И уж догоняет.

— Уступи!

А тот молчит.

— Уступи хоть сколько! — просит старик, не отстает.

И вот-вот двинет его Кузьма: надоело.

— Ну, ладно, коли уж так надо, бери сто! — сказал
старик и высыпал ему на ладонь червонцы.

А сам сел на лошадь и прощай.

***

У Кузьмы в глазах помутилось: червонцы!

И хотел он их в карман спрятать, а никак не может
с ладони ссыпать:

пристали к ладони, не отлипают.

Бился, бился, а ничем не отдерешь.

И жжет.

От боли завертелся Кузьма — и уж едва до дому до-
брался.

И дома места себе не находит: жгут червонцы. Из-

велся весь. Уж кается, да ничего не помогает — жгут червонцы, как каленые угли.

И вот совсем обессилел и заснул.

И приснился ему сон:

«Иди, — говорит, — той дорогой, по которой шел продавать лошадь. Встретишь того старика, покупай назад лошадь. Сколько ни спросит старик, давай».

***

Очнулся Кузьма.

Чуть свет вышел на дорогу, — на свет ему поднять глаза трудно.

И жжет.

А старик-то и едет.

Поклонился он старику.

— Продай, дедушка, лошадь-то!

Смотрит старик, не признает.

— Лошадку-то продай, дедушка, мою! — едва слова выговаривает несчастный.

— Десять рублей, — сказал старик.

— Бери сто.

— Зачем сто? Десять.

И поехал.

Кузьма стоит на дороге — впору волком завывать.

Старику-то, видно, жалко стало, и вернулся.

— Ну, давай уж сто.

Обрадовался Кузьма — и в ту же минуту отлипли червонцы, так и зазвенели, каленые, о холодный камень.

Нагнулся, собрал в горсть, глядь, а перед ним старичок-то, как поп в ризах.

— Батюшка Никола Угодник!

А старик стоит и так смотрит: броватый такой, а кротко.

— Прости, родненький!

— Ну, иди с Богом, да не обманывай! — сказал старик.

И как не было.

И червонцы пропали.

Только лошадь одна.

ЗАРЯ ПЕРЕГОРЕЛАЯ

Мало мы чего знаем, и понятием, к чему что, не больно богаты, а помолчать, когда чего не знаем, на это нас нет.

***

Пахал Антон пашню, измаялся. И вечер стал, заря перегорала, а Антон все пашет.

И попадается ему навстречу старичок:
смотрит куда-то, будто о чем задумал.

— Скажи, — говорит, — Антон, к чему это заря перегорает?

— Да к ненастью, старинушка, — ответил Антон.

Старик его за руку да через оглоблю. Перевел через оглоблю — оборотил конем и ну на нем землю пахать.

Перегорела заря, звезды усеяли небо, месяц вона где стал, когда кончил старик пахать — а это сам Никола был. И уж еле поплелся Антон с поля домой.

***

На другой день пашет Антон, и опять ему старичок навстречу.

— Ну, Антон, к чему заря перегорает?

А день стоит светлый, да теплый.

Тут Антон — вчерашнее-то ему ой как засело! — повинился, что не знает.

— То-то, не знаешь, а коли чего не знаешь, о том помолчи! — сказал старичок и пошел.

Пошел Угодник уму-разуму учить нас, на думу ленивых, —

гневный — карать неправду,
милостивый — жалеть
и собирать нас, разбродных.

Степан Григорьевич Писахов

1879 — 1960

С. Г. Писахов — писатель и художник, творчество которого связано с Севером — с Архангельском. Это был добрый и очень отзывчивый человек, оптимист, считавший себя до последних лет молодым и бывший таковым по своим душевным качествам. Его любили дети, часто к нему заходили, и он их одаривал книгами — своими сказками.

В творчестве Писахова — море жизни, радости, силы и красоты. «Писахов — гиперболичен», — так коротко сказал о нем Юрий Казаков. И это действительно так. Прочтите его сказки.

НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ

Про наш Архангельский край столько всякой неправды да напраслины говорят, что придумал я сказать все, как есть у нас. Всю сушу правду, что ни скажу — все правда. Кругом земляки, соврать не дадут. К примеру, река наша Двина в узком месте тридцать пять верст, а в широком — шире моря. А ездили по ней на льдинах вечных. У нас и ледяники есть. Таки люди, которые ледяным промыслом живут. Льдины с моря гонят да дают в прокат кому желательно.

Запасливы старухи в вечных льдинах проруби делали. сколько годов держится прорубь!

Весной, чтобы занапрасно льдина с прорубью не таяла, ее на погребницу затаскивали — квас, пиво студили. В стары годы девкам в придано первым делом вечну льдину давали, вторым делом — лисью шубу, чтобы было на чем да в чем за реку в гости ездить.

Летом к нам много народу приезжат. Вот придут к ледянику да торговаться учнут, чтобы дал льдину лучше, а взял бы по три копейки с человека. А транвай в те поры брал пятнадцать копеек.

Ну, ледяник ничего, для виду согласен. Подсунет дохлу льдину — стару, иглисту, чуть живу (льдины хоть и вечны, да и им век приходит).

Приезжи от берега отъедут верст с десяток, тоже как путевы, песню заведут. Наши робята уж караулят — креп-

кой льдиной толконут, стара-то и сыпаться начнет. Приезжи завизжат: «Ой, тонем, ой, спасите!»

Ну, робята подъедут на крепких льдинах, обступят: «По целковому с рыла, а то вон и медведь плывет, да и моржей напустим!»

А мишки белы с моржами, вроде как на жалованье али на поденщине, — свое дело знают. Уж и плывут. Приезжи с перепугу платят по целковому. Впредь не торгуйся! А мы-то сами хорошей компанией найдем льдину. Сначала пешней попробуем, сколько ей годов узнаем, коли больше ста — не возьмем, коли сотни нет — значит, к делу гожа; у нас и старики, которым меньше ста, козырем ходят.

На льдину сядем, парус для скорости поставим, а от солнца зонтики растопырим, чтобы не очень припекало. У нас летом солнце-то не закатывается: ему на одном месте стоять скучно, ну, оно и крутит по небу. В сутки раз пятьдесят обернется, а коли погода хороша да пове-терь, то и семьдесят; коли дождь да мокреть, так солнце отдыхат, стоит.

А на том берегу всяка благодать, всячесько благо-растворение. Морошка крупна, ягоды по три фунта и боле, и всяка друга ягода.

Семга да треска сами ловятся, сами потропаются, сами солятся, сами в бочки ложатся. Рыбаки только бочки порозны к берегу подкатывают да днища заколачивают. А котора рыба побойче — выпотрошится да в пирог завернется. Семга да палтусина ловче всех рыб в пирог заворачиваются. Хозяйки только маслом смазывают да в печку подсаживают.

Белы медведи молоком торгуют — приучены. Белы медвежата семечками и папиросами промышляют. Птички всяки чирикают: полярны совы, чайки, гаги, гагарки, гуси, лебеди, северны орлы, пингвины.

Пингвины у нас хоть не водятся, но приезжают на заработки, с шарманкой ходят да с бубном, а ины облизьяной одеваются, всяки штуки представляют, им и не пристало облизьяной одеваться — ноги коротки, ну да мы не привередливы, нам хоть и не всамделишна облизьяна, лишь бы смешно было.

А в большой праздник да возьмутся пингвины с белыми медведями хороводы водить, да еще вприсядку пустятся, ну, до уморенья! А моржи да тюлени с нерпами

у берега в воде хлюпают да поуркивают — музыку делают по-своему.

А робята поймают кита али двух, привяжут к берегу и заставят для прохлаждения воздуха воду столбом пускать. А бурым медведям ход настрого запрещен. По-зажилью столбы понаставлены и надписи на них: «Бурым медведям ходу нет».

Раз вез мужик муки мешок. Это было вверху, выше Лявли. Вот мужик и обронил мешок в лесу. Медведь нашел, в муке вывалялся весь и стал на манер белого. Стащил лодку да приехал в город: его водой да поветерью несло, он рулем ворочал. До рынка доехал, на льдину пересел. Думал сначала промышлять семечками да квасом, а как разживется, и самогоном торговать. Да его узнали — как не узнать? — обличье-то показало! Что смеху было! В воде выкупали. Мокрехонек, фыркат, а его с хохотом да с песнями робята за город прогнали.

Медведь заплакал от обиды. Народ у нас добрый: дали ему вязку калачей с анисом, сахару полпуда да велели кой-когда за шаньгами приходить.

СЕВЕРНО СИЯНИЕ

Летом у нас круглы сутки светло, мы и не спим: день работам, а ночь гулям да с оленями вперегонки бегам. А с осени к зиме готовимся. Северно сияние сушим. Спервоначалу-то оно не сколь высоко светит.

Бабы да девки с бани дергают, а робята с заборов. Надергают эки охапки! Оно что — дернешь, вниз головой опрокинешь — потухнет, мы пучками свяжем, на подволоку повесим, и висит на подволоке, не сохнет, недохнет. Только летом свет теряют. Да летом и не под нужду, а к темному времени опять отживается.

А зимой другой раз в избе жарко, душно — не продохнуть, носом не проворотить, а дверь открывать нельзя: на улице мороз щелкат. Возьмем северно сияние, теплой водичкой смочим и зажжем. И светло так горит, и воздух очищает, и пахнет хорошо.

Девки у нас модницы, выдумщицы, северно сияние в косах носят — как месяц светит! Да еще из сияния звезд

наплетут, на лоб налепят. Страсть сколь красиво! Просто андели¹!

Про наших девок в песнях пели:

У зари, у зореньки
Много ясных звезд,
А в деревне Уйме им и счету нет!

Девки по деревне пойдут — вся деревня вызвездит.

СОБАКА РОЗКА

Моя собака Розка со мной на охоту ходила-ходила, да и научилась сама одна охотиться, особенно за зайцами.

Раз Розка зайца гнала. Заяц из лесу да деревней, да к реке, а тут щука привелась, на берег головушку выставила, пасть разинула. Заяц от Розкиной гонки недосмотрел, что щукина пасть растворена, думал — в како хороше место спрячется, в пасть щуке и скочил. Розка за зайцем — в щукино пузо и давай гонять зайца по щукиному нутру. Догнала-таки!

Розка у щуки бок прогрызла, выбежала, зайца мне принесла.

Со щукой у нас много хлопот было. Мой дом, вишь, задне всех стоит. Щуку мы всей семьей, всей родней домой добывали.

Тащили, кряхтели, пыхтели. Притащили. Голова во дворе, хвост в реке. Вот така была рыбаина!

Мы три зимы щуку ели. Я в городу пять бочек соленой щуки продал.

Вот пирог на столе, думашь, с треской? Нет, это щука Розкина лова, только малость лишку просолилась, да это ничего, поешь, обсолонись, лучше попьешь. Самовар у меня ведерный, два раза дольем — оба досыта попьем!

---

¹ *Андели* — ангелы (диалектное слово).

ЯБЛОНЕЙ ЦВЕЛ

Хорошо дружить с ветром, хорошо и с дождем дружбу вести.

Раз вот я работал на огороде, это было перед утром. Солнышко чуть спорыдало¹.

Высоко в небе что-то запело переливчато. Прислушался. Песня звонче птичьей. Песня ближе, громче, а это дождик урожайный мне *здравствуй* кричит.

Я дождику во встречу руки раскинул и свое слово сказал:

— Любимый дружок, сегодня я никакую деревянность в рост пускать не буду, а сам расти хочу.

Дождик перестал по сторонам разливаться, а весь на меня, и не то что брызгал аль обдавал, а всего меня обнял, пригладил, буди в обнову одел. Я от ласки такой весь согрелся внутрих, а сверху в прохладной свежести себя чувствую.

Стал я на огороде с краю да у дорожного краю босыми ногами в мягку землю. Чую, в рост пошел! Ноги корнями, руки ветвями. Вверх не очень подаюся, что за охота — с колокольней ростом гоняться.

Стою, силу набираю да придумываю, чем расти, чем цвести? Ежели малиной, дак этого от моего имени по всей округе много.

Придумал стать яблоней. Задумано — сделано. На мне ветки кружевятся, листики развертываются. Я плечами повел и зацвел. Цветом яблонным.

Я подбоченился, а на мне яблоки спеют, наливаются, румянятся. От спелых яблоков яблонный дух разнесся, вся деревня заравовалась.

Моя жона перва увидала яблоню на огороде — это меня-то! За цветущей нарядностью меня не заметила. Рот растворила, крик распустила:

— И где это Малина запропастился, как его надо, так его нету! У нас тут заместо репы да гороху на огороде яблоня стоит! Да как на это начальство поглядит?

Моя жона словами кричит сердито, а личиком улыбается. И я ей улыбку сделал, да по-своему. Ветками чуть тряхнул и вырядил жону в невиданну обнову.

¹ Спорыдало — восходило.

Платье из зеленых листиков, оподолье цветом густо усыпано, а по оплечью спелы яблоки румянятся. Моя баба приосанилась, свои телеса в стройность привела. На месте повернулась павой, по деревне поплыла лебедью.

Вся деревня просто ахнула! Парни гармони растянули, песню грянули:

Во деревне нашей
Цветик-яблоня цветет,
Цветик-яблоня
По улице идет!

Круг моей жоны хоровод сплели. Жона в полном удовольствии.

Цветами дорогу устилает, яблоками всех одаривает. Ноженькой притопнула и звонким голосом запела:

Уж вы жоночки-подруженьки,
Сваты, кумушки,
Уж вы девушки-голубушки,
Время даром не ведите,
К моему огороду вы подите,
Там на огородном краю,
У дорожного краю
Растет-цветет ново дерево,
Ново дерево — нова яблоня.
Станьте перед яблоней, улыбаючись,
Оденет вас яблоня и цветом и яблоками!

Тако званье два раза сказывать не надо. Ко мне девки, бабы идут, улыбаются, да так хорошо, что теплый день еще больше потеплел. Все, что росло, что зеленело кое-как — все полной мерой в рост пошло. Деревя вызнялись¹, кусты расширились, травки встрепенулись, цветочками запестрели. Вся деревня садом стала. Дома как на именинах сидят.

Девки, жонки на меня дивуются да поахивают.

Коли что людям на пользу — мне того не жалко. Я всех девок и баб-молодух одел яблонями. За ними старухи: котора выступками² кожаными ширкат, котора шлепанцами матерчатými шлепат, котора палкой выстукиват. А тоже стары кости расправили, на меня глядя улыбаются. И от старух весело, коли старухи веселы.

¹ Вызнялись — поднялись.

² Выступки — женские башмаки.

Я и старух обрядил и цветами, и яблоками.

Старухи помолодели. Старики увидели — только крикнули, бороды расправили, волосы пригладили, себя одернули, козырем пошли за старухами.

Наша Уйма вся в зеленях, вся в цветах, а по улице — фруктовый хоровод.

Яблочно благорастворенье во все стороны понеслось и до городу дошло.

Чиновники носами повели — завынюхивали.

— Приятственно пахнет, а не жареным, не пареным, не разобрать, много ли доходу можно взять.

К нам в Уйму саранчой налетели. Высмотрели, вынюхали. И на чиновничьем собрании порешили:

— В деревне воздух приятне, жить легче, на том месте большо согласие, а посему всему обсказанному — перенести город в деревню, а деревню перебросить на городско место.

Ведь так и сделали бы! Чиновникам чем диче, тем ловче. Остановка вышла из-за купцов: им тяжело было свои туши с места подымать.

У чиновников сила в чинах да в печатях: припечатывать, опечатывать, запечатывать. У купцов сила была в капиталах ихних, в местах больших с лавками, лабазами, с домами каменными. Купцы пузами в прилавки уперлись, из утроб своих, как в трубы, затрубили:

— Не хотим с места шевелить себя. Мы деревню и отсюда хорошо обирам. Мы отступного дать не отступимся, а что касательно хорошего духу в деревне, то коли его в город нельзя перевезти — надо извести.

Чиновникам без купцов не житье, а нас, мужиков, они и во всех деревнях грабить доставали.

Чиновницы, полицейщицы тоже запах яблонный услыхали:

— Ах, каки приятственны духи! Ах, надобно нам такими духами намазаться!

К нам барыни-чиновницы, полицейщицы заторопились, которы на извозчиках, которы пешком заявились. Увидали наших девок, жонок, у всех ведь оподолие в цветах, оплечье в спелых яблоках. Барыни от зависти, от злости позеленели и зашипели:

— И совсем не пристало деревенским так наряжаться! Это только для нас подходяще. И где таки нарядности дают, почем продавают, с которого конца в очередь становиться? А мы и без очереди, по нашей образованности и по нашей важности!

А мы живем в саду, в ладу, у нас ни злости, ни сердитости. При нашем согласье печки сами топят, обеды сами варятся, пироги, шаньги, хлебы сами пекутся.

В ответ чиновницам старухи прошамкали, жонки проговорили, а девки песней вывели:

У Малины в огороде
Нова яблоня цветет,
Нова яблоня цветет,
Всех одариват!

Барыни и дослушивать не стали. С толкотней, с перебранкой ко мне прибежали, зубы щерят, глаза щурят, губы в ниточку жмут.

На них посмотреть — отвернуться хочется.

Я ногами-корнями двинул, ветвями-руками махнул и всю крапиву с Уймы собрал, весь репейник выдергал. На злыдень городских налепил. Они с важностью себя встряхивают, носы вверх задирают, друг на дружку не глядят, друг от дружки отодвигаются, чтобы себя не примять, чтобы до городу в сохранности свой вид донести.

Прибежали попадьи с большущими саквояжами. Сначала яблоками саквояжи туго набили, а потом передо мной стали тумбами да копнами.

Охота попадьям яблонями стать и бояться: а дозволено ли оно, а показано ли? Нет ли тут силы нечистой? У своих попов не спросили, не сдогадались спросить у Сиволдая, да к нему с пустыми руками не пойдешь.

От раздумчивости у поповских жен рожи стали похожи на булки недопечены, глаза изюминками, а рты разинуты печными отдушинами, из этих отдушин пар со страхом вперемежку так и вылетал.

У меня ни крапивы, ни репейника. Собрал я лопухи, собрал чертополох и облепил одну попадью за другой. Попадья искоса глянули на себя, видят — широко, значит, ладно.

В город поплыли зелеными кучами.

И полицейщицы и чиновницы со всей церемонностью в город заявили. Идут, будто в расписну стеклянную посуду одеты и боятся разбиться. Серdito на всех фыркают. Почему-де никто не ахат, руками не всплескивают, и почему малы робята яблочков не просят?

К знакомым подходят об ручку здороваться, а знакомые от крапивы и репейника в сторону отскакивают.

По домам барыни разошлись, перед мужьями вер-

тятся, себя показывают, мужей и колют и жгут. В ихних домах ругань да визготня поднялась, да для них это дело завсегдашно, лишь бы не на людях.

Приплыли в город попадьи, а были они многомясы, телом сыты — на них лопухи во всю силу выросли. Шли попадьи каждая шириной во всю улицу. К домам подошли, а ни в калитку, ни в ворота влезть не могут.

Хоть и конфузно было при народе раздеваться, а верхни платья с себя сняли, в домам заскочили.

Попадьи отдышались и пошли по городу трезвонить!

— И вовсе нет ничего хорошего в Уйме. Ихно согласное, ладное житье от глупости да от непониманья чиновпочитанья. То ли дело мы: перекоримся, переругаемся — и делом заняты, и друг про дружку все вызнали! И скуки не знам.

Чиновницы заместо телефона из форточки в форточку кричали — попадьям вторили.

Чиновницы с попадьями о лопухах говорили с хихиканьем.

А попадьи чиновниц крапивным семенем обозвали.

Это значит — повели благородный разговор.

Теперица-то городски жители и не знают, какво раньше жилось в городе. Нынче всюду и цветы, и дерева. Дух вольготный, жить легко.

Ужо, повремени малость, мы нашу Уйму яблонями обсадим, только уж всамделишными.

СПЛЮ У МОРЯ

Анне Константиновне Покровской

День проработал, уработался, из сил выпал, пора пришла спать валиться. А куда? Ежели в лесу, то тесно: ни тебе растянуться, ни тебе раскинуться — деревья мешают, как повернешься, так в пень али во ствол упруешься. Во всю длину не вытянешься, просторным сном не выспишься. Повалиться в поле — тоже спанье не влать. Кусты да бугры помеха больша.

Повалился спать у моря. Песок ровненькой, мягонькой. Берег скатывается отлого. А ширь-то — раскидывайся, вытягивайся во весь размах, спи во весь простор!

Под голову подушкой камень положил, один на двух подушках не сплю, пуховых не терплю, жидкими кажут. На мягкой подушке думы теряются и снам опоры нет.

Улегся, вытянулся, растянулся, раскинулся — все в полну меру и во всю охоту. Только без окутки спать не люблю. Тут мне под руку вода прибыла. Ухватил воду за край, на себя натянул, укутался. И так ладно завернулся, так плотно, что ни подвертывать, ни подтыкать под себя не надо. всего обернуло, всего обтекло.

И слышу в себе силу во всей дали, со всей шири. Вздохну — море всколыхнется, волной прокатится. Вздохну — над водой ветер пролетит, море взбелит, брызги пенны раскидат.

Спал во весь сон, а шевелить себя берегся. Ежели ногой двину — со дна моря горы выдвину. Ежели рукой трону — берега, леса, горы в море скину.

Сплю, как спится после большой работы, — сплю молча, без переверта.

Чую, кто-то окутку с меня стягиват. Соображаю во сне: что за забаву нашли отдыху мешать? Я проснулся вполпросыпа. Глаза приоткрыл и вижу — солнце-то что вздумало?

Солнце дошло до края моря, на ту сторону заглядывает, ему надо было поглядеть, все ли там в порядке, а чтобы на той стороне долго не засидеться, солнце ухватилось за воду, за море, за мое одеяло — с меня и стаскиват.

Я за воду, за край ухватился, тут межень¹ прошла; вода прибыла, я море опять на себя натянул, мне поспать надо, я ведь недоспал.

Солнце вверх пошло, меня пригрело. Я выспался так хорошо, что до сих пор устали не знаю.

Старики говорят: один в поле не воин. Я скажу — один в море не хозяин. Кабы в тогдашнее время мог я с товарищами сговориться, дак мы бы всем работающим миром подняли бы море краем вверх, поставили бы стоймя и опрокинули бы на землю. Смыли бы с земли всех помыкающих трудящими, мешающих налаживать жизнь в общем согласье.

Да это еще впереди.

Теперь-то мы сговоримся.

---

¹ *Межень* — самый низкий уровень воды.

Алексей Николаевич Толстой

1882 — 1945

Обращение писателя к русскому фольклору — не случайно. На хуторе Сосновка Николаевского уезда Самарской губернии единственными товарищами барчонка-графа оказались деревенские ребята, с которыми он летом скакал верхом по ковыльным степям с курганами на горизонте, целыми днями пропадал на сенокосе, жнивье и молотье, а зимою ходил «к знакомым крестьянам слушать сказки, побасенки, песни».

Позднее Толстой скажет, что с сокровищами народного творчества его познакомили в Петербурге друзья-литераторы А. М. Ремизов, М. А. Волошин, В. И. Иванов, хотя уже в ученическом сочинении будущий писатель цитировал фрагменты былин из учебных хрестоматий и сборников по фольклору.

В начале века Толстого особенно интересовали русские сказки и былички, в частности любимое им собрание А. Н. Афанасьева. Он творчески разрабатывал в своих произведениях фольклорные мотивы. По его ранним стихотворениям и сказкам кочуют стихийные духи. Чаще других встречается русалка, давшая название первому циклу прозы Толстого — «Русалочьи сказки».

Неоконченным остался цикл русских сказок в обработке А. Н. Толстого, над которым писатель работал в последние годы жизни.

Из книги «Русалочьи сказки»

РУСАЛКА

Во льду дед Семен бьет прорубь — рыбку ловить. Прорубь не простая — налажена с умом.

Дед обчертил пешней круг на льду, проколупал яму, посередине наладил изо льда же кольцо, а внутри его ударил пешней.

Хлынула спертая, студеная вода, до краев наполнила прорубь.

С водой вошли рыбки — снеток, малявка, плотва.

Вошли, поплавали, а назад нет ходу — не пускает кольцо.

Посмеялся своей хитрости дед Семен, приладил сбоку

к проруби канавку — сачок заводить и пошел домой, ждать ночи — когда и большая рыбина в прорубь заходит.

Убрал дед Семен лошадь и овцу — все свое хозяйство — и полез на печь.

А жил он вдвоем со старым котом на краю села в мазанке.

Кот у деда под мышкой песни запел, тыкался мокрым носом в шею.

— Что ты, неугомонный, — спрашивал дед, — или мышей давно не нюхал?

Кот ворочался, старался выговорить на кошачьем языке не понять что.

«Пустяки», — думает дед, а сна нет как нет.

Проворочался до полуночи, взял железный фонарь, сачок, ведро и пошел на речку.

Поставил у проруби железный фонарь, стал черенком постукивать по льду. — Ну-ка, рыбка, плыви на свет.

Потом разбил тонкий ледок, завел сачок и вытянул его полный серебряной рыбешки.

«Что за диво, — думает дед, — никогда столько рыбы не лавливал. Да смиренная какая, не плещется».

Завел и еще столько же вытянул. Глазам не верит; «Нам с котом на неделю едева не проест».

Посветил фонарем в прорубь — и видит на дне около кольца лежит темная рыбина.

Распоясался дед Семен, снял полушубок, рукава засучил, наловчился да руками под водой и ухватил рыбину.

А она хвостом не бьет, — смиренная.

Завернул дед рыбу в полу, подхватил ведро с малявками, и — домой... — Ну, — говорит, — котище, поедим на старости до отвала, смотри...

И вывалил из полы на стол.

И на столе вытянула зеленый плес, руки сложила, спит русалка, личико — спокойное, детское...

Дед — к двери, ведро уронил, а дверь забухла, — не отворяется.

Русалка спит...

Обошелся дед понемногу, пододвинулся поближе, потрогал — не кусается, и грудь у нее дышит, как у человека.

Старый кот рыбу рассыпанную не ест, на русалку смотрит, — горят котовские глаза.

Набрал дед тряпья, в углу на печке гнездо устроил, в

головах шапку старую положил, отнес туда русалку, а чтобы тараканы не кусали, — прикрыл решетом.

И сам на печку залез, да не спит.

Кот ходит, на решето глядит...

Всю ночь проворочался старый дед; поутру скотину убрал да опять к печке: русалка спит; кот от решета не отходит.

Задумался дед; стал щи из сметки варить, горшок валится, чаду напустил...

Вдруг чихнуло...

— Кот, это ты? — спрашивает дед.

Глянул под решето, а у русалки открытые глаза, — светятся. Пошевелила губами:

— Что это ты, дед, как чадишь, не люблю я чаду.

— А я сейчас, — заторопился дед, окно поднял, а горшок с недоваренными щами вынес за дверь.

— Проснулась? А я тебя было за щуку опознал.

Половина дня прошла, сидят дед и кот голодные.

Русалка говорит:

— Дед Семен, я есть хочу.

— А я сейчас, вот только, — дед помялся, — хлебец ржаной у меня, больше ничего нет.

— Я леденцов хочу.

— Сейчас я, сейчас... — Вышел дед на двор и думает: «Продам овцу, — куда мне овца? Куплю леденцов...»

Сел на лошадь, овцу через шею перекинул, поскакал в село.

К вечеру вернулся с леденцами.

Русалка схватила в горсть леденцов — да в рот, так все и съела, а наевшись, заснула...

Кот сидел на краю печки, злой, урчал.

Приходит к деду внучонок Федька, говорит: — Сплети, дед, мочальный кнут...

Отказать нельзя. Принялся дед кнут вить, хоть и не забавно, как раньше бывало.

Глаза старые, за всем не углядишь, а Федька на печку да к решетку.

— Деда, а деда, что это? — кричит Федька и тянет русалку за хвост... Она кричит, руками хватается за кирпичи.

— Ах ты озорник! — никогда так не сердился дед Семен; отнял русалку, погладил, а Федьку мочальным кнутом: — Не балуй, не балуй...

Басом ревел Федька:

— Никогда к тебе не приду...

— И не надо.

Замкнулся дед, никого в избу не пускал, ходил мрачный. А мрачнее деда — старый рыжий кот...

— Ох, недоброе, кот, задумал, — говорил дед.

Кот молчал.

А русалка просыпалась, клянчила то леденцов, то янтарную нитку. Или еще выдумала: — Хочу самоцветных камушков, хочу наряжаться.

Нечего делать — продал дед лошадь, принес из города сундучок камушков и янтарную нитку.

— Поиграй, поиграй, золотая, посмейся.

Утром солнце на печь глядело, сидела русалка, свесив зеленый плес с печи, пересыпала камушки из ладони в ладонь, смеялась.

Дед улыбался в густые усы, думал: «Век бы на нее посмотрел».

А кот ходил по пустому хлеву и мяукал хриплым мявом, словно детей хоронил. Потом прокрался в избу. Шерсть дыбом, глаза дикие.

Дед лавку мыл; солнце поднималось, уходило из избы...

— Дед, дед! — закричала русалка. — Разбери крышу, чтобы солнце весь день на меня светило.

Не успел дед повернуться, а кот боком махнул на печь, повалил русалку, искал усатой мордой тонкое горло.

Забилась русалка, вывертывается. Дед на печь, оттащил кота.

— Удуши кота, удуши кота, — плачет русалка.

— Кота-то удушить? — говорит дед. — Старого!..

— Он меня съест.

Скрутил дед тонкую бечевку, помазал салом, взял кота, пошел в хлев.

Бечевку через балку перекинул, надел на кота петлю.

— Прощай, старичок...

Кот молчал, зажмурил глаза.

Ключ от хлева дед бросил в колодезь.

А русалка долго на этот раз спала: должно быть, с перепугу.

Прошла зима. Река разломала лед, два раза прорывала плотину, насилу успокоилась.

Зазеленела на буграх куриная слепота, запахло березами, и девушки у реки играли в горелки, пели песни.

Дед Семен окно раскрыл; пахучий, звонкий от песен ветер ворвался в низкую избу.

Молча соскочила с печки русалка, поднялась на руках. Глядит в окно, не сморгнет, высоко дышит грудь.

— Дед, дед, возьми меня: я к девушкам хочу.

— Как же мы пойдем, засмеют они нас.

— Я хочу, возьми меня. — Натерла глаза и заплакала.

Дед смекнул.

Положил русалку за пазуху, пошел на выгон, где девушки хором водили.

— Посмотрите-ка, — закричали девушки, — старый приплелся!..

Дед было барахтаться... Ничего не помогло — кричат, смеются, за бороду тянут. От песней, от смеха закружилась стариковская голова.

А солнышко золотое, ветер степной...

И за самое сердце укусила зубами русалка старого деда, — впилась...

Замотал дед головой да — к речке бегом бежать...

А русалка просунула пальцы под ребра, раздвинула, вцепилась зубами еще раз. Заревел дед и пал с крутого берега в омут.

С тех пор по ночам выходит из омута, стоит над водой седая его голова, мучаясь, открывает рот.

Да мало что наплести можно про старого деда!

ИВАН ДА МАРЬЯ

Десятая неделя после пасхи — купальские дни.

Солнце самый пуп земли печет, и зацветает дивная Полынь-трава. В озера, на самое зеленое дно, под коряги подводные, под водоросли глядит огненное солнце.

Негде упрятаться русалкам-мавкам, и в тихие вечера да в лунные ночи уходят они из вод озерных и хоронятся в деревьях, и зовут их тогда древяницами.

То присказка, а сказка вот какая.

Жили-были брат Иван да сестра Марья в избенке на берегу озера.

Озеро тихое, а слава о нем дурная: водяной шалит.

Встанет над озером месяц, начнут булькать да ухать в камышинных заводях, захлопают по воде словно вальками, и выкатит из камышей на дубовой коряге водяной,

на голове колпак, тиной обмотан. Увидишь, прячясь — под воду утянет.

Строго брат Иван наказывал сестре Марье:

— Отлучусь я, так ты после сумерек из хаты — ни ногой, песни не пой над озерной водой, сиди смиренно, тихо, как мыши сидят...

— Слушаю, братец! — говорит Марья.

Ушел Иван в лес. Скучно стало Марье одной за станком сидеть; облокотилась она и запела:

Где ты, месяц золотой? —
Ходит месяц над водой, —
В глыбко озеро взглянул,
В темных водах утонул...

Вдруг стукнуло в ставню.

— Кто тут?

— Выдь к нам, выдь к нам, — говорят за ставней тонкие голоса.

Выбежала Марья и ахнула.

От озера до хаты — хороводы русалочки.

Русалки-мавки взялись за руки, кружатся, смеются, играют.

Всплеснула Марья ладошами. Куда тут! — обступили ее мавки, венки надели...

— К нам, к нам в хоровод, ты краше всех, будь наша царица. — Взяли Марью за руки и закружились.

Вдруг из камыша вылезла синяя, раздутая голова в колпаке.

— Здравствуй, Марья, — захрипел водяной, — давно я тебя поджидал... — И потянулся к ней лапами...

Поздним утром пришел Иван. Туда, сюда, — нет сестрицы. И видит — на берегу башмаки ее лежат и поясок.

Сел Иван и заплакал.

А дни идут, солнце ближе к земле надвигается.

Настала купальская неделя.

«Уйду, — думает Иван, — к чужим людям век доживать, вот только лапти новые справлю».

Нашел за озером липку, ободрал, сплел лапти и пошел к чужим людям.

Шел, шел, видит — стоит голая липка, с которой он лыки драл.

«Ишь ты, назад завернул», — подумал Иван и пошел в другую сторону.

Кружил по лесу и опять видит голую липку.

— Наваждение, — испугался Иван, побежал рысью.

А лапти сами на старое место загибают...

Рассердился Иван, замахнулся топором и хочет липку рубить. И говорит она человеческим голосом: — Не руби меня, милый братец...

У Ивана и топор вывалился.

— Сестрица, ты ли?

— Я, братец; царь водяной меня в жены взял, теперь я древяница, а с весны опять русалкой буду... Когда ты с меня лыки драл, наговаривала я, чтобы не уходил отсюда далеко.

— А нельзя тебе от водяного уйти?

— Можно, найти нужно Полынь-траву на зыбком месте и мне в лицо бросить.

И только сказала, подхватили сами лапти, понесли Ивана по лесу.

Ветер в ушах свистит, летят лапти над землей, поднимаются, и вверх в черную тучу мчится Иван.

«Не упасть бы», — подумал и зацепился за серую тучу — зыбкое место.

Пошел по туче — ни куста кругом, ни травинки.

Вдруг зашевелился под ногами и выскочил из тучевой ямы мужичок с локоток, красная шапочка.

— Зачем сюда пришел? — заревел мужичок, как бык, откуда голос взялся.

— Я за Полынь-травую, — поклонился Иван.

— Дам тебе Полынь-траву, только побори меня цыганской ухваткой.

Легли они на спины, по одной ноге подняли, зацепились, потянули.

Силен мужичок с локоток, а Ивану лапти помогают. Стал Иван перетягивать.

— Счастье твое, — рычит мужичок, — быть бы тебе на седьмом небе, много я закинул туда вашего брата. Получай Полынь-траву. — И бросил ему пучок.

Схватил траву, побежал вниз Иван, а мужичок с локоток как заревет, как загрохочет и язык красный из тучи то метнет, то втянет.

Добежал до липки Иван и видит — сидит на земле страшный дед, водит усами...

— Пусти, — кричит Иван, — знаю, кто ты, не хочешь ли этого? — И ткнул водяному в лицо Полынь-травую.

Вспучился водяной, лопнул и побежал ручьем быстрым в озеро.

А Иван в липку бросил Полынь-траву, вышла из липки сестрица Марья, обняла брата, заплакала, засмеялась.

Избушку у озера бросили они и ушли за темный лес — на чистом поле жить, не разлучаться.

И живут неразлучно до сих пор и кличут их всегда вместе — Иван да Марья, Иван да Марья.

КИКИМОРА

Над глиняным яром — избушка, в избушке старушка живет и две внучки: старшую зовут Моря, младшую Дуничка.

Один раз — ночью — лежит Моря на печи, — не спит-ся. Свесила голову и видит.

Отворилась дверь, вошла какая-то лохматая баба, вынула Дуничку из люльки и — в дверь — и была такова.

Закричала Моря: — Бабынька, бабынька, Дуньку страшная баба унесла...

А была та баба — кикимора, что крадет детей, а в люльку подкладывает вместо них полено.

Бабушка — искать-поискать, да, знать, кикимора под яр ушла в омут зеленый. Вот слез-то что было!

Тоскует бабушка день и ночь. И говорит ей Моря:

— не плачь, бабушка, я сестрицу отыщу.

— Куда тебе, ягодка, сама только пропадешь.

— Отыщу да отыщу, — твердит Моря. И раз, когда звезды высыпали над яром, Моря выбежала крадучись из избы и пошла куда глаза глядят.

Идет, попрыгивает с ноги на ногу и видит — стоит над яром дуб, а ветки у дуба ходуном ходят. Подошла ближе, а из дуба торчит борода и горят два зеленых глаза...

— Помоги мне, девочка, — кричит дуб, — никак не могу нынче в лешего обратиться, опояшь меня пояском.

Сняла с себя Моря поясок, опоясала дуб. Запыхтело под корой, завозилось, и встал перед Морей старый леший.

— Спасибо, девка, теперь проси чего хочешь. — Научи, дедушка, где сестрицу отыскать, ее злая кикимора унесла.

Начал леший чесать затылок...

А как начесался — придумал.

Вскинул Морю на плечи и побежал под яр, вперед пятками.

— Садись за куст, жди, — сказал леший и на берегу омута обратился в корягу, а Моря спряталась за его ветки.

Долго ли так, коротко ли, замутился зеленый омут, поднялась над водой косматая голова, фыркнула, поплыла и вылезла на берег кикимора. На каждой руке ее по пяти большеголовых младенцев — игошей — и еще один за пазухой.

Села кикимора на корягу, кормит игошей волчьими ягодами. Младенцы едят, ничего, — не давятся.

— Теперь твоя очередь, — густым голосом сказала кикимора и вынула из-за пазухи ребеночка.

— Дуничка! — едва не закричала Моря.

Смотрит на звезды, улыбается Дуничка, сосет лохматую кикиморину грудь.

А леший высунул сучок корявый да за ногу кикимору и схватил...

Хотела кинуться кикимора в воду — никак не может.

Игоши рассыпались по траве, режут поросычьими голосами, дрыгаются. Вот пакость!

Моря схватила Дуничку — и давай бог ноги.

— Пусти — я девчонку догоню, — взмолилась к лешему кикимора.

Стучит сердце. Как ветер летит Моря. Дуничка ее ручками за шею держит...

Уже избушка видна... Добежать бы...

А сзади — погоня: вырвалась кикимора, мчится вдогонку, визжит, на сажень кверху подсигивает...

— Бабушка! — закричала Моря.

Вот-вот схватит ее кикимора.

И запел петух: «Кукареку, уползай, ночь, пропади, нечисть!»

Осунулась кикимора, остановилась и разлилась туманом, подхватил ее утренний ветер, унес за овраг.

Бабушка подбежала. Обняла Морю, взяла Дуничку на руки. Вот радости-то было.

А из яра хлопал деревянными ладошами, хохотал старый дед-леший. Смешливый был старичок.

СОЛОМЕННЫЙ ЖЕНИХ

Внизу овина, где зажигают теплины, в углу темного подлаза лежит, засунув морду в земляную нору, черный кот.

Не кот это, а овинник.

Лежит, хвостом не вильнет — пригрелся. А на воле — студено.

Прибежали в овин девушки, ногами потопали.

— Идемте в подлаз греться.

Полегли в подлазе, где дымом пахнет, близко друг к дружке, и завели такие разговоры, что — стар овинник, а чихнул и землей себе глаза запорошил. — Что это, подружки, никак чихнуло? — спрашивают девушки.

Овинник рассердился, что глаза ему запорошило, протер их лапой и говорит:

— Ну-ка, иди сюда, которая нехорошие слова говорила!

Каждая девушка на себя подумала, и ни одна ни с места.

— Ну, что же, — говорит овинник, — или мне самому вылезать?

И стал из норы пятиться...

Тут одна, догадливая да бедная, сирота Василиса, взяла ржаной сноп, прикрыла его платком и поставила впереди всех.

— Вот тебе!..

Выскочнул из норы овинник, пыхнул зелеными глазами и стал сноп рвать, а девушки из овина выбежали и — на деревню, а та, что подогадливее — Василиса, — схоронилась за ворох соломы и говорит оттуда:

— Черный кот, старый овинник, что со мной делаешь, — все тело мое изорвал.

Фыркнул овинник, отскочил и кричит:

— Очень я злой, погоди — отойду, тогда разговаривай.

Подождала Василиса и говорит опять:

— Отошел?

— Отхожу, сейчас, только усы вылижу... Ну, что тебе надо?

— Залечи мне раны...

Фыркнул кот в землю, лапой пыль подхватил и мазнул по снопу.

А сноп так и остался снопом...

— Так ты меня обманула? — говорит кот, а самому уж смешно.

— Обманула, батюшка, — отвечает ему Василиса, — прости, батюшка, да смилуйся — найди мне жениха, чтобы краше его на свете не было.

— Уж больно я сам-то урод, — говорит овинник. — Ну да ладно. — И ударился о землю и стал из черного кота — кот белый и хвостом Василису пощекотал...

— Чем тебе не жених?

— Нет, — говорит Василиса, — за кота замуж не пойду; дай мне жениха настоящего.

Подумал овинник, походил по овину, — мыша походя сожрал. Вдруг подскочил к ржаному снопу, заурчал, облизал его, чихнул три раза и сделался из снопа — человек.

— Получай жениха, — говорит Василисе овинник. — Смотри — от сырости береги, а то прорастет.

Василиса взяла человека за руку и вывела его из подлаза, из овина на лунный свет. И встал перед ней молодой жених в золотом кафтане, в шапке с пером. Глядит на Василису и смеется. Василиса поклонилась ему в пояс — и они пошли в избу.

Прошло с той поры много дней. Лег снег на мерзлую землю, завывали студёные ветра, поднялись вьюги.

Соломенный жених живет у Василисы, похаживает по горнице, поглядывает в окошечко и все приговаривает: — Скучно мне, темно, холодно...

И стала Василиса замечать, что жених ее портится, позеленело у него на кафтане и на сапожках золото, ночью стал кашлять, стонать во сне. Раз утром слез с кровати, подпоясался и говорит:

— Уйду, Василиса, искать теплого места.

— А я-то как же?..

— Ты меня жди.

И ушел, только снег скрипнул за воротами.

Жених идет, весь от инея белый. Кругом него мороз молоточками постукиват — крепко ли закована земля, не взломан ли синий лед на реке; по деревьям попрыгивает, морозит зайцам уши.

Хочет жених от мороза уйти, а молоточки все чаще, все сильнее постукивают, — по жилам, по костям. Остудился жених, а степь бела кругом, ровна.

И повисло над степью, над самым краем солнце, крас-

ное и студеное. Жених к солнцу бежит, колпаком машет: — Погоди, погоди, возьми меня в зеленые луга.

И добежал было. Вдруг выскочил из-под снега большой, косматый, крепколобый волк, доскакал большим махом до солнца, обхватил его лапами, прижался пузом, — с одной стороны, с другой приловчился и вонзил лыки в алое солнце.

Завизжали, застучали ледяные молотки, потемнела степь, завыл мертвый лес. Соломенный жених бежать пустился, упал в снег и не помнит, что дальше было.

Василиса, когда одна осталась, пораскинула бабьим умом и пошла к старому овиннику. А чтобы он не очень сердился, сунула под нос ему пирог с творогом и говорит:

— Жених от меня убежал, должно быть, замерз, очень жалею его.

— Ничего, — отвечает ей овинник, — жених твой в озимое пошел.

— А я-то как же?

— Найдешь ты жениха в чистом поле, ляг с ним рядом, а что дальше будет — сама увидишь.

Пошла Василиса в поле, долго шла, не день и не два. Видит — большой сугроб. Разрыла его руками, видит — лежит под снегом жених.

Упала на него Василиса, омочила лицо его слезами; жених не шевелится.

Тогда легла она с ним рядом и стала глядеть в зимнее белое небо.

Снег Василису порошит, молоточки в сердце бьют, обручи набивают на тело, и говорит Василиса:

— Желанный мой.

И чудится ей — голубеет, синее небо, и из самой его глубины летит к земле, раскаляясь, близится молодое, снова рожденное солнце.

Заухали снега, загудели овраги, ручьи побежали, обнажая черную землю, над буграми поднялись жаворонки, засвистели серые скворцы, грач пришел важной походкой, и соломенный жених открыл сонные синие глаза и привстал.

Проходили мимо добрые люди, сели на меже отдохнуть и сказали:

— Смотри, как рожь всколосилась, а с ней переплелись васильки цветы...

Душисто...

СТРАННИК И ЗМЕЙ

Багряное солнце садилось над мерзлым бурьяном, скрипели журавли колодцев, вдова Акулина пела у окошка горемычную песню, а по деревне проходил странник. Полушубок на нем древний, из дыр овчина торчит, лыковая котомка за плечами.

Ни молод странник, ни стар, а взглянешь на него — под усами умильная улыбка, глаза серые, ласковые, смешливые.

Подходит он к Акулиному двору, шапку снял и говорит ласково:

— Скучно тебе, милая?

Увидала странника Акулина, кинулась за ворота.

— Странник божий, взойди, сделай милость.

Взошел странник, сел на лавку. Угощает его вдова, а сама пытается — откуда да куда, не слыхал ли про счастье: лежит, говорят, оно в океане, под горячим камнем.

Странник наелся, напился, ложку положил и спрашивает:

— Ну, а ты, милая, все — маешься?

Забилась Акулина на лавке.

— Такая маета — сказать не можно: сушит змей белое мое тело, сосет сердце, ночи до утра глаз не смыкаю, а в полночь свистнет над крышей, рассыплется искрами и встанет на дворе — не зверь, не человек...

Улыбается странник, светятся глаза его.

— Силен враг, Акулина, трудно тебе, трудно. А ведь свистнет — опять побежишь?

Заголосила Акулина:

— Страшно мне, ночь придет, сама ко врагу потянусь, а днем руки бы на себя наложила.

Погладил ее по голове странник, и затихла молодая баба.

— Тетенька Акулина, — позвал в окно девичий голос, — на посиделки тебя кличут, пойдешь?

А потом поглубже заглянул любопытный глаз.

— Ты и странника приводи, сказку скажет!

Рассмеялась и убежала, а странник говорит:

— Что же, Акулина, пойдём, куда зовут.

Акулина ушла за перегородку прибираться, а странник у окна запел:

Ходила во синем море,
Ходила белая рыба,

Ходила, была плесом
По тому ли синю морю:
Ты раздайся, синее море,
На две волны, на два берега.
Ты выплесни, выкини
Алатырь, горюч камень.

Слушает, вздыхает Акулина за перегородкой; прибравшись, вышла, — красивая, глаза мрачные.

— Ну, пойдем, странник.

Пришли на посиделки.

А там народу набилось, как грибов в лукошко; тренькают на балалайке, подплясывают, подпевают, шутки шутят, и в сенях, и на лавках, и на печи — понабились.

Странника обступили, просят.

— Спой нам, скажи сказку.

Странник сел у двери и запел опять про то же:

Ходила во синем море,
Ходила белая рыба.

Пригорюнились девицы, подсели к парням. Кто с печи голову свесил, кто с полатей. Расселись парами — стало тихо. Одна Акулина без друга, как куст обкошенный. Сдвинула брови, белая кипень, стоит посреди избы, под сарафаном грудь ходуном ходит.

— Акулина, Акулина, обойдись, — говорит странник.

А у нее глаза уж как озеро. Дрожит дрожью.

В это время просвистел за окном змеиный свист.

Дрогнула Акулина и — к двери.

— Не ходи, Акулина!

— Пусти!

Выскочила на улицу; странник за ней и схоронился в сенях. Акулина стала посреди двора и шепчет:

— Лети... лети.

И со свистом, как от тысячи птиц, закружился над двором черный змей, раскинул крылья, опустил на снег.

Встал на лапы, лебединую голову протянул к Акулине и языком — облизнул ей белое лицо.

А странник подкрался, оттолкнул Акулину да змея по голове лестовкой¹ и ударил.

Взметнулся змей и рассыпался просом, а странник пегухом обернулся — зерна клевать.

¹ Лестовка — кожаные чётки.

Не дала ему, упала на петуха Акулина, ухватила за крылья и в избу поволокла.

— Оборотень, — закричала Акулина, — рубите ему голову!

Петух вырвался — да под лавку, крыльями бьет, в руки не дается.

Заметался народ по избе, петуха ловят. Поймали, у Акулины и топор в руках.

— Клади его на порог!

Вытянули за голову, за ноги петуха. Размахнулась Акулина топором... Да так и застыла у нее рука.

Пропали стены. Вместо девушек — березы в инее, парни — ели, а Акулина — ива плакучая, вся в сосульках.

На пне сидит странник. Улыбается, сияют серые глаза. Возле на снегу лежит петушиное перо.

Поднял странник перо, пустил по ветру, сказал:

— Лети, перышко, где сядешь, туда и я скоро приду; много еще мне исходить осталось, увертлив змей, не пришло его время.

Из книги «Сорочьи сказки»

СОРОКА

За калиновым мостом, на малиновом кусту калачи медовые росли да пряники с начинкой. Каждое утро прилетала сорока-белобока и ела пряники.

Покушает, почистит носок и улетит детей пряниками кормить.

Раз спрашивает сороку синичка-птичка:

— Откуда, тетенька, ты пряники с начинкой таскаешь? Моим детям тоже бы их поесть охота. Укажи мне это доброе место.

— А у черта на куличках, — отвечала сорока-белобока, обманула синичку.

— Неправду ты говоришь, тетенька, — пискнула синичка-птичка, — у черта на куличках одни сосновые шишки валяются, да и те пустые. Скажи — все равно выслежу.

Испугалась сорока-белобока, пожадничала. Полетела к малиновому кусту и съела и калачи медовые, и пряники с начинкой, все дочиста.

И заболел у сороки живот. Насилу домой доплелась. Сорочат растолкала, легла и охает...

— Что с тобой, тетенька? — спрашивает синичка-птичка. — Или болит чего?

— Трудилась я, — охает сорока, — истомилась, кости болят.

— Ну, то-то, а я думала другое что, от другого чего я средство знаю: трава Сандрит, от всех болестей целит.

— А где Сандрит-трава растет? — взмолилась сорока-белобока.

— А у черта на кулижках, — ответила синичка-птичка, крылышками детей закрыла и заснула.

«У черта на кулижке одни сосновые шишки, — подумала сорока, — да и те пустые», — и затосковала: очень живот болел у белобокой.

И с боли да тоски на животе сорочьем перья все повылезли, и стала сорока — голобока.

От жадности.

КОЗЕЛ

В поле — тын, под тыном — собачья голова, в голове толстый жук сидит с одним рогом посреди лба.

Шел мимо козел, увидал тын, — разбежался да как хватит в тын головой, — тын закрихтел, рог у козла отлетел.

— То-то, — жук сказал, — с одним-то рогом сподручнее, иди ко мне жить.

Полез козел в собачью голову, только морду ободрал.

— Ты и лазить-то не умеешь, — сказал жук, крылья раскрылил и полетел.

Прыгнул козел за ним на тын, сорвался и повис на тыну.

Шли бабы мимо тына — белье полоскать, сняли козла и вальками отлупили.

Пошел козел домой без рога, с драной мордой, с помятыми боками.

Шел — молчал.

Смехота, да и только.

ЕЖ

Теленок увидел ежа и говорит:

— Я тебя съем!

Еж не знал, что теленок ежей не ест, испугался, клубком свернулся и фыркнул:

— Попробуй...

Задрав хвост, запрыгал глупый теленок, боднуть норovit, потом растопырил передние ноги и лизнул ежа.

— Ой, ой, ой! — заревел теленок и побежал к корове-матери, жалуется:

— Еж меня за язык укусил.

Корова подняла голову, поглядела задумчиво и опять принялась траву рвать.

А еж покатился в темную нору под рябиновый корень и сказал ежихе: — Я огромного зверя победил, должно быть, льва!

И пошла слава про храбрость ежову за синее озеро, за темный лес.

— У нас еж — богатырь, — шепотом со страху говорили звери.

ЗАЯЦ

Летит по снегу поземка, метет сугроб на сугроб... На кургане поскрипывает сосна:

— Ох, ох, кости мои старые, ноченька-то разыгралась, ох, ох...

Под сосной, насторожив уши, сидит заяц.

— Что ты сидишь, — стонет сосна, — съест тебя волк, — убежал бы.

— Куда мне бежать, кругом бело, все кустики замело, есть нечего...

— А ты порой, поскреби.

— Нечего искать, — сказал заяц и опустил уши.

— Ох, старые глаза мои, — закричала сосна, — бежит кто-то, должно быть, волк, — волк и есть.

Заяц заметался.

— Спрячь меня, бабушка...

— Ох, ох, ну, прыгай в дупло, косой.

Прыгнул заяц в дупло, а волк подбегает и кричит сосне:

— Сказывай, старуха, где косой?

— Почему я знаю, разбойник, не стерегу я зайца, вон ветер как разгулялся, ох, ох...

Метнул волк серым хвостом, лег у корней, голову на лапы положил. А ветер свистит в сучьях, крепчает...

— Не вытерплю, не вытерплю, — скрипит сосна.

Снег гуще повалил, налетел лохматый буран, подхватил белые сугробы, кинул их на сосну.

Напружилась сосна, крякнула и сломалась...

Серого волка, падая, до смерти зашибла...

Замело их бураном обоих.

А заяц из дупла выскочил и запрыгал куда глаза глядят.

«Сирота я, — думал заяц, — была у меня бабушка-сосна, да и ту замело...»

И капали в снег пустяковые заячьи слезы.

МУДРЕЦ

По зеленой траве-мураве ходят куры, на колесе белый петух стоит и думает: пойдет дождь или не пойдет?

Склонив голову, одним глазом на тучу посмотрит и опять думает.

Чешется о забор свинья.

— Черт знает, — ворчит свинья, — сегодня арбузные корки опять отдали корове.

— Мы всегда довольны! — хором сказали куры.

— Дуры! — хрюкнула свинья. — Сегодня я слышала, как божилась хозяйка накормить гостей курятиной.

— Как, как, как, как, что такое? — затараторили куры.

— Поотвертят вам головы — вот и «как что такое», — проворчала свинья и легла в лужу.

Сверху вниз задумчиво посмотрел петух и молвил:

— Куры, не бойтесь, от судьбы не уйдешь. А я думаю, что дождь будет. Как вы, свинья?

— А мне все равно.

— Боже мой, — заговорили куры — вы, петух, предайтесь праздным разговорам, а между тем из нас могут сварить суп.

Петуха это насмешило, он хлопнул крыльями и кукарекнул.

— Меня, петуха, в суп — никогда!

Куры волновались.

В это время на порог избы вышла с огромным ножом хозяйка и сказала:

— Все равно, — он старый, его и сварим.

И пошла к петуху.

Петух взглянул на нее, но гордо продолжал стоять на колесе.

Но хозяйка подходила, протянула руку...

Тогда почувствовал он зуд в ногах и побежал очень быстро: чем дальше, тем шибче.

Куры разлетелись, а свинья притворилась спящей.

«Пойдет дождь или не пойдет?» — думал петух, когда его, пойманного, несли на порог, чтобы рубить голову.

И, как жил он, так и умер, — мудрецом.

ГРИБЫ

Братца звали Иван, а сестрицу — Косичка. Мамка была у них сердитая: посадит на лавку и велит молчать. Сидеть скучно, мухи кусаются или Косичка щипнет — и пошла возня, а мамка рубашонку задерет да — шлеп...

В лес бы уйти, там хоть на голове ходи — никто слова не скажет...

Подумали об этом Иван да Косичка да в темный лес и удрали.

Бегают, на деревья лазают, кувыркаются в траве, — никогда визга такого в лесу не было слышно.

К полудню ребяташки утомонились, устали, захотели есть.

— Поесть бы, — захныкала Косичка.

Иван начал живот чесать — догадываться.

— Мы гриб найдем и съедем, — сказал Иван. — Пойдем, не хнычь.

Нашли они под дубом боровика и только сорвать его нацелились, Косичка зашептала:

— А может, грибу больно, если его есть?

Иван стал думать. И спрашивает:

— Боровик, а боровик, тебе больно, если тебя есть?

Отвечает боровик хрипучим голосом:

— Больно.

Пошли Иван да Косичка под березу, где рос подберезовик, и спрашивают у него:

— А тебе, подберезовик, если тебя есть, больно?

— Ужасно больно, — отвечает подберезовик.

Спросили Иван да Косичка под осиною подосинника, под сосной — белого, на лугу — рыжика, груздя сухого да груздя мокрого, синявку-малявку, опенку тощую, масленника, лисичку и сыроежку.

— Больно, больно, — пищат грибы.

А груздь мокрый даже губами зашлепал:

— Што вы ко мне припгтали, ну ваш к лешему...

— Ну, — говорит Иван, — у меня живот подвело.

А Косичка дала реву.

Вдруг из-под прелых листьев вылезает красный гриб, словно мукой сладкой обсыпан — плотный, красивый.

Ахнули Иван да Косичка:

— Миленький гриб, можно тебя съесть?

— Можно, детки, можно, с удовольствием, — приятным голосом отвечает им красный гриб, так сам в рот и лезет.

Присели над ним Иван да Косичка и только разинули рты, — вдруг откуда ни возьмись налетают грибы: боровик и подберезовик, подосинник и белый, опенка тощая и синявка-малявка, мокрый груздь да груздь сухой, масленник, лисички и сыроежки, и давай красного гриба колотить — колошматить:

— Ах ты, яд, Мухомор, чтобы тебе лопнуть, ребятишек травить удумал...

С Мухомора только мука летит.

— Посмеяться я хотел, — вопит Мухомор...

— Мы тебе посмеемся! — кричат грибы и так навалились, что осталось от Мухомора мокрое место — лопнул.

И где мокро осталось, там даже трава завяла с мухоморьего яда...

— Ну, теперь, ребятишки, раскройте рты по-настоящему, — сказали грибы.

И все грибы до единого к Ивану да Косичке, один за другим, скок в рот — и проглотились.

Наелись до отвалу Иван да Косичка и тут же заснули.

А к вечеру прибежал заяц и повел ребятишек домой.

Увидела мамка Ивана да Косичку, обрадовалась, всего по одному плепку отпустила, да и то любя, а зайцу дала капустный лист:

— Ешь, барабанщик!

РАЧЬЯ СВАДЬБА

Грачонок сидит на ветке у пруда. По воде плывет сухой листок, в нем — улитка.

— Куда ты, тетенька, плывешь? — кричит ей грачонок.

— На тот берег, милый, к раку на свадьбу.

— Ну, ладно, плыви.

Бежит по воде паучок на длинных ножках, станет, огребнется и дальше пролетит.

— А ты куда?

Увидал паучок у грачонка желтый рот, испугался.

— Не трогай меня, я — колдун, бегу к раку на свадьбу.

Из воды головастик высунул рот, шевелит губами. —

А ты куда, головастик?

— Дышу, чай, видишь, сейчас в лягушку хочу обратиться, поскачу к раку на свадьбу.

Трещит, летит над водой зеленая стрекоза.

— А ты куда, стрекоза?

— Плясать лечу, грачонок, к раку на свадьбу...

«Ах ты, штука какая, — думает грачонок, — все туда торопятся».

Жужжит пчела.

— И ты, пчела, к раку?

— К раку, — ворчит пчела, — пить мед да брагу.

Плывет красноперый окунь, и взмолился ему грачонок:

— Возьми меня к раку, красноперый, летать я еще не мастер, возьми меня на спину.

— Да ведь тебя не звали, дуралей. — Все равно, глазком поглядеть...

— Ладно, — сказал окунь, высунул из воды крутую спину, грачонок прыгнул на него, — поплыли.

А у того берега на кочке справлял свадьбу старый рак. Рачиха и рачата шевелили усищами, глядели глазищами, щелкали клешнями, как ножницами.

Ползала по кочке улитка, со всеми шепталась — сплетничала.

Паучок забавлялся — лапкой сено косил.

Радужными крылышками трещала стрекоза, радовалась, что она такая красивая, что все ее любят.

Лягушка надула живот, пела песни. Плясали три пещарика и ерш.

Рак-жених держал невесту за усище, кормил ее мухой.

— Скушай, — говорил жених.

— Не смею, — отвечала невеста, — дяденьки моего жду, окуня...

Стрекоза закричала:

— Окунь, окунь плывет, да какой он страшный, с крыльями.

Обернулись гости...

По зеленой воде что есть духу мчался окунь, а на нем сидело чудище черное и крылатое с желтым ртом.

Что тут началось... Жених бросил невесту, да — в воду; за ним — раки, лягушка, ерш да пескарики; паучок обмер, лег на спинку; затрещала стрекоза, насилу улетела.

Подплывает окунь — пусто на кочке, один паучок лежит и тот, как мертвый...

Скинул окунь грачонка на кочку, ругается:

— Ну, что ты, дуралей, наделал... Недаром тебя, дураля, и звать-то не хотели...

Еще шире разинул грачонок желтый рот, да так и остался — дурак дураком на весь век.

МУРАВЕЙ

Полез муравей, волокет соломину.

А ползти муравью через грязь, топь да мохнатые кочки; где вброд, где соломину с края на край переметнет да по ней и переберется.

Устал муравей, на ногах грязища — пудовики, усы измочил. А над болотом туман стелется, густой, непролазный — зги не видно.

Сбился муравей с дороги и стал из стороны в сторону метаться — светляка искать...

— Светлячок, светлячок, зажги фонарик.

А светляку самому впору ложись — помирай, — ног-то нет, на брюхе ползти не спорно.

— Не поспею я за тобой, — охает светлячок, — мне бы в колокольчик залезть, ты уж без меня обойдись.

Нашел колокольчик, заполз в него светлячок, зажег фонарик, колокольчик просвечивает, светлячок очень доволен.

Рассердился муравей, стал у колокольчика стебель грызть.

А светлячок перегнулся через край, посмотрел и принялся звонить в колокольчик.

И сбежались на звон да на свет звери: жуки водяные, ужишки, комары да мышки, бабочки-полуношницы. Повели топить муравья в непролазные грязи.

Муравей плачет, управшивает:

— Не топите меня, я вам муравьиного вина дам.

— Ладно.

Достали звери сухой лист, нацедил муравей туда вина; пьют звери, похваляют.

Охмелели, вприсядку пустились.

А муравей — бежать.

Подняли звери пискотню, шум да звон и разбудили старую летучую мышь. Спала она под балконной крышей, кверху ногами. Вытянула ухо, сорвалась, нырнула из темени к светлому колокольчику, прикрыла зверей крыльями да всех и съела.

Вот что случилось темною ночью, после дождя, в топучих болотах, посреди клумбы, около балкона.

МЕРИН

Жил у старика на дворе сивый мерин, хороший, толстый, губа нижняя лопатой, а хвост лучше и не надо, как труба, во всей деревне такого хвоста не было.

Не наглядится старик на сивого, все похваливает. Раз ночью пронюхал мерин, что овес на гумне молотили, пошел туда, и напали на мерина десять волков, поймали, хвост ему отъели, — мерин брыкался, брыкался, отбрыкался, ускакал домой без хвоста.

Увидел старик поутру мерина куцего и загоревал — без хвоста все равно что без головы — глядеть противно. Что делать?

Подумал старик да мочальный хвост мерину и пришил.

А мерин — вороват, опять ночью на гумно за овсом полез.

Десять волков тут как тут; опять поймали мерина, схватили за мочальный хвост, оторвали, жрут и давятся — не лезет мочала в горло волчье.

А мерин отбрыкался, к старику ускакал и кричит: — Беги на гумно скорей, волки мочалкой давятся.

Ухватил старик кол, побежал.

Глядит — на току десять серых волков сидят и кашляют.

Старик — колом, мерин — копытом и приударили на волков.

Взвыли серые, прощенья стали просить.

— Хорошо, — говорит старик, — прощю, пришейте только мерину хвост. Взвыли еще раз волки и пришили.

На другой день вышел старик из избы, дай, думает, на сивого посмотрю; глянул, а хвост у мерина крючком — волчий.

Ахнул старик, да поздно: на заборе ребятишки сидят, покатываются, гогочут.

— Дедка-то — лошадям волчьи хвосты выращивает.

И прозвали с тех пор старика — хвостырь.

МАША И МЫШКИ

— Спи, Маша, — говорит нянюшка, — глаза во сне не открывай, а то на глаза кот прыгнет.

— Какой кот?

— Черный, с когтями.

Маша сейчас же глаза и зажмурила. А нянька залезла на сундук, покряхтела, повозилась и носом сонные песни завела. Маша думала, что нянька из носа в лампадку масла наливает.

Подумала и заснула.

Тогда за окном высыпали частые, частые звезды, вылез из-за крыши месяц и сел на трубу...

— Здравствуйте, звезды, — сказала Маша.

Звезды закружились, закружились, закружились. Смотрит Маша — хвосты у них и лапки. — Не звезды это, а белые мыши бегают кругом месяца.

Вдруг под месяцем задымилась труба, ухо вылезло, потом вся голова — черная, усатая.

Мыши метнулись и спрятались все сразу.

Голова уползла, и в окно мягко прыгнул черный кот; волоча хвост, заходил большими шагами, все ближе, ближе к кровати, из шерсти сыпались искры.

«Глаза бы только не открыть», — думает Маша.

А кот прыгнул ей на грудь, сел, лапами уперся, шею вытянул, глядит.

У Маши глаза сами разлепляются.

— Нянюшка, — шепчет она, — нянюшка.

— Я няньку съел, — говорит кот, — я и сундук съел. Вот-вот откроет Маша глаза, кот и уши прижал... Да как чихнет.

Крикнула Маша, и все звезды-мыши появились откуда ни возьмись, окружили кота; хочет кот прыгнуть на Машины глаза — мышь во рту, жрет кот мышей, давится, и сам месяц с трубы сполз, поплыл к кровати, на месяце нянькин платок и нос толстый...

— Нянюшка, — плачет Маша, — тебя кот съел... — И села.

Нет ни кота, ни мышей, а месяц далеко за тучками плывет.

На сундуке толстая нянька выводит носом сонные песни.

«Кот няньку выплюнул и сундук выплюнул», — подумала Маша и сказала:

— Спасибо тебе, месяц, и вам, ясные звезды.

СИНИЦА

Утром рано, на заре, до птиц, пробудилась княгиня Наталья. Не прибираясь, — только накинула белый опашень¹, — отомкнула дверь из светлицы и вышла на мокрое от росы крыльцо.

Ничего не жалел для Натальи, для милой своей хóти, князь Чурил: выстроил терем посреди городища, на бугре между старых кленов; поставил на витых столбах высокое крыльцо, где сидеть было не скучно, украсил его золотой маковкой, чтобы издали горела она, как звезда, над княгининой светлицей.

В тереме зачала Наталья и родила хозяину сына Заряслава. Было ему ныне три зимы и три лунных месяца. Любил князь жену и сына и шумного слова им не сказал во всю бытность.

Городище стояло на речном берегу, обнесенное тыном, рвом и раскатами. Внутри, дым к дыму — срублены высокие избы. И выше всех — восьмишатровый красный княгинин терем. Бывало, плывут по реке в дубах² тор-

¹ Опашень — летний кафтан с широкими короткими рукавами.

² Дуб — большая лодка.

говые люди, или так — молодцы пограбить, завалятся у гребцов колпаки, глядят: город не город — диво, — пестро и красно, и терем, и шатры, и башни отражаются в зеленой воде днепровской, — и начнут пригребаться поближе, покуда не выйдет на раскат князь Чурил, погрозит кулаком. Ему кричат:

— Ты, рвана шкура, слезай с раската, давай биться! И пошлют смеха ради стрелу или две.

Далеко шла слава про князя: сорок воинов стоит у его стремени; одни — сивые, в рубцах, вислоусые руссы, северные наемники, побывавшие не раз и под Цареградом; другие — свои, поднепровские, молодец к молодцу, охотники и зверобои. Богат, хорошо нагрожен город его Крутояр.

Ныне князь отъехал по зверя. В городище бабы остались с ребятами да старики. Шуму нет, тихо. Княгиня Наталья прислонилась непокрытой головой к столбу, сидит и слушает. Внизу журавель заскрипел — сонная девка тянет из колодца воду; собрались воробьи на огороде, зачирикали — собираются по ягоду; идет поперек улицы собака с мочалой на шее, стала и давай зевать; птицы и птички пробуждаются, не смеют еще петь до солнца, голоса пробуют, голос подают; заиграл рожок у северных ворот, замычали коровы, потянуло дымком. И заря за речкой обозначилась сквозь речные туманы бледными, алыми, водянистыми полосами. Сильная сегодня роса! А уж кукушка из лесу — ку-ку.

Княгине охоты нет пошевелинуться, точно сон оковал ее. Поднялась рано, сама не знает зачем, и все ей грустно — и глядеть и слушать. Так бы вот и заплакала. А с чего? Князя ли заждалась? Третий день по лесам скачет. Сына ли жалко — уж очень беленький мальчик. Мило ей все и жалко.

Княгиня в углу крыльца нагнула каменный рукомоиник, омыла лицо, взглянула еще раз на кровли и башенки Крутояра, на реку, проступающую синей, синей водой из-под тумана, и вошла назад в сонную, теплую светелку.

В колыбели спал княжич, выпростал руки поверх одеяла, дышал ровно, хорошо, так весь и заливался румянцем.

Княгиня присела на лавку, опустила голову на колыбель, и слезы полились у нее. Плачет, и сама шепчет:

— Вот уж с большого-то ума.

И такую жалостью залюбила сына, что душа ее под-

нялась, окутала колыбель, прильнула к спящему, а тело оцепенело. На молодую княгиню напал глубокий, непробудный сон.

И не услышала она, как вдруг начали кричать птицы, садясь на крышу: «Проснись, проснись», как завыли, заскулили собаки по всему городищу, захлопали ставни, побежал куда-то народ, как у всех четырех ворот забили в медные доски, и пошла тревога: «На стены, на стены!»

Большое, тусклое, красное солнце поднялось в клубах тумана, и народ со стен, дети, старики, — увидали великую силу людей, малых ростом, с рыжими косами, в шкурах: Чудь белоглазую. Пробиралась Чудь от дерева к дереву, окружала городище, махала дубинками и с того берега плыла через реку, как собаки.

— На стены, на стены! — звали старики, тащили на раскаты¹ бревна, камни, в колодах горячую воду.

— Чудь идет, Чудь идет! — выли бабы, мечась, хороня ребят в клетки, в погреба, зарывали в солому.

А Чудь уже лезла через тын, карабкалась на раскаты, визжала. В замковую башню-детинец кидала стрелы, камни, паклю горящую. И задымился угол у башни, и закричали:

— Огонь! Лихо нам!

Били с раскатов Чудь, долбили по башкам, порошили песком в глаза, обливали варом, пыряли шестами. А те только орали шибче. Лезли, падали, опять лезли, как черви. Да и где было справиться с белоглазыми одним старикам да малолеткам. Одолеп враг, добрался до раскатов. Покидали защитников, и разбежалась Чудь по городу, и начался другой клич — бабий и детский.

Потоптали в ту пору, побили много народа, остальных погнали за стены на луг. Рвали на бабах рубахи. Было горе.

С четырех концов пылал Крутояр, брошенный на поток². Из огня тащили одежду, птиц, поросят, малых детей. Ярилась Чудь. Многие сами погорели, волоса попалили. И добрались до княжьего терема.

Но высок был тын кругом и ворота крепки. Ударили в них бревном — не поддались. А головни, искры, солому так и крутило, обдавало жарким дымом. И занялся терем, задымил.

¹ *Раскаты* — крепостной вал.

² *На поток* — на разорение.

Тогда с долгим стоном пробудилась княгиня Наталья, повела очами, дико ей стало, кинулась к окну — дым в лицо пахнул, глаза выел. Схватила княжича, прикрыла его платком: «Заряслав, сын милый, спи, спи; батюшка», — и выбежала на крыльцо и обмерла.

Внизу трещало, било пламя, дымили крыльца, занимался огонь под крышей. А кругом все маковки, крыши, избы, шатры — в огне. Дым бьет высоко и стелется над Днепром. И еще видит княгиня — над тыном поднялись плоские рыла, кажут на нее, скалятся.

И было ей тошно от смертного часа.

Заряслав забился на руках, заплакал, рвет с лица покрывало. В спину дунуло жаром. И у княгинихватило дух, стало горячо на душе. Подняла она сына, положила руки его на одно плечо свое, на другое ноги, вдохнула в последний раз запах милый и человеческий и кинулась с высокого терема. И убилась! И мертвыми руками все еще держала Заряслава, не дала ему коснуться земли. Наскочили чудинцы, вырвали княжича, понесли на луг, пялили zenки на мальчика, кукиши совали ему, а не тронули, чтобы живым отнести к жрецу своему в Чудь, на озеро.

Легкою бабочкою вылетела душа княгини Натальи из разбитого тела. И раскрытые ее глаза, еще подернутые мукой, озираясь, видели голубой свет, переливающийся, живой и животворящий. Радостней, радостней, выше становилось душе. Чаше, зорче глядели глаза. И вот слышимы стали звуки, звоны, шумы, звенения, глухие раскаты, грохоты. Трепетал весь свет в бездне бездн. Роились в нем водянистые пузыри, отсвечивали радужно и, звуча и звеня, сливались в вихри, бродили столпами.

И вот уже трепещет душа. Нестерпимо глазам от сияния, от радостного ужаса: покрывая все звуки, весь свет, по всей широте шумит весенним громом голос: «Да будет жизнь во имя мое».

Так мчится к Господу светлая душа княгини Натальи. Но чем ближе ей, слаще, радостней — тем пронзительней боль, как жало невынутое. Зачем боль? О чем память? И глубже входит жало, и тяжелеет душа, глохнет, слепнет, и глаза снова подергиваются смертной любовной пеленой. На землю опускается душа княгини, на пепелище. Как жернов — любовь. Где Заряслав? Где сын милый?

Белоглазая Чудь возвращалась на свое озеро без троп

и следов, — скорее бы только ноги унести. Волокли добычу. Гнали полонянок с детьми. Княжича тащили в плетеном пещуре¹. Шли день, и ночь, и еще день, и настала вторая ночь — темная. Погони теперь не страшно, и Чудь полегла во мху, запалила костры от диких собак, что, учуяв поживу, подвывали по зарослям.

Колдун, старикашка гнусный, залез в горелый пенёк, бормотал заклятья. Кишмя здесь кишела нежить и нечисть, хоронилась за стволы, кидалась в траву, попискивала, поерывала. То чиркнет глазом, то лапой тронет, а то уйдет колом в землю, а вынырнет в омуте, посреди болота, состроит пакость и начнет хмыкать, хихикать.

Не любила Чудь смеха и шуток таких. Молчали, мясо вяленое ели, остерегались. Полонянки давно уж плакать перестали, вволю приняли горя. Один Заряслав спал спокойно в пещуре: тепло укрыла его княгиня Наталья сладким сном.

Укрыла, а сама понеслась клочком тумана по лесу над мхами и омутами, сквозь тяжелые от влаги деревья. Вверху за сучьями вывездило, скоро и заря. Из-под вывороченной коряги высунул нечесаную морду леший и спрятался; на бугорке у норы лиса с лисятами увидела летящее облако, сморщила нос и зевнула, завилыла хвостом.

А вот и стреноженные кони фыркают, щиплют траву. Впавалку, завернутые с головой в попоны, спят воины. Князь Чурил лежит, опершись локтем о седло; суровые глаза его открыты, думает; проснулся перед зарей, отер усы от росы и раздумался о славе своей, о былых сечах, о том, что нет ни у кого ни города такого, ни жены такой, ни сына. От этих дум заворочался Чурил: «Все ли ладно дома?»

И видит — стелется у ног облачко. «Сыро, — думает, — кольчуга проржавеет, — и потянул на себя попону. А сон летит с глаз: «От двора далеко отъехали, как бы не было чего злого?» Мочи нет. Поднялся Чурил, подтянул ремень на животе:

— Эй, ребята, заспались, заря скоро!

Зачесались воины, поскидали попоны, разбрелись за конями. Оседлали. Тронулись.

Чурил едет впереди, шагом. Совестно перед ребятами: заладились охотиться недели на две, а сейчас глаза бы

¹ Пещур — корзина.

не глядели на зверя. Сесть бы в княгининой светелке, Заряслава на руки взять.. Милее жизни жена, милая Наталья.

Воины ворчат: едет князь дуром, сучья дерут лицо, лунь-птица из-под коня шарахнулась, запуталась в кустах, застучала клювом.

«Эй, князь, спишь, что ли?»

Плывет, стелется облаком перед Чурилой княгиня Наталья, манит, мается. Рвут кусты легкое тело. Нет, не слышит князь, не чувствует. Усы закрутил. Осадил коня, оперся рукой о круп, говорит дружинникам, чтобы шли в заезд на тура, что давеча навалил густо валежнику у озера.

И княгиня отлетела от Чурила, понеслась по лесу, окинула взором чащобы, видит — лежит олень рогатый, морду опустил в мох, дремлет. И вошла в него, в сонного, похитила его тело, подняла на легкие ноги и олснем помчалась навстречу охотникам.

— Стой, — говорит Чурил, — большой зверь идет. — Подался с конем в кусты, отыскал в колчане стрелу поострее, вложил в самострел и, упершись в стремяна, натянул тетиву.

С шумом раздвигая кусты, выскочил олень. Стал, дрожа дрожью. Крупный самец! Рога как ветви. Эх, жаль, темно, — не промахнуться бы. И князь чувствует — глядит на него олень в ужасе, в тоске смертной.

И только начал поднимать самострел — шарахнулся олень, побежал нешибким бегом, не мечась, только голову иногда обернет к погоне. Умный зверь.

И сорок рогов затрубило по лесу. Го-го-го, — отозвалось далеко. Затрещал от топота валежник. Закричали сонные птицы. Воронье поднялось, закаркало. Стало светать.

Скакали долго. Кони вспенились. Княгиня Наталья видит — близко, близко, вон там за оврагом, залегла Чудь, может, уж и снялась со стана, заслышав рога. Не погубили бы Заряслава. Пospеть бы. И повернула к оврагу. И заметалась: впереди, пересекая путь, выскочили всадники, окружили, машут копьями. Чурил поднял самострел, приложил к ложу худое, свирепое, любимое лицо.

«Остановись, остановись!» — так бы и крикнула Наталья. И резкий, звериный вопль сам вылетел и груди. Запела стрела и впилась под лопатку у сердца. Олень

осел на колени. Засмеялся князь. Вынул нож, лезет с седла, чтобы пороть зверя. Идет по мху. Споткнулся. Княгиня глядит на мужа глазами, полными слез. Чурил взял ее за рога, пригнул голову.

И чуда не было еще такого за всю бытность: олень, пронзенный стрелой, до самых перьев ушедшей в сердце, поднялся, разбросал рогами охотников, побежал, шатаясь, шибче, шибче, спустился в овраг, скачками поднялся на ту сторону, стал и глядит опять. Смотрит.

Усмехнулись в усы старые воины.

— Легка твоя стрела, князь, уйдет зверь.

Лихая досада! И опять поскакала охота.

Олень тяжелым уже скоком выбежал на поляну. Повсюду дымятся костры, раскиданы кости, тряпье. И за красные сосновые стволы хоронятся какие-то людишки, удирают.

— Чудь, Чудь! — закричали воины.

Здесь олень зашатался, опустил рога в мох и рухнул. Черная кровь хлынула из морды. И вылетела душа княгини, замученная второю смертью.

Чурил глядит на зверя. Дико ему на душе. Подскакал старый воин.

— Князь, князь, — говорит, — не твоей ли княгини эта кика? — и поднял копьем с земли рогатую, шитую золотом кикку, что сняли чудицы с волос Натальи.

Зашатался князь в седле. Кровь кинулась в голову, помутила ум. Сорвал рог с плеча, затрубил, швырнул его далече и сам впереди, а за ним сорок дружинников кинулись в угон за обидчиками. Порубили отсталых и настигли всю бегущую кучей Чудь, окружившую полонянок и добычу.

Много Чуди желтоволосой. Большая будет битва. Стали воины ругаться с врагами, кричат:

— Выходи, белые глаза! Подтягивай портки!.. Молись своему паршивому богу!..

Ихний колдун, став на камень, поднял на руках Заряслава, погрозился, что живым не отдаст, если князь начнет драку. Тогда Чурил прыгнул с коня и, прикрываясь локтем кольчужным от стрел, пошел биться. Накочила на него Чудь. Завизжала Чудь. На выручку кинулись дружинники, пешие и конные. Запели стрелы. Начались крики. Лязгало железо. Хватались грудь о грудь. Была великая сеча.

С ножом, поворачиваясь, стряхивая наседающих, весь

испоротый, исколотый, лез князь, как тур, добирался до колдуна.

Три раза отбрасывали Чурилу. Колдун, выставив бороду, бормотал, плевался, запакостился со страха. Все же князь достал его рукой и умертвил на месте. И стоял идолом каменным над сыном. Выдергивал из себя стрелы. Убивал каждого, кто совался.

До полудня шла битва. Десять дружинников легло в ней смертью, а врагов не считали, и Чудь побежала, но немногие ушли через болота.

Дружинники стали кликать, собирать полонянок. Стали узнавать, кто жену, кто сына. Качали головами, хмурились. И вернулись все — воины, женщины, дети — гурьбой, на поле сечи, где бродили кони, торчали стрелы, шлемы валялись, люди убитые.

Князь Чурил лежал мертвым, с лицом суровым и спокойным, в руке зажат меч. Около него был мальчик, Заряслав. Над ним летала малая птица. Кружилась, попискивала, садилась на ветвь, трясла перьями, разевала клюв.

Княжич, глядя на птицу, улыбался, ручкой норовил ее схватить. На ресницах Заряслава, на щеках его горели, как роса, слезы большими каплями.

Старейший из воинов взял княжича на руки и понес. Павших положили на коней, тронулись в обратный путь к Днепру, на пепелище. Впереди несли Заряслава, и птица, синяя синица, увязалась вслед. Ее не отпугивали — пусть тешится молодой князь. Шли долго.

У пепелища погребли усопших и замученных. Над водою, на высоком бугре, в дубовой, крытой шатром, домовине легли рядом князь Чурил с княгиней Натальей. Далеко под ногами их расстился ясный, синий Днепр, широко раскинулись луга, лесистое, озерное понизовье.

Близ могил стали строить новое городище, где быть князем Заряславу. Зазывали на подмогу вольных людей да пропивших животишки варягов. Осенью бегали за золотом к хазарам в степи.

Заряславу разбили лучший шатер, покуда к заморозкам дыму не срубят. Мальчик глядел, как строили город, как пищу варили, как вечером большие люди садились над рекою, пели песни.

Женщины жалели мальчика, дружинники говорили:

славный будет воин. Да что в том? Чужой лаской горечи не избудешь.

И одною утехою была Заряславу синяя синица. Со всем ручная. Ест ли мальчик, она — скок и клюнет из чашки. Играет ли, бродит ли по лугу — птица порхает около, на плечо сядет или падет перед Заряславом в траву, распушит крылья и глядит, глядит черными глазами в глаза. А то и надоест, — отмахнется от нее: ну, что пристала?

И не знает Заряслав, что в малой, робкой птице, в горячем сердце птичьем — душа княгини Натальи, родной матушки.

Прошла зима, снова зазеленели бугры и пущи, разлился Днепр, поплыли по нему, надувая паруса, корабли с заморскими гостями. Затрубили рога в лесах. Зашумели грозы.

Заряслав рос, крепкий становился мальчик. Играл уже отцовским мечом и приставал к дружинникам, чтобы рассказывали про битву, про охоты, про славу князя.

А когда женщины гладили его по светлой голове, жалея, что растет без матушки, — отталкивал руку.

— Уйди, — говорил, — уйди, а то побью, я сам мужик.

Однажды он побился с товарищами и сидел на крыльце сердитый, измазанный. Подлетела синица, покружилась и, чтобы заметил ее мальчик, вдруг прилегла к его груди, прижалась к тельцу.

— Ну, вот нашла время!

Взял Заряслав птицу и держал в кулаке и думал, как бы ему подрасться еще с обидчиками, а когда разжал пальцы — в руке лежала птичка мертвая, задушенная.

Богатырская будет сила у молодого князя.

Так в третий раз умерла княгиня Наталья светлой и легкой смертью.

Все было исполнено на земле.

Из книги «Сказки и рассказы для детей»

ЖАР-ПТИЦА

У царевны Марьяны была нянька Дарья.

Пошла Дарья на базар, купила кенареечную птичку и повесила на окно. Царевна Марьяна в кровати лежит и спрашивает:

- Нянька, а как птицу зовут?
- Кенареечная.
- А почему?
- Потому что конопляное семя ест.
- А где ее дом?
- На солнышке.
- А зачем она ко мне прилетела?
- Чтобы тебе песни петь, чтобы ты не плакала.
- А если заплачу?
- Птичка хвостом тряхнет и улетит.

Жалко стало царевне с птичкой расстаться, глаза Марьяна потеряла и заплакала.

А птичка хвостом тряхнула, открыла клетку, шмыг за окно и улетела.

Принялась Дарья царевне Марьяне глаза фартуком вытирать и говорит:

— Не плачь, я сбегая, великана Веньку позову, он птичку нам поймает.

Пришел высокий великан Венька, о четырех глазах — два глаза видно, а два не видно.

Постоял Венька и говорит:

— Я есть хочу.

Принесла ему Дарья горшок каши.

Великан кашу съел и горшок съел, нашел нянькины башмаки и башмаки съел — такой был голодный, — рот вытер и убежал.

Прибегает великан в Марьянин сад, а в саду на яблоне кенареечная птичка сидит и клюет красные яблоки. Великан и думает: что ему сначала схватить — яблоко или птичку?

И пока думал, явился лютый медведь и говорит:

— Ты зачем кенареечную птицу ловишь? Я тебя съем.

И стал медведь лапой землю скрести.

Великан испугался, сел на дом и ноги поджал, а птичка шмыг в кусты и улетела за озеро.

Огорчился великан и принялся думать, как ему медведя перехитрить; придумал, — нарочно испугался и закричал:

— Ой, рыжий бык бежит, ой, боюсь!

Медведь одного только рыжего быка и боялся на свете, сейчас же лег на бок и морду в кусты засунул — спрятался.

А великан с крыши слез и к озеру побежал.

Озеро было длинное — не перейти, а на той стороне на ветке птичка сидит.

Великан был догадливый, сейчас же лег на берег и стал озеро пить.

Пил, пил, пил, пил, пил, пил, пил, пил, пил и выпил все озеро вместе с лягушками.

Встал на четвереньки и побежал за птичкой по сухому дну.

А птичка дальше в темный лес, улетела.

Неудобно великану по лесу идти, деревья за подмышки задевают, озеро в животе с лягушками плещется, и настает темный вечер.

По вечерам лягушки квакать привыкли, и принялись они в животе у великана громко квакать.

Великан испугался, стал аиста звать.

Проснулся белый аист; стоял он на одной ноге на сухом пеньке; глаза протер, подождал, пока луна взойдет, чтобы виднее было, подлетел к великану и говорит:

— Раскрой рот.

Великан раскрыл рот, аист туда голову сунул, поймал лягушонка и проглотил.

Тогда кричит из живота лягушиный царь:

— Прогони белого аиста, я тебе сундучок подарю, без него птички не поймаешь.

Великан знал, что лягушиный царь — честный, рот закрыл и говорит:

— Уходи, белый аист, чай, уж наелся.

А лягушиный царь вылез в великанов рот, лапой подал хрустальный сундучок и объяснил:

— В сундуке туча, в туче с одного краю молния, с другого — дождик, сначала погрозись, потом открывай, птица сама поймается.

Обрадовался великан, взял сундучок и дальше побежал за кенареечной птичкой.

А птичка через темный овраг летит и через высокую гору, и великан через овраг лезет, и на гору бежит, пыхтит, до того устал — и язык высунул, и птичка язык высунула.

Великан и кричит птичке:

— Царевна Марьяна приказала тебя поймать, остановись, а то сундучок открою...

Не послушалась птичка великана, только ногой по ветке топнула.

Тогда великан открыл сундучок.

Вылетела из сундучка сизая туча, кинулась к птичке и заворчала.

Испугалась птичка, закричала жалобно и метнулась в кусты.

И туча в кусты полезла.

Птичка под корень, и туча под корень.

Взвилась птичка в небо, а туча еще выше, да как раскатилась громом и ударила в птичку молнией — трах!

Перевернулась птичка, посыпались с нее кенареечные перья, и вдруг выросли у птицы шесть золотых крыльев и павлиний хвост.

Пошел от птицы яркий свет по всему лесу.

Зашумели деревья, проснулись птицы.

Ночные русалки с берега в воду попрыгали.

И закричали звери на разные голоса:

— Жар-птица, Жар-птица!!!

А туча напыжилась и облила Жар-птицу мокрым дождем.

Замочил дождик золотые крылья Жар-птице и павлиний хвост, сложила она мокрые крылья и упала в густую траву.

И стало темно, ничего не видно. Великан в траве пошарил, схватил Жар-птицу, сунул за пазуху и побежал к царевне Марьяне. Царевна Марьяна привередничала, губы надула сковородником, пальцы растопырила и хныкала:

— Я, нянька, без кенареечной птички спать не хочу.

Вдруг прибежал великан и на окно посадил Жар-птицу.

И в комнате светло, как днем.

Жар-птица за пазухой у великана пообсохла, теперь крылья расправила и запела:

Я медведя не боюсь,
От лисы я схоронюсь,
Улечу и от орла,
Не догонит в два крыла.
А боюсь я только слез,
Ночью дождика и рос,
И от них умчуся я
За леса и за моря.
Свету-Солнцу я сестрица,
И зовут меня Жар-птица.

Спела Жар-птица, потом сделала страшные глаза и говорит:

— Вот что, никогда, Марьяна, не хныкай, слушайся няньку Дарью, тогда я каждую ночь буду к тебе прилетать, петь песни, рассказывать сказки и во сне показывать раскрашенные картинки.

Затрепала крыльями Жар-птица и улетела.

Кинулась Дарья опять за великаном, а великан спал в саду — одна нога в пруду, другая на крыше, и в животе лягушки квакали.

Царевна же Марьяна больше плакать не стала, глазки закрыла и заснула.

Знала Марьяна, что каждую ночь будет прилетать к ней Жар-птица, садиться на кровать и рассказывать сказки.

Из книги «Русские народные сказки»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Много было попыток переделывать русские народные сказки. Дело в том, что записывались они на протяжении ста лет — записываются и до сих пор — от разных сказителей. Каждый сказитель рассказывает сказку по-своему: один — кратко, другой — пространно, с подробностями; у одного бывает хорошо начало, у другого хорош конец, а у третьего — середина; один сказитель знаменит балагурством, словечками, другой — интересными подробностями рассказа; есть сказители — творцы, истинные поэты, а есть и малодаровитые — простые пересказчики.

Поэтому при составлении сборника сказок для широкого читателя всегда возникала необходимость выбирать из многих вариантов сказок один, наиболее интересный. Но выбрать просто — нельзя, потому что в каждом из вариантов есть что-нибудь ценное, что жалко упустить. Составители таких сборников обычно брались за обработку сказок, причем пересказывали их не народным языком, не народными приемами, а «литературно», то есть тем условным, книжным языком, который ничего общего не имеет с народным.

Пересказанные таким образом сказки теряли всякий смысл — в них от великолепного народного творчества оставался один сюжет, а главное: народный язык, ост-

роумие, свежесть, своеобразие, сама манера рассказа-беседы, иными словами, народный стиль — пропадали так же, как дивный и хрупкий рисунок крыльев бабочки исчезает при неуклюжем прикосновении человеческих пальцев.

Моя задача была другая: сохранить при составлении сборника всю свежесть и непосредственность народного рассказа. Для этого я поступаю так: из многочисленных вариантов народной сказки выбираю наиболее интересный, коренной, и обогащаю его из других вариантов яркими языковыми оборотами и сюжетными подробностями. Разумеется, мне приходится при таком собирании сказки из отдельных частей, или «реставрации» ее, дописывать кое-что самому, кое-что видоизменять, дополнять недостающее, но делаю я это в том же стиле — и со всей уверенностью предлагаю читателю подлинно народную сказку, народное творчество со всем богатством языка и особенностями рассказа.

Алексей Толстой

ВОЛК И КОЗЛЯТА

Жила-была коза с козлятами. Уходила коза в лес есть траву шелковую, пить воду студёную. Как только уйдет — козлятки запрут избушку и сами никуда не выходят.

Воротится коза, постучится в дверь и запоет:

— Козлятушки, ребятушки!
Отопритесь, отворитесь!
Ваша мать пришла — молока принесла;
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлятки отопрут дверь и впустят мать. Она их покормит, напоит и опять уйдет в лес, а козлята запрутся крепко-накрепко.

Волк подслушал, как поет коза. Вот раз коза ушла, волк побежал к избушке и закричал толстым голосом:

— Вы, детушки!
Вы, козлятушки!
Отопритесь,
Отворитесь,

Ваша мать пришла,
Молока принесла.
Полны копытцы водицы!

Козлята ему отвечают:

— Слышим, слышим — да не матушкин это голосок!
Наша матушка поет тонюсеньким голосом и не так причитает.

Волку делать нечего. Пошел он в кузницу и велел себе горло перековать, чтоб петь тонюсеньким голосом. Кузнец ему горло перековал. Волк опять побежал к избушке и спрятался за куст.

Вот приходит коза и стучится:

— Козлятушки, ребятушки!
Отопритесь, отворитесь!
Ваша мать пришла — молока принесла;
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлята впустили мать и давай рассказывать, как приходил волк, хотел их съесть.

Коза накормила, напоила козлят и строго-настрого наказала:

— Кто придет к избушечке, станет проситься толстым голосом да не переберет всего, что я вам причитываю, — дверь не отворяйте, никого не впускайте.

Только ушла коза, волк опять шаст к избушке, постучался и начал причитывать тонюсеньким голосом:

— Козлятушки, ребятушки!
Отопритесь, отворитесь!
Ваша мать пришла — молока принесла;
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлята отворили дверь, волк кинулся в избу и всех козлят съел. Только один козленочек схоронился в печке.

Приходит коза; сколько ни звала, ни причитывала — никто ей не отвечает. Видит — дверь отворена, вбежала в избушку — там нет никого. Заглянула в печь и нашла одного козленочка.

Как узнала коза о своей беде, как села она на лавку — начала горевать, горько плакать:

— Ох вы, детушки мои, козлятушки!
На что отпиралися — отворялися,
Злому волку доставалися?

Услыхал это волк, входит в избушку и говорит козе:
— Что ты на меня грешишь, кума? Не я твоих козлят съел. Полно горевать, пойдем лучше в лес, погуляем.

Пошли они в лес, а в лесу была яма, а в яме костер горел. Коза и говорит волку:

— Давай, волк, попробуем, кто перепрыгнет через яму?

Стали они прыгать. Коза перепрыгнула, а волк прыгнул, да и ввалился в горячую яму.

Брюхо у него от огня лопнуло, козлята оттуда выскочили, все живые, да — прыг к матери! И стали они жить-поживать по-прежнему.

ТЕРЁШЕЧКА

У старика со старухой не было детей. Век прожили, а детей не нажили.

Вот сделали они колодочку, завернули ее в пеленочку, стали качать да прибаюкивать:

— Спи-тко, усни, дитя Терёшечка, —

Все ласточки спят,
И касатки спят,
И куницы спят,
И лисицы спят,
Нашему Терёшечке
Спать велют!

Качали так, качали да прибаюкивали, и вместо колодочки стал расти сыночек Терёшечка — настоящая ягодка.

Мальчик рос-подрастал, в разум приходил. Старик сделал ему челнок, выкрасил его белой краской, а вельцы — красной.

Вот Терёшечка сел в челнок и говорит:

— Челнок, челнок, плыви далече.
Челнок, челнок, плыви далече.

Челнок и поплыл далеко-далеко. Терёшечка стал рыбку ловить, а мать ему молочко и творожок стала носить.

Придет на берег и зовет:

— Терёшечка, мой сыночек,
Приплынь, приплынь на бережок,
Я тебе есть-пить принесла.

Терёшечка издалека услышит матушкин голос и подплывет к бережку. Мать возьмет рыбку, накормит, напоит Терешечку, переменит ему рубашечку и поясок и отпустит опять ловить рыбку.

Узнала про то ведьма. Пришла на бережок и зовет страшным голосом:

— Терёшечка, мой сыночек,
Приплынь, приплынь на бережок,
Я тебе есть-пить принесла.

Терёшечка распознал, что не матушкин это голос, и говорит:

— Челнок, челнок, плыви далече,
То не матушка меня зовет

Тогда ведьма побежала в кузницу и велит кузнецу перековать себе горло, чтобы голос стал как у Терёшечкиной матери.

Кузнец перековал ей горло. Ведьма опять пришла на бережок и запела голосом точь-в-точь родимой матушки:

— Терёшечка, мой сыночек,
Приплынь, приплынь на бережок,
Я тебе есть-пить принесла.

Терёшечка обознался и подплыл к бережку. Ведьма его схватила, в мешок посадила и побежала.

Принесла его в избушку на курьих ножках и велит своей дочери Алёнке затопить печь пожарче и Терёшечку зажарить.

А сама опять пошла на раздобытки.

Вот Алёнка истопила печь жарко-жарко и говорит Терешечке:

— Ложись на лопату.

Он сел на лопату, руки, ноги раскинул и не пролезает в печь.

А она ему:

— Не так лег.

— Да я не умею — покажи как...

— А как кошки спят, как собаки спят, так и ты ложись.

— А ты ляг сама да поучи меня.

Алёнка села на лопату, а Терешечка ее в печку и пихнул и заслонкой закрыл. А сам вышел из избушки и влез на высокий дуб.

Прибежала ведьма, открыла печку, вытащила свою дочь Алёнку, съела, кости обглодала.

Потом вышла на двор и стала кататься-валяться по траве.

Катается-валяется и приговаривает:

— Покатаюсь я, поваляюсь я, Терёшечкина мясца наевшись.

А Терёшечка ей с дуба отвечает:

— Покатайся-повалайся, Алёнкина мясца наевшись!

А ведьма:

— Не листья ли это шумят?

И сама — опять: — Покатаюсь я, поваляюсь я, Терёшечкина мясца наевшись.

А Терёшечка все свое:

— Покатайся-повалайся, Алёнкина мясца наевшись!

Ведьма глянула и увидела его на высоком дубу. Кинулась грызть дуб. Грызла, грызла — два передних зуба выломала, побежала в кузницу: — Кузнец, кузнец! Скуй мне два железных зуба.

Кузнец сковал ей два зуба.

Вернулась ведьма и стала опять грызть дуб. Грызла, грызла и выломала два нижних зуба. Побежала к кузнецу:

— Кузнец, кузнец! Скуй мне еще два железных зуба.

Кузнец сковал ей еще два зуба.

Вернулась ведьма и опять стала грызть дуб. Грызет — только щепки летят. А дуб уже трещит, шатается.

Что тут делать? Терёшечка видит: летят гуси-лебеди.

Он их просит:

— Гуси мои, лебедята!
Возьмите меня на крылья,
Унесите к батюшке, к матушке!

А гуси-лебеди отвечают:

— Га-га, за нами еще летят — поголоднее нас, они тебя возьмут.

А ведьма погрызет-погрызет, взглянет на Терёшечку, облизнется — и опять за дело...

Летит другое стадо. Терёшечка просит..

Гуси мои, лебедята!
Возьмите меня на крылья,
Унесите к батюшке, к матушке!

А гуси-лебеди отвечают:

— Га-га, за нами летит защипанный гусенок, он тебя возьмет-донесет.

А ведьме уже немного осталось. Вот-вот повалится дуб.

Летит защипанный гусенок. Терёшечка его просит:

— Гусь-лебедь ты мой! Возьми меня, посади на крылышки, унеси меня к бабушке, к матушке.

Сжалился защипанный гусенок, посадил Терёшечку на крылья, встрепенулся и полетел, понес его домой.

Прилетели они к избе и сели на травке.

А старуха напекла блинов — поминать Терёшечку — и говорит:

— Это тебе, старичок, блин, а это мне блин.

А Терешечка под окном:

— А мне блин?

Старуха услышала и говорит:

— Погляди-ка, старичок, кто там просит блинок?

Старик вышел, увидел Терёшечку, привел к старухе — пошло обниманье!

А защипанного гусенка откормили, отпоили, на волю пустили, и стал он с тех пор широко крыльями махать, впереди стада летать да Терешечку вспоминать.

СКАЗКА О МОЛОДИЛЬНЫХ ЯБЛОКАХ И ЖИВОЙ ВОДЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь, и было у него три сына: старшего звали Федором, второго Василием, а младшего Иваном.

Царь очень устарел и глазами обнищал, а слышал он, что за тридевять земель, в тридесятом царстве есть сад с молодильными яблоками и колодец с живой водой. Если съесть старику это яблоко — помолодеет, а водой этой умыть глаза слепцу — будет видеть.

Царь собирает пир на весь мир, зовет на пир князей и бояр и говорит им:

— Кто бы, ребяташки, выбрался из избранников, выбрался из охотников, съездил за тридевять земель, в тридесятое царство, привез бы молодильных яблок и живой

воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут бóльший стал хорониться за среднего, а средний за меньшóго, а от меньшого ответу нет.

Выходит царевич Федор и говорит:

— Неохота нам в люди царство отдавать. Я поеду в эту дорожку, привезу тебе, царю-батюшке, молодильных яблоч и живой воды кувшинец о двенадцати рылец.

Пошел Федор-царевич на конюший двор, выбирает себе коня неезженного, уздает узду неузданную, берет плетку нехлестанную, кладет двенадцать подпруг с подпругою — не ради красы, а ради крепости... Отправился Федор-царевич в дорожку. Видели, что сажился, а не видели, в кою сторону укатился...

Ехал он близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, ехал день до вечера — красна солнышка до заката. И доезжает до росстаней, до трех дорог. Лежит на росстанях плита-камень, на ней надпись написана:

«Направо поедешь — себя спасать, коня потерять. На лево поедешь — коня спасать, себя потерять. Прямо поедешь — женату быть».

Поразмыслил Федор-царевич: «Давай поеду — где женату быть».

И повернул на ту дорожку, где женатому быть. Ехал, ехал и доезжает до терема под золотой крышей. Тут выбегает прекрасная девица и говорит ему:

— Царский сын, я тебя из седла выну, иди со мной хлеба-соли откушать и спать-почивать.

— Нет, девица, хлеба-соли я не хочу, а сном мне дороги не скоротать. Мне надо вперед двигаться.

— Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе любо-дорого.

Тут прекрасная девица его из седла вынула и в терем повела. Накормила его, напоила и спать на кровать положила.

Только лег Федор-царевич к стенке, эта девица живо кровать повернула, он и полетел в подполье, в яму глубокую...

Долго ли, коротко ли, — царь опять собирает пир, зовет князей и бояр и говорит им:

— Вот, ребяташки, кто бы выбрался из охотников — привезти мне молодильных яблоч и живой воды кувшинец о двенадцати рылей? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут опять бóльший хоронится за среднего, средний за меньшóго, а от меньшого ответу нет.

Выходит второй сын, Василий-царевич:

— Батюшка, неохота мне царство в чужие руки отдавать. Я поеду в дорожку, привезу эти вещи, сдам тебе в руки.

Идет Василий-царевич на конюший двор, выбирает коня неезженного, уздает узду неузданную, берет плетку нехлестанную, кладет двенадцать подпруг с подпругою.

Поехал Василий-царевич. Видели, как сажился, а не видели, в кою сторону укатился... Вот он доезжает до росстаней, где лежит плита-камень, и видит:

«Направо поедешь — себя спасать, коня потерять. На-лево поедешь — коня спасать, себя потерять. Прямо поедешь — женату быть».

Думал, думал Василий-царевич и поехал дорогой, где женатому быть. Доехал до терема с золотой крышей. Выбегает к нему прекрасная девица и просит его откушать хлеба-соли и лечь опочивать.

— Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе любо-дорого...

Тут она его из седла вынула, в терем повела, накормила, напоила и спать положила.

Только Василий-царевич лег к стенке, она опять повернула кровать, и он полетел в подполье.

А там спрашивают:

— Кто летит?

— Василий-царевич. А кто сидит?

— Федор-царевич. — Вот, братан, попали!

Долго ли, коротко ли, — в третий раз царь собирает пир, зовет князей и бояр:

— Кто бы выбрался из охотников привезти молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут опять бóльший хоронится за среднего, средний за меньшóго, а от меньшого ответу нет.

Выходит Иван-царевич и говорит:

— Дай мне, батюшка, благословеньице, с буйной головы до резвых ног, ехать в тридешатое царство — поискать тебе молодильных яблок и живой воды, да поискать еще моих братьевцев.

Дал ему царь благословеньице. Пошел Иван-царевич в конюший двор — выбрать себе коня по разуму. На ко-

торого коня ни взглянет, тот дрожит, на которого руку положит — тот с ног валится...

Не мог выбрать Иван-царевич коня по разуму. Идет, повесил буйну голову. Навстречу ему бабушка-задворенка.

— Здравствуй, дитятко, Иван-царевич! Что ходишь кручинен-печален?

— Как же мне, бабушка, не печалиться — не могу найти коня по разуму.

— Давно бы ты меня спросил. Добрый конь стоит закованный в погребу, на цепи железной. Сможешь его взять — будет тебе конь по разуму.

Приходит Иван-царевич к погребу, пнул плиту железную, свернулась плита с погреба. Вскочил ко добру коню, стал ему конь своими передними ногами на плечи. Стоит Иван-царевич — не шелохнется. Сорвал конь железную цепь, выскочил из погреба и Ивана-царевича вытащил. И тут Иван-царевич его обуздал уздою нежданной, оседлал седельцем неезженным, наложил двенадцать подпруг с подпругою — не ради красоты, ради славушки молодецкой.

Отправился Иван-царевич в путь-дорогу. Видели, что садился, а не видели, в кою сторону укатился... Доехал он до расстаней и поразмыслил:

«Направо ехать — коня потерять, — куда мне без коня-то? Прямо ехать — женату быть, — не за тем я в путь-дорогу выехал. Налево ехать — коня спасти, — эта дорога самая лучшая для меня».

И поворотил он по той дороге, где коня спасти — себя потерять. Ехал он долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, по зеленым лугам, по каменным горам, ехал день до вечера — красна солнышка до заката — и наезжает на избушку.

Стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке. — Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к Ивану-царевичу передом. Зашел он в нее, а там сидит баба-яга, старых лет. Шелковый кудель мечет, а нитки через грядки бросает.

— Фу, фу, — говорит, — русского духу слыхом не слышано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришел. А Иван-царевич ей:

— Ах ты, баба-яга, костяная нога, не поймавши пти-

цу — теребишь, не узнавши молодца — хулишь. Ты бы сейчас вскочила да меня, добра молодца, дорожного человека, накормила, напоила и для ночи постелю собрала. Я бы улегся, ты бы села к изголовью, стала бы спрашивать, а я бы стал сказывать — чей да откуда.

Вот баба-яга это дело все справила — Ивана-царевича накормила, напоила и на постелю уложила. Села к изголовью и стала спрашивать:

— Чей ты, дорожный человек, добрый молодец, да откуда? Какой ты земли? Какого отца, матери сын?

— Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за тридевять земель, за тридевять озер, в тридесятое царство за живой водой и молодильными яблоками.

— Ну, дитя мое милое, далеко же тебе ехать: живая вода и молодильные яблоки — у сильной богатырки, девицы Синеглазки, она мне родная племянница. Не знаю, получишь ли ты добро...

— А ты, бабушка, дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум.

— Много молодцев проезживало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитятко, моего коня. Мой конь будет бойчее, довезет он тебя до моей средней сестры, она тебя научит.

Иван-царевич поутру встает ранехонько, умывается белешенько. Благодарит бабу-ягу за ночлег и поехал на ее коне.

Вдруг он и говорит коню:

— Стой! Перчатку обронил.

А конь отвечает:

— В кою пору ты говорил, я уже двести верст проскакал...

Едет Иван-царевич близко ли, далеко ли. День до ночи коротается. И завидел он впереди избушку на курьей ножке, об одном окошке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к нему передом.

Вдруг слышно — конь заржал, и конь под Иваном-царевичем откликнулся.

Кони-то были одностадные.

Услышала это баба-яга — еще старое той — и говорит:

— Приехала ко мне, видно, сестрица в гости.

И выходит на крыльцо:

— Фу-фу, русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришел.

А Иван-царевич ей:

— Ах ты, баба-яга, костяная нога, встречай гостя по платью, провожай по уму. Ты бы моего коня убрала, меня бы, добра молодца, дорожного человека, накормила, напоила и спать уложила...

Баба-яга это дело все справила — коня убрала, а Ивана-царевича накормила, напоила, на постелю уложила и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит.

— Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за живой водой и молодильными яблоками к сильной богатырке, девице Синеглазке...

— Ну, дитя милое, не знаю, получишь ли ты добро. Мудро тебе, мудро добраться до девицы Синеглазки!

— А ты, бабушка, дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум.

— Много молодцев проезживало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитяtko, моего коня, поезжай к моей старшей сестре. Она лучше меня научит, что делать.

Вот Иван-царевич заночевал у этой старухи, поутру встает ранехонько, умывается белешенько. Благодарит бабу-ягу за ночлег и поехал на ее коне. А этот конь еще бойчей того.

Вдруг Иван-царевич говорит: — Стой! Перчатку обронил.

А конь отвечает: — В кою пору ты говорил, я уж триста верст проскакал.

Не скоро дело делается, скоро сказка сказывается. Едет Иван-царевич день до вечера — красна солнышка до заката. Наезжает на избушку на курьей ножке, об одном окошке.

— Избушка, избушка, обернись к лесу задом, ко мне передом! Мне не век вековать, а одну ночь ночевать.

Вдруг заржал конь, и под Иваном-царевичем конь откликнулся. Выходит на крыльцо баба-яга, старых лет, еще старее той. Поглядела — конь ее сестры, а седок чужестранный, молодец прекрасный...

Тут Иван-царевич вежливо ей поклонился и ночевать попросился. Делать нечего! Ночлега с собой не возят — ночлег каждому: и пешему и конному, и бедному и богатому.

Баба-яга все дело справила — коня убрала, а Ивана-

царевича накормила, напоила и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит.

— Я, бабушка, такого-то царства, такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Был у твоей младшей сестры, она послала к средней, а средняя сестра к тебе послала. Дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум, как мне добыть у девицы Синеглазки живой воды и молодильных яблок.

— Так и быть, помогу я тебе, Иван-царевич. Девица Синеглазка, моя племянница, — сильная и могучая богатырка. Вокруг ее царства — стена три сажени вышины, сажень толщины, у ворот стража — тридцать богатырей. Тебя и в ворота не пропустят. Надо тебе ехать в середину ночи, ехать на моем добром коне. Доедешь до стены — и бей коня по бокам плетью нахлестанной. Конь через стену перескочит. Ты коня привяжи и иди в сад. Увидишь яблоню с молодильными яблоками, а под яблоней колодец. Три яблока сорви, а больше не бери. И зачерпни из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рылец. Девица Синеглазка будет спать, ты в терем к ней не заходи, а садись на коня и бей его по крутым бокам. Он тебя через стену перенесет.

Иван-царевич не стал ночевать у этой старухи, а сел на ее доброго коня и поехал в ночное время. Этот конь поскакивает, мхи-болота перескакивает, реки, озера хвостом заметает.

Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, доезжает Иван-царевич в середине ночи до высокой стены. У ворот стража спит — тридцать могучих богатырей. Прижимает он своего доброго коня, бьет его плетью нехлестанной. Конь осерчал и перемахнул через стену. Слез Иван-царевич с коня, входит в сад и видит — стоит яблоня с серебряными листьями, золотыми яблоками, а под яблоней колодец. Иван-царевич сорвал три яблока, а больше не стал брать да зачерпнул из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рылей. И захотелось ему самую увидеть, сильную, могучую богатырку, девицу Синеглазку.

Входит Иван-царевич в терем, а там спят — по одну сторону шесть полениц¹ — девиц-богатырок и по другую сторону шесть, а посередине разметалась девица Синеглазка, спит, как сильный речной порог шумит.

---

¹ Поленица — богатырка.

Не стерпел Иван-царевич, приложился, поцеловал ее и вышел... Сел на доброго коня, а конь говорит ему человеческим голосом:

— Не послушался ты, Иван-царевич, вошел в терем к девице Синеглазке! Теперь мне стены не перескочить. Иван-царевич бьет коня плетью нехлестанной.

— Ах ты, конь, волчья сыть, травяной мешок, нам здесь не ночь ночевать, а голову потерять!

Осерчал конь пуще прежнего и перемахнул через стену, да задел об нее одной подковой — на стене струны запели и колокола зазвонили.

Девушка Синеглазка проснулась да увидела покражу:

— Вставайте, у нас покража большая!

Велела она оседлать своего богатырского коня и кинулась с двенадцатью поленицами в погоню за Иваном-царевичем.

Гонит Иван-царевич во всю прыть лошадиную, а девушка Синеглазка гонит за ним. Доезжает он до старшей бабы-яги, а у нее уже конь выведенный, готовый. Он — со своего коня да на этого и опять вперед погнал... Иван-то царевич за дверь, а девушка Синеглазка — в дверь и спрашивает у бабы-яги:

— Бабушка, здесь зверь не прорыскивал ли?

— Нет, дитятко.

— Бабушка, здесь молодец не проезживал ли?

— Нет, дитятко. А ты с пути-дороги поешь молочка.

— Поела бы я, бабушка, да долго корову доить.

— Что ты, дитятко, живо справлюсь...

Пошла баба-яга доить корову — доит, не торопится. Поела девушка Синеглазка молочка и опять погнала за Иваном-царевичем.

Доезжает Иван-царевич до средней бабы-яги, коня сменил и опять погнал. Он — за дверь, а девушка Синеглазка — в дверь:

— Бабушка, не прорыскивал ли зверь, не проезжал ли добрый молодец?

— Нет, дитятко. А ты бы с пути-дороги поела блинков.

— Да ты долго печь будешь.

— Что ты, дитятко, живо справлю...

Напекла баба-яга блинков — печет, не торопится. Девушка Синеглазка поела и опять погнала за Иваном-царевичем.

Он доезжает до младшей бабы-яги, слез с коня, сел на своего коня богатырского и опять погнал. Он — за

дверь, девица Синеглазка — в дверь и спрашивает у бабы-яги, не проезжал ли добрый молодец.

— Нет, дитятко. А ты бы с пути-дороги в баньке попарилась.

— Да ты долго топить будешь.

— Что ты, дитятко, живо справлю...

Истопила баба-яга баньку, все изготовила. Девица Синеглазка попарилась, обкатилась и опять погнала в сугон¹. Конь ее с горки на горку поскакивает, реки, озера хвостом заметает. Стала она Ивана-царевича настигать.

Он видит за собой погоню: двенадцать богатырок с тринадцатой — девицей Синеглазкой — ладят на него наехать, с плеч голову снять. Стал он коня приостанавливать, девица Синеглазка наскакивает и кричит ему:

— Что ж ты, вор, без спросу из моего колодца пил да колодец не прикрыл!

А он ей:

— Что ж, давай разъедемся на три прыска лошадиных, давай силу попробовать.

Тут Иван-царевич и девица Синеглазка заскакали на три прыска лошадиных, брали палицы боевые, копыя долгомерные, сабельки острые. И съезжались три раза, палицы поломали, копыя-сабли исцербили — не могли друг друга с коня сбить. Незачем стало им на добрых конях разъезжаться, соскочили они с коней и схватились в охапочку.

Боролись с утра до вечера — красна солнышка до заката. У Ивана-царевича резва ножка подвернулась, упал он на сыру землю. Девица Синеглазка стала коленкой на его белу грудь и вытаскивает кинжалище булатный — пороть ему белу грудь. Иван-царевич и говорит ей:

— Не губи ты меня, девица Синеглазка, лучше возьми за белые руки, подними со сырой земли, поцелуй в уста сахарные.

Тут девица Синеглазка подняла Ивана-царевича со сырой земли и поцеловала в уста сахарные. И раскинули они шатер в чистом поле, на широком раздолье, на зеленых лугах. Тут они гуляли три дня и три ночи. Здесь они и обручились и перстнями обменялись.

Девица Синеглазка ему говорит:

— Я поеду домой — и ты поезжай домой, да смотри

---

¹ *Сугон* — погоня.

никуда не сворачивай... Через три года жди меня в своем царстве.

Сели они на коней и разъехались... Долго ли, коротко ли, не скоро дело делается, скоро сказка сказывается, — доезжает Иван-царевич до росстаней, до трех дорог, где плита-камень, и думает:

«Вот хорошо! Домой еду, а братья мои пропадают без вести».

И не послушался он девицы Синеглазки, своротил на ту дорогу, где женатому быть... И наезжает на терем под золотой крышей. Тут под Иваном-царевичем конь заржал, и братьевы кони откликнулись. Кони-то были одностадные...

Иван-царевич взошел на крыльцо, стукнул кольцом — маковки на тереме зашатались, оконницы pokrивились. Выбегает прекрасная девица.

— Ах, Иван-царевич, давно я тебя поджидаю! Иди со мной хлеба-соли откусать и спать-почивать.

Повела его в терем и стала потчевать. Иван-царевич не столько ест, сколько под стол кидает, не столько пьет, сколько под стол льет. Повела его прекрасная девица в спальню:

— Ложись, Иван-царевич, спать-почивать.

А Иван-царевич столкнул ее на кровать, живо кровать повернул, девица и полетела в подполье, в яму глубокую.

Иван-царевич наклонился над ямой и кричит:

— Кто там живой?

А из ямы отвечают:

— Федор-царевич да Василий-царевич.

Он их из ямы вынул — они лицом черны, землей уж стали порастать. Иван-царевич братьев живой водой — стали они опять прежними.

Сели они на коней и поехали... Долго ли, коротко ли, доехали до росстаней. Иван-царевич и говорит братьям:

— Покарауйте моего коня, а я лягу отдохну.

Лег он на шелковую траву и богатырским сном заснул. А Федор-царевич и говорит Василию-царевичу.

— Вернемся мы без живой воды, без молодильных яблочек — будет нам мало чести, нас отец пошлет гусей пасти...

Василий-царевич отвечает:

— Давай Ивана-царевича в пропасть спустим, а эти вещи возьмем и отцу в руки отдадим.

Вот они у него из-за пазухи вынули молодильные

яблоки и кувшин с живой водой, а его взяли и бросили в пропасть. Иван-царевич летел туда три дня и три ночи.

Упал Иван-царевич на самое взморье, опаматовался и видит — только небо и вода, и под старым дубом у моря птенцы пищат — бьет их погода.

Иван-царевич снял с себя кафтан и птенцов покрыл, а сам укрылся под дуб.

Унялась погода, летит большая птица Нагай. Прилетела, под дуб села и спрашивает птенцов:

— Детушки мои милые, не убила ли вас погодушка-ненастье?

— Не кричи, мать, нас сберег русский человек, своим кафтаном укрыл.

Птица Нагай спрашивает Ивана-царевича:

— Для чего ты сюда попал, милый человек?

— Меня родные братья в пропасть бросили за молодые яблоки да за живую воду.

— Ты моих детей сберег, спрашивай у меня, чего хочешь: злата ли, серебра ли, камня ли драгоценного.

— Ничего, Нагай-птица, мне не надо: ни злата, ни серебра, ни камня драгоценного. А нельзя ли мне попасть в родную сторону?

Нагай-птица ему отвечает:

— Достань мне два чана — пудов по двенадцати — мяса.

Вот Иван-царевич настрелял на взморье гусей, лебедей, в два чана поклат, поставил один чан нагай-птице на правое плечо, а другой чан — на левое, сам сел ей на хребет. Стал птицу Нагай кормить, она поднялась и летит в вышину.

Она летит, а он ей подает да подает... Долго ли, коротко ли так летели, скормил Иван-царевич оба чана. А птица Нагай опять оборачивается. Он взял нож, отрезал у себя кусок с ноги и Нагай-птице подал. Она летит, летит и опять оборачивается. Он с другой ноги срезал мясо и подал. Вот уже недалеко лететь осталось. Нагай-птица опять оборачивается. Он с груди у себя мясо срезал и ей подал.

Тут Нагай-птица донесла Ивана-царевича до родной стороны.

— Хорошо ты кормил меня всю дорогу, но слаще последнего кусочка отродясь не едала.

Иван-царевич ей и показывает раны. Нагай-птица рыгнула, три куса вырыгнула:

— Приставь на место.

Иван-царевич приставил — мясо и приросло к костям.

— Теперь слезай с меня, Иван-царевич, я домой по лечу.

Поднялась Нагай-птица в вышину, а Иван-царевич пошел путем-дорогой на родную сторону.

Пришел он в столицу и узнает, что Федор-царевич и Василий-царевич привезли отцу живой воды и молодых яблок и царь исцелился: по-прежнему стал здоровым крепок и глазами зорок.

Не пошел Иван-царевич к отцу, к матери, а собрал он пьяниц, кабацкой голи и давай гулять по кабакам.

В ту пору за тридевять земель, в тридесATOM царстве сильная богатырка Синеглазка родила двух сыновей. Они растут не по дням, а по часам. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — прошло три года. Синеглазка взяла сыновей, собрала войско и пошла искать Ивана-царевича.

Пришла она в его царство и в чистом поле, в широком раздолье, на зеленых лугах раскинула шатер белополотняный. От шатра дорогу устелила сукнами цветными. И посылает в столицу царю сказать:

— Царь, отдай царевича. Не отдашь, — все царство потопчу, пожгу, тебя в полон возьму.

Царь испугался и посылает старшего — Федора-царевича. Идет Федор-царевич по цветным сукнам, подходит к шатру белополотняному. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, это не наш ли батюшка идет?

— Нет, детушки, это ваш дяденька.

— А что прикажешь с ним делать?

— А вы, детушки, угостите его хорошенько.

Тут эти двое пареньков взяли трости и давай хлестать Федора-царевича пониже спины. Били, били, он едва ноги унес.

А Синеглазка опять посылает к царю:

— Отдай царевича...

Пуще испугался царь и посылает среднего — Василия-царевича. Он приходит к шатру. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, это не наш ли батюшка идет?

— Нет, детушки, это ваш дяденька. Угостите его хорошенько.

Двое пареньков опять давай дядю тростями чесать. Били, били. Василий-царевич едва ноги унес.

А Синеглазка в третий раз посылает к царю:

— Ступайте, ищите третьего сынка, Ивана-царевича. Не найдете — все царство потопчу, пожару.

Царь еще пуще испугался, посылает за Федором-царевичем и Василием-царевичем, велит им найти брата, Ивана-царевича. Тут братья упали отцу в ноги и во всем повинились: как у сонного Ивана-царевича взяли живую воду и молодильные яблоки, а самого бросили в пропасть.

Услышал этот царь и залился слезами. А в ту пору Иван-царевич сам идет к Синеглазке, и с ним идет голь кабацкая. Они под ногами сукна рвут и в стороны мечут.

Подходит он к белополотняному шатру. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, к нам какой-то пьяница идет с голью кабацкой!

А Синеглазка им:

— Возьмите его за белые руки, ведите в шатер. Это ваш родной батюшка. Он безвинно три года страдал.

Тут Ивана-царевича взяли за белые руки, ввели в шатер. Синеглазка его умыла и причесала, одежду на нем сменила и спать уложила. А голи кабацкой по стаканчику поднесла, и они домой отправились.

На другой день Синеглазка и Иван-царевич приехали во дворец. Тут начался пир на весь мир — честным пирком да и за свадебку. Федору-царевичу и Василию-царевичу мало было чести, прогнали их со двора — ночевать где ночь, где две, а третью и ночевать негде...

Иван-царевич не остался здесь, а уехал с Синеглазкой в ее девичье царство.

Тут и сказке конец.

Борис Викторович Шергин

1896 — 1973

Борис Викторович Шергин — писатель, певец Севера, родился в городе Архангельске. Его произведения выделяются необычным по изобразительности языком, наличием метафор. «Шергинское слово, — писал Алексей Югов, — глубинно объемлет и грозные и светлые явления родной ему природы, ужасы и красоты необозримого ледового ада, бушующее Студеное море, ночное небо над ним, вдруг разверзаемое огненно-многоцветными завесами и столпами северного сияния». Сполохи играют, — говорят поморы. Следуя изначальному свойству народного языка, Шергин наделяет человеческими страстями, чувствами и устремлениями даже ветры и льдины. И это звучит у него в высшей степени убедительно, так что невольно веришь, что оно «так и есть». Любовью к северному краю, его людям, самобытному художественному творчеству поморов проникнуты произведения писателя «Моя юность», «Дедовы сказания», «Поморские старины», «Поморские сказки».

Из книги «Поморские сказки»

ДИВНЫЙ ГУДОЧЕК

У отца, у матери был сыночек Романушко и дочка, девка Восьмуха. Романушко — желанное дитяtko, его хоть в воду пошли. А у Восьмухи руки загребущие, глаза завидущие.

Пришло красное лето. Кругом деревни лежат белые оленьи мхи, роятся ягодки красные и синие. Стали брат с сестрой на мох ходить, ягодки брать.

Матка им говорит однажды:

— Тятенька из-за моря поясок привез атласный лазорева цвету. Кто сегодня больше ягод принесет, тому и пояс.

Пришли ребята на мох, берут ягоду-морошку. Брателко всё в коробок да в коробок, а сеструха всё в рот да в рот.

В полдни стало жарко, солнечно.

У Романушки ягод класть некуда, а у Восьмухи две морошины в коробу катаются и те мелки и зелены.

Она и сдумала думку и говорит:

— Братец, солнце уже на обеднике! Ляг ко мне на колени, я тебе головушку частым гребешком буду учёсывать.

Романушко привалился к сестре в колени. И только у него глазки сошлись, она нанесла ножа и ткнула ему в белое горлышко... И не пуховую постелю постилает, не атласным одеялом одевает: положила брателка в болотную жемь, укутала, укрыла белым мохом. Братневы ягодки себе высыпала. Домой пришла, ягоды явила:

— Без расклонки брала, выдать мне-ка атласный пояс!

— Романушко где-ка?

— Заблудился. Его лесной царь увел.

Люди в лес побежали, Романушку заискали, в колокол зазвонили... Романушко не услышал, на звон колокольный не вышел. Только стала над ним на болотце расти кудрявая рябина.

Ходят по Руси веселые люди — скоморохи, народ утешают песнями да гусями. Поводырь у скоморохов свет Вавило. И пришли они на белые олени мхи, где Романушко лежит. Видит Вавило рябинку, высек тесинку, сделал гудок¹ с погудалом². Не успел погудальце на гудок наложить, запел из гудочка голосок жалобно, печально:

Скоморохи, потихоньку,
Веселые, полегоньку!
Зла меня сестрица убила,
В белый мох положила
За ягодки за красны,
За поясок за атласный!

Продрожье взяло скоморохов:

— Эко диво, небывалое дело! Гудок человеческим языком выговаривает!

А Вавило-скоморох говорит:

— В этом гудке велика сила и угодье.

Вот идут скоморохи по дороге да в ту самую деревню, где Романушкин дом. Поколотились, ночь перележать попросились:

— Пусти, хозяин, веселых людей — скоморохов!

¹ Гудок-древнерусский музыкальный инструмент, похожий на виолончель.

² Погудало — смычок для игры на гудке.

— Скоморохи, здесь не до веселья! У нас сын потерялся!

Вавило говорит:

— На-ко ты, хозяин, на гудке сыграй. Не объявится ли тебе какого дива.

Не поспел отец погудальце на гудок наложить, запел из гудочка печальный Романушкин голосок:

Тятенька, потихоньку,
Миленький, полегоньку!
Зла меня сестрица убила,
В белые мхи положила
За ягодки за красны,
За поясок за атласный!

Мать-то услышала! Подкосились у нея с колен резвы ноженьки, подломилися с локот белы рученьки, перепало в груди ретиво сердце:

— Дайте мне! Дайте скорее!..

Не поспела мать погудальце на гудок наложить, запел гудок, завывоваривал:

Маменька, потихоньку,
Родненька, полегоньку!
Зла меня сестрица убила,
В белый меня мох положила
За ягодки за красны,
За поясок за атласный!

Пала мать на пол, клубышком закаталась... И почто с печали смерть не придет, с кручины душу не вынет!

Сошлась родня и вся порода, собрались порядовные соседи. Ставят перед народом девку Восьмуху и дают ей гудок:

— На-ко, ты играй!

Побелела Восьмуха, как куропать. Не успела погудальце на гудок наложить, и гудок поет грозно и жалобно:

Сестрица, потихоньку,
Родненька, полегоньку!
Ты меня убила,
В белые мхи схоронила
За ягодки за красны,
За поясок за атласный!

Восьмуха шибла погудальце об пол. Вавило подхватил да стегнул девку в пояс. Она перекинулась вороной, Села на подоконник, каркнула три раза и вылетела оконцем.

Скоморохи привели родителей и народ на болото. Вавило повелел снять мох под рябиной...

Мать видит Романушку, бьет ладонями свое лицо белое.

А Вавило говорит:

— Не плачьте! Ноне время веселью и час красоте!

Заиграл Вавило во гудочек, а во звончатый во переладец¹, и народ запел:

Грозная туча, накатися,
Светлы дожди, упадите!
Романушко, убудися,
На белый свет воротися!

И летает погудало по струнам, как синяя молния. Гремениул гром. Над белыми мхами развеличилось облако и упало светлым дождем на Романушку. И ожил дитя, разбудился, от мертвого сна прохватился. Из-под кустышка вставал серым заюшком, из-под белого мха горностаюшком. Людям на диво, отцу-матери на радость, веселым людям — скоморохам на славу.

СУДНОЕ ДЕЛО ЕРША С ЛЕЦОМ

Зачинается-починается сказка долгая, повесть добрая.

Ходило Ершишко, ходило хвастунишко с малыми ребятишками на худых санишках о трех копылишках² по быстрым рекам, по глубоким водам. Прожился Ерш, проскудался³. Ни постлать у Ерша, ни окутаться, и в рот положить нечего.

Приволокся Ерш во славное озеро Онего. Володеет озером рыба Лещ. Тут лещи — старожилы, тут Лещова вотчина и дедина со всем родом-племенем. Закланялось Ершишко рыбе Лещу. Ерш кланяться горазд: он челом бьет, затылком в пол колотит:

— Ой еси, сударь рыба Лещ! Пусти меня, странного человека⁴, на подворье ночь переночевать. За то тебя бог не оставит, родителям твоим царство небесное...

¹ *Переладец* — набор колокольчиков, аккомпанирующих гудку.

² *Копылишки, копыля* — брусья, которыми кузов саней крепится к полозьям.

³ *Проскудался* — обеднел, от слова «скудость».

⁴ *Странный человек* — странник, путник.

Пустил Лещ Ерша ночь обночевать.

А Ерш ночь ночевал, и две ночевал... Год жил, и два жил!.. И наплодилось в озере Онеге ершей втрое, впятеро против лещей. А рыба ерш ростом мала, да щетина у ей как рогадины. Почали ерши по озеру похаживати, почали лещей под ребра подкалывати. Три года лещи белого свету не видали, три года лещи чистой воды не пивали.

С этой напасти заводилась в озере Онеге бой-драка великая. Бились-дрались лещи с ершами от Петрова до Покрова¹. И по этой лещовой правде взяли лещи Ерша в полон, рот завязали, к судье привели.

Судья — рыба Сом с большим усом — сидит нога на ногу.

Говорит Лещ:

— Вот, господин судья... Жили мы, лещи, в озере Онежском, ниоткуда не избижены. Озеро Онего век было Лещова вотчина и дедина. Есть у меня на это письма, и грамоты, и судные записи. Откуль взялся в озере Онеге Ершишко Щетинников, не ждан, не зван? Лисий хвост подвесил, выпросился у меня в Онеге ночь перележать. И я за его сиротство, ради малых ребят на одну ночь пустил. А он, вор, ночь ночевал, и две ночевал. Год жил, и два жил... И теперь ершей в озере впятеро больше против нас, лещей. Да та худа рыба ерши ростом мала, а щетина у их, что лютые рогадины. И они по озеру нахвально похаживают, лещей под ребра подкалывают. Наши деушки-лещихи постатно себя ведут, постатно по улочке идут, а ерши наших девок худыми словами лают. С этой беды заводилась у нас с ершами драка немилостива, и по моей лещовой таланести взяли мы Ершишко Щетинникова в полон и к тебе привели: сидите вы, судьи, на кривде, судите по правде!

Говорит судья — рыба Сом:

— Каки у тя, Леща, есть свидетели, что озеро ваше, лещово?

Лещ говорит:

— Нас, лещей, каждый знает. Спроси рыбу Семгу да рыбу Сига. Живут в озере Ладожском.

Спрашивает судья Ерша:

— Ты, ответчик Ерш, шлётся ли на таких Лещовых свидетелей, Семгу да Сига?

¹ От Петрова до Покрова — от Петрова дня (29 июня) до Покрова (1 октября).

Ерш отвечает:

— Слатся нам, бедным людям, на таковых самосильных людей, Семгу и Сига, не мочно. Рыба Семга да рыба Сиг люди богатые. Вместе с леццами пьют и едят. И хотят они нас, малых людей, изгубить.

Судья говорит:

— Слышишь, истец Лец. Ерш отвод делает... Еще какие у тебя есть свидетели-посредственники?

Лец говорит:

— Еще знают мою правду честна вдова Щука да батюшко Налим. Живут в Неве-реке, под городом Питером.

Спрашивает судья Сом:

— Честна вдова Щука да батюшко Налим тебе, Ершу, годны ли в свидетели?

Ерш в уме водит: «Рыба Налим — у его глаза малы, губища толсты, брюхо большо — ходить тяжело, грамотой не доволен. Он не пойдет на суд. А Щука — она пестра, грамотой востра, вся в меня, в Ерша. Она меня не выдаст».

И Ерш говорит:

— Честна вдова Щука да батюшко Налим — то общая правда, на тех шлюся.

Посылает судья — рыба Сом — Ельца-стрельца, пристава Карася, понятого Судака по честну вдову Щуку, по батюшку Налима.

Побежали Елец-стрелец, пристав Карась, понятой Судак из Онега-озера на Ладогу, с Ладоги на матушку Неву-реку. Стали щупать, нашли Щуку. Учали батюшку Налима искать. День искали и два искали, не пили не ели и спать не валились. На третьи сутки — день к вечеру, солнце к западу — увидали под островом Васильевским колодину. Колодину отворотили — под колодиной батюшко Налим сидит.

Елец-стрелец, пристав Карась, понятой Судак челом ударили:

— Здравствуешь, сударь-батюшко Налим! Зовет тебя судья — рыба Сом с большим усом — во славное озеро Онего во свидетели.

— О-о, ребята! Я человек старой, у меня брюхо большо, мне идтить тяжело, язык толстой, непромятой, глаза малы — далеко не вижу, перед судьями не стаивал, у меня речь не умильна... Нате вам по гривенке. Не иду на суд!

Привели на суд Щуку.

Суд завелся.

Вот судья — рыба Сом — сгремел на Ерша:

— Сказывай, ответчик Ерш, каки у тя на Онежское озеро есть письма и крепости, памяти и грамоты?

И Ерш ответ держит:

— У моего-то папеньки была в озере Онежском избишка, в избишке были сенишки, в сенишках была клетка, а в клетке сундучишко под замчишком. В этом сундучишке под замчишком были у меня, доброго человека, книги, и грамоты, и судные записи, что озеро Онего — наша, ершова вотчина. А когда, грех наших ради, наше славное Онего горело, тогда и тятенькина избишка, и сенишки, и клетка, и сундучишко под замчишком, и книги, и грамоты, и судные записи — все сгорело, ничего вытащить не могли.

В те поры Леща, и Щуку, и всех добрых людей, которые рыбы из озера Онега, горе взяло:

— Врешь ты, страхиля! Нища ты коробка, кисла ты шерсть! Наше славное озеро Онего на веку не гарывало, а у тебя, у бродяги, там избы не бывало!

А Ерша стыд не ймет. Он заржал не по-хорошему да опять свое звонит:

— Был у моего тятеньки дворец на семи верстах, на семи столбах. На полатях бобры, под полатями ковры — и то все пригорело... А нас, ершей, знают в Питере, и в Москве, и в Соломбальской слободе, и покупают нас, ершей, дорогою ценою. И варят нас с перцем и с шафраном, и великие господа, с похмелья кушавши, поздравляют...

И честна вдова Щука не стерпела:

— Нищая ты копейка! На овчине сидишь, про соболи сказываешь! Тридцать ты лет под порогом стоял, куски просил. А кто тебя, Ерша, знает да ведает, тот без хлеба обедает. Останется у голи кабацкой от пропою копейка, дак на эту копейку вас, ершей, сотню купят. А и уху сварят — не столько наедят, сколько расплюют.

И Ерш к Щуке подскочил и ей плюху дал:

— Вот тебе раз! Другой бабушка даст!

И Щука запастила во весь двор:

— Караул, убивают! А озеро Онего век было лещово, а не ершово! Лещово, а не ершово!

Судья возгласил:

— Быть по сему! Получай, Ерш, приказ от суда: уваливай из озера Онега.

Ерш на ответ:

— На ваши суды плюю и сморкаю!

И Ерш хвостом вернул, головой тряхнул, плюнул в глаза всей честной братии, только его и видели.

Пошел Ершишко, пошел хвастунишко на худых санишках о трех копылишках с малыми ребятишками по быстрому рекам, по глубоким водам. По пути у Леща в дому все оконцы выхвостал...

Из Онега-озера Ерш на Бело-озеро, с Бела-озера в Волгу-реку.

Река Волга широка и долга.

Стоит в Волге-реке Осетёр. Тут Осетрова вотчина и дедина.

Закланялось Ершишко рыбе Осетру, челом бьет, за-тылком в пол колотит:

— Ой еси, рыба Осетёр! Пусти меня в Волге-реке одну ночь перележать. За то тебя Бог не оставит. Родителям вашим царство небесное...

А рыба Осетёр хитра и мудра. Она знает Ерша.

— Не пушу!

Ерш на него с кулаками. Ерша схватили, с крыльца спустили.

Ерш придумывает: «Рыба Осетёр хитра-мудра, а если будет вода мутна, Осетёр в гости пойдет и невода не минует».

Начал Ерш Волгу-матушку со дна воротить, с берегов рыть. Волга-река замутилась, со желтым песком смешалась.

Стали люди поговаривать:

— О, сколько рыбы поднялось! Воду замутили...

Люди невод сшили, стали рыбу промышлять. А рыба Осетёр хитра-мудра: видит, вода мутна — и она дома сидит, в гости не ходит.

Это Ершу хуже ножа. Он мимо Осетровых хором свищет, рад оконцы выстегать.

— Эй ты, Осетрина, старая корзина! Отпирай окна и двери, будем драться четыре недели. И я тебе голову оторву. Схожу сейчас пообедаю и приду тебя, Осетра, убивать.

Пошел Ершишко обедать да и попал в невод. Из невода в медный котел. Уху из Ерша сварили, хлебать стали. Не столько съели, сколько расплевали. А хоть рыба костлива, да уха хороша...

Сказка вся, больше врать нельзя.

ДОХОД НЕ ЖИВЕТ БЕЗ ХЛОПОТ

Вот отец пристарел. Братья волю взяли, дом на себя и скот на себя отобрали. Отцу говорят:

— При твоём худом здоровье первое дело — свежий воздух. Ты теперь ночуй в сарае, а день гуляй по миру. Под одним окошечком выпросишь, под другим съешь.

А Шишу дали коровку ростом с кошку, удоя с ложку:

— Вот это тебе, братец, наделок. И вообще — люби нас, ходи мимо.

Отец сидит на крыльце, не смеет в избу зайти. У Шиша в сердце как нож повернулся. Он отца в охапку:

— Тятенька, давай заодно жить! Есть — пополам, и нет — пополам. А братцам дорогим я отсмею насмешку, припасу потешку!.. Тятенька, ты меня дожидайся, а я пойду эту коровенку продавать.

Шиш лесом идет, а дело к вечеру. И гроза собралась, близко громыхнуло. На ночь мокнуть неохота, Шиш и сунулся в боковую тропиночку, в десь, где бы лесину, ель погуще найти. Он в лесу не боится. Шагов сотню ступил — в ельнике дом стоит. Еле доколотился.

Старуха открыла:

— О, куда ты, парень, попал! Уваливай, пока жив.

— Бабинька, пусти, где коровке хоть перестоять грозу.

— Дитятко, уходи: разбоем хозяева-то живут.

А к воротам еще двое бегут. Шиш сразу узнал — два богатея из соседнего села. Кричат:

— Эй, бабка, где тут дождь переждать?

Что будешь делать! Старуха и спрятала всех в подполье:

— Только уж чтобы не кашлянуть, ни дохнуть, ни слова не сказать, как хозяева придут. Убьют и меня с вами.

Под полом Шиш их спрашивает, будто не знает:

— Вы чьи? Куда?

Те не смотрят на него:

— Со всяким сбродом не разговариваем!

Тут над головами затопали, заходили... Разбойники приехали.

Там у них питье пошло, еда. Напились пьяны, песню запели: «Не шуми, мати-дубравушка...»

Тут Шиша как шилом подняло.

— Ах, люблю! Даже до слез! Запою и я с ними...

Купцы его в охапку:

— С ума тебя скинуло, собаку!

— Заткни глотку! Убьют!

— Ох, не осудите меня! Я певец природный. Запою!..

— Молодой человек, не сгубите! Возьмите деньгами!

По десятке дадим!

— А уж по сотне не дадите?

— Подавись сиротским! На!

Шиш деньги убрал в карман, сел в уголок, будто спит.

Не успели купцы кисеты завязать, наверху плясовую грянули — «барыню».

Ух, барыня не могу!

Комар ступил на ногу...

Шиш к купцам:

— Рабы божьи, теперь не вытерплю! Я на то родился, чтобы плясать. Ух!..

Ходи, хата, ходи, хата!

Ходи, курица хохлата!..

Купцы у него на ногах повисли:

— Возьми что хошь, пожалей не нас — сироток наших! Благодетель, не погуби!

— Так уж, чтоб вам не обидно, еще по сотне с человека.

Вот у Шиша четыреста рублей, да всё золотыми.

А наверху-то и учуяли, что под полом неладно. Дрогнули разбойники:

— О, согрешили, грешники! Бесы в доме завелись! Не будет боле удачи...

Старуха слышит — на ней каждый трепок трясется:

— Я, хозяйева, бесов-то выживать туда человека запустила...

— Какой человек?

Шиш это услышал, он всех смелее, и лезет из подполья.

Разбойники к нему:

— Ну что? Благополучно ли? Всех ли бесов-то выжил?

Шиш и смекнул:

— Пятерых выжил, двое остались больших. Те там подпольем ушли, этих надо избой выпускать...

— Молодец, выведи эту напасть! Отблагодарим тебя.

— Не стоит благодарности. Давайте кудели да огонька. Сами зайдите за печь, чтобы, как полетят, вас не задело.

Сам Шиш спустился под пол.

— Ну, купцы, я с вас взял по два ста, а разбойники вас найдут и душу вынут. А за ваши деньги я вас отблагодарю.

Вот Шиш обоих купцов куделей замотал по одежде:

— Как я вас подожду, вы и летите избой да на улицу.

Чиркнул спичкой, вспыхнула куделя. Взвились купцы по лесенке, да в избу, да в сени, да на улицу. А там после грозы лужа. Они в эту лужу. Даже одежда не затлела. Да скорее в лес, да домой.

А разбойники не скоро в себя пришли:

— О, молодой человек! И не видали мы на веку такого страху...

— О, коль страшно у бесов огненно-то видение! О, погубили мы свои душеньки, уготовали себе вечный огонь!..

— Руку даю, что эти черти боле к вам не прилетят, не досадят.

— Тебя как благодарить-то?

— Да вот строиться собрался...

— Держи сотенную. За такую услугу сто рублей — плевое дело.

А коровку Шиш старухе ихней подарил.

Шиш домой пришел. Деньги на стол, считать начал. Сбился, опять снова. Братья около, рот раскрыли, стоят...

— Шиш, откуда таково богатство?

— А прихожу на рынок, а у меня коровенку из рук рвут. Пять сот за шкуренку дали.

Братья в хлев. От жадности трясутся. Коров колют и шкуры с них дерут. Запрягли пару коней да в город с кожами. Стояли-стояли в кожевенном ряду... Кто-то подошел:

— Почему шкура?

— Сто... нет, триста... пятьсот рублей!

Покупатель глаза выпучил да бегом от них.

Народ собрался, пальцами кажут:

— Глядите-ко, безумные приехали. За коровью шкуру сотни просят...

Вернулись братья домой да на Шиша с кулаками.

— Обманыва-а-ать?!

— Да что с вами? Что?

— Да ведь нас весь рынок дураками почтил!

— Да вы в каком ряду стояли?

— Как в каком? В кожевенном!

— А я в галантерейном.

Братья на другой день в галантерейном стояли. Публика ходит чистая. Барыни братьев ругают, городовые их гонят.

Один кто-то спросил опять:

— Да почему шкура-то?

— А вот третьего дня за маленькую шкуренку пятьсот давали, дак уж у нас неужели дешевле!

Тут уж их в шею натолкали. До самой заставы с присвистом гнали. Кричат мальчишки:

— Самашечких везут! Самашечких везут!

Прикатили братья домой, кони в мыле.

— Подать сюда злодея, всегубителя, разорителя!..

Не успел Шиш увернуться. Бочка во дворе стояла. Шиша в нее заколотили, да с берега в реку и ухнули. Пронесло бочку с версту, да к берегу и прикачало.

Шиш и слышит, что по берегу кто-то с колокольчиком едет. Шиш и заревел:

— О-о-о! Ни читать, ни писать, ни слова сказать, а в начальники ставят!

А с колокольцем-то ехал становой¹ с бедной деревни подати выколачивать. Он с тройки да под угор:

— Я знаю читать, и писать, и слово сказать! Я в начальники годен. Кто здесь?

— Я! В бочке сижу.

Становой дно выбил. Шиш вылез.

— В начальники силом ставят, а я бы другому уступил.

— Возьми отступного. Я в начальники горазд.

— А давай меняться. Вы в бочку залезете — в начальники вас направят на мою должность, а я ваших лошадок с кибиточкой — себе.

— Согласен. Хлебна ли должность та?

— Обзолотиться можно.

— Заколачивай скорее. Жив-во!

Забил днище Шиш да как пнет бочку ту! Ух, она в воду полетела, поплыла...

А Шиш домой на тройке подкатил.

Братья под кровати лезут:

— У-у, утопленничек, не ешь нас!

— Что вы, дикие! Смотрите-ко, мне там каких лошадок выдали!

---

¹ Становой пристав — полицейский чиновник.

— Где выдали-то?
— Куда меня спихнули, там.
Братья коней гладят. От зависти руки трясутся.
— Шишанушка! У нас вон бочка порожняя...
— Ну, порожняя, вижу.
— Мы бы в бочку ту... да в речку ту... Не откажись.
Тоже хоть по конику бы!
— Дак что ж, можно. Неужели для братьев единоутробных пожалею?
О, сколь тяжело было бочку ту катить! А те там сидят — торопят:
— Кати круче! Всех хороших-то упустим.
Опять с горы как дунет их Шиш...
Поехали братаны вниз по матушке по Волге, по широкому раздолью. Выплеснуло их в Нижнем, у ярмарки. Лавку там себе поставили. В домашнюю сторону и смотреть перестали.
А Шиш с отцом зажил. Он до отца хороший стал, ласковый. Отец его залюбил.

ШИШ И ТРАКТИРЩИЦА

По свету гуляючи, забрел Шиш в трактир пообедать, а трактирщица такая вредная была — видит, человек бедно одет, и отказала:

— Ничего нет, не готовлено. Один хлеб да вода.

Шиш тому рад:

— Ну, хлебца подайте с водичкой.

Сидит Шиш, корочку в воде помакивает да посасывает. А у хозяйки в печи на сковороде гусь был жареный. И сдумала толстуха посмеяться над голодным прохожим.

— Ты, — говорит, — молодой человек, везде, чай, бывал, много народу видал, не захаживал ли ты в Печной уезд, в село Сковородкино, не знавал ли господина Гусева-Жареного?

Шиш смекнул, в чем дело, и говорит:

— Вот доем корочку, тотчас вспомню.

В это время кто-то на хорошем коне приворотил к трактиру.

Хозяйка выскочила на крыльцо, а Шиш к печке. Открыл заслонку, сдернул гуся со сковороды, спрятал его в свою сумку, сунул на сковородку лапоть и ждет...

Хозяйка заходит в избу с проезжающим и снова трунит над Шишом:

— Ну что, рыжий, знавал Гусева-Жареного?

Шиш отвечает:

— Знавал, хозяйюшка. Только он теперь не в Печном уезде, село Сквородкино, живет, а в Сумкино-Заплетное переехал.

Вскинул Шиш сумку за плечо и убежал с гусем.

Трактирщица говорит гостю:

— Вот дурак мужик! Я ему про гуся загадала, а он ничего-то не понял... Проходите, сударь, за стол. Для благородного господина у меня жаркое найдется.

Полезла в печь, а на сквороде-то лапоть!

ШИШ ПОКАЗЫВАЕТ БАРИНУ НУЖДУ

Зима была лютая. Выскочил Шиш однажды на улицу, выдернул жердь из огорода и стал рубить. А мимо проезжают барин с барыней на тройке:

— Эй, мужик! Зачем забор на дрова рубишь?

— Не я рублю — нужда рубит!

— Что значит нужда?

— Неужто нужды не видали?

— А она что, где?

— Где? В чистом поле, под горкой.

— Мы желаем посмотреть. Проводи нас туда заместо прогулки.

Люди бы за ум, а Шиш за дело.

Уселся в господские сани и поехал в чисто поле.

Ехал, ехал, дале надоело.

Остановил коней:

— Дальше конями не проедешь. Ежели угодно, полем пройдитесь пешком. Нужда — она вон где: вправо, четверта горочка слева, куда галка полетела...

Господа из саней вылезают:

— Эй, мужик! Мы прогуляемся туда, а ты покарауль тройку.

— Пожалста.

Вот и полезли барин с барыней по снегу. К горке подойдут, другú завидят, эту осмотрят, вдали четверта блазнит. А нужды этой кабыть не сидит нигде...

Ну, они бродят, а Шиш свое дело правит. Тройку выпряг, на коренника сел да с конями в свою деревню усакал. Сани в поле на дороге покинул.

А барин с барыней бродят по колено в снегу да по пояс ныряют. Умаялись, упы́хались. К вечеру еле-еле по старым своим следам на доро́гу к саням выгреблись.

Сани-то на месте, а лошадей нет.

И поругались, и поплакали... Вот где нужда-та!

Барин говорит:

— Придется вот что: ты за одну оглоблю возьмишь, я за другую. Так и повезем сани!

Барыня не слушает:

— Ни за какую оглоблю я братья не намерена! Хочешь, так впрягайся, а я, в крайнем случае, сбоку, впристяжку.

Делать нечего, впрягся барин в корень, а барыня впристяжку. Поволокли сани. Подвезут да отдохнут, подъедут да посидят.

Заблудилися в великих снегах.

Очень хорошо они теперь нужду узнали!

РИФМЫ

Шиш по своим делам в город пошел. Дело было летом, жарко. Впереди едет дядька на лошади. Шиш устал, ему хочется на лошадке подъехать. Он и кричит этому дядьке:

— Здравствуйте, Какой-то Какойтович!

Дядька не расслышал, как его назвали, только понял, что по имени и отчеству. Он и кричит Шишу:

— Здравствуйте, молодой человек!

А Шиш опять:

— Как супруга ваша поживает, как деточки?

Дядька говорит:

— Благодарим вас, хорошо живут. А если вы знакомый, так присаживайтесь на телегу, подвезу вас.

Шишу то и надо, сел рядом с дядькой. А Шиш молча сидеть не может. Он только тогда молчит, когда спит.

Он говорит:

— Дяденька, давайте играть в рифмы.

— Это что такое — рифмы?

— А давайте так говорить, чтоб складно было.

— Давай.

— Вот, дяденька, как твоего папашу звали?

— Моего папашу звали Кузьма.

Шиш говорит:

Я твоего Кузьму
За бороду возьму!

Дядька говорит:

— Это зачем же ты моего папашу за бороду брать будешь?

Шиш говорит:

— Это, дяденька, для рифмы. Ты скажи, как твоего дедушку звали.

— Моего дедушку звали Иван.

Шиш говорит:

Твой дедушка Иван
Посадил кошку в карман.
Кошка плачет и рыдает,
Твоо дедушку ругает.

Дядька разгорячился:

— Это зачем мой дедушка будет кошку в карман сажать? Ты зачем такие пустяки прибираешь?

— Это, дяденька, для рифмы.

— Я вот тебе скажу рифму: тебя как зовут?

— Меня зовут... Федя.

Дядька говорит:

Если ты Федя,
То поймай в лесу медведя,
На медведе поезжай,
А с моей лошади слезай!

— Дяденька, я пошутил. Меня зовут не Федя, а Степан.

Дядька говорит:

Если ты Степан,
Садись на аэроплан.
На аэроплане и летай,
А с моей лошади слезай!

— Дяденька, это я пошутил. Меня зовут не Степан, а... Силантий.

Дядька говорит:

Если ты Силантий,
То с моей лошади слезантий!

— Что ты, дяденька, такого и слова нет — «слезантий».

— Хотя и нет, все равно слезай!

Шишу и пришлось слезть с телеги. Так ему и надо. Если тебя добрый человек везет на лошадке, ты сиди молча, а не придумывай всяких пустяков.

Андрей Платонович Платонов

1899 — 1951

Фольклор для А. П. Платонова никогда не был детским чтением. «Он читал те же народные сказки как реалист, ученый, с глубоким знанием исторической и духовной работы прошлых поколений, стоящей за каждым персонажем или сюжетным поворотом небылицы. В фольклоре писателя привлекала способность народа не задерживаться на своем бедственном положении и самым коротким путем выходить на будущее, на идеал... Как правило, сказка не терпит ни малейшего отклонения от добра и правды» (В. Васильев).

Платонов пересказал несколько сюжетов из свода А. Н. Афанасьева. Из шестисот текстов писатель остановился едва ли не на самых лучших, самых популярных, то есть пошел путем наибольшего сопротивления, отважившись на соперничество с лучшими образцами народной поэзии.

ИВАН-ЧУДО

В старину было дело: и тогда жили люди. Жили крестьянин с женой; жили они по-доброму, жена от мужа обиды не знала, и сыты были, хоть и не вдосталь: трудно земля рожала хлеб. Сторона их была дальняя, лесная, люди там жили смиренно.

Всем жили ладно муж с женой и прожили лет пять без малого, да не было у них детей, а без детей жить нельзя, без детей совестно.

Стал муж сердчать на жену, а жена плакать; уйдет она, бывало, в овин, чтобы не видели ее, и плачет там одна: поплачет, никому ничего не скажет и перед мужем молчит. И чего ей мужу сказать? Нечего: бездетная жена и с мужем сирота.

А на шестой год жена забеременела и понесла ребенка. Тут муж совсем рассерчал: не от меня, дескать, этот ребенок будет, а гляди-ко, от другого кого, ступай, говорит, чтобы глаза мои тебя век не видали!

А куда бабе деваться? К отцу, к матери нельзя было: в старину и мать с отцом не примут замужнюю дочь, а велят ей к мужу воротиться и слушаться его.

Надумала жена: «Пойду, куда глаза глядят, зайду в

темные леса, встречу там лютого зверя, а зверь съест меня!» Попла она в темные леса, идет, голодная, простоволосая, идет и думает: «И жить-то я путем не пожила, а ведь я еще молодая, и первенца во чреве на смерть несу!»

Идет она далее в черные неохватные леса, ест помалости, что на полянках растет — ягоду, травку, коренья.

Приходит ей последнее время, рожать надо. Собрала она бересты да веточек всяких, устроила себе шалаш и там родила.

Родился у матери сын, назвала она его, как отца ее звали, Иваном. Завернула она сына в подол, отогрела его и к груди поднесла. Поел Иван материнского молока, поспал и опять к груди потянулся. Дала ему мать свою грудь. Иван опорожнил ее и к другой потянулся.

Проходит день и два. Мать смотрит, а сын ее Иван, как тесто на опаре, растет. На третий день Иван уж стал разговаривать с матерью; на четвертый — мать сама рассказала ему, как люди на свете живут да как она жила-была. Матери-то грустно было в лесу, а сын у нее, видит она, и не живя веку, понятливый родился. Живут они в лесу и беседуют как равные. Глядь, а сын-то Иван уже не ровня матери стал: больше нее вырос. А времени прошло мало: одна неделя, либо всего две, как Иван родился на свет.

Поднялся Иван с земли, потянулся, посмотрел в лес, видит — бежит серый волк. Иван вышел навстречу волку, схватил его за холку, прижал к земле и вдавил в нее: волк тут же, как был, сразу околел.

Мать видела, что сделал Иван.

«Понятливый сын у меня, — думает, — да сильный еще! А добрый ли он, уж узнаю после!»

Ободрала мать шкуру с волка и постелила ее в шалаше, а Иван вынес волчье мясо и бросил его недалеко.

Вот приходят два медведя, потянули мясо — один к себе, другой к себе, и подрались.

Увидела мать медведей, страшно ей стало:

— Съедят нас медведи, сынок.

— Не тронут. Я им разделю мясо-то, они смиренные будут.

Вышел Иван, разорвал говядину пополам, бросил ее медведям — каждому поровну — и пошел к матери. Медведи увидели, как Иван волчье мясо разорвал, только кости полетели прочь, и робели: как бы, дескать, Иван

их тоже пополам не разорвал, и попили медведи в лес, не поевши волчьего мяса.

Стал Иван дальше ходить. Ему нужно было ягоды собирать и копать сладкие корни, чтобы мать свою кормить. А еще он желал оглядеть землю, где он на свет родился, что на ней было: ведь он, кроме родной матери да темного леса, ничего и не видел. А мать говорила Ивану, что не все лес, есть и чистое поле.

Пошел Иван искать чистое поле. Увидел он тропинку. «Пойду, — думает, — по топтаному месту, никогда не ходил». Прошел он малость, вдруг слышит стук, топот, листва на деревьях вздрагивает. Остановился Иван, не знает, что думать.

Бегут мимо него дикие кони на водопой. А Иван коней сроду не видел; кто они такие — не знает. Схватил Иван одного коня за гриву, чтоб он остановился и разглядеть его можно было. Конь рванулся было вперед, руку бы мог вырвать у человека из плеча, да Иван крепок был родом: как дернул, как тряхнул коня за гриву, конь на ноги припал перед ним, а потом поглядел одним глазом на Ивана и встал как вкопанный.

Подошел Иван к матери; сам пешим идет, а коня за гриву возле себя держит.

Мать увидела сына и говорит ему:

— Чего ты водишь коня, на нем ездить можно!

Сказала мать сыну, как верхом ездить нужно. Иван вскочил на коня, крикнул ему в ухо, конь испугался его голоса и помчался, только деревья навстречу дрожат, а кусты из-под копыт прочь отлетают.

Выехал Иван в чистое поле: в поле светло, небо над ним просторно стоит, не то что в лесу: глядит Иван и радуется. А конь под ним все далее мчится. Смотрит Иван — незнакомые люди ходят, а возле них шалаши на земле стоят, покрытые желтой травой: Иван-то не видел прежде, кроме себя да матери, ни людей, ни деревни с избами, крытыми соломой.

Крикнул Иван коню в ухо:

— Окоротись!

Конь тут же встал от испуга.

Иван велел коню ожидать его, а сам пошел по деревне; хотелось ему поглядеть на свет и на людей, и на то, чего никогда не видел.

И видит Иван — малые дети ходят по деревенской

улице, а сам-то он тоже был малым ребенком, хоть и большой ростом и силой.

Пришел он на улицу, стал посреди малых детей и начал забавляться. Поднял он одного ребенка, повернул рукой голову к себе, хотел его приголубить, либо так что по-детски сказать ему, глядит — а у того голова упала на землю.

«Что такое? — думает Иван. — Голова, что ль, у него неприросшая была? Ишь ты, и отлетела!»

Взял он за руки другого мальчика, вроде бы сверстника себе, у того рука отвалилась. Жалко стало Ивану малых детей. Поднял он голову с земли, приставил ее безголовому, вжал в шею, голова и приросла, как была прежде. А безрукому вправил руку, откуда она росла, и рука прижилась.

Сел Иван на своего коня и помчался вскачь. Конь бежит — под ним земля дрожит: у кого кривые избы — падают, у кого худые печи — разваливаются.

Видит Иван, не к добру так ехать. Крикнул он в ухо коню:

— Ах ты, волчий корм, травяной мешок: не стучи по земле, лети по ней!

Еще шибче помчался конь, травы под собой не тревожит.

Выехал Иван далеко. Смотрит вокруг — всюду чистое поле и небо касается края земли. А на краю земли стоит одна избушка. Поехал Иван к избушке. Окоротил он коня и вошел в ту избу. Видит, на столе еда собрана и винное питье стоит. Испытал Иван еду — понравилась ему; и соленая еда была, и сладкая, всякая была. Хлебнул он вина — не понравилось, во рту горько. Увидел Иван гладкую тростинку, она в углу была. Взял Иван тростинку в руку: крепка ли, думает, может, мне годится! Стукнул он тростинкой о половицу. Выскочил тут из-под пола некто Яшка-Красная рубашка.

— Чего делать прикажешь?

Иван ему в ответ:

— А ты чего умеешь? Покажи мне все, что есть на свете.

Открыл ему Яшка-Красная рубашка вид: все, что есть на свете; а сам спрятался, откуда явился.

Стукнул опять Иван тростинкой в половицу, выскочил тут же Яшка-Красная рубашка.

— Чего прикажешь?

— Я нагяделся. Закрой вид. Пускай матери останет-ся, чего глядеть.

Ничего не стало. «Поеду, — думает Иван, — мать сюда приведу, в поле жить светлее».

Только он на порог, навстречу ему богатырь — здешней избы житель.

— Ты кто? — спрашивает. — Чего в избе без хозяев гостишь? Откуда невежа такой?

— Я невежей не был, — отвечает Иван, — а я у родной матери сын!

Рассерчал богатырь: хватъ Ивана кулаком.

— Эх! — сказал Иван. — Не ты меня на свет родил, не тебе меня со света сживать!

Схватил он богатыря поперек, взмахнул им и забросил его далеко от себя, в чистое поле. Богатырь ударился сразу о землю и помер.

Пошел Иван к своему коню. Глядит — навстречу ему другой богатырь — брат прежнего, а силой еще злее первого.

— Ты чего незванным явился? Ишь, невежа неумытый!

Бросился было богатырь на Ивана, а Иван взял его да тут же об землю — из богатыря и дух вон, только пар пошел вверх. Тогда схватил Иван пар, а в руке — ничего. Жалко стало Ивану, что негу ничего от человека. Что делать теперь? Пусть будет еще — что случится, ему ничего не страшно. «Однако, — думает Иван, — как сделать, чтобы не вредить человеку до смерти, а научить его еще прежде: пусть жив будет и знает».

Тут приехал еще богатырь, брат тех, кто были.

— Это что за невежа?

— Я невежей не был, я Иван, у родной матери сын!

Схватил его хозяин-богатырь, чтобы убить, а Иван его взял на ответ в охапку и думает — что делать с ним: глядь — на стене сума большая висит. Иван засунул богатыря в ту суму, смял его, чтобы ладнее богатырь в суму вошел, а суму на стену, на дубовый сучок повесил, — пусть висит там богатырь, согнутый в три погибели.

Повесил Иван суму, закрыл ее на запор железный, а ключ в окошко кинул.

Вышел Иван наружу, видит, никого больше нету. Сел на коня и поехал домой.

Мать увидела Ивана и сперва не узнала его, хоть и мало времени прошло, как он уехал. Да и мудро было

узнать Ивана: от борьбы с богатырями еще более возмужал он силой, а на лицо его легло раздумье.

Сказал Иван матери:

— Поедем, матушка, со мною. Я жизнь вам хорошую нашел.

Поехали они в избу, где богатыри жили. Иван на коне едет, а мать на руках держит, чтобы она не утомилась в дороге. Подъезжают они: мать видит — изба хорошая стоит: у разбойников избы хорошие.

Оставил Иван коня и повел матушку в избу. Вот вошли они в горницу, Иван стукнул об пол тростью, что и прежде была. Выскочил тут немедля Яшка-Красная рубашка: чего, дескать, прикажете?

Иван велит ему:

— Покажи все, как мне показывал.

Показывает им Яшка все, что есть на свете, что видимо и невидимо. Мать глядит, дивится и радуется. А когда нагляделась, Иван велит опять Яшке:

— Собери на стол угощение.

Собрал Яшка угощение, поставил хлеб-соль, яства и вино, а сам пропал, пока снова не позовут: видно, он богатырями к покорности приучен и смиренный был.

Мать Ивана откушала пищи, запила ее вином, сама веселая стала и плясать пошла. Иван глядит на мать и радуется, что мать молодая у него и сердце у нее счастливое.

— Тут, мама, вам жить веселее будет.

— Кто знает, сынок, неведомо еще, где лучше. Боюсь, разбойники здесь.

— И то правда, — говорит Иван. — А я поеду, гляну — нет ли кого.

Осталась мать одна; ходит по избе и осматривает по-хозяйски, где что положено, сколько добра припасено. А изба просторная: две горницы, кухня и закутки есть. Видит мать, на стене сума большая висит: не добро ли в ней какое? Потрогала она суму, сума на железный запор закрыта, и в скважине ключа нету. Вспомнила она про Яшку-Красную рубашку, взяла трость и постучала о половицу.

Явился Яшка:

— Чего прикажешь?

— Отыщи ключ.

— Я сейчас!

Отыскал Яшка ключ и скрылся. А мать Ивана ото-

мкнула железный запор, глядит — подымается из сумы человек, расправляет плечи, потягивается, собою видный и здоровый, на лицо белый. Не видала еще мать такого, в деревне мужики худые жили, их земля работой ела, а жизнь — заботой. «Вот он, богатырь-то, какой бывает! — подумала Иванова мать. — Небось у него хозяйка есть, а я-то как гостья буду!»

А богатырь как вышел из сумы, так за стол и доел, что на столе осталось: оголодал в пустой суме-то. Поел богатырь, щеки у него порозовели со лба пот пошел.

— Наелся аль еще будешь? — спросила у богатыря Иванова мать.

— Еще, — говорит богатырь, — кликни Яшку-то.

Постучала мать тростью: явился Яшка, принес пищу, питье и яства, — и еще дважды ходил еды добавлял.

— Сыт, что ли? — спросила мать у богатыря.

А сама глядит на богатыря, любитесь им, и тронулось ее сердце к нему, полюбила она его.

— А что, — говорит богатырь, — изба у меня большая, добра много, а хозяйки нету.

— А у тебя Яшка есть, — говорит мать, — он тебе и стряпает и по дому угождает.

— Яшка слугою служит, — богатырь говорит, — да у него души нету, он всякому годится. А живи-ка ты, право слово, хозяйкой у меня!

— Я бы стала хозяйкой твоею, — отвечает мать богатырю, — да сын у меня есть, его надо спроситься. Уж коли он не захочет тебя в отчимы, так ты с ним не совладаешь, он тебя одолеет.

— А сына твоего мы со света сживем, — сказал богатырь.

Испугалась мать; стала она слушать, что ей сердце скажет и что совесть. Молчит ее совесть, зато сердце говорит, а сердце богатыря любит.

Спрашивает мать:

— А как ты Ивана со света сживешь?

— Я тебя научу, — богатырь говорит.

Научил он мать Ивана, что сыну надо сказать, а сам опять в суму залез и спрятался.

Приезжает Иван: видит — матушка его хворая лежит.

— Аль недужится, матушка?

— Недужится, сынок. Вот есть, давно мне люди сказывали, лес темный, да отсюда он далече, туда только пешему дорога, а конному езды нету. В лесу том волчи-

ца-богатырь с волчатами живет. Вот если бы молока из груди той волчицы мне принес, я бы испила его и здоровой стала!

Иван послушал мать и ответил ей:

— Для вас, матушка, я и с того света, чего надобно, достану.

Отпустил Иван своего коня в чистое поле; пусть-де он на воле живет и досыта ест, не все ему подо мной скакать, а сам пошел пешим в темный лес.

«Вот, — думает богатырь в суме, — разорвет волчица Ивана, она человека одним духом за версту сшибает, не станет тогда никого на свете сильнее меня!»

Вылез богатырь из сумы.

— Кликни Яшку-то, — говорит он своей хозяйке, матери Ивана. — Да потчевай меня!

А Иван идет по темному лесу: видит он — лежит под деревом волчица-богатырка и дремлет, а четверо волчат припали к ней и грудь ее сосут.

Открыла волчица глаза и глядит на Ивана.

Подошел к ней Иван, сел возле и говорит:

— Дай мне твоего молока, а не дашь, я сам из груди твоей надою. Матушка у меня захворала, рассказывает, молоко ей твоим надо лечиться.

Подумала волчица: кроме комара да птички лесной, никто к ней не приближался в лесу, а этот близко явился. Хотела было волчица подняться и растерзать человека, да детей жалко тревожить: пусть сосут.

— А во что тебе молока надоить? — спрашивает волчица.

Подумал Иван: не во что.

— А пусть, — говорит, — волчонок твой в пасть молока наберет, да бежит следом за мной. Привстала тут мать-волчиха.

— Чай, он детеныш мой. Тебе жалко мать, а мне сына. Не пущу его с тобой!

Встал Иван в рост, вырвал прочь с корнем старый дуб и отбросил его далеко.

— А я тебе детеныша назад ворочу, — говорит, — я его не обижу.

Видит волчица — не сладить ей силой с Иваном.

— Пусть идет, — отвечает; полизала она языком одного волчонка и говорит ему: — Порадей человеку, как мне радел, — набери в рот молока, да не глотай его, а иди, куда нужно, и ко мне скорей возвращайся.

Насосал волчий детеныш в пасть молока, встал с земли, глядит на него Иван, а волчонок без малого с лошадь будет.

Пошли они с волчком, а потом и побежали, чтобы скорее дело было.

Под вечер прибралась мать Ивана в избе и глядит в окошко. Смотрит, а сын ее на волке верхом едет, и волк под ним от страха бежит.

— Вот, — говорит она своему богатырю, — ты думал, — Ивана волчица разорвет, а он на волке домой едет. Полезай опять в суму!

Сказала мать такие слова, а сама легла на полати и стонет, как хвора.

Иван явился, взял деревянную миску и велел волчьему детенышу вылить из пасти молоко в миску.

Поднес Иван к матери молоко и говорит:

— Кушайте, матушка, ваша болезнь пройдет.

А мать отвечает ему:

— Обожди, сынок, ослабела я, сейчас и питья не проглочу.

Иван ей:

— Как вам угодно, — говорит, — матушка, а я по лесу волчонка гнал, чтоб вам скорее помощь была.

Вышел Иван к волчонку во двор. А мать взяла миску с волчихиным молоком и хотела было вылить молоко в подполье. Богатырь выглянул из сумы и говорит:

— Дай мне испить, может, я тогда сильнее стану.

И выпил он звериное молоко.

А мать опять легла и лежит, как хвора. Ей тогда и говорит богатырь:

— Скажи теперь сыну-то, Ивану, не помогло, дескать, тебе волчино молоко. Пусть он завтрашний день ко львице за молоком идет. Со львицей-то он не совладает. Она его разорвет и кости его сгложет.

Наутро мать велела сыну идти ко львице:

— Может, сынок, я тогда встану и жить буду.

Кликнул Иван волчонка и пошел с ним в лес. Идут они мало, идут они долго, а Иван не знает, где львица живет. Спрашивает у волчонка — и тот не знает.

— Должно, матушка моя знает, — сказал волчонок.

Пошли они к матери волчице. Волчица обрадовалась, что Иван к ней сына-детеныша привел. И Иван спрашивает у нее: где львица живет?

— Знаю, — отвечает волчица, — сын мой тебе дорогу покажет.

Научила мать-волчица волчонка, куда надо ко львице идти.

И вот бежит впереди волчонок, ростом с лошадь, а Иван — следом.

Бежали они дни и ночи, в сумерки и в утренние зори, в полдень и в полночь. Видит Иван — не стало ничего: ни леса, ни чистого травяного поля, а одни голые камни вокруг. И лежит там под одним камнем львица и львят-детенышей грудью кормит.

Волчонок оробел, остановился. И Иван подошел ко львице, схватил ее за пасть и руками хотел напрочь пополам разорвать звериную голову. Смотрит Иван, у матери-львицы слезы из глаз льются. Отвел Иван свои руки.

— Не убивай меня, Иван-чудо, — говорит ему львица, — не оставляй моих детушек сиротами: скажи, чего тебе надобно.

— Дай мне твоего молока. Пусть детеныш твой в пасти своей за мной его несет.

Львица и говорит:

— Не жалко мне молока, мне сына своего жалко.

— А я его к тебе назад приведу, — обещал ей Иван, — и опять положу его к тебе под грудь, как было.

Обрадовалась львица и отпустила детеныша-львенка с молоком во рту.

Пошел Иван домой: сам третий теперь идет.

Увидела мать в окошко — опять Иван живым возвращается, и звери за ним бегут. Велела она богатырю в суму на стене прятаться, а сама легла и лежит — стонет, как хворающая.

— Чего теперь делать будем? — спрашивает она у мужа своего — богатыря.

Полез богатырь в суму и отвечает ей оттуда:

— Пусть Иван от орлицы яйцо ненасиженное достанет. Орлица на скале живет, а скала на горе, а гора на холме стоит, а под холмом есть пропасть, он со скалы в пропасть упадет и расшибется.

Ночью мать отдала мужу-богатырю молоко львицы, а наутро велела Ивану идти к орлице за ненасиженным яйцом. Как это яйцо она выпьет, так станет здоровой, а львицы молоко ей не в пользу.

Пошел Иван к орлице, и звери его за ним ушли. Пришел Иван туда, где львица жила, и сказал ей:

— Я тебе сына привел. Ответь мне — ты далеко по земле ходила, — где орлица в гнезде живет?

Львиная мать научила сына-львенка, куда надо в горы идти, и отпустила его с Иваном.

Пришел Иван к холму. Холм был крутой, да Иван был ловок и терпелив. Взошел она на холм, вскарабкались за ним волчонок со львенком. А на холме стоит каменная гора, высокая и гладкая, как стена, а на той горе еще скала, а уж в скале — гнездо орлицы. Поглядел не взойдешь, ухватиться не за что: на нее можно лишь взлететь, а у него крыльев нету. Постоял Иван, подумал, однако не опечалился, а улыбнулся: силой он скоро возрос, а разумом и добротой еще скорее. Понял он, чего ничем нельзя одолеть, то можно одолеть работой.

Тогда велел Иван волчонку и львенку, чтоб они выгрызли из каменной горы по одному острому камню. Стали звери гору грызть, а выгрызть не могут, зубы у них еще не выросли, они дети были. Побежали они вниз, нашли камни в ручье, ухватили их в пасть и принесли Ивану.

Начал Иван теми камнями бить гору и рушить ее. Сперва гора рушилась малыми крошками, потом и крупнее пошло, а вскоре Иван обрушил и целую глыбу. А тою глыбою он уже большие скалы стал выбивать из горы — и гора начала оседать, пока Иван ее всю не разобрал. Когда вершина горы сравнялась с плечами Ивана, он увидел орлицу в расщелине верхней скалы. Там орлица сидела в гнезде.

— Чего тебе надобно, Иван-богатырь? — спрашивает орлица.

Иван ей:

— Дай, — говорит, — яйцо ненасиженное.

— Ненасиженных у меня нету, — орлица говорит, — у сестры моей есть. Обожди, я к сестре на другую гору полечу и яйцо займу для тебя, а то ты у нас все горы поломаешь.

— Поломаю, — сказал Иван.

Полетела орлица к сестре на другую гору, принесла Ивану ненасиженное яйцо. А сестра орлицы дала не свое яйцо, а яйцо змея-ехидны; она скупая была и хотела, чтобы изо всех яиц у нее дети-орлята рождались.

Взял Иван яйцо от орлицы и пошел к матери. И

звери за ним побежали, что были с ним, волчонок и львенок.

— Ступайте теперь к своим родителям, — говорит им Иван.

А звери ему отвечают:

— Не пойдем, — говорят, — ты добрый, и мы к тебе привыкли.

Принес Иван матери яйцо орлицы.

Взяла мать яйцо и говорит:

— Я уже выздоровела, сынок, да вот ветер меня охватил, я опять заболела.

А потом еще говорит, как ей муж велел:

— Ступай теперь в некое царство. Там весь народ, люди говорят, вымер: может, царство тебе достанется.

Удивился Иван, что мать ему так говорит: не нужно ему было чужое царство. Однако он боялся послушаться матери. Кликнул волчонка и львенка и пошел в чужое царство. Как ушел он из родного дома, тотчас вышел трус богатырь из сумы и выпил яйцо змея-ехидны: он думал, что яйцо орлицы ему досталось.

Трус-то богатырь и научил послать Ивана в чужое безлюдное царство — затем, чтобы помер там Иван. Где все люди померли, там Иван тоже, дескать, помрет.

Долго шел Иван в чужое царство, не знал он туда дороги. Звери его возмужали за дорогу, и у них зубы и когти выросли, покуда они шли неведомо куда.

Приходит Иван в чужое царство. Царство это находилось тогда на берегу великого моря. Видит Иван небо и море, видит реки, леса и пашни, видит, что всюду хорошо, а народа нету нигде.

Сел Иван на берегу моря и думает, что делать ему надо. А дело тут же и было.

Глядит он, идет по берегу моря прекрасная девица в золотой парчовой одежде; идет она, а сама плачет. Отроду не видел Иван такой девицы, да видеть ему такую красоту негде было, он мать свою одну любил и на нее глядел.

— Чего ты плачешь? — спросил Иван прекрасную девицу.

— Я умирать боюсь, — отвечает ему девица. — Уходи отсюда скорее, а то и ты умрешь.

Озадачился Иван и говорит:

— Нет, ты неправду говоришь. Я не помру и тебя смерти не отдам. А чья ты родом?

Отерла слезы девица и отвечает:

— Я царская дочь. Было у нас царство, был у нас народ, да чудовище морское всех людей поело. Остались только матушка с батюшкой да я. Нынче чудовище меня съест, а к вечеру матушка с батюшкой с горя помрут, и никого тогда не останется.

И опять заплакала прекрасная девица.

Выходит тут из морской воды страшное чудовище: три головы у него, три пасти, по тыще зубов в каждой пасти; живот у него, как у борова, а хвост, как у змеи.

Увидело чудовище молодую царевну с Иваном, увидело еще львенка с волчонок и говорит:

— Я чуть-чуть закусить хотел, а тут и пообедать можно.

Бросилось было чудовище на царевну, хотело ее пастью ухватить, да Иван встал впереди царевны, обхватил толстое чудовище поперек и начал его душить. Захрипело чудовище и еще две пасти с зубами сразу открыло, чтобы откусить Ивану голову. Прыгнул волчонок на одну голову чудовища, а львенок — на другую, стали они грызть чудовище. Хрипит мокрое, толстое чудовище, однако норовит схватить голову Ивана третьей пастью. Глядь, опускается с неба орлица, садится она на эту голову чудовища и бьет его клювом в глаза, пока глаза прочь не вытекли. Иван тем временем насмерть сжал чудовище: пошла из него ручьями черная кровь, ослабело чудовище и пало мертвым.

Села орлица на плечо Ивана и говорит ему:

— Прости меня, Иван добрый! Сестра моя обманула меня, я тебе дала не орлиное яйцо, а яйцо от змея — ехидны. По всей земле искала я тебя, ты не открывай того яйца, а откроешь — из доброго станешь злым, из храброго — лукавым, из щедрого — алчным.

Обняла тут прекрасная царевна Ивана и заплакала ясными счастливыми слезами, что спас ее Иван от страшной смерти в пасти зверя.

А Иван, исполнив работу, затосковал, загоревал по матери и стал собираться домой уходить. Прекрасная же царевна просила Ивана навсегда остаться в ихнем царстве. Она боялась — не явилось бы из глубокого моря другое ненасытное чудовище.

Иван поглядел на царевну и видит, мила сейчас она ему стала; так бы глядел на нее и глаз не отвел.

Сказал он ей тогда:

— Вот проведу мать и к тебе вернусь. А волк со

львом и орлица пусть с тобою останутся, при них тебе ни от кого не будет обиды.

И пошел Иван домой.

Увидел он избу, где жила его мать, вздрогнуло его сердце от радости. А мать сидела в тот час за столом в избе и против нее сидел ее муж-богатырь, который в суме был; они ели яства и пили сладкое вино, а Яшка-Красная рубашка служил им.

Поглядел богатырь из избы в окошко; видит он — Иван идет домой. Не стал теперь битый богатырь прятаться в суму на стене: от волчьего молока в нем появилась злоба, от львиного он почувствовал силу, а от выпитого яйца змея-ехидны в нем родилась ярость.

Вышел тот богатырь навстречу Ивану, подошел близко, размахнулся было, чтоб голову Ивану снести с плеч долой, да сам упал замертво. Иван упредил богатыря: пока тот руку подымал на него, а он уже сердце из богатыря вышиб.

Мать увидела из избы, что случилось с ее богатырем. Она вышла с крыльца, припала на грудь павшего мужа и заплакала по нем, а сына не приветила и не поглядела на него.

Иван отошел от матери и задумался. Он узнал того богатыря, которого он побил и в суму засунул, и понял тогда, что мать любит его всей душой.

Жалко стало Ивану мать.

Поднял он с земли сердце богатыря, вложил ему в грудь, и тот вздохнул.

Тогда мать упала сыну в ноги, начала она просить у него прощения и рассказала все, как было. Иван отвернулся от матери и ушел, куда глаза глядят. А глаза его в тот час ничего не видели: они были полны слез.

Иван опомнился, когда уже далеко ушел. Огляделся он вокруг, увидел вдалеке великое море и пошел в безлюдное царство, где жила прекрасная царевна.

В скором времени, как оно и быть должно по правде, Иван женился на той царевне по имени Лукерья. Свадьба у них была хоть и веселая, да малолюдная: всего и гуляло на свадьбе, что батюшка с матушкой — родители прекрасной Лукерьи, жених с невестой, да орлица, да волк со львом.

А когда вышли сроки, народились у Ивана с Лукерьей дети, от детей внуки, отсюда и народ снова пошел.

И вот состарился Иван; вспомнил он о матери: жива ли, думает, моя матушка, есть ли у нее хлеба кусок?

Оставил он тогда дом и свою семью, попрощался с Лукерьей и пошел далеко, в ту избу, где жила его мать. А там уж нет ничего, одно чистое поле, и не видно на земле, где изба стояла.

«А где же Яшка-Красная рубашка?» — подумал Иван и кликнул вслух:

— Отзовись, Яшка, как прежде было!

Глядит Иван и видит: идет по полю Яшка, такой же, как прежде, ни молодой, ни старый, ни живой и ни мертвый, зато послушный, и ведет он за руку ветхую старушку, сгорбленную так, что лицо ее почти касается земли.

Увидел Иван, что мать его идет.

— Здравствуйте, моя матушка! — сказал он.

Мать протянула к нему руки, да не в ту сторону, где был Иван.

Сказал тогда Яшка-Красная рубашка:

— Она слепая стала. Она глаза по тебе выплакала, не видит ничего.

Припал Иван к матери, обнял ее и поцеловал в слепые глаза.

— Прости меня, матушка, — говорит, — что обиделся я тогда и забыл про тебя.

Поднял Иван старую мать на сильные руки и понес ее в свой дом: там ждала его прекрасная жена Лукерья, там жили его дети и внуки, и там для бедной его матери было уготовано счастье.

Яшка пошел следом за Иваном и спросил его:

— А мне делать что велишь?

— А ты детей будешь забавлять! — сказал Иван Яшке.

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

Жила в деревне крестьянка. При ней жил сын ее Семен, неженатый еще. Жили они бедно: спали на соломе, одежонка на них старая, латаная и в рот им положить нечего. Жили они давно; тогда земли у крестьян было мало, а что и была, так неродящая была земля: что и посеет крестьянин, то вымерзнет, а не вымерзнет, так от

засухи посохнет, а не посохнет, так вымокнет, а не вымокнет, так саранча пожрет.

Получал Семен в городе пенсию за отца — копейку в месяц.

Вот идет Семен однажды с деньгами, с копейкой и видит: один человек надел собаке веревку на шею и удавливает ее. А собака-то всего маленькая, беленькая, щенок.

Семен к тому человеку:

— Ты пошто щенка мучишь?

А тот ему:

— А какое тебе дело? Хошь убью, хошь нет — не твое дело.

— А ты продай мне его за копейку!

— Бери!

Отдал Семен последнюю копейку, взял щенка на руки и пошел домой.

— Нет у меня коровы, нету лошади, зато щенок есть.

Принес он щенка домой, а мать бранится:

— Глупый ты у меня! Нам самим есть нечего, а он собак покупает!

— Ничего, мама, — отвечает ей сын, — и щенок скотина, не мычит, так брешет.

Через месяц Семен снова пошел в город за пенсией. Вышла копейка прибавки, получил он две копейки.

Идет он домой, а на дороге тот же человек кошку мучает.

Подбежал Семен к нему:

— Пошто ты живую тварь уродуешь?

— А тебе-то что? Чай, кошка-то моя!

— Продай ее мне!

— Купи, да кошка-то, гляди, дороже собаки.

Сторговались за две копейки.

Понес Семен кошку домой. Мать пуще прежнего забранилась на сына — и в тот день до вечера бранилась и на другой день с утра начала браниться.

Прошел месяц. Пошел Семен опять в город за пенсией. Опять в прибавку вышла копейка: получил Семен три копейки.

Идет Семен из города; а на дороге стоит тот же человек и змею давит.

Семен сразу к нему:

— Не убивай ее, эта змея вишь какая, я и не видал такую — должно, она не ядовитая. Лучше продай ее мне.

Купил он змею за все деньги, сколько было у него, за три копейки, положил ее за пазуху и пошел домой.

Змея отогрелась и говорит:

— Не жалея Семен, что последние деньги на меня потратил. Я не простая змея, а я змея Скарапея. Без тебя пришла бы мне смерть, а теперь я жива, и мой отец тебя отблагодарит.

Пришел Семен домой и выпустил змею из-за пазухи. А мать как увидела змею, так на печку залезла и даже побранить сына не может: у нее язык отнялся с испуга. Змея же Скарапея заползла под печку, свернулась там и уснула.

Вот и стали жить — собака белая да кошка серая, Семен с матерью да змея Скарапея, а всего пятеро.

Невзлюбила мать Семена Скарапею-змею; то есть ей не даст и воды не поставит, то на хвост наступит.

Говорит тогда Скарапея Семену:

— Твоя мать обижает меня. Проводи меня к моему отцу.

Поползла змея по дороге, а Семен следом пошел. Долго шел он за змеею — день и ночь, день и ночь. Обступили их темные дебри. Подумал Семен: куда он идет и как назад вернется?

А змея утешает его:

— Не бойся ничего, сейчас доползем, это уж змеиное царство началось, видишь? А я змеиного царя дочь, и сейчас мы увидим моего отца. А теперь слушай. Вот когда я скажу ему, как ты меня спас, он поблагодарит тебя и даст тебе много золота, а ты золото не бери, а попроси одно золотое кольцо, что у отца на пальце. Кольцо это волшебное. Отец для меня его бережет, а я хочу тебе его подарить.

Пришел Семен со змеиной царевной к Змею-царю. Змей обрадовался дочери.

Говорит он Семену:

— Спасибо тебе, Семен, спас ты мне любимую дочь! Выдал бы я ее замуж за тебя, не пожалел бы, да есть у нее сговоренный жених. Бери у меня золота, сколько хочешь!

Семен золото не берет, а говорит змеиную царю:

— Дай мне кольцо с твоей руки, оно мне будет в память о твоей дочери. На нем, видишь, на твоём кольце, змеиная головка выдавлена, и два зеленых камня, как глаза, горят.

Задумался змеиный царь, а потом снял кольцо с руки и отдал Семену и сказал ему потихоньку на ухо, как надо действовать кольцом, чтобы вызвать волшебную силу.

Попрощался Семен со змеиным царем и с дочерью его Скарапеей, а недалеко тут стоял еще приемный сын змеиного царя — Аспид; так Семен и с ним попрощался.

Пришел Семен домой, к матери. А ночью, как мать легла на покой, Семен переменял змеиное кольцо с пальца на палец, и в тот же момент явились перед ним двенадцать молодых.

— Здравствуй, новый хозяин! — говорят. — Чего тебе надобно?

— А насыпать, братцы, муки амбар, да сахару, да масла немного.

— Ин ладно, — молодые говорят.

И пропали.

Проснулся Семен наутро, видит — мать корки сухие мочит да жует их старыми зубами.

— Чего ж ты, мать, теста не поставила и не охаживаешь его? Поставила бы тесто и пирогов бы напекла.

— Очнись, сынок! У нас второе лето муки и горсти нету.

— А ты наведайся, мама, в амбар — гляди, и найдешь

• — Да там и мыши с голоду подохли! Чего глядеть в пустое место? Нешто дверь пойти наглухо припереть.

Пошла мать к амбару, тронула дверь, а дверь распахнулась, и мать Семена головой в муку так и упала.

С тех пор они стали жить сытно. Половину муки Семен продал и купил на все деньги говядины, так у них и кошка с собакой каждый день котлеты ели, шерсть у них лосниться стала.

И увидел однажды Семен видение во сне. Только он задремал, видит как живую прекрасную девуцу, а проснулся — нету ее. Затосковал Семен по ней, а где она, и сам не знает.

Передел он змеиное кольцо с пальца на палец. И двенадцать молодых — вот они.

— Чего прикажешь, хозяин? — спрашивают.

Семен им: так и так, говорит, видел я прекрасную девуцу, а где она, не знаю, а туда-то мне и надобно.

Глядь — и очутился Семен в другом царстве, где жила та самая прекрасная девушка.

Спросил он у тамошнего жителя о прекрасной девице.

— Это которая? — спросил у Семена житель.

Семен рассказал, какая была девица.

— Так она царская дочь, — сказал ему житель.

Переместил Семен кольцо и велел молодцам доставить его во дворец к царевне. Очутился он во дворце, видит он молодую царевну, и тут она еще лучше была, чем почудилась ему во сне.

Вздыхнул Семен — чего будешь делать? — и опять за кольцо: вызвал молодцов и велел возвратить его домой.

Вот живет он дома, да грустно ему без царевны: и пища не естся и брага не пьется.

Смотрит на него мать:

— Заболел ты, что ли, либо скучаешь о ком?

— Скучаю, мама, — сказал Семен и рассказал, что с ним случилось.

А мать, как услышала, испугалась:

— И чего ты удумал! Да разве можно крестьянскому сыну царевну любить? Цари-то — люди ложные и лукавые, они и насмеются и надругаются над тобой, и жизни тебя лишат, а уж дочь за тебя не выдадут! Женись-ка ты на бедной крестьянской девушке, глядишь — и счастливым будешь!

А Семен одно говорит: иди, мать, да иди — сватай за меня царевну. А мать не идет, не хочет.

Подумал тогда Семен, что ему делать, и выдумал. Взялся он за свой змеиный перстень, вызвал молодцов. Те — вот они:

— Чего надобно, хозяин?

— А надобно мне хоромы и чтоб к утру были готовы. А для матери устройте в хоромы богатые покои и в постель ей положите пуховую перину.

— Построим хоромы, хозяин, и перину пухом набьем!

Проснулась на утро Семенова мать, а подняться сразу не может: угрузла она в пуховой перине. Смотрит вокруг по горнице — узнать ничего не может: во сне, что ли, это иль взаправду?

Тут Семен к ней подошел и говорит:

— Здравствуй, мама!

Значит, все взаправду.

Спрашивает она:

— Откуда же у нас добро такое явилось?

А сын ей в ответ:

— Добро, мама, из добра явилось. Теперь и тебе жить покойнее будет, и мне за кого хочешь свататься можно — всем я ровня.

Подумала мать: «Ишь, сын у меня какой умелый да удалый!»

А сын ей опять за свое:

— Ступай, матушка, к царю и царице, посватай за меня царевну.

Огляделась мать, прошлась по хоромам.

«Эко дивно стало у нас! — видит она и решила: — А схожу-ка я и правду к царю, посватаю его дочку! Хоть и не ровня мы ему, да уж теперь нам до него недалече».

И пошла.

Приходит она в царскую избу, в столовую горницу. Царь с царицей в тот час чай пили и на блюдца дули, а молодая царевна в своей девичьей горенке приданое перебирала в сундуках.

Вот царь с царицей в блюдца дуют, на Семенову мать не глядят. Из блюдца брызги летят, чай проливается на скатерть, а чай с сахаром. Царь, а чай пить не умеет!

Семенова мать и говорит:

— Чай — не вода. Чего брызгаете?

Царь глянул на нее:

— А тебе чего надоть?

Вышла мать на середину горницы, под матицу.

— Здравствуйте, — говорит, — царь-государь-император.

У вас товар, а у нас купец. А не отдадите ли вашу дочь замуж за нашего сына?

— А кто таков твой жених? Каких он родов, каких городов и какого отца сын?

Мать в ответ:

— Роду он крестьянского, деревни нездешней, а по отчеству Семен Егорович. Не слыхал такого?

Тут царица так и ахнула:

— Да что ты, сватья, с ума, что ль, сошла? Мы в женихах-то как в сору каком роемся — выбираем. Разве пойдет наша дочка за мужика?

Обиделась Семенова мать за сына:

— Это какой мужик, матушка, случится! Другой мужик — против него и десять царских сыновей ничего не стоят, а уж про девок-дочерей и говорить нечего! Таков вот и мой!

Царь придумал здесь хитрость.

— Пусть, — говорит, — твой жених от нашего избяного дворца да до вашего крыльца мост хрустальный построит. — Тогда мы по такому мосту приедем женихово житье смотреть. Так-то!

Вернулась Семенова мать к родному двору. В сенях ей попались навстречу собака с кошкой, гладкие стали. Мать в сердцах прогнала их прочь. «Ишь, — подумала, — только спят да едят! Какая от них польза!»

Сказала она сыну:

— Понапрасну ходила, не согласны они.

Семен удивился:

— Неужели не согласны? За меня-то?

— А ты думал — обрадуются? А царь еще и посмеялся над нами: «Пусть, — говорит, — от нас до вас жених мост хрустальный построит, а мы к вам по хрусталу приедем в гости».

— Это, мама, ничто для нас!

Ночью Семен переметнул кольцо с одной руки на другую, вызвал молодых и велел им построить к утру хрустальный мост и чтоб мост от ихнего крыльца до царского избяного дворца поверх прошел, через все реки, овраги, и чтоб по мосту самосильная машина ходила.

С полуночи до зари повсюду окрест молотки стучали и пилы пилили. Семен вышел утром на крыльцо, глядит — а мост уже готов и по хрустальному мосту ходит самосильная машина.

Семен к матери:

— Ступай, мама, к царю теперь. Пусть они в гости к нам собираются, а я на самосильной машине туда подкачу!

Пошла мать к царю.

Только ступила она на мост, на хрусталь на самый, а хрусталь скользкий, тут ветер подул на нее сзади, она присела от страха, да так и покатилась до самого царского крыльца.

Приходит она к царю:

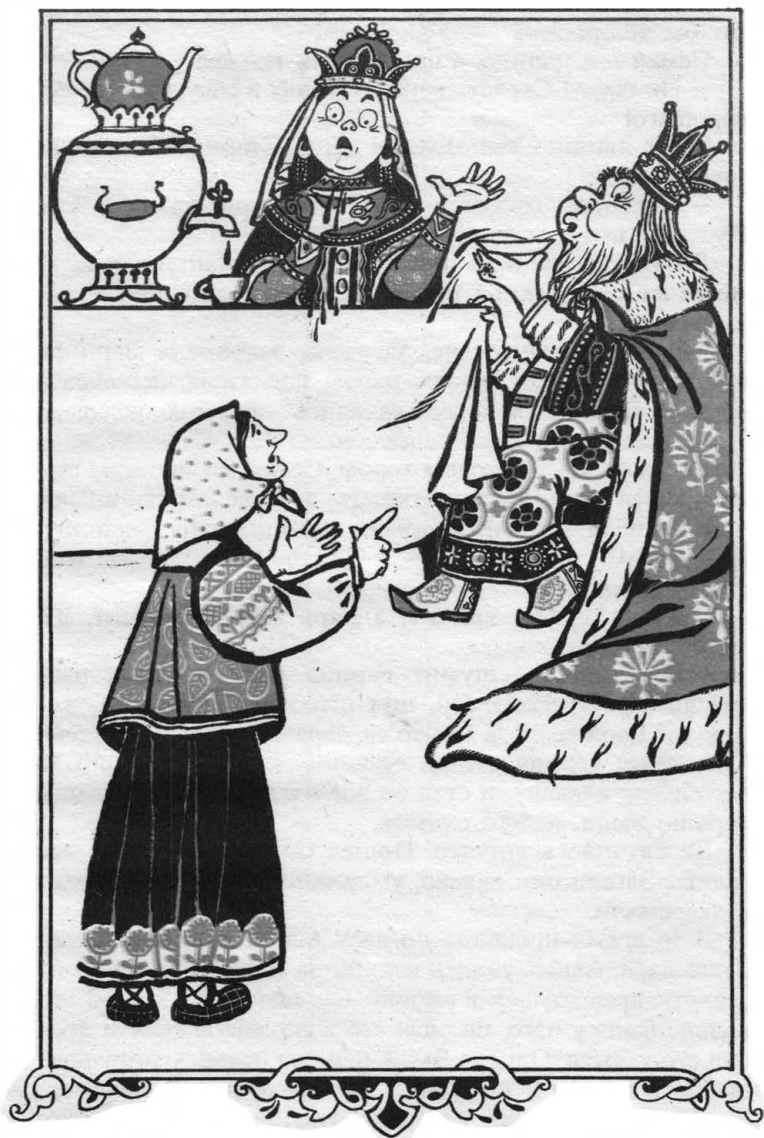
— Вчерась была я у вас, так вы мост построить велели жениху. Погляди в окошко — вот тебе и мост готов.

Глянул царь в окошко:

— Ишь ты! Ан правда — мост! Знать, жених-то умелец!

Надел царь золотые парчовые штаны, надел корону, кликнул царицу и вышел на крыльцо. Пошатал он перила — прочно ли стоят? Похлопал ладонями по хрустальным кирпичам — не подделка ли? Нет, мост построен по доброту.

Тут Семен на чудной самосильной машине подъехал. Отворяет он дверку в машине и говорит:

— Садитесь, царь-государь с женою-супругой, пожалуйста, к нам в гости.

— Я-то с охотой, — царь говорит, — а вот жена моя как бы не обрела.

Семен — к царице, а она руками машет:

— Не поеду! Страсть какая! Сронят в реку, так что тут хорошего!

Здесь явились вельможи к царю. Старший вельможа совет подает:

— Надобно, государь, проехать, пример показать. Пусть не подумают, что ты обрел.

Делать нечего. Влез царь с царицей в машину, а вельможи на запятках, на штырях повисли, за крючья уцепились.

Засвистела, зашумела, загудела, задрожала машина, в звонок зазвонила, жаром-паром запыхтела, скакнула и поехала. Ехали, всю дорогу качались — спасибо, недалеко было, всего один мост переехать.

Доехали до Семеновых хором; Семен из машины вышел, хотел царю дверку открыть, а уж вельможи вперед него успели — волокут они из машины царя и царицу, поддувалами на них машут, в чувство их приводят, чтоб они опомнились.

Царица сердчает-кричит, а царь хоть и молчит, да, видно, ей поддакивает.

— Ой, тошно! — шумит царица. — Ох, укачало, растрясло и растрепало! Ой, шут с тобой, где ты есть, жених-то? Бери девку, а мы-то уж обратно пешком пойдем!

А далее вышло все по желанию Семена. Выдали за него девку-царевну, и стал он жить с женою. Сперва они хорошо жили, нечего сказать.

Да случилось вот что. Пошел Семен с женою в лес гулять. Зашли они далеко, утомились, легли под дерево и задремали.

В то время проходил по лесу Аспид, приемный сын Змея-царя. Аспид увидел кольцо на пальце Семена и от зависти превратился в гадюку. Он давно хотел, чтоб это кольцо было у него, он знал его волшебную силу и просил его у Змея. Однако Змей-царь не отдал Аспиду волшебного кольца и не сказал, как им надо действовать.

Обратился Аспид в прекрасную девушку, прекраснее молодой жены Семена, разбудил Семена и позвал за собой. «Тогда и кольцо мое будет», — подумал Аспид.

А Семен поглядел на незнакомую прекрасную девуцу, что манила его и сказал ей:

— Ступай, куда шла. Хоть ты и хороша, даже лучше моей жены, да жена мне милее, за тобой я не пойду.

Сказал так Семен и опять заснул.

Обратился тогда Аспид в прекрасного юношу, в молодца из молодцов. Вот разбудил он царевну, жену Семена, и красуется перед ней.

«Ой, ктой-то! — подумала царевна. — Да он лучше Семена! Вот бы мне в женихи такого, когда я девкой была!»

Приблизился Аспид к Семеновой жене и протянул ей руку. Царевна поднялась с земли, поглядела на Семена, а у него сор на лице, ноздрями он пыль раздувает.

— Ты чей? — спросила царевна у Аспида.

— А я царский сын, по прозванью Молодец из Молодцов.

— А я царская дочь!

— Пойдем со мной, я тебя не обижу!

— Пойдем, молодец! — сказала Семенова жена и подала Аспиду руку.

Аспид нашептал на ухо царевне, научил ее, что надо сделать, а царевна на все согласилась. Тогда Аспид ушел. А он научил ее вызнать у Семена действие волшебного кольца и принести ему то самое кольцо.

Вот пошла она с Семеном домой, взяла его за руку и спросила его, правда ли, что у него на пальце кольцо волшебное. И если он любит ее, пусть скажет, как это кольцо действует.

Семен по доброте рассказал жене про свое кольцо. «Раз жена меня любит, — подумал Семен, — пусть и о кольце моем знает, она мне зла не сделает».

И надел Семен волшебное кольцо на палец жены. Когда кольцо понадобится, его всегда можно взять обратно.

А ночью царевна переместила кольцо с одного пальца на другой, и немедля явились двенадцать молодцов:

— Мы — вот они! Чем служить тебе, новая хозяйка?

Царевна дает им наказ:

— Служите мне вот чем. Возьмите эти хоромы да и мост хрустальный и перенесите их туда, где живет Молодец из Молодцов.

Только и был женат Семен, Егоров сын.

Проснулся он с матерью — ничего у них нету, одна худая изба и амбар пустой, как прежде было. И остался

Семен с одной матерью, да еще кошка и собака при них, всего четверо, а есть им, считай, нечего.

Семен не вздохнул, не пожаловался. Вспомнил он, что мать ему говорила, не женись на царевне — не будет счастья. Не послушался он матери!

Поглядел Семен с горя в окошко, видит — карета едет, а в ней — царь. Вышел царь из кареты как раз против Семенова окошка; смотрит — куда что делось: ни хором нету, ни хрустального моста, ни света, ни блеску — одна худая изба, а в окошко на царя Семен глядит.

Царь как закричит:

— А что тут такое? А где моя дочь-царевна? Ах ты, обманщик!

Семен вышел к царю, сказал ему правду, как было, что царская дочь взяла у него волшебное кольцо и обманула его.

Царь правде не поверил, а разгневался и велел посадить Семена в тюрьму, покуда он не скажет, где царская дочь.

Увели от матери сына, не стало у нее кормильца. Оголодала старуха. Кликнула она кошку и собаку и пошла побираться. Под одним окошком хлеба попросит, под другим съест. А тут заохлодало, потемнел, лето состарилось, к зиме пошло.

Кошка и говорит собаке:

— Пропадем мы все. Пойдем царевну сыщем и возьмем от нее волшебное кольцо. Нас хозяин от смерти спас, теперь мы его спасем.

Собака была согласна. Она понюхала землю и побежала, а кошка — за нею.

Далеко им пришлось бежать. Сказывать скоро, а идти далеко.

Бежали они, бежали, покуда не увидели хрустальный мост и Семеновы хоромы, в которых и они прежде жили.

Собака осталась снаружи, а кошка пошла в хоромы. Забралась она с спальню, где спала царевна, Семенова обманщица. Увидела кошка: царевна во рту держит волшебное кольцо, меж зубов у нее оно блестит. Боится, знать, как бы не украли.

Поймала кошка мышку, надкусила ей ухо и научила ее уму-разуму, что мышка должна сделать. Влезла мышка на кровать, неслышно прошла по царевне и стала своим хвостиком свербить у нее в носу. Царевна чихнула, ртом дыхнула, кольцо на пол упало и покатилося.

А кошка хватъ кольцо — и в окно. Пока цареvна проснулась, покуда она туда-сюда — кольца уж нету, и та мышка, что хвостиком у цареvны в носу свербила, уж на кухне корочку грызет: она-де ни при чем.

А кошка и собака домой бегут. Они не спят, не едят — им некогда, они торопятся. Бегут они через горы, через лесные дебри, плывут через реки и чистыми полями бегут. Кошка волшебное кольцо держит под языком, рта не разевает.

Вот уж перед ними последняя река, — а за рекою видна ихняя деревня, там и Семенова изба.

Собака говорит кошке:

— Садись ко мне на спину, а я поплыву. Да смотри, кольцо держи крепче в зубах, не оброни.

Поплыли они по реке, доплыли до середины. Собака говорит:

— Смотри, кошка, не говори: кольцо угопишь.

Кошка молчит. Поплыли еще немного, собака опять:

— Молчи, кошка!

А кошка и так рта не открывает. Собака снова к ней:

— Не вырони кольца-то! Молчи лучше!

Кошка и сказала:

— Да я молчу! — и уронила кольцо в реку.

Выбрались они на берег и давай драться и ругаться.

Собака визжит:

— Это ты виновата, кошка-болтушка!

А кошка в ответ:

— Нет, это ты, брехунья! Зачем ты говорила, когда я молчала?

А тут рыбаки вытащили сетью рыбу на берег и стали ее потрошить. Увидели они — кошка с собакой не ладят, подумали, что голодные, и бросили им рыбы внутренности.

Схватили кошка с собакой рыбы внутренности, стали есть, съели немного, вдруг — хряп! — твердое попало. Глядят — кольцо!

Оставили они еду и побежали в деревню. Пробежали мимо своей избы — нет ли там хозяина? Глядят — нету его, мать побирается. Побежали в город, в тюрьму, где Семен был.

Взобралась кошка на тюремную ограду, ходит поверху, глядит, где Семен там, а не знает. Хочется ей помяукать, помурлыкать, да кольцо у нее под языком, боится обронить.

К вечеру выглянул Семен в тюремное окно, хотел поглядеть на белый свет. Кошка увидела Семена и по дождевой трубе, а потом по стене забралась к Семену в каземат.

Семен взял кошку на руки. «Вот, — думает, — хоть и кошка, а сердце у нее верное, помнит она меня!»

Кошка мяукнула и обронила на пол волшебное кольцо.

Поднял Семен кольцо и вызвал двенадцать молодых. Те явились, тут как тут.

— Здравствуй дорогой старый хозяин, — говорят, — прикажи, чего тебе надобно, а мы живо исполним!

Семен им говорит:

— Перенесите откуда ни есть мои хоромы сюда, и кто там живет, пусть в горницах будет, — я погляжу. И мост хрустальный приподымите да сюда его уставьте, а только другим концом отверните его от царской избы и опустите в соседнюю деревню.

Все и было исполнено, как приказано Семеном. Хоромы его стали на место, а в них оказалась молодая царевна с Аспидом своим. Ну, ушли они из Семеновых хором, пошли жить к отцу царевны, — куда же еще?

Аспид же, как узнал, что царевна кольцо потеряла, так от злости превратился в змею-гадюку.

И не мог уже он обратиться в молодца, потому что не проходила в нем злоба на царевну. Так и остался Аспид гадюкой; он только и делал, что шипел на царевну и бранил ее. Тут отец царевны вспомнил про Семена.

— Эх, — говорит, — а ведь Семен-то хоть и простой, да добрый малый был, а вот Аспид хоть и не простого рода, да ведь гадюка!

А Семен с матерью опять в хоромах жили, и собака с кошкой при них.

Семен на самосильной машине каждый день навещает в соседнюю деревню, по хрустальному мосту дорога туда близкой стала.

Слышно еще, Семен из той деревни жену себе берет, живет там одна девушка-сирота, прекраснее той царевны, вот ее и сватает Семен.

Должно, так и будет — женится Семен на сироте, пойдут у них дети, и новая сказка начнется.

УМНАЯ ВНУЧКА

Жили старик со старухой, и с ними внучка Дуня жила. И не такая уж Дуня была красивая, как в сказках сказывается, только умная она была и охотная к домашней работе.

Вот раз собираются старики на базар в большое село и думают: как им быть? Кто им щи сварит и кашу сготовит, кто корову напоит и подоит, кто курам проса даст и на насест их загонит?

А Дуня им говорит:

— Кто ж, как не я! Я и щи сварю и кашу напарю, я и корову из стада встречу и на ночь ее обряжу, я и кур угомоню, я и в избе приберу, я и сено поворошу, пока ведро стоит во дворе.

— Да ты мала еще, внученька, — говорит ей бабушка, — семь годов всего сроку тебе!

— Семь — не два, бабушка, семь — это много. Я управлюсь!

Уехали дедушка с бабушкой на базар, а к вечеру воротились. Видят они, и правда: в избе прибрано, пища сготовлена, на дворе порядок, скотина и птица сытые, сено просушено, плетень починен (дедушка-то два лета собирался его починить), вокруг колодезного сруба песком посыпано — наработано столько, что словно тут четверо было.

Глядят старик со старухой на свою внучку и думают: жить им теперь да радоваться!

Однако недолго пришлось бабушке радоваться на внучку: заболела бабушка и померла. Остался старик один с Дуней. Трудно было дедушке одному остаться на старости лет. Вот живут они одни, без бабушки. Дуня ублажает дедушку и всякую работу в хозяйстве справляет одна; хоть мала была, да ведь прилежна.

Случилось дедушке в город поехать, надобность пришла. По дороге он нагнал богатого соседа, тот тоже в город ехал. Поехали они вместе. Ехали-ехали, и ночь наступила. Богатый сосед и бедный Дунин дедушка увидели огонек в придорожной избе и постучались в ворота. Стали они на ночлег, распрягли лошадей; у Дуниного дедушки-то была кобыла, а у богатого мужика мерин.

Ночью дедушкина лошадь родила жеребенка, а жеребенок несмышленный, отвалился он от матери и очутился под телегой того богатого мужика.

Проснулся утром богатый.

— Гляди-ко сосед, — говорит он старику, — у меня мерин жеребенка ночью родил!

— Как можно! — дедушка говорит. — В камень просо не сеют, а мерин жеребят не рождает! Это моя кобыла принесла.

А богатый сосед:

— Нет, — говорит, — это мой жеребенок! Кабы твоя кобыла принесла, жеребенок-то и был бы возле нее! А то ишь где — под моей телегой!

Заспорили они, а спору конца нету: у бедного правда, а у богатого выгода, один другому не уступает.

Приехали они в город. в том городе в те времена царь жил. А царь тот был самый богатый человек во всем царстве, он считал себя самым умным человеком и любил судить-рядить своих подданных.

Вот пришли богатый и бедный к царю-судье. Дунин дедушка и жалуется царю:

— Не отдает мне богатый жеребенка, говорит-де жеребенка мерин родил!

А царю-судье, что за дело до правды: он и так и этак мог рассудить, да ему сперва потешиться захотелось.

И он сказал:

— Вот четыре загадки вам — кто решит, тот и жеребенка получит: «Что всего на свете сильней и быстрее?», «А что всего на свете жирней?», а еще «Что всего мягче и что всего милее?».

Дал им царь сроку три дня, а на четвертый день чтоб ответ был.

А пока суд да дело, царь велел оставить у себя во дворе и дедушкину лошадь с жеребенком и телегой и мерина богатого мужика: пусть и бедный и богатый пешими живут, пока их царь не рассудит.

Пошли богатый и бедный домой. Богатый думает: пустое, дескать, царь загадал, я отгадку знаю. А бедный горюет: не знает он отгадки.

Дуня встретила дедушку и спрашивает:

— О ком ты, дедушка, скупаешь? О бабушке? Так ведь я с тобой осталась!

Рассказал дедушка внучке, как дело было, и заплакал: жалко ему жеребенка.

— А еще, — дедушка говорит, — царь загадки загадал, а я отгадки не знаю. Где уж мне их отгадать!

— А скажи, дедушка, каковы загадки? Не умнее они ума.

Дедушка сказал загадки. Дуня послушала и говорит в ответ:

— Поедешь к царю и скажешь: сильнее и быстрее всего на свете ветер; жирнее всего — земля: что ни растет на ней, что ни живет — всех она питает; а мягче всего на свете руки, дедушка: на что человек ни ляжет, все руку под голову кладет; а милее сна ничего на свете не бывает, дедушка.

Через три дня пришли к царю-судье Дунин дедушка и его богатый сосед.

Богатый и говорит царю:

— Хоть и мудрые твои загадки, государь наш судья, а я их сразу отгадал: сильнее и быстрее всего — так это карья кобыла из вашей конюшни: коли кнутом ее ударить, так она зайца догонит. А жирнее всего — так это тоже ваш рябой боров: он такой жирный стал, что давно на ноги не поднимается. А мягче всего ваша пуховая перина, на которой вы поживаете. А милее всего ваш сынок Никитушка!

Послушал царь-судья — и к старику бедняку:

— А ты что скажешь? Принес отгадку или нет?

Старик и отвечает, как внучка его научила. Отвечает, а сам боится: должно быть, не так он отгадывает; должно быть, богатый сосед правильно сказал.

Царь-судья выслушал и спрашивает:

— Сам ты придумал ответ иль научил тебя кто?

Старик правду говорит:

— Да где ж мне самому-то, царь-судья! Внучка у меня есть, таково смышленная да умелая, она и научила меня.

Царю любопытно стало, да и забавно, а делать ему все равно нечего.

— Коли умна твоя внучка, — говорит царь-судья, — и на дело умелая, отнеси ей вот эту ниточку шелковую. Пусть она соткет мне полотенце узорчатое, и чтоб к утру готово было. Слышал иль нет?

— Слышу, слышу! — отвечает дедушка царю. — Аль я уж бестолковый такой!

Спрятал он ниточку за пазуху и пошел домой. Идет, а сам робеет: где уж тут из одной нитки целое полотенце соткать — того и Дунюшка не сумеет... Да к утру, еще и с узорами!

Выслушала Дуня своего деда и говорит:

— Не кручинься, дедушка, это не беда еще!

Взяла она веник, отломила от него прутик, подала дедушке и сказала:

— Пойди к царю-судье этому и скажи ему: пусть найдет он такого мастера, который сделает из этого прутика кросны, чтобы было мне на чем полотенце ткать.

Пошел старик опять к царю. Идет, а сам другой беды ждет, другой задачи, на которую и ума у Дунюшки не хватит.

Так оно и вышло.

Дал царь старику полтора яиц и велел, чтобы стариковская внучка к завтрашнему дню полтора цыплят вывела.

Вернулся дед ко двору.

— Одна беда не ушла, — говорит, — другая явилась.

И рассказал он внучке новую царскую задачу.

А Дуня ему в ответ:

— И это еще не беда, дедушка!

Взяла она яйца, испекла их и к ужину подала.

А на другой день говорит:

— Ступай, дедушка, сызнава к царю. Скажи ему, чтобы прислал он цыплятам на корм однодневного пшена; пусть в один день поле вспашут, просом засеют, созреть дадут, а потом сожнут да обмолотят, провеют и обрушат. Скажи царю: цыплята другого пшена не клюют, того гляди помрут.

И пошел дед сызнава. Выслушал его царь-судья и говорит:

— Хитра твоя внучка, да и я не прост. Пусть твоя внучка явится утром ко мне — ни пешком, ни на лошади, ни голая, ни одетая, ни с гостинцем, да и не без подарочка!

Пошел дед домой. «Эка прихоть!» — думает.

Как узнала Дуня новую загадку, то загорюнилась было, а потом повеселела и говорит:

— Ступай, дедушка, в лес к охотникам да купи мне живого зайца и перепелку живую... Ан нет, ты не ходи, ты старый, ты уморился ходить, ты отдыхай. Я сама пойду — я маленькая, мне охотники и даром дадут зайца и перепелку, а покупать их нам не на что.

Отправилась Дунюшка в лес и принесла оттуда зайца да перепелку. А как наступило утро, сняла с себя Дуня рубаху, надела рыбацкую сеть, взяла в руки перепелку, села верхом на зайца и поехала к царю-судье.

Царь как увидел ее, удивился и испугался:

— Откуда страшилище едет такое? Прежде не видано было такого уroda!

А Дунюшка поклонилась царю и говорит:

— Вот тебе, батюшка, принимай, что принести велено было!

И подает ему перепелку. Протянул руку царь-судья, а перепелка — порх! — и улетела.

Поглядел царь на Дуню.

— Ни в чем, — говорит; — не отступила: как я велел, так ты и приехала. А чем вы, — спрашивает, — кормитесь с дедом?

Дуня отвечает царю:

— А мой дедушка на сухом берегу рыбу ловит, он сетей в воду не ставит. А я подолом рыбу домой ношу да уху в горсти варю!

Царь-судья осердился:

— Что ты говоришь, глупая! Где это рыба на сухом берегу живет? Где уху в горстях варят?

А Дуня против ему говорит:

— А ты-то ль умен? Где это видано, чтобы мерин жеребенка родил? А в твоём царстве и мерин рождает!

Озадачился тут царь-судья:

— А как узнать было, чей жеребенок? Может, чужой забжал!

Осерчала Дунюшка.

— Как узнать? — говорит. — Да тут бы и дурень рассудил, а ты царь! Пусть мой дедушка на своей лошади в одну сторону поедет, а богатый сосед — в другую. Куда побежит жеребенок, там и мать его.

Царь-судья удивился:

— А ведь и правда! Как же я-то не рассудил, не догадался?

— А коли бы ты по правде судил, — ответила Дуня, — тебе бы и богатым не быть.

— Ах ты, язва! — сказал царь. — Что дале из тебя выйдет, когда ты большая вырастешь?

— А ты рассуди сперва, чей жеребенок, тогда я и скажу тебе, кем я большая буду!

Царь-судья назначил тут суд на неделе. Пришли на царский двор Дунин дедушка и сосед их богатый. Царь велел вывести их лошадей с телегами. Сел Дунин дедушка в свою телегу, а богатый в свою; и поехали они в разные стороны. Царь и выпустил тогда жеребенка, а

жеребенок побежал к своей матери, дедушкиной лошади. Тут и суд весь. Остался жеребенок у дедушки.

А царь-судья спрашивает у Дуни:

— Скажи теперь, кем же ты большая будешь?

— Судью буду.

Царь засмеялся:

— Зачем тебе судью быть? Судья-то ведь я!

— Тебя чтоб судить.

Дедушка видит — плохо дело, как бы царь-судья не рассерчал. Схватил он внучку да в телегу ее. Погнал он лошадь, а жеребенок рядом бежит.

Царь выпустил им вслед злого пса, чтоб он разорвал внучку и деда. А Дунин дедушка хоть и стар был, да сноровист и внучку в обиду никому не давал. Пес догнал телегу, кинулся было, а дед его кнутовищем, кнутовищем, а потом взял запасную важку — оглобельку, что в телеге лежала, да оглобелькой его — пес и свалился.

А дедушка обнял внучку.

— Никому, никому, — говорит, — я тебя не отдам: ни псу, ни царю. Расти большая, умница моя.

ФИНИСТ-ЯСНЫЙ СОКОЛ

Жили в деревне крестьянин с женой; было у них три дочери. Дочери выросли, а родители постарели, и вот пришло время, пришел черед — умерла у крестьянина жена. Стал крестьянин один растить своих дочерей. Все три его дочери были красивые и красотой равные, а нравом — разные.

Старый крестьянин жил в достатке и жалел своих дочерей. Захотел он было взять во двор какую ни есть старушку-бобылку, чтобы она по хозяйству заботилась. А меньшая дочь, Марьюшка, говорит отцу:

— Не надобно, батюшка, бобылку брать, я сама буду по дому заботиться.

Марья радетельная была. А старшие дочери ничего не сказали.

Стала Марьюшка вместо своей матери хозяйство вести. И все-то она умеет, все у нее ладится, а что не умеет, к тому привыкает, а привыкши, тоже ладит с делом. Отец глядит и радуется, что Марьюшка у него такая умница да работающая и нравом кроткая. И из себя Марьюшка

была хороша — красавица писаная, и от доброты краса ее прибавлялась. Сестры ее старшие тоже были красавицы, только им все мало казалось своей красоты, и они старались прибавить ее румянами и белилами и еще в обновки наряжаться. Сидят, бывало, две старшие сестрицы да целый день охорашиваются, а к вечеру все такие же, что и утром были. Заметят они, что день прошел, сколько румян и белил они извели, а лучше не стали, и сидят сердитые. А Марьюшка устанет к вечеру, зато знает она, что скотина накормлена, в избе прибрано, чисто, ужин она приготовила, хлеб на завтра замесила и батюшка будет ею доволен. Глянет она на сестер своими ласковыми глазами и ничего им не скажет. А старшие сестры тогда еще более сердятся. Им кажется, что Марья-то утром не такая была, а к вечеру похорошела — с чего только, они не знают.

Пришла нужда отцу на базар ехать. Он и спрашивает у дочерей:

— А что вам, детушки, купить, чем вас порадовать?

Старшая дочь говорит отцу:

— Купи мне, батюшка, полушалок, да чтоб цветы на нем большие были и золотом расписанные.

— А мне, батюшка, — средняя говорит, — тоже купи полушалок с цветами, что золотом расписанные, а посреди цветов чтоб красное. А еще купи мне сапожки с мягкими галенищами, на высоких каблуках, чтоб они о землю топали.

Старшая дочь обиделась на среднюю, у нее было алчное сердце, и сказала отцу:

— И мне, батюшка, и мне купи сапожки с мягкими голенищами и с каблучками, чтоб они о землю топали! А еще купи мне перстень с камешком на палец — ведь я у тебя одна старшая дочь!

Отец пообещал купить подарки, какие наказывали две старшие дочери, и спрашивает у младшей:

— А ты чего молчишь, Марьюшка?

— А мне, батюшка, ничего не надо. Я со двора никуда не хожу, нарядов мне не нужно.

— Неправда твоя, Марьюшка! Как я тебя без подарка оставлю? Я тебе гостинец куплю.

— И гостинца не нужно, батюшка, — говорит младшая дочь. — А купи ты мне, батюшка родимый, перышко Финиста-Ясна Сокола, коли оно дешевое будет.

Поехал отец на базар, купил он старшим дочерям

подарки, какие они наказали ему, а перышка Финиста-Ясна Сокола не нашел. У всех купцов спрашивал.

«Нету, — говорили купцы, — такого товара; спросу, — говорят, — на него нету».

Не хотелось отцу обижать младшую дочь, свою работающую умницу, однако воротился он ко двору, а перышка Финиста-Ясна Сокола не купил.

А Марьюшка и не обиделась.

— Ничего, батюшка, — сказала Марьюшка, — в иной раз поедешь, тогда оно и купится, перышко мое.

Пришло время, и опять отцу нужда на базар ехать. Он и спрашивает у дочерей, что им купить в подарок: он добрый был.

Большая дочь и говорит:

— Купил ты мне, батюшка, в прежний раз сапожки, так пусть кузнецы подкуют теперь каблучки на тех сапожках серебряными подковками.

А средняя слышит старшую и говорит:

— И мне, батюшка, тоже, а то каблучки стучат, а не звенят, пусть они звенят. А чтоб гвоздики из подковок не потерялись, купи мне еще серебряный молоточек: я им гвоздики подбивать буду.

— А тебе чего купить, Марьюшка?

— А погляди, батюшка, перышко от Финиста-Ясна Сокола: будет ли, нет ли.

Поехал старик на базар. Дела свои скоро сделал и старшим дочерям подарки купил, а для младшей до самого вечера перышко искал, да нет того перышка, никто его в покупку не дает.

Вернулся отец опять без подарка для младшей дочери. Жалко ему стало Марьюшку, а Марьюшка улыбнулась отцу: она и тому рада была, что снова увидела своего родителя.

Пришло время, поехал отец опять на базар.

— Чего вам, дочки родные, в подарок купить?

Старшая подумала и сразу не придумала, чего ей надо.

— Купи мне, батюшка, чего-нибудь.

А средняя говорит:

— И мне, батюшка, купи чего-нибудь, а к чему-нибудь добавь еще что-нибудь.

— А тебе, Марьюшка?

— А мне купи ты, батюшка, одно перышко Финиста-Ясна Сокола.

Поехал старик на базар. Дела свои сделал, старшим дочерям подарки купил, а младшей ничего не купил: нету того перышка на базаре.

Едет отец домой и видит он: идет по дороге старый старик, старше его, вовсе ветхий.

— Здравствуй, дедушка!

— Здравствуй, милый. О чем у тебя кручина?

— А как ей не быть, дедушка! Наказывала мне дочь купить ей одно перышко Финиста-Ясна Сокола. Искал я ей то перышко, а его нету. А дочь-то она у меня меньшая, пуще всех мне ее жалко.

Старый старик задумался, а потом и говорит:

— Ин так и быть!

Развязал он заплечный мешок и вынул из него коробочку.

— Спрячь, — говорит, — коробочку, в ней перышко от Финиста-Ясна Сокола. Да упомни еще: есть и у меня один сын; тебе дочь жалко, а мне сына. Ан не хочет мой сын жениться, а уже время ему пришло. Не хочет — неволить нельзя. И сказывает он мне: кто-де попросит у тебя это перышко, ты отдай, говорит, — это невеста моя просит.

Сказал свои слова старый старик — и вдруг нету его, исчез он неизвестно куда: был он или не был!

Остался отец Марьюшки с перышком в руках. Видит он то перышко, а оно серое, простое. А купить его нельзя нигде. Вспомнил отец, что старый старик ему сказал, и подумал: «Видно, Марьюшке моей судьба такая выходит — не зная, не выдавши, выйти замуж неведомо за кого».

Приехал отец домой, подарил подарки старшим дочерям, а младшей отдал коробочку с серым перышком.

Нарядились старшие сестры и посмеялись над младшей.

— А ты воткни свое воробьиное перышко в волоса, да и красуйся.

Марьюшка промолчала, а когда в избе легли все спать, она положила перед собой простое серое перышко Финиста-Ясна Сокола и стала им любоваться. А потом Марьюшка взяла перышко в свои руки, подержала его при себе, погладила и нечаянно уронила на пол.

Тотчас ударился кто-то в окно. Окно открылось, и влетел в избу Финист-Ясный Сокол. Приложился он до полу и обратился в прекрасного молодца. Закрыла Марь-

юшка окно и стала с молодым разговор разговаривать. А к утру отворила Марьюшка окно, приклонился молодец до полу, обратился молодец в ясного сокола, а сокол оставил по себе простое, серое перышко и улетел в синее небо.

Три вечера привечала Марьюшка сокола. Днем он летал по поднебесью, над полями, над лесами, над горами, над морями, а к вечеру прилетал к Марьюшке и делался добрым молодым.

На четвертый вечер старшие сестры расслышали тихий разговор Марьюшки, услышали они и чужой голос доброго молодца, а наутро спросили младшую сестру:

— С кем это ты, сестрица, ночью беседуешь?

— А я сама себе слова говорю, — ответила Марьюшка. — Подруг у меня нету, днем я в работе, говорить некогда, а вечером я беседую сама с собой.

Послушали старшие сестры младшую, да не поверили ей. Сказали они батюшке:

— Батюшка, а у Марьи-то нашей суженый есть, она по ночам с ним видится и разговор с ним разговаривает. Мы сами слышали.

А батюшка им в ответ:

— А вы бы не слушали, — говорит. — Чего у нашей Марьюшки суженому не быть? Худого тут нету, девица она пригожая и в пору свою вышла; придет и вам черед.

— Так Марья-то не по череду суженого своего узнала, — сказала старшая дочь. — Мне бы случилось первее ее замуж выходить.

— Оно правда твоя, — рассудил батюшка. — так судьба-то не по счету идет. Иная невеста в девках до старости лет сидит, а иная с молодости всем людям мила.

Сказал так отец старшим дочерям, а сам подумал: «Иль уж слово того старого старика сбывается, что перышко мне подарил? Беды-то нету, да хороший ли человек будет суженым у Марьюшки?»

А у старших дочерей свое желание было. Как стало время на вечер, Марьюшкины сестры вынули ножи из черенков, а ножи воткнули в раму окна и вокруг него, воткнули еще туда острые иголки да осколки старого стекла. Марьюшка в то время корову в хлеву убирала и ничего не видела.

И вот, как стемнело, летит Финист-Ясный Сокол к Марьюшкиному окну. Долетел он до окна, ударился об острые ножи да об иголки и стекла, бился-бился, всю грудь

изранил, а Марьюшка уморилась за день в работе, задремала она, ожидаячи Финиста-Ясна Сокола, и не слышала, как бился ее сокол в окно.

Тогда Финист сказал громко:

— Прощай, моя красная девица! Коли нужен я тебе, ты найдешь меня, хоть и далеко я буду! А прежде того, идучи ко мне, ты башмаков железных три пары износишь, трое посохов чугунных о траву подорожную сотрешь, три хлеба каменных изглодаешь.

И услышала Марьюшка сквозь дрему слова Финиста, а встать, пробудиться не могла. А утром пробудилась она, загоревало ее сердце. Посмотрела она в окно, а в окне кровь Финиста на солнце сохнет. Заплакала тогда Марьюшка. Отворила она окно и припала лицом к месту, где была кровь Финиста-сокола. Слезы смыли кровь сокола, а сама Марьюшка словно умылась кровью суженого и стала еще краше.

Пошла Марьюшка к отцу и сказала ему:

— Не брани меня, батюшка,пусти меня в путь-дорогу дальнюю. Жива буду — свидимся, а помру — на роду, знать, мне было написано.

Жалко было отцу отпускать неведомо куда любимую младшую дочь. А неволить ее, чтоб дома она жила, нельзя. Знал отец: любящее сердце девицы сильнее власти отца и матери. Простился он с любимой дочерью и отпустил ее.

Кузнец сделал Марьюшке три пары башмаков железных и три посоха чугунных, взяла еще Марьюшка три каменных хлеба, поклонилась она батюшке и сестрам, могилу матери навестила и отправилась в путь-дорогу искать Финиста-Ясна Сокола.

Идет Марьюшка путем-дорогою. Идет она не день, не два, не три дня, идет она долгое время. Шла она и чистым полем, и темным лесом, шла и высокими горами. В полях птицы ей песни пели, темные леса ее привечали, с высоких гор она всем миром любовалась. Шла Марьюшка столько, что одну пару башмаков железных она износила, чугунный посох о дорогу истерла и каменный хлеб изглодала, а путь все не кончается, и нету нигде Финиста-Ясна Сокола.

Вздохнула тогда Марьюшка, села на землю, стала она другие железные башмаки обувать — и видит избушку в лесу. А уж ночь наступила.

Подумала Марьюшка: «Пойду в избушку, людей спрошу, не видали они моего Финиста-Ясна Сокола?»

Постучалась Марьюшка в избушку. Жила в той избушке одна старуха — добрая или злая, про то Марьюшка не знала. Отворила старушка сени — стоит перед ней красная девица.

— Пусти, бабушка, ночевать!

— Входи, голубушка, гостьей будешь. А далеко ли ты идешь, молодая?

— Далеко ли, близко, сама не знаю, бабушка. А ищу я Финиста-Ясна Сокола. Не слыхала ли ты про него, бабушка?

— Как не слыхать! Я старая, давно на свете живу, я про всех слыхала! Далеко тебе идти, голубушка!

Наутро хозяйка-старуха разбудила Марьюшку и говорит ей:

— Ступай, милая, теперь к моей средней сестре. Она старше меня и ведаёт больше. Может, она добру тебя научит и скажет, где твой Финист живет. А чтоб ты меня, старую, не забыла, возьми-ка вот серебряное донце да золотое веретенце, станешь кудель прясти, золотая нитка потянется. Береги мой подарок, пока он дорог тебе будет, а не дорог станет — сама его подари.

Марьюшка взяла подарок, полюбовалась им и сказала хозяйке:

— Благодарствую, бабушка. А куда же мне идти, в какую сторону?

— А я тебе клубочек дам — самокат. Куда клубочек покатится, и ты ступай за ним вослед. А передохнуть задумаешь, сядешь на травку — и клубочек остановится, тебя ожидать будет.

Поклонилась Марьюшка старухе и пошла вослед за клубочком. Долго ли, коротко ли шла Марьюшка, пути она не считала, сама себя не жалела, а видит она — леса стоят темные, страшные, в полях трава растет нехлебная, колючая, горы встречаются голые, каменные, и птицы над землей не поют. Шла Марьюшка все далее, все скорее она спешила. Глядь, опять переобуваться надо: другая пара башмаков железных износилась, и посох чугунный о землю истерся, и каменный хлеб она изглодала.

Села Марьюшка переобуваться. Видит она — черный лес близко, и ночь наступает, а в лесу в одной избушке огонек зажгли в окне.

Клубочек покатился к той избушке. Попла за ним Марьюшка и постучалась в окошко:

— Хозяева добрые, пустите ночевать!

Выпла на крыльцо избушки старуха, старее той, что прежде привечала Марьюшку.

— Куда идешь, красная девица? Кого ты ищешь на свете?

— Ищу, бабушка, Финиста-Ясна Сокола. Была я у одной старушки в лесу, ночь у нее ночевала, она про Финиста слыхала, а не ведает его. Может, сказывала, середняя ее сестра ведает.

Пустила старуха Марьюшку в избу. А наутро разбудила гостью и сказала ей:

— Далеко тебе искать Финиста будет. Ведать я про него ведала, да видать — не видала. А иди ты теперь к нашей старшей сестре, она и знать про него должна. А чтоб помнила ты обо мне, возьми от меня подарок. По радости он тебе памятью будет, а по нужде помощь окажет.

И дала хозяйка — старушка своей гостье серебряное блюдо и золотое яичко.

Попросила Марьюшка у старой хозяйки прощенья, поклонилась ей и попла вослед клубочку.

Идет Марьюшка, а земля вокруг нее вовсе чужая стала.

Смотрит она — один лес на земле растет, а чистого поля нету. И деревья, чем далее катится клубок, все выше растут. Совсем темно стало: солнца и неба не видно.

А Марьюшка и по темноте все пла да пла, пока железные башмаки ее насквозь не истоптались, а посох о землю не истерся, и покуда последний каменный хлеб она до остатной крошки не изглодала.

Оглянулась Марьюшка — как ей быть? Видит она свой клубочек: лежит он под окошком у лесной избушки.

Постучала Марьюшка в окно избушки:

— Хозяева добрые, укройте меня от темной ночи!

Выпла на крыльцо древняя старушка, самая старшая сестра всех старух.

— Ступай в избу, голубка, — говорит. — Ишь, куда как далече припла! Далее и не живет на земле никто, я крайняя. Тебе в иную сторону завтра с утра надобно путь держать. А чья же ты будешь и куда идешь?

Отвечала ей Марьюшка:

— Я нездешняя, бабушка. А ищущи я Финиста-Ясна Сокола.

Поглядела старшая старуха на Марьюшку и говорит ей:

— Финиста-сокола ищешь? Знаю я, знаю его. Я давно на свете живу, уж так давно, что всех узнала, всех запомнила.

Уложила старуха Марьюшку, а наутро разбудила ее.

— Давно, — говорит, — я добра никому не делала. Одна в лесу живу, все про меня забыли, одна я всех помню. Тебе добро сделаю: скажу тебе, где твой Финист-Ясный Сокол живет. А и отыщешь ты его, трудно тебе будет: Финист-сокол теперь женился, он со своей хозяйкой живет. Трудно тебе будет, да сердце у тебя есть, а на сердце и разум придет, а от разума и трудное легким станет.

Марьюшка сказала в ответ:

— Благодарствую тебе, бабушка, — и поклонилась ей в землю.

— Благодарствовать мне после будешь. А вот тебе подарок — возьми от меня золотое пялечко да иголочку: ты пялечко держи, а иголочка сама вышивать будет. Ступай теперь, а что нужно будет делать тебе — пойдешь, сама узнаешь.

Клубочек далее не катился. Вышла на крыльцо старшая старуха и указала Марьюшке, в какую сторону ей надо идти.

Пошла Марьюшка, как была, босая. Подумала: «Как пойду? Земля здесь твердая, чужая, к ней привыкнуть нужно...»

Прошла она недолго времени. И видит — стоит на поляне богатый двор. А во дворе терем: крыльцо резное, оконца узорчатые. У одного оконца сидит богатая, знатная хозяйка и смотрит на Марьюшку: чего, дескать, ей надо.

Вспомнила Марьюшка: обуться ей теперь не во что и последний каменный хлеб она изглодала в дороге.

Сказала она хозяйке:

— Здравствуй, хозяйюшка! Не надобно ли вам работницу за хлеб, за одежду-обужу?

— Надобно, — отвечает знатная хозяйка. — А умеешь ли ты печи топить, и воду носить, и обед стряпать?

— Я у батюшки без матушки жила — я все умею.

— А умеешь ты прясть, ткать и вышивать?

Вспомнила Марьюшка о подарках старых бабушек.

— Умею, — говорит.

— Ступай тогда, — хозяйка говорит, — на кухню людскую.

Стала Марьюшка работать и служить на чужом богатом дворе. Руки у Марьюшки честные, усердные — всякое дело ладится у ней.

Хозяйка глядит на Марьюшку да радуется: не было еще у нее такой услужливой, да доброй, да смыпленной работницы; и хлеб Марьюшка ест простой, запивает его квасом, а чаю не просит. Похвалилась хозяйка своей дочери.

— Смотри, — говорит, — работница какая у нас во дворе: покорная да умелая и на лицо ласковая!

Посмотрела хозяйкина дочь на Марьюшку.

— Фу! — говорит. — Пусть она ласковая, а я зато краше ее, и я телом белее!

Вечером, как управилась с хозяйскими работами, села Марьюшка прясть. Села она на лавку, достала серебряное донце и золотое веретенце и прядет. Прядет она, из кудели нитка тянется — нитка не простая, а золотая. Прядет она, а сама глядит в серебряное донце, и чудится ей, что видит она там Финиста-Ясна Сокола: смотрит он на нее, как живой на свете. Глядит Марьюшка на него и разговаривает с ним:

— Финист мой, Финист-Ясный Сокол, зачем ты оставил меня одну, горькую, плакать по тебе? Это сестры мои, разлучницы, кровь твою пролили.

А хозяйкина дочь вопля в ту пору в людскую избу, стоит поодаль, глядит и слушает.

— О ком ты горюешь, девица? — спрашивает она. — И какая у тебя забава в руках?

Марьюшка говорит ей:

— Горюю я о Финисте-Ясном Соколе. А это я нить пряду, полотенце Финисту буду вышивать — было бы ему чем поутру белое лицо утирать.

— А продай мне свою забаву! — говорит хозяйкина дочь. — Ан Финист-то муж мой, я и сама ему нить спряду.

Посмотрела Марьюшка на хозяйкину дочь, остановила свое золотое веретенце и говорит:

— У меня забавы нету, у меня работа в руках. А серебряное донце-золотое веретенце не продается: мне добрая бабушка его подарила.

Обиделась хозяйкина дочь: не хотелось ей золотое веретенце из рук своих выпускать.

— Если не продается, — говорит, — давай тогда мену делать, я тебе тоже вещь подарю.

— Подари, — сказала Марьюшка, — дозвожь мне на Финиста-Ясна Сокола хоть раз одним глазком взглянуть! Хозяйка дочь подумала и согласилась.

— Изволь, девица, — говорит. — Давай мне твою забаву.

Взяла она у Марьюшки серебряное донце-золотое веретенце, а сама думает: «Покажу я ей Финиста не надолго, ничего с ним не станется — дам ему сонного зелья, а через это золотое веретенце мы с матушкой вовсе озолотимся!»

К ночи воротился из поднебесья Финист-Ясный Сокол; оборотился он в доброго молодца и сел ужинать в семействе: теща-хозяйка да Финист с женою.

Хозяйская дочь велела позвать Марьюшку: пусть она служит за столем и на Финиста глядит, как уговор был. Марьюшка явилась, служит она за столом, кушанья подает и с Финиста глаз не сводит. А Финист сидит, словно нету ее, — не узнал он Марьюшки: истомилась она путем-дорогою, идучи к нему, и от печали по нем изменилась в лице.

Отужинали хозяева, встал Финист, и пошел спать в свою горницу.

Марьюшка и говорит тогда молодой хозяйке:

— Мух во дворе много летает. Пойду-ка я к Финисту в горницу, буду от него мух отгонять, чтоб спать ему не мешали.

— А пусть ее идет! — сказала старая хозяйка.

Молодая хозяйка опять здесь подумала.

— Ан нет, — говорит, — пусть обождет.

А сама пошла вслед за мужем, дала ему на ночь сонного зелья выпить в питье и воротилась. «Может, — рассудила хозяйская дочь, — у работницы еще какая забава на такую мену есть!»

— Иди теперь, — сказала она Марьюшке. — Иди, мух от Финиста отгоняй!

Пришла Марьюшка к Финисту в горницу и позабыла про мух. Видит она: спит ее сердечный друг непробудным сном.

Смотрит на него Марьюшка — не насмотрится. На-

клонилась к нему близко, одним дыханьем с ним дышит, шепчет ему:

— Проснись, мой Финист-Ясный Сокол, это я к тебе пришла; я три пары башмаков железных истоптала, три посоха чугунных о дорогу истерла, три хлеба каменных изглодала!

А Финист спит непробудно, он глаз не открывает и не молвит слова в ответ.

Приходит в горницу жена Финиста — хозяйская дочь — и спрашивает:

— Отгоняла мух?

— Отгоняла, — Марюшка говорит, — они в окно улетели.

— Ну иди спать в людскую избу.

На другой день, как поделала Марьюшка всю хозяйскую работу, взяла она серебряное блюдечко и катает по нем золотым яичком: покатает вокруг — и новое золотое яичко скатывается с блюдечка; покатает другой раз вокруг — и опять новое золотое яичко скатывается с блюдечка.

Увидела хозяйская дочь.

— Ужели, — говорит, — и такая забава есть у тебя? Продай мне ее, либо я тебе мену, какую хочешь, дам за нее.

Марьюшка говорит ей в ответ:

— Продать не могу, мне добрая бабушка это в подарок дала, и я тебе даром блюдечко с яичком отдам. На-ко, возьми!

Взяла подарок хозяйская дочь и обрадовалась:

— А может, и тебе что нужно, Марьюшка? Проси, чего хочешь?

Марьюшка и просит в ответ:

— А мне самое малое и нужно. Дозволь опять от Финиста мух отгонять, когда ты почивать его уложишь.

— Изволь, — говорит молодая хозяйка.

А сама думает: «Чего с мужем станется от поглядки чужой девицы! Да и спать он будет от зелья, глаз не откроет, а у работницы, может, еще какая забава есть!»

К ночи опять, как было, воротился Финист-Ясный Сокол из поднебесья, оборотился он в доброго молодца и сел за стол ужинать со своим семейством.

Жена Финиста позвала Марьюшку прислуживать за столом, кушанья подавать. Марьюшка кушанья подает, чашки ставит, ложки кладет, а сама глаз с Финиста не

сводит. А Финист глядит и не видит ее — не узнает ее его сердце.

Опять, как было, дала хозяйская дочь своему мужу питье с сонным зельем и спать его уложила. А работницу Марьюшку послала к нему и велела ей мух отгонять.

Пришла Марьюшка к Финисту, стала звать его и плакать над ним, думала — нынче он пробудится, взглянет на нее и узнает Марьюшку. Долго звала его Марьюшка и слезы со своего лица утирала, чтоб они не упали на белое лицо Финиста и не смочили его. А Финист спал, он не пробудился и глаз своих не открыл в ответ.

На третий день Марьюшка справила всю хозяйскую работу, села на лавку в людской избе, вынула золотое пялечко и иголочку. Держит она в руках золотое пялечко, а иголочка сама по полотну вышивает.

Вышивает Марьюшка, сама приговаривает:

— Вышивайся, вышивайся, мой красный узор, вышивайся для Финиста-Ясна Сокола, было бы ему на что любоваться!

Молодая хозяйка неподалеку ходила-была; пришла она в людскую избу, увидела в руках Марьюшки золотое пялечко и иголочку, что сама вышивает. Зашлось у нее сердце завистью и алчностью, и говорит она:

— Ой, Марьюшка, душенька, красная девица! Подари мне такую забаву, либо что хочешь в обмен возьми! Золотое веретенце есть у меня, пряжи я напяду, холстины натку, а золотого пялечка с иголочкой у меня нету — вышивать нечем. Если в обмен не хочешь отдавать, тогда продай! Я цену тебе дам!

— Нельзя! — говорит Марьюшка. — Нельзя золотое пялечко с иголочкой ни продавать, ни в обмен давать. Их мне самая добрая, самая старая бабушка даром дала. И я тебе их даром отдам.

Взяла молодая хозяйка пялечко с иголочкой, а Марьюшке ей дать нечего, она и говорит:

— Приходи, коли хочешь, от мужа моего, Финиста, мух отгонять. Прежде ты сама просилась.

— Приду уж, так и быть, — сказала Марьюшка.

После ужина молодая хозяйка сначала не хотела давать Финисту сонного зелья, а потом раздумалась и добавила того зелья в питье: «Чего ему глядеть на девицу, пусть спит!»

Пошла Марьюшка в горницу к спящему Финисту.

Уже не стерпело ее сердце. Припала она к его белой груди и причитает:

— Проснись-пробудись, Финист мой, Ясный мой Сокол! Я всю землю пешей прошла, к тебе идучи! Три посоха чугунных уморились со мной и о землю истерлись, три пары башмаков железных ноги мои износили, три хлеба каменных я изглодала. Встань-проснись, Финист мой, Сокол! Сжался ты надо мной!

А Финист спит, ничего не чувствует, и не слышит он голоса Марьюшки.

Долго марьюшка будила Финиста, долго плакала над ним, а не проснулся Финист — крепко было зелье жены. Да упала одна горячая слеза Марьюшки на грудь Финиста, а другая слеза упала на его лицо. Одна слеза обожгла сердце Финиста, а другая открыла ему глаза, и он в ту же минуту проснулся.

— Ах, — говорит, — что меня обожгло?

— Финист мой, Ясный Сокол! — отвечает ему Марьюшка. — Пробудись ко мне, это я пришла! Долго-долго я искала тебя, железно и чугун я о землю истерла. Не стерпели они дороги к тебе, а я стерпела! Третью ночь я зову тебя, а ты спишь, ты не пробуждаешься, ты на голос мой не отвечаешь!

И тут узнал Финист-Ясный Сокол свою Марьюшку, красную девицу. И так обрадовался ей, что от радости сперва слова молвить не мог. Прижал он Марьюшку к груди своей белой и поцеловал.

А очнувшись, привыкши, что Марьюшка с ним, он сказала ей:

— Будь ты моей сизой голубкой, моя верная красная девица!

И в ту же минуту обратился он в сокола, а Марьюшка — в голубку.

Улетели они в ночное поднебесье и всю ночь летели рядом, до самого рассвета.

А когда они летели, Марьюшка спросила:

— Сокол, сокол, а куда ты летишь, ведь жена твоя соскучится!

Финист-сокол послушал ее и ответил:

— Я к тебе лечу, красная девица. А кто мужа меняет на веретенце, на блюдечко да на иголку, той жене мужа не надо и та жена не соскучится.

— А чего же ты женился на такой жене? — спросила Марьюшка. — Воли твоей не было?

— Воля моя была, да судьбы и любви не было.

И они полетели далее рядом друг с другом.

А на рассвете опустились они на землю. Поглядела Марьюшка вокруг; видит она — дом ее родителя стоит, как прежде был. Захотела Марьюшка увидеть отца — родителя, и тут же обратилась она в красную девицу. А Финист-Ясный Сокол ударился о сыру землю и сделался перышком.

Взяла Марьюшка перышко, спрятала его к себе на грудь, за пазуху, и пришла к отцу.

— Здравствуй, дочь моя меньшая, любимая! Я думал, что тебя и на свете нету. Спасибо, что отца не забыла, домой воротилась. Где была так долго, чего домой не спешила?

— Прости меня, батюшка. Так нужно мне было.

— Что ж, нужно так нужно. Спасибо, что нужда прошла.

А случилось это на праздник, и в городе большая ярмарка открылась. Собрался наутро отец на ярмарку ехать, и старшие дочери с ним едут — подарки себе покупать.

Отец и меньшую позвал, Марьюшку.

А Марьюшка:

— Батюшка, — говорит, — я с дороги притомилась, и надеть мне на себя нечего. На ярмарке, чай, все нарядные будут.

— Я там тебя, Марьюшка, обряжу, — отвечает отец. — На ярмарке, чай, торг большой.

А старшие сестры говорят младшей:

— Надень наши уборы, у нас лишние есть.

— Ах, сестрицы, спасибо вам! — говорит Марьюшка. — Мне ваши платья не по кости! Да мне и дома хорошо.

— Ну, быть по-твоему, — говорит ей отец. — А что тебе с ярмарки привезти, какой подарок? Скажи, отца не обижай!

— Ах, батюшка, ничего мне не надобно, все у меня есть! Недаром я далеко ходила и в дороге утомилась.

Отец со старшими сестрами уехал на ярмарку. В ту же пору Марьюшка вынула свое перышко. Оно ударилось об пол и сделалось прекрасным добрым молодцем, Финистом, только еще прекраснее, чем он был прежде. Марьюшка удивилась да от счастья своего ничего не сказала. Тогда сказал ей Финист:

— Не дивись на меня, Марьюшка, это я от твоей любви таким стал.

— Я хоть и дивлюсь, — сказала Марьюшка, — да для меня ты всегда одинаков, я тебя всякого люблю.

— А где родитель твой батюшка?

— На ярмарку уехал, и сестры с ним старшие.

— А ты чего, Марьюшка моя, не поехала с ними?

— У меня Финист есть, Ясный Сокол. Мне ничего на ярмарке не надо.

— И мне ничего не надо, — сказал Финист, — да я от твоей любви богатым стал.

Обернулся Финист от Марьюшки, свистнул в окошко — сейчас явились платья, уборы и карета золотая. Нарядились они, сели в карету, кони помчали их вихрем.

Приехали они в город на ярмарку, а ярмарка только открылась, все богатые товары и яства горою лежат, а покупатели едут в дороге.

Финист купил на ярмарке все товары, все яства, что были там, велел их обозами везти в деревню к родителю Марьюшки. Одну только мазь колесную он не купил, а оставил ее на ярмарке.

Он хотел, чтобы все крестьяне, какие приедут на ярмарку, стали гостями на его свадьбе и скорее ехали к нему. А для скорой езды им мазь нужна будет.

Поехали Финист с Марьюшкой домой. Едут они быстро, лошадям воздуха от ветра не хватает.

На половине дороги увидела Марьюшка своего батюшку и старших сестер. Они еще на ярмарку ехали и не доехали. Марьюшка велела им ворочаться ко двору, на свадьбу ее с Финистом-Ясным Соколом.

А через три дня собрался в гости весь народ, что жил на сто верст в округе; обвенчался тогда Финист с Марьюшкой, и свадьба была богатая.

На этой свадьбе дедушки наши и бабушки были, долго они пировали, жениха и невесту величали, с лета до зимы не разошлись бы, да настала пора убирать урожай, хлеб осыпаться начал; оттого и свадьба кончилась и на пиру гостей не осталось.

Свадьба кончилась, и свадебный пир гости позабыли, а верное любящее сердце Марьюшки навсегда запомнилось в русской земле.

СОДЕРЖАНИЕ

Русская литературная сказка *Е. А. Самоделова*. 5

Сказки писателей XIX века

Александр Сергеевич Пушкин

Жених 36
Сказка о рыбаке и рыбке 41

Василий Андреевич Жуковский

Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче,
о хитрости Кощея Бессмертного и о премудрости
Марьи-царевны, Кощеевой дочери 47
Спящая царевна 63
Кот в сапогах 71
Мальчик-с-пальчик 77

Антоний Погорельский

Черная курица, или Подземные жители 80

Николай Михайлович Языков

Сказка о пастухе и диком вепре 109

Михаил Юрьевич Лермонтов

Ашик-Кериб (*Турецкая сказка*) 115

Сергей Тимофеевич Аксаков

Аленький цветочек. *Сказка ключницы Пелагеи* 123

Владимир Иванович Даль

Девочка Снегурочка 145
У тебя у самого свой ум 148
Про мышью зубастую да про воробья богатого 149
Сказка о Иване Молодом Сержанте, Удалой Голове,
без роду, без племени, спроста без прозвища 153

Владимир Федорович Одоевский

Мороз Иванович 169
Городок в табакерке 177

Петр Павлович Ершов

Конек-горбунок 184

Константин Дмитриевич Ушинский

Орел и ворона 246
Лиса и козел 248
Петух да собака . . . . . —

Плутиска кот	249
Слепая лошадь	251

Михаил Ларионович Михайлов

Лесные хоромы	255
Два Мороза	257

Иван Сергеевич Тургенев

Капля жизни	260
Самознайка	262

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил	270
---	-----

Николай Семенович Лесков

Маланья — голова баранья	278
------------------------------------	-----

Всеволод Михайлович Гаршин

Лягушка-путешественница	285
Attalea princeps	290

Николай Георгиевич Гарин-Михайловский

Из книги «Корейские сказки»

Знаем!	298
Чапоги	299

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Сказка про храброго Зайца — длинные уши, косые глаза, короткий хвост	301
Сказочка про Козявочку	303
Сказка про Комара Комаровича — длинный нос и про Мохнатого Мишу — короткий хвост	306
Ванькины именины	310
Серая Шейка	317

Лев Николаевич Толстой

Три медведя	326
Липунюшка	329
Девочка и разбойники	331
Два брата	—
Как мужик гусей делил	333

Сказки писателей XX века

Константин Дмитриевич Бальмонт

Из книги «Фейные сказки»

Наряды Феи	337
Прогулка Феи	—
Фея за делом	338
Решение Феи	339
Волк Феи	340
Родник	341

Капли смолы	341
Анютины глазки	—
Бабочка	342
Седой одуванчик	—
Русалочка	343
Алексей Михайлович Ремизов	
<i>Из книги «Посолонь»</i>	
Зайчик Иваныч	344
<i>Из книги «Докука и балагурье»</i>	
Чаемый гость	352
Лев-зверь	353
Судьба	355
Дар	360
Солдат-охотник	362
Вор Мамыка	368
Магнит-камень	375
<i>Из книги «Русские женщины»</i>	
Желанная	379
Хитрая	382
Хлебный голос	384
<i>Из книги «Николины притчи»</i>	
Николин дар	385
Каленые червонцы	389
Заря перегорелая	391
Степан Григорьевич Писахов	
Не любо — не слушай	392
Северно сияние	394
Собака Розка	395
Яблоней цвел	396
Сплю у моря	400
Алексей Николаевич Толстой	
<i>Из книги «Русалочки сказки»</i>	
Русалка	402
Иван да Марья	406
Кикимора	410
Соломенный жених	412
Странник и змей	415
<i>Из книги «Сорочьи сказки»</i>	
Сорока	417
Козел	418
Еж	419
Зяц	—
Мудрец	420
Грибы	421
Рачья свадьба	423
Муравей	424
Мерин	425
Маша и мышки	426

Синица	428
<i>Из книги «Сказки и рассказы для детей»</i>	
Жар-птица	436
<i>Из книги «Русские народные сказки»</i>	
Предисловие	440
Волк и козлята	441
Терёшечка	443
Сказка о молодильных яблоках и живой воде	446
Борис Викторович Шергин	
<i>Из книги «Поморские сказки»</i>	
Дивный гудочек	459
Судное дело Ерша с Лещом	462
<i>Сказки о Шише</i>	
Доход не живет без хлопот	467
Шиш и трактирщица	472
Шиш показывает барину нужду	473
Рифмы	474
Андрей Платонович Платонов	
Иван-чудо	476
Волшебное кольцо	490
Умная внучка	503
Финист-Ясный Сокол	508

Учебное издание

Русские сказки писателей XIX и XX в.

Составитель *Тамара Петровна Казымова*

Редактор *А. П. Грачев*

Художественно-технический редактор *Н. Д. Горбунова*

ИБ № 80

ЛР № 010513 от 15.04.92

Сдано в набор 10.04.95. Подп. в печ. 27.11.95. Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага офс. Гарнитура Таймс. Печать офс.

Усл. печ. л. 27,72. Уч.-изд. л. 28,81. Тираж 30 000 экз.

С 103. Заказ № 57519.

Издательство «Школа-Пресс». 103051, Москва, Цветной б-р, 21/2.

Оригинал-макет изготовлен фирмой «МИВАС».

Отпечатано в типографии АО «Молодая гвардия».

103030, Москва, Сушеская, 21.

